ISSN 2075-1613

Ученые записки

УО "ВГУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 24

ВИТЕБСК 2017

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

Ученые записки
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2017 • Том 24

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 19.10.2017 г.

Редакционная коллегия:
А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, Е.Ю. Муратова, И.П. Зайцева, С.В. Николаенко, И.В. Мандрик, А.В. Русецкий, О.В. Лапатинская, Э.И. Рудковский, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, С.А. Моторов, И.В. Николаева

Редакционный совет:
София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада), Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия), В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Ященко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – Т. 24. – 200 с.

В54

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Беи-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2017

Оглавление

История

Мандрык І.У. БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: цяжкія вынікі з-за гітлераўскай акупацыі і складанасці ў ходзе аднаўлення гаспадарчага комплексу (на прыкладзе Віцебскай вобласці) 5

Елизаров С.А. Политические кампании как основная форма борьбы с должностными преступлениями в БССР 1920-х гг. 17

Рубо О.П. Политика Европейского союза в отношении Китая (2011–2016 гг.) 22

Яковлева Г.Н. Витебский еврейский педагогический техникум в 1920-е годы 28

Моторова Н.С. Организация продовольственной помощи городскому населению белорусских губерний (1861–1914 гг.) 42

Огородников А.А. Нацистская оккупационная политика и ее последствия для экономической инфраструктуры и социальной сферы Полоцка (1941–1944 гг.) 46

Мининков Н.А. Иностранные источники о Разинском восстании в публикациях А.Г. Манькова 51

Дзмітрук А.П. Арганізацыя самакіравання ў заходнебеларускіх гарадах і мястэчках міжваеннай Рэчы Паспалітай Польшчы 55

Тимофеев Р.В. Подготовка кадров для транспорта Белорусской ССР в 1944–1991 гг. 61

Подберезных И.Е. Американо-китайские отношения в контексте региональной политики Юго-Восточной Азии 68

Косов А.П. Постсоветское пространство в российско-американских отношениях в 1990-е гг. 77

Философия

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. Грани исторической ответственности 85

Цыбульскі М.Л. Мастацкасць як філасофска-эстэтычная праблема і яе крытэрыі ў выяўленчым мастацтве XX стагоддзя 91

Одиноченко В.А. Десекуляризация в современной Беларуси: проблемный аспект 98

Колядко И.Н. Ценностно-нормативные основания социокультурного развития современных обществ в условиях кризиса и глобальной нестабильности 104

Филология

Русілка В.І., Уткевіч В.І. Мастацкая актуалізацыя асноў духоўнасці: кніга перастварэнняў “Францыск Скарына. Маем найбольшае самі” Алеся Разанава 113

Букотина-Исупова Е.Н. Мифопоэтический образ Москвы в произведениях Алексея Ремизова (роман «Пруд», рассказ «Петушок») 119

Храбан Т.Е. Дискурсивный анализ распространения ложной информации в социальных сетях 127

Романова С.В. Русскоязычная проза Беларуси конца XX – начала XXI в.: проблемы поэтики и типологии жанра 133

Дулова Ю.В. Семантические особенности артионимии Белорусского Поозерья: проблема типологии 137

Гурская Я.А. Образ белоруса в романе Надежды Ланской «Обрусители» 143

Гладкова Г.А. Спецыфіка выкарыстання алюзій і цытат у аповесці Т.Т. Ежа “Другая Божая запаведзь” 148

Навасельцава Г.В. Дынаміка «вытворчага» рамана ў беларускай прозе 1950-х – пачатку 1960-х гадоў 152

Бураго Д.С. Мемуарный жанр: генезис и проблемы изучения 159

Чалова О.Н. Стратегии и тактики научного дискурса 165

Виниченко В.В. Проблема слова и коммуникации в прозе Н. Баршева: возможные контексты 171

Чекулаева А.С. Стадиальный процесс образования цветолексем в русском и китайском языках 177

Бекреева Ю.В. Системно-функциональные особенности субъектных динамических глаголов 181

Салимова Ф.Г. Изучение сложного синтаксического целого на материале эпосов «Песнь о Нибелунгах» и «Книга моего деда Коркута» 186

Ратько М.А. Структура коннотации в публицистических дискурсах английского и русского языков 190

Рецензия 196

Contents

History

Mandrik I.V. The BSSR in the First Post-War Decade: Hardships Due to Hitler Occupation and during the Renovation of the Economy (in Vitebsk Region) 5

Elizarov S.A. Political Campaigns as a Basic Form of Combating White Collar Crimes in the BSSR of the 1920s 17

Rubo O.P. The European Union's China Policy (2011–2016) 22

Yakovleva G.N. Vitebsk Jewish Pedagogical School in the 1920-s 28

Motorova N.S. Organization of Food Aid to the Urban Population of the Belarusian Provinces (1861–1914) 42

Ogorodnikov A.A. Nazi Occupational Policy and its Consequences for the Economic Infrastructure and Social Sphere of Polotsk (1941–1944) 46

Mininkov N.A. Foreign Sources about the Razin Uprising in the Publications of A.G. Mankov ... 51

Dzmitruk A.P. Organization of Self-Government in Western Belarusian Towns and Settlements of the Interwar Rzeczpospolita Poland 55

Timofeyev R.V. Training Transport Staff of the Belorussian SSR in 1944–1991 61

Podbereznykh I.E. U.S. – China Relations in the Context of South-East Regional Policy 68

Kosov A.P. Post-Soviet Space in Russian-American Relations in the 1990-s 77

Philosophy

Krivonosova E.E., Rudkovski E.I. Facets of Historical Responsibility 85

Tsybulski M.L. Artistry as a Philosophic and Aesthetic Issue and its Criteria in the XX Century Fine Arts 91

Adzinochanka V.A. Desecularization in Modern Belarus: the Problematic Aspect 98

Kolyadko I.N. Value and Normative Bases of Social and Cultural Development of Modern Societies in the Conditions of Crisis and Global Instability 104

Philology

Rusilka V.I., Utkevich V.I. Artistic Actualization of Spiritual Bases: Book of Recreations "Francysk Skorina. We Have the Most" by Ales Razanau 113

Bukotina-Isupova E.N. The Mythical and Poetic Image of Moscow in Works of Alexei Remizov (Novel «Pond», Story «Cockerel») 119

Khraban T.E. Discourse Analysis of the Dissemination of Fake Information in Social Networks ... 127

Romanova S.V. The Russian Language Prose of the Late XX – Early XXI Centuries Belarus: Issues of Poetics and Genre Typology 133

Dulava Yu.U. Semantic Features of the Artionymy of Belarusian Poozerye (Lake District): the Problem of Typology 137

Gurskaya Ya.A. Image of the Belarusian in the Novel Obrusiteli by Nadezda Lanskaya 143

Gladkova G.A. Specificity of Application of Allusions and Quotations in T.T. Yezh's Novel "Second God's Commandment" 148

Navaseltsava G.V. Dynamics of the «Manufacture» Novel in the 1950-s – Early 1960-s Belarusian Prose 152

Burago D.S. Memoir Literature: Problems of Studying and Genesis 159

Chalova O.N. Strategies and Tactics of Scientific Discourse 165

Vinichenko V.V. The Verbal and Communication Problem in N. Barshev's Prose: Possible Contexts 171

Chekulayeva A.S. Stage Process of Colour Lexeme Formation in Russian and Chinese 177

Bekreyeva Y.V. System and Functional Features of Subject Dynamic Verbs 181

Salimova F.G. The Study of the Complex Syntactic Whole on the Basis of Eposes «The Song of the Nibelungs» and «My Granddad Korkut's Book» 186

Ratsko M.A. Structure of Connotation in Journalist Discourses of the English and Russian Languages 190

Review 196

ИСТОРИЯ

УДК 94(476.5)“1944/1955”:332.122

БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе: цяжкія вынікі з-за гітлераўскай акупацыі і складанасці ў ходзе аднаўлення гаспадарчага комплексу (на прыкладзе Віцебскай вобласці)

Мандрык І.У.
Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэтімя П.М. Машэрава”, Віцебск

Комплексна аналізуюцца асобныя аспекты сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця рэспублікі ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе. На аснове дакументальных крыніц у артыкуле даказваецца, што змучаны вайной беларускі народ праявіў моцную волю, знайшоў у сябе сілы для таго, каб у кароткі тэрмін залячыць надзвычай глыбокія раны, нанесеныя гітлераўскай Германіяй. Большасць грамадзян Беларусі працавала актыўна, з вялікім напружаннем, часам без разліку на ўзнагароды і матэрыяльнае заахвочванне.

Мэта працы – выявіць і паказаць асаблівасці эканамічнага, сацыяльнага, палітычнага і культурнага развіцця Беларусі на этапе 1944–1955 гг.

***Матэрыял і метады.** У артыкуле ўжыты архіўныя дакументы, зборнікі законаў і ўказаў, пастаноў партыйных і дзяржаўных арганізацый, шматлікія публікацыі гістарыяграфічнага і краязнаўчага значэння. Пры даследаванні тэмы прымяняліся гістарычны, сістэмны, лагічны, параўнальны і праблемны метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Перавод беларускай эканомікі на рэйкі мірнага развіцця, які пачаўся з верасня 1943 г., вызначаўся складанасцямі. Пасляваенная прамысловасць, сельская гаспадарка былі адкінуты ў стан сярэдзіны 1920-х гг., а ўзровень жыцця насельніцтва (забяспечанасць харчаваннем, вопраткай, абуткам, медыцынскай дапамогай, магчымасці матэрыяльнай базы культуры) без перабольшвання – у пачатак аднаўлення пасля грамадзянскай вайны. Грамадства ўсё яшчэ адчувала псіхалагічнае напружанне. Не сціхаў боль аб загінуўшых, пакалечаных і прапаўшых без вестак людзей. Вайна пакінула на Беларусі сотні тысяч інвалідаў, загубіла многія сем'і. Вялікія ахвяры, нанесеныя вайной, стварылі ў краіне неспрыяльную дэмаграфічную сітуацыю доўгатэрміновага характару. Асабліва заўважалася скарачэнне мужчынскага насельніцтва. Вынікам гэтага стала рэзкае зніжэнне нараджальнасці.*

Паўсядзённае жыццё беларусаў у гэты час характарызавалася і негатыўнымі праявамі, якія засталіся з 1930-х гадоў. Замінала пераходу да дэмакратычных зносін у грамадстве палітычнае кіраўніцтва краіны на чале з І. Сталіным.

Аднак з наступленнем мірнага часу ў насельніцтва Беларусі было імкненне найхутчэй залячыць цяжкія раны вайны. З першых дзён вызвалення ў рабочых і сялян мелася высокая асабістая адказнасць за адраджэнне дзяржавы.

***Заключэнне.** Разбураная акупантамі ў час вайны гаспадарка БССР знаходзілася ў такім стане, што для яе аднаўлення патрэбны былі велізарныя выдаткі і шматгадовая ўпартая штодзённая праца насельніцтва. Складаным і цяжкім быў пераход да мірнага жыцця. Але аднаўленне гаспадаркі вялося з нябачнымі раней маштабамі будаўніцтва. Развіццё прамысловасці ў Беларусі ў пасляваенны час адбывалася на больш высокай тэхнічнай аснове, ішло хуткімі тэмпамі, якія значна перавышалі даваенныя. Павелічэнне капітальных укладанняў у развіццё сельскай гаспадаркі, пашырэнне самастойнасці калгасных гаспадарак развязалі ініцыятыву для больш рацыянальнага вядзення гэтай важнай галіны. З 1953 да 1958 года развіццё сельскай гаспадаркі краіны імкліва рухалася наперад, адбываўся значны рост вырабу сельскагаспадарчай прадукцыі, але істотныя недахопы ў арганізацыі працы ў калгаснай вытворчасці не дазволілі ў далейшым атрымаць тут запатрабаванай эфектыўнасці. Пасляваенная вёска чакала далейшых змен у аграрнай палітыцы і стылі кіраўніцтва калгасамі і саўгасамі.*

***Ключавыя словы:** аднаўленне гаспадаркі, вытворчая і грамадская актыўнасць, узровень жыцця, індустрыяльнае развіццё, перадавікі і наватары вытворчасці, дэмаграфія.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 5–16)

The BSSR in the First Post-War Decade: Hardships Due to Hitler Occupation and during the Renovation of the Economy (in Vitebsk Region)

Mandrik I.V.
Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Some aspects of the social and economic as well as the political development of the Republic in the first post-war decade are analyzed in a complex way. On the basis of documentary sources it is proven that the exhausted by war Belarusian people

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – **І.У. Мандрык**

manifested a strong will, found strength in itself to cure deep wounds caused by Hitler Germany occupation in the shortest possible time. Most Belarusian people worked actively and hard, often without waiting for awards and material interest.

The purpose of the work is to find out and expose peculiarities of the economic, social, political and cultural development of Belarus between 1944 and 1955.

***Material and methods.** Archival documents, collections of laws and decrees of the Party and state bodies, various publications of history and culture studies significance are used in the article. The historical, system, logical, comparative and problem methods are applied in the research.*

***Findings and their discussion.** The transformation of Belarusian economy into peaceful development, which started in September 1943, was accompanied by hardships. The post-war industry and agriculture were taken back to the state of the 1920-s, while the standard of living (provision with foodstuff, clothes, footwear, medical service, material state of culture) – into the starting period of the revival after the Civil War. Society still felt psychological stress. There was still pain about those who had died, had been wounded or lost. Hundreds of thousands of the disabled stayed after the war, lots of families disappeared. Great losses caused by the war resulted in a long term unfavorable demographic situation. Especially significant was the shortage of male population. This resulted in a great decrease in childbirth.*

Everyday life of Belarusians at that time was also characterized by negative phenomena which stayed from the 1930-s. Transition to democratic relations in society was blocked by Stalin's political leadership in the country.

However, with the advent of peaceful time the population of Belarus strived to quickly cure bad wounds of the war. Since the first liberation days workers and peasants had high personal responsibility for the revival of the country.

***Conclusion.** The BSSR economy destroyed by occupants was in such a condition that to revive it great advances and many years of everyday hard work of the population were necessary. Transition to peaceful life was complicated. However, revival of the economy went at unprecedented rate. The post-war industry in Belarus developed on a higher technological base, at a faster rate, which exceeded the pre-war one. Increase in capital investments into agriculture, wider independence of kolkhoz farms stimulated the initiative for a more efficient management of this branch of economy. From 1953 to 1958 the development of the country's agriculture was very fast, agricultural products were increasingly manufactured but significant drawbacks in the organization of labor on kolkhoz farms didn't make it possible for them to be efficient. The post-war village was waiting for further changes both in agrarian policy and in the style of kolkhoz and sovkhoz management.*

***Key words:** revival of the economy, production and public activity, standard of life, industrial development, top workers, demography.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 5–16)

З часу вызвалення тэрыторыі ад нямецка-фашысцкіх акупантаў беларускі народ чакала нялёгкая паласа ў аднаўленні і развіцці сваёй гаспадаркі. За гады Вялікай Айчыннай вайны Беларусь страціла больш за 50% свайго нацыянальнага багацця. 209 гарадоў і раённых цэнтраў (з 270), 9200 вёсак было разбурана і спалена. У Беларусі заставалася 5% даваенных энергетычных магутнасцей. Разбурана больш за 10 тыс. прамысловых прадпрыемстваў, 90% станочнага парку, поўнасцю знішчана маёмасць калгасаў і саўгасаў, знізілася пагалоўе буйной рагатай жывёлы. У запусценне прыйшоў больш за 1 млн га ворных земляў. Разбураны меліярацыйныя збудаванні, МТС, 420996 дамоў калгаснікаў. На 40% скараціліся пасяўныя плошчы, без даху над галавой засталося амаль 3 млн чал. Пры новым падліку рэспубліка страціла кожнага трэцяга жыхара, 380 тыс. чалавек дэпарціравана на прымусовыя работы ў Германію, адкуль шмат людзей не вярнулася на радзіму. Рабочых і служачых у 1945 г. у параўнанні з 1940 г. у Беларусі засталося 46,5%.

Пасля вызвалення ў рэспубліцы налічвалася 60 тыс. дзяцей-сірот. Цалкам было знішчана 6177 і часткова 2648 школьных памяшканняў, 24 навуковыя ўстановы, 200 бібліятэк, 4756 тэатраў і клубаў, 1377 бальніц і амбулаторый, 2188 дзіцячых устаноў.

Мэта працы – выявіць і паказаць асаблівасці эканамічнага, сацыяльнага, палітычнага і культурнага развіцця Беларусі на этапе 1944–1955 гг.

Матэрыял і метады. У артыкуле ўжыты архіўныя дакументы, зборнікі законаў і ўказаў, пастаноў партыйных і дзяржаўных арганізацый, шматлікія публікацыі гістарыяграфічнага і краязнаўчага значэння. Пры даследаванні тэмы прымяняліся гістарычны, сістэмны, лагічны, параўнальны і праблемны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Нельга пералічыць усё, што спалена, разбурана, разрабавана, вывезена ў Германію з Беларусі акупантамі за гады вайны, але магчыма адзначыць, што пасляваенная прамысловасць рэспублікі адкінута ў стан сярэдзіны 1920-х гг., а ўзровень жыцця насельніцтва (забяспечанасць харчаваннем, вопраткай, абуткам, медыцынскай дапамогай, магчымасці матэрыяльнай базы культуры) без перабольшвання – у пачатак аднаўлення пасля грамадзянскай вайны.

Агульныя матэрыяльныя страты БССР дасягалі 75 млрд рублёў, гэта ў 35 разоў больш за дзяржаўны бюджэт рэспублікі 1940 г. Рабочых і служачых у 1945 г. засталося ад 1940 г. 46,5%.

На Віцебшчыне з 213 дзеючых да вайны прадпрыемстваў саюзнага і рэспубліканскага падпарадкавання працавала толькі 2, з 8695 прадпрыемстваў рэспубліканскага і абласнога – 98. Пасяўныя плошчы складалі ў час уборачнай

1944 г. не больш за 25% даваенных. Ад 620209 кв. м жылой плошчы ў вобласці пасля вызвалення заставалася каля 75 тыс. кв. м [1].

У Полацку за гады вайны нямецка-фашысцкія захопнікі разбурылі і знішчылі гарадскую гаспадарку амаль на 90% [2].

З 628 населеных пунктаў Беларусі, спаленых разам з людзьмі, 221 знаходзіўся на Віцебшчыне. Амаль 70 тысяч жыхароў вобласці было сагнана ў Нямеччыну.

Па дадзеных пагаспадарчых кніг уліку сельскага насельніцтва (улік праведзены згодна з рашэннем СНК БССР ад 27 лістапада 1944 г.), у Віцебскай вобласці на 1 студзеня 1945 г. ад 701,4 тыс. чалавек сельскага насельніцтва даваеннага часу (па уліку 1939 г.) засталося 433,8 тыс. (61,8%). У Полацкай вобласці страты сельскага насельніцтва па ўсходніх раёнах склалі 48,7% [3].

Самае высокае скарачэнне насельніцтва адзначана ў гарадах: у Віцебску ад 167299 жыхароў даваеннага часу на 1 жніўня 1944 г. налічвалася 15225, у Оршы – ад 35578 – 6583, у Полацку – ад 29577 – 2364. Пераправерка страт беларускага насельніцтва, праведзеная ў сярэдзіне 1980-х гг., паказала, што загінуўшых мірных жыхароў, партызан, якія не вярнуліся з Германіі, было значна больш, чым гэта ўказвалася адразу пасля вызвалення. Як прыклад, у Талачынскім раёне Надзвычайная Дзяржаўная Камісія пры першым падліку паказала 2,5 тыс. загінуўшых, пры больш дасканалай пераправерцы іх аказалася каля 10 тыс. [4].

Лячэбная сетка аховы здароўя знішчана фашыстамі ў гарадах Віцебскай вобласці на 75%, у раёнах – на 85%. Да вайны ў вобласці дзейнічала 1765 школ, 5 ВНУ і 30 тэхнікумаў. У час вайны матэрыяльна-тэхнічная база ўстаноў адукацыі была амаль поўнасцю разбурана [1, с. 1–4].

За час "гаспадарання" фашыстаў на тэрыторыі Віцебскай вобласці забітыя, замардаваныя, спаленыя сотні тысяч яе жыхароў. У Гарадоцкім раёне такі лёс напаткаў больш за 6000 мірных жыхароў. Акупанты закатавалі ўсё яўрэйскае насельніцтва, што пражывала ў межах раёна [5].

Складаным і цяжкім быў пераход да мірнага будаўніцтва. Але аднаўленне гаспадаркі вялося з вялікім напружаннем сіл і велізарным уздымам, патрыятычным энтузіязмам насельніцтва. Аднаўленчыя работы пачаліся практычна разам з вызваленнем. Ужо 27 снежня 1943 г. ЦК УКП(б) і СНК СССР прынялі пастанову "Аб аказанні дапамогі вызваленым раёнам Віцебскай, Магілёўскай, Гомельскай і Палескай абласцей БССР па аднаўленні МТС і калгасаў", а 1 студзеня 1944 г. – "Аб бліжэйшых задачах Саўнаркома БССР і ЦК КП(б) Беларусі". Дзве гэтыя пастановы арыентавалі мясцовыя ўлады наладзіць аднаўленне народнай гаспадаркі рэспублікі на планамернай, але паскоранай аснове.

Згодна з гэтымі рашэннямі рэспубліка атрымала з саюзнага бюджэту на 1944–1945 гг. 1,7 млрд руб. сродкаў (гэта гадавы бюджэт БССР 1940 г.). У першую чаргу, як прадпісвалася пастановамі, беларускае кіраўніцтва павінна было тэрмінова разгарнуць неабходную палітычную, арганізацыйную і гаспадарчую работу па аднаўленні калгасаў з тым, каб веснавую сяўбу 1944 г. правесці калгаснымі гаспадаркамі.

Мясцовыя ўлады падпарадкаваліся ўказанням вышэйшых органаў кіравання. На Віцебшчыне ў Лёзненскім раёне ў 1943 г. на вызваленай ад акупацыйных войскаў тэрыторыі да пачатку снежня гэтага года ўзнавілі работу 96 калгасаў, у Дубровенскім раёне ў гэты час адноўлена 46 калгасаў, праведзены выбары іх праўленняў, падабраны брыгадныя кіраўнікі [6]. Для ўзнаўлення калгасаў накіраваны камуністы і камсамольцы з ліку партызан, якія выйшлі на злучэнне з часцямі Чырвонай Арміі.

У пачатку ліпеня 1944 г. бюро Віцебскага абкама КП(б)Б прыняла пастанову "Аб правядзенні работ па размініраванні і збору трафейнай і айчыннай ваеннай маёмасці ў вызваленых ад нямецкай акупацыі гарадах і раёнах". Згодна з пастановай для размініравання палеткаў, прамысловых аб'ектаў, жылога фонду ва ўсіх раёнах вобласці з ліку рабочых, служачых, калгаснікаў і навучэнцаў (ва ўзросце не маладзей за 15 год) створаны спецыяльныя каманды мінёраў (50–100 чалавек), арганізавана іх спецыяльная падрыхтоўка, наладжаны кантроль за захаваннем тэхнікі бяспекі ў час працы [7]. Побач з мужчынамі гэтай небяспечнай працай займаліся жанчыны. Прыклады самаадданасці і мужнасці пры размініраванні тэрыторыі паказвалі Кацярына Цыбуля і Соф'я Марчанка з каманды Суражскага раёна. У ліку іншых размінёраў яны адзначаны знакам "Выдатны мінёр" [8].

Да канца верасня работы па размініраванні тэрыторыі вобласці ў асноўным былі завершаны.

На 1 верасня 1944 г. у вобласці аднавілі працу 2768 калгасаў. Механічны парк гэты час на ўсёй тэрыторыі вобласці складаўся з 532 трактароў, 398 трактарных плугоў, 19 сеялак, 17 культыватараў, 39 аўтамабіляў.

З першых дзён вызвалення на Беларусь з іншых саюзных рэспублік прыбывалі эшалоны з абсталяваннем, інструментамі, будаўнічымі матэрыяламі, насеннем, жывёлай, прадметамі хатняга ўжытку. Завозілася прамысловае абсталяванне, трактары, камбайны, прыехалі падрыхтаваныя спецыялісты. Ужо да канца 1944 г. у БССР з руін было ўзнята больш за 3 тыс. прадпрыемстваў, з іх 196 машынабудаўнічых. Паколькі яшчэ працягвалася Вялікая Айчынная вайна, на вызваленай тэрыторыі Беларусі наладжваліся вытворчасць і рамонт ваенных матэрыялаў, танкаў, аўтамабіляў, іншай тэхнікі для фронту.

Вельмі востра стаяла ў пачатку аднаўленчага перыяду праблема забеспячэння электраэнергіяй вытворчай і сацыяльнай сфер. У 1944–1945 гг. з Расіі ў Беларусь прыйшло 8 энергацягнікоў, наладжаны пастаўкі вугалю і нафты. У гарадах і на асобных прадпрыемствах, і нават у калгасах, вялося стварэнне электрастанцый з невялікай магутнасцю. У другім паўгоддзі 1944 г. у БССР былі адноўлены 72 электрастанцыі. За кароткі час удалося аднавіць Гомельскую, Мінскую, Брэсцкую і Навагрудскую электрастанцыі. Важнае значэнне надавалася асноўнаму энергетычнаму аб'екту Віцебскай вобласці – БелДРЭС. На яго аднаўленні ў 1944 г. працавала 520 чалавек. У самыя кароткія тэрміны размініравана тэрыторыя станцыі і пасёлка, прыведзена ў парадак абсталяванне кацельнай, адноўлена пад'язная чыгуначная ветка, адрамантавана 40 кватэр, адчынена лазня, сталовая на 500 чалавек. У сакавіку 1945 г. стаў дзейнічаць першы энергаагрэгат БелДРЭС. Адначасова пачалося будаўніцтва буйной электрастанцыі ў Віцебску. Да канца 1945 г. у рэспубліцы адноўлена ўжо амаль 50% даваенных энергетычных аб'ектаў.

Па прыкладзе Мінска ва ўсіх гарадах і пасёлках Віцебшчыны працаздольнае насельніцтва ўдзельнічала ў работах па разборцы разбураных будынкаў, расчыстцы вуліц, будаўніцтве дамоў і грамадскіх будынкаў, прывядзенні ў парадак тратуараў, дарожнага пакрыцця, развядзенні зялёных насаджэнняў. У Полацку гэту работу каардынаваў выканкам гарадскога Савета дэпутатаў. Кожнаму прадпрыемству, установе і арганізацыі, а таксама непрацуючаму насельніцтву выдаваўся план-нарад з указаннем адраса, аб'ёму, тэрміну і кошту патрэбнай работы па існуючых расцэнках.

Прыйшлі ў заняпад за гады вайны ўсе віды транспарту. У жніўні 1944 г. Віцебская аўтабаза мела ўсяго 8 аўтамабіляў, у іх ліку 4 – трафейныя. Пасажырскія перавозкі да 1946 г. ажыццяўляліся на грузавых аўтамабілях і толькі часткова – на трафейных аўтобусах. У наступныя гады матэрыяльная база транспартных прадпрыемстваў вобласці мела тэндэнцыю хуткага росту. У Віцебску створана аўтатранспартная кантора, сталі паступаць аўтамабілі айчыннай вытворчасці (ГАЗ-03-03, ГЗА-651, ЗІС-155). З 1947 г. аўтабазы вобласці папаўняліся аўтамабілямі мінскага аўтазавода.

У вельмі складаных умовах прыйшлося пачынаць аднаўленне сваёй гаспадаркі чыгуначнікам Беларусі. У стане велізарнага разбурэння знаходзіліся галоўны і пад'язныя чыгуначныя шляхі. Не хапала паравозаў, рухомага саставу. З дапамогай насельніцтва да канца 1945 г. чыгуначнікі аднавілі 2574 км галоўных пуцей, узводзілі вакзалы, паравозныя і вагонныя дэпо. У той жа час на іх лягла нагрузка пабудовы мастоў на шашэйных і грунтавых дарогах (праз Днепр, Бярэзіну, Сож, Дзвіну, Нёман). Толькі за 1944 г. пабудавана больш за 3 тыс. мастоў [9, с. 282].

Да канца верасня 1944 г. адноўлены чыгуначны рух на ўсіх напрамках Віцебскага, Полацкага і Аршанскага вузлоў (акрамя ветак Орша–Лепель і Расоны–Ідрыца). Чыгуначнікі вобласці прымалі павышаныя абавязацельствы па выкананні заданняў. У Віцебскім паравозным дэпо ў красавіку 1945 г. рабочыя на чале з інжынерам Гусевым укаранілі дэпаўскі метад на рамонце паравозаў. Як вынік, у 7 разоў скараціўся час пры выкананні тых жа самых рамонтных аперацый (пры норме 240 гадзін рамонт ажыццяўляўся за 36 часоў).

Стваральнай працай у вырашэнні задач па перавозцы грузаў і пасажыраў вызначаліся ў гэты час усе без выключэння прадпрыемствы, якія складалі чыгуначны канвеер. Разам яны імкнуліся скараціць тэрміны дастаўкі грузаў спажыўцам, забяспечыць бяспеку руху цягнікоў. Калектывы брыгад, змен, цэхаў спаборнічалі за павышэнне ўчастковай хуткасці руху цягнікоў, за скарачэнне абароту паравоза, вагона, умацаванне дысцыпліны працы. Машыніст Полацкага дэпо С.Л. Абуховіч у кожнай паездцы перакрываў норму тэхнічнай хуткасці цягніка на 3 км у гадзіну. Прадукцыйна працавалі пад яго кіраўніцтвам усе брыгады машыністаў гэтага ж паравоза.

Нямала перадавікоў вытворчасці было ў Віцебскім вагонным дэпо. Самааддана, не шкадуючы сіл, працавалі на аднаўленні дэпоўскай гаспадаркі і рамонце вагонаў слесар М.А. Навіцкі, слесар-аглядчык У.П. Голубеў, майстар Г.І. Амасёнак і інш. Дзякуючы іх працы прадпрыемства рэгулярна спраўлялася з даведзенымі планавымі заданнямі і прынятымі сацыялістычнымі абавязацельствамі. У дэпо ўласнымі сіламі ажыццяўляліся механізацыя і аўтаматызацыя рамонту вагонаў, узводзіліся вытворчыя і культурна-бытавыя памяшканні.

Добра разумелася, што поспех наступлення Чырвонай Арміі і нармалізацыя жыцця і працы ў вызваленых раёнах залежыць ад стану чыгуначнага транспарту, таму рабілася ўсё магчымае для яго хутчэйшага аднаўлення. Асаблівую настойлівасць і ініцыятыву ў працы па аднаўленні чыгункі праяўлялі самі чыгуначнікі. Не заставаліся ў баку ад гэтай важнай справы працоўныя, інжынерна-тэхнічныя работнікі, служачыя прамысловых прадпрыемстваў, калгаснае сялянства, інтэлігенцыя, навучэнцы. Арганізоўваліся суботнікі і нядзельнікі па расчыстцы шляху, будаўніцтве пад'язных дарог да чыгункі, прывядзенні ў парадак прывакзальнай плошчы. Агульнымі намаганнямі працоўных Віцебшчыны пабудаваны два вялікія масты праз Заходнюю Дзвіну і чатыры малыя масты на іншых рэках. Ужо ў маі 1945 г. (у параўнанні з восенню 1944 г.) прыкметна палепшыўся стан пуцявой гаспадаркі.

У 1945 г. чыгуначнікі Віцебшчыны не дапусцілі ніводнага выпадку затрымкі цягнікоў з-за няспраўнасці шляху. Пакладзены пачатак узнаўленню грамадзянскага паветранага транспарту. Ужо ў другой палове 1944 г. і за ўвесь 1945 г. перавезена 15 тыс. пасажыраў.

Партыйнае і савецкае кіраўніцтва рэспублікі прыкладалі намаганні па вырашэнні паўсядзённых задач забеспячэння насельніцтва жылымі памяшканнямі, вытворчасці тавараў шырокага выкарыстання, адзеннем, харчаваннем. У кастрычніку 1944 г. пасля даклада першага сакратара Віцебскага абкама партыі В.Г. Кудраева аб рабоце па аднаўленні гаспадаркі Віцебскай вобласці ЦК КП(б)Б адзначыў, што, нягледзячы на сур'ёзныя цяжкасці, тут праведзена велізарная работа: на аднаўленні гаспадаркі ўдзельнічала ўсё насельніцтва вобласці. Да гэтага часу тут з'явілася звыш 43000 кв. метраў жылога фонду, 1475 школ, 57 бальніц на 4720 ложкаў, 70 амбулаторый, план хлебанарыхтовак выкананы на 101,5%, план пасеваў азімых – на 117,7%. Праўда, у прынятай пастанове адзначаны і некаторыя недахопы: нездавальняюча вяліся работы па аднаўленні асноўных карпусоў фабрыкі "КІМ", станкабудаўнічых заводаў імя Камінтэрна і Кірава, папяровай фабрыкі "Чырвоная звязда", а таксама па рамонце і аднаўленні жылога фонду і культурна-бытавых устаноў у гарадах Віцебску, Оршы, Лепелі. Не выконваўся ў вобласці план па выпуску цэглы, чарапіцы, вапны. Партыйныя і савецкія арганізацыі вобласці павінны былі ўзмацніць работу для таго, каб да наступлення зімы адрамантаваць і пабудаваць новыя жылыя дамы для калгаснікаў, рабочых і служачых. Пастаўлена задача размясціць да наступлення халадоў усё насельніцтва ў прыгодныя для жылля памяшканні.

Наркамзему БССР даручана аказаць дапамогу Віцебскай вобласці ў аднаўленні калгасаў і машынна-трактарных станцый, нафтабаз, дадаткова паставіць у вобласць сельскагаспадарчыя машыны, коней і буйную рагатую жывёлу.

Вышэйшы партыйны камітэт рэспублікі лічыў неабходным падняць кіруючую і арганізуючую ролю ў вобласці Саветаў (асабліва сельскіх) у гаспадарчым і культурным жыцці [10].

Як бачна, задачы аднаўлення разбуранага ў гады вайны ў першыя месяцы пасля вызвалення вырашаліся пры актыўным удзеле насельніцтва рэспублікі. Але вывесці эканоміку БССР з поўнага развалу на даваенны ўзровень за такі кароткі тэрмін ніякай магчымасці не было. Вынікі аднаўлення гаспадарчага комплексу рэспублікі да пачатку 1946 г. паказаны ў табл.

Лічбы, прыведзеныя ў табл., паказваюць, што агульны аб'ём вытворчасці, а таксама аб'ёмы ў асобных галінах, дзе БССР да Вялікай Айчыннай вайны не адставала ад саюзных паказчыкаў, на пачатку першай пасляваеннай пяцігодкі былі яшчэ ў дзясяткі разоў ніжэйшыя.

Перыяд ад пачатку вызвалення да канца 1945 г., які прадстаўлены як першы аднаўленчы этап на Беларусі і ў яе рэгіёнах, быў вельмі складаным у забеспячэнні матэрыяльна-бытавымі ўмовамі яе жыхароў. Мільёны людзей аказаліся пазбаўленымі сродкаў існавання, туліліся ў склепах і зямлянках. У той жа час 20% аб'ёмаў вытворчасці, што ўдалося аднавіць практычна яшчэ ў гады вайны, сведчаць аб высокай настойлівасці, энтузіязме, самаадданасці і патрыятызме нашых суайчыннікаў.

Прыняты ў верасні 1946 г. першы пасляваенны (чацвёрты з пачатку ўвядзення перспектыўнага планавання) пяцігадовы план аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі БССР (1946–1950 гг.) распаўсюджваўся на тэрыторыю ў тых жа межах, што і ў 1939 г., за выключэннем 17 раёнаў Беластоцкай вобласці разам з г. Беластокам і 3 раёнаў Брэсцкай вобласці, якія паводле дагавора паміж СССР і Польшчай аб савецка-польскай мяжы былі перададзены ад БССР да Польшчы.

Асноўная задача гэтай пяцігодкі заключалася ў тым, каб аднавіць разбуранае вайной і дасягнуць даваеннага ўзроўню, а затым перавысіць гэты

Табліца

Параўнанне аб'ёмаў вытворчасці БССР да СССР у 1945 г. (да 1940 г., у %) [9, с. 283]

Вытворчасць	СССР	БССР
Агульны аб'ём прамысловай вытворчасці	80	20
У тым ліку:		
Электраэнергія	67	16
Металаапрацоўчыя станкі	81	3
Фанера	59	5
Абутак	91	5

ўзровень у значных памерах. План меў канкрэтныя заданні па аднаўленні разбураных вайной прадпрыемстваў. Асаблівае значэнне надавалася аднаўленню даваеннай структуры прамысловасці, яе вядучых галін: энергетыкі, прадпрыемстваў лёгкай прамысловасці, станкабудавання, сельскай гаспадаркі, а таксама пераадоленню эканамічнай і тэхнічнай адсталасці заходніх абласцей Беларусі [11].

Да пачатку 1946 г. у Беларусі была перасялена частка насельніцтва з зямлянак, непрыстасаваных памяшканняў, былі зроблены першыя крокі па арганізацыі сістэмы аховы здароўя, асветы і іншых структур сацыяльнай сферы. Аднак штодзённае жыццё заставалася надзвычай складаным. Назіраўся пастаянны дэфіцыт прадуктаў харчавання, адзення, цяжкімі былі ўмовы на вытворчых аб'ектах. Асноўная маса людзей жыла надзеяй на паляпшэнне матэрыяльнага становішча і перш за ўсё жыллёвых умоў. Гэты фактар, а таксама неабходнасць узвядзення прамысловых прадпрыемстваў падштурхоўвалі дзяржаўныя ўлады да ўмацавання матэрыяльна-тэхнічнай базы і кадравага складу будаўнічых арганізацый. На працягу 1945–1947 гг. былі створаны буйныя будаўнічыя арганізацыі. Да пачатку 1949 г. у асноўных будаўнічых арганізацыях працавала звыш 30 тыс. рабочых, інжынераў і тэхнікаў (на тэрыторыі Віцебскай вобласці на 1 красавіка 1949 г. у будаўнічай галіне налічвалася 2108 чалавек) [12].

У Мінску поўным ходам ішло будаўніцтва прадпрыемстваў, устаноў сацыяльнай сферы, у тым ліку гігантаў прамысловасці – аўтамабільнага і трактарнага заводаў, у Оршы – завода швейных машын, у Віцебску – дывановага камбіната. Высокія ўзоры працы паказвалі будаўнікі рэспублікі – Д. Булахаў, М. Гуд, М. Макарэвіч, Т. Фандо.

Нягледзячы на цяжкія ўмовы вытворчай дзейнасці, дрэнныя матэрыяльна-бытавыя ўмовы, работнікі прамысловасці настойліва змагаліся за аднаўленне прадпрыемстваў і нарошчванне выпуску прадукцыі. Хуткімі тэмпамі ішло аднаўленне вытворчасці будаўнічых матэрыялаў. Ужо ў 1948 г. удалося дасягнуць яе даваеннага ўзроўню. Адбыліся зрухі ў тэрытарыяльным размяшчэнні прамысловасці будаўнічых матэрыялаў. У Мінску пабудаваны камбінат будаўнічых матэрыялаў, адноўленыя Клімавіцкі і Аршанскі сілікатныя заводы, цэментныя заводы ў Ваўкавыску і Крычаве. Наладжана вытворчасць піламатэрыялаў, нарыхтоўка драўніны, выраб запалак, клеенай фанеры. Толькі за 1946–1950 гг. у лік дзеючых з такім вытворчым прызначэннем увайшло 31 прадпрыемства. У сістэме мясцовай прамысловасці сталі працаваць 200 цагельных заводаў. У канцы 1946 г. у рэспубліцы аднавілі работу звыш 70 буйных фабрык і заводаў саюзнага падпарадкавання. У гэтым годзе быў выраблены ўжо 31% прамысловай прадукцыі даваеннага ўзроўню, каля 34% – электраэнергіі, 17% – металарэзных станкоў. Важнае значэнне надавалася разгортванню сацыялістычнага спаборніцтва, руху стаханаўцаў і ўдарнікаў. У выніку напружанай і высокапрадукцыйнай працы рабочых і інжынерна-тэхнічных работнікаў пры будаўніцтве і ўводзе вытворчых магутнасцей у чэрвені 1947 г. выпусцілі прадукцыю мотавелазавод, Мінскі тонкасуконны камбінат.

У кароткі тэрмін аднавілі сваё прадпрыемства ільнокамбінатаўцы Оршы. У 1951 г. выпуск прадукцыі на ільнокамбінаце перавысіў даваенны ўзровень, а прадуктыўнасць працы ўзрасла ў 3,4 разы. Хуткімі тэмпамі тут ішло будаўніцтва жылля. За першыя шэсць пасляваенных гадоў для працаўнікоў камбіната ўзведзена 13 тыс. кв. метраў жылой плошчы [13, с. 399].

Разглядаючы пытанне аб пасляваенным аднаўленні, неабходна асобна адзначыць, што напрамкам пасляваеннага развіцця Беларусі ў прамысловасці было не толькі аднаўленне разбураных у час вайны старых галін вытворчасці, але, і гэта галоўнае, стварэнне новых працаёмкіх галін. Так, у машынабудаванні новымі напрамкамі былі аўтамабіле- і трактарабудаванне, выпуск дарожных машын і будаўнічых механізмаў. Восенню 1944 г. пачалося будаўніцтва Мінскага аўтамабільнага завода. У маі 1946 г. тут жа быў пакладзены пачатак узвядзенню яшчэ аднаго буйнейшага прадпрыемства рэспублікі – трактарнага завода. Аднаўленне народнай гаспадаркі БССР праходзіла на планавай аснове, з істотнай дапамогай іншых рэспублік і перш за ўсё РСФСР. Машынабудаванне стала вядучай галіной у рэспубліцы. Актыўную дапамогу калектывам заводаў у распрацоўцы генеральных праектаў, камплектаванні кадрамі спецыялістаў, абсталяваннем аказвалі прадпрыемствы Масквы, Ленінграда, Кіева, Горкага ды інш.

У 1947 г. аўтазавод выпусціў першыя 18 аўтамашын, у 1950 г. з канвеера завода выйшла 2399, а ў 1955 г. – 12918 аўтамабіляў. У архіўных матэрыялах захаваліся звесткі аб лепшых працаўніках прадпрыемства. Важную задачу вырашалі ў час падрыхтоўкі да ўзвядзення і будаўніцтва спецыялісты з Маскоўскага і Горкаўскага аўтамабільных заводаў І. Талкуноў, А. Белакрыніцкі, В. Вайнбранд. Старанасцю і ўзорнай працай на будаўнічых пляцоўках, а затым і пры выпуску прадукцыі вызначаліся У. Гурскі, М. Дземідзенка, П. Караўкін, У. Сафонаў [14].

За гады вайны тэхнічная думка зрабіла крок наперад, і кіраўніцтва рэспублікі, прадпрыемстваў, якія будаваліся ў БССР, улічвала гэта. Прадпрыемствы атрымлівалі сучасную тэхніку і новыя тэхналогіі. Выкарыстоўвалася і частка тэхнічнага прамысловага абсталявання, атрыманага па рэпарацыях з Германіі.

У 1950 г. уступіў у строй і выдаў першую прадукцыю трактарны завод. Да 1955 г. на заводзе паступова нарошчваўся выпуск прадукцыі. У 1955 г. выпушчана для народнай гаспадаркі ўсіх саюзных рэспублік 18266 трактароў "Кіравец Д-35". Высокай прадуктыўнасці працы тут дасягалі наватары трактарабудавання – слесар-лякальшчык Я. Клімчанка, сталявар А. Азараў, электразваршчык М. Антонік, токар П. Арахоўскі.

У 1950 г. прамысловасць рэспублікі выпусціла валавай прадукцыі на 15% больш, чым у 1940 г. Высокімі тэмпамі развіваліся машынабудаванне і металаапрацоўка: у 1950 г. выпуск прадукцыі тут складаў 237% ад 1940 г. , у той час як лясная, папяровая і дрэваапрацоўчая галіны толькі 89%, а лёгкая – 74%.

Гісторыя мае нямала прыкладаў, якія сведчаць аб высокай арганізацыі і працоўным энтузіязме ў калектывах Віцебшчыны ў перыяд аднаўлення і рэканструкцыі сваіх падраздзяленняў. За гады 4-й пяцігодкі вобласць стала адным з цэнтраў станкабудавання і металаапрацоўкі, яна ж адраджалася і як цэнтр лёгкай прамысловасці. З першых дзён сталі аднаўляцца прадпрыемствы, якія вярнулі з эвакуацыі, на месца сваёй ранейшай дыслакацыі. У канцы жніўня 1945 г. у будынку дзіцячых ясляў пачала працу фабрыка "Сцяг індустрыялізацыі". У 1950 г. калектыў налічваў 2548 чалавек [15, с. 244].

Настойліва змагаліся за аднаўленне свайго прадпрыемства працоўныя панчошна-трыкатажнай фабрыкі "КІМ". У 1946 г. тут быў наладжаны выпуск высакаякаснай прадукцыі для патрэб насельніцтва. На працягу ўсіх пасляваенных гадоў працоўны калектыў фабрыкі ўзначальваў сацыялістычнае спаборніцтва за выпуск прадукцыі выдатнай якасці. У 1950 г. у спаборніцтве за выкананне і перавыкананне планаў чацвёртай пяцігодкі тут удзельнічала больш за 95% рабочых. У ліпені 1948 г. увайшоў у строй галоўны корпус фабрыкі.

У сакавіку 1945 г. з Беларэцка (Башкірская ССР) у Віцебск быў перабазіраваны завод заточных станкоў (прадпрыемства створана на базе Клінскага чыгуналіцейнага завода) разам з 297 рабочымі, ІТР, служачымі, тэхнічнай дакументацыяй і абсталяваннем. Папоўнены за кошт віцяблян працоўны калектыў завода ў кароткія тэрміны наладзіў выпуск заточных і металарэзных станкоў [16].

У 1947 г у Віцебску ўступіў у строй дывана-плюшавы камбінат, пабудаваны цэлы шэраг культурна-бытавых аб'ектаў. Велізарная нагрузка клалася на работнікаў камунальных прадпрыемстваў – водаканала, электратранспарту. У кароткія тэрміны ўдалося аднавіць гарадскую гаспадарку. 5 кастрычніка 1947 г. у Віцебску пачаў курсіраваць трамвай.

У гэты час з'яўляецца мноства каштоўных ініцыятыў і рухаў, накіраваных на пераадоленне цяжкасцей у развіцці эканомікі, якія ішлі знізу, ад саміх працоўных. Так, токар завода імя "Камінтэрна" Пасанаў выступіў з ініцыятывай – арганізаваць сацыялістычнае спаборніцтва за павелічэнне міжрамонтнага перыяду станкоў. Ініцыятыва была падтрымана на ўсіх прамысловых прадпрыемствах Віцебшчыны.

Калектыў завода заточных станкоў падтрымаў пачын макееўскіх станкабудаўнікоў аб разгортванні сацыялістычнага спаборніцтва за датэрміновае выкананне першага пасляваеннага пяцігадовага плана. Токар завода Клімаў на аснове ўласнай рацыяналізатарскай прапановы дамогся рэкорднага выніку. Ужыўшы хуткаснае рэзанне пры апрацоўцы дэталяў, ён пры норме 2 гадзіны 45 хвілін выдаткаваў на дадзеную аперацыю толькі 15 хвілін. Метад Клімава стаў прымяняцца на заводах імя Кірава і імя Камінтэрна [16, с. 26]. У цэхах і на ўчастках завода разгарнулася спаборніцтва за права мець асабістае таўро якасці выраба ў. У працэсе спаборніцтва (у ім у 1950 г. удзельнічала каля 90% працаўнікоў прадпрыемства) у рабочых з'явілася пачуццё асабістай адказнасці за эканомнае выкарыстанне матэрыялаў і электрычнай энергіі. У асяродку інжынерна-тэхнічных работнікаў завода заточных станкоў нарадзілася ініцыятыва арганізацыі сацыялістычнага спаборніцтва за ўкараненне перадавой тэхнікі. Гэтая ініцыятыва знайшла сваіх паслядоўнікаў на іншых прадпрыемствах рэспублікі.

З вышэйпрыведзенага зместу добра бачна, што развіццё прамысловасці ў Беларусі ў пасляваенны час адбывалася на больш высокай тэхнічнай аснове, ішло хуткімі тэмпамі, якія значна перавышалі даваенныя.

Для аднаўлення прамысловасці БССР за 4-ю пяцігодку былі ажыццёўлены будаўнічыя работы, якія перавысілі па аб'ёме тры даваенныя. Асноўныя вытворчыя фонды прамысловасці рэспублікі за 1946–1950 гг. выраслі амаль у чатыры разы. У агульнасаюзным падзеле працы БССР вызначылася ў гэты час як машынабудаўнічы і металаапрацоўчы рэгіён з адпаведнай энергетычнай і паліўнай базай. Адбылася другая індустрыялізацыя рэспублікі. Гэтыя тэндэнцыі развіцця прамысловасці рэспублікі замацоўваліся і ў далейшым. БССР стала ператварацца ва ўсесаюзны зборачны цэх машынабудаўнічай індустрыі. Такія прыярытэты развіцця БССР у складзе саюзнай дзяржавы ішлі на яе карысць, на карысць беларускага народа.

У гады 5-й пяцігодкі (1951–1955 гг.) у СССР назіраецца паскоранае разгортванне навукова-тэхнічнай рэвалюцыі. У БССР, як і ў папярэдняй пяцігодцы, апераджальнымі тэмпамі вялося развіццё тых галін прамысловасці, якія забяспе-

чвалі ў найбольшай меры навукова-тэхнічны прагрэс усёй народнай гаспадаркі: машынабудавання, металаапрацоўкі, хімічнай і нафтахімічнай прамысловасці. Бярэцца кірунак на індустрыяльнае развіццё. У выніку адбываецца значнае ўдасканаленне тэхнікі і тэхналогіі, механізуецца вытворчасць. У асобных галінах ужо выкарыстоўваецца аўтаматыка. Высокамеханізаванымі сталі торфапрадпрыемствы, прадпрыемствы швейнай прамысловасці.

Станкабудаўнічыя заводы рэспублікі даваеннага ўзроўню выпуску прадукцыі дасягнулі ў 1951 г., а ў 1955 г. значна перакрылі гэты рубеж. Каля 80% металарэзных станкоў, зробленых у БССР, выпускалі тры віцебскія заводы: завод імя С.М. Кірава, заточных станкоў і імя Камінтэрна.

Самааддана, як і ў папярэдні час, тысячы рабочых, ІТР, служачых вобласці ўдзельнічалі ў сацыялістычным спаборніцтве, прымалі на сябе павышаныя абавязкі, дасягалі высокіх норм выпрацоўкі. Токар Віцебскага завода заточных станкоў Г. Клімаў заставаўся ўдарнікам працы і ў гэтай пяцігодцы. За 4 гады і 4 месяцы 5-й пяцігодкі ён выканаў 12 гадавых норм.

Пяцігодка ў прамысловасці рэспублікі была паспяховай: за 1951–1955 гг. аб'ём валавой прадукцыі павялічыўся больш чым у 2 разы.

Чыгуначнікі Беларусі на гэтым этапе вырашалі адну з галоўных сваіх задач: забеспячэння бесперабойнай перавозкі ўзрастаючага патоку грузаў і пасажыраў. Павялічвалася колькасць двухпутных і шматпутных ліній, ажыццяўляўся пераход на рэйкі цяжкага тыпу. Аднаўляўся паравозны і вагонны парк. Эксплуатацыйная даўжыня чыгункі ў 1955 г. павялічылася да 5385 км (у 1945 г. было 5013 км). Адноўлена і пабудавана звыш 250 вялікіх і малых вакзалаў. У гэты ж час прыняў пасажыраў чыгуначны вакзал у Віцебску.

З кожным годам у БССР узрастала перавозка пасажыраў: калі ў 1940 г. было перавезена 28,9 млн чалавек, то ў 1955 г. 32,5 млн. Прыклады эфектыўнага выкарыстання паравознага парку паказвалі працаўнікі дэпо Орша. У 1949 г. яны давялі сярэднясутачны прабег паравозаў да 500 і больш кіламетраў. Дадзеная ініцыятыва знайшла прымяненне як на аддзяленнях Беларусі, так і на іншых чыгунках краіны. У далейшым яна ўдасканальвалася. У 1952 г. дзяжурны па Мінскім аддзяленні П. Суднікаў укараніў метад комплекснага аператыўнага планавання і рэгулявання працы цягнікоў, які даваў высокую эфектыўнасць працы чыгуначнікаў сеткі дарог СССР і знайшоў распаўсюджанне сярод чыгуначнікаў замежных краін. У 1956 г. П.Д. Суднікаву за поспехі ў развіцці чыгуначнага транспарту было прысвоена званне Героя Сацыялістычнай Працы [17, с. 74]. Машыністы М. Баранаў, М. Еўсікаў, Б. Каліванаў, М. Трубчыкаў сталі ініцыятарамі ваджэння цяжкавагавых цягнікоў.

Аднаўляўся і рачны флот, будаваліся магутныя буксірныя і пасажырскія цеплаходы. У 1950 г. аб'ёмы работ, якія выконваліся рачнікамі да Вялікай Айчыннай вайны, былі перакрытыя.

Хутка расла магутнасць аўтамабільнага транспарту. Папаўнялася матэрыяльная база аўтагаспадарак рэспублікі, ішло ўмацаванне гэтай галіны кваліфікаванымі кадрамі. Аб'ём перавозак аўтамабільным транспартам за 10 год (ад 1945 да 1955 г.) узрос з 2,3 млн тон да 70,3 млн тон. У гэтым дзесяцігоддзі пабудавана аўтамабільная магістраль Мінск–Брэст.

Тэндэнцыю хуткага росту матэрыяльнай базы аўтамабільнага транспарту ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе магчыма прасачыць на тэрытарыяльным абласным узроўні. Пры стварэнні аўтабазы ў Віцебску ў сярэдзіне жніўня 1944 г. яна налічвала толькі адзінкі адноўленых умельцамі аўтамабіляў. Да 1946 г., як указвалася раней, пасажырскія перавозкі ў вобласці ажыццяўляліся на грузавых аўто і толькі часткова на трафейных аўтобусах. У наступныя пасляваенныя гады ў рэгіён стала паступаць значная колькасць аўтамабіляў, у тым ліку айчыннай вытворчасці, павялічваўся лік падрыхтаваных праз розныя формы адукацыі працаўнікоў. З пачатку 1954 г. склаліся ўмовы для падзелу Віцебскай аўтатранспартнай канторы на дзве (на аўтатранспартную пасажырскіх аўтамабіляў і аўтатранспартную грузавых аўтамабіляў). У 1955 г. створаны абласны аўтатранспартны трэст у складзе прадпрыемстваў Віцебска, Оршы, Полацка і Лепеля. У канцы гэтага года ў склад аўтатрэста ўваходзіла ўжо 9 аўтапрадпрыемстваў.

Амаль нанова будаваўся ў гэтым дзесяцігоддзі ў рэспубліцы паветраны грамадзянскі флот, адкрываліся новыя лініі, нарошчваўся аб'ём перавозак, пакладзены пачатак сельскагаспадарчай авіяцыі.

Адраджэнне і развіццё прамысловасці савецкай Беларусі забяспечвалася за кошт добрасумленнай працы рабочых, служачых, інжынерна-тэхнічных работнікаў. Пачын і формы датэрміновага выканання заданняў ішлі ад працоўных. Партыйныя і прафсаюзныя арганізацыі выяўлялі найбольш рацыянальныя і імкнуліся зрабіць іх масавымі.

Маштабнае аднаўленне гаспадаркі, будаўніцтва новых прадпрыемстваў патрабавалі вялікіх працоўных рэсурсаў), у якіх, на жаль, пасля вайны меўся велізарны дэфіцыт. Папаўненне рабочага класа на пачатку мірнага часу адбывалася за кошт дэмабілізацыі і рэпатрыяцыі, а таксама за кошт прытоку рабочых з сельскай мясцовасці, у далейшым – за кошт планавай падрыхтоўкі ў навучальных установах і на прадпрыемствах.

Вядучае месца ў падрыхтоўцы кваліфікаваных рабочых кадраў было адведзена ўстановам сістэмы прафесійна-тэхнічнага навучання. У пачатку 1945 г. у БССР працавалі 55 устаноў гэтай сістэмы. У 1948 г. пачалі ствараццa рамесныя вучылішчы. У 1951 г. у сістэме прафесійна-тэхнічнага навучання функцыянавала 12 рамесных, 4 чыгуначных, 6 спецыялізаваных рамесных вучылішчаў і 34 будаўнічыя школы ФЗН. Новым крокам у развіцці сістэмы прафтэхнавучання стала стварэнне ў 1948 г. рамесных вучылішчаў з 4-гадовым, а ў 1954 г. тэхнічных вучылішчаў з 2-гадовым навучаннем [18]. За 1946–1955 гг. сістэма прафтэхадукацыі рэспублікі выпусціла 112,6 тыс. кваліфікаваных рабочых. Вялікую колькасць рабочых па розных спецыяльнасцях па курсавой, брыгаднай і індывідуальнай сістэме падрыхтавалі за гэты час непасрэдна на вытворчасці. Павышэнне кваліфікацыі рабочых вырашалася накіраваннем моладзі на роднасныя прадпрыемствы саюзных рэспублік. Адначасова ў рэспубліцы вялася падрыхтоўка спецыялістаў інжынерна-тэхнічнага ўзроўню.

На фоне поспехаў у развіцці прамысловасці даволі цяжкае становішча наглядалася ў сельскай гаспадарцы. Яно звязана як з разбурэннямі ў час вайны, так і з дзяржаўнай палітыкай у адносінах да вёскі ў даваенны і пасляваенны час. Прымусовая калектывізацыя, адсутнасць прынцыпу матэрыяльнай зацікаўленасці, высокія нормы грашовых падаткаў, абавязковыя пастаўкі дзяржаве без уліку сабранага ўраджаю, слабая забяспечанасць тэхнікай – усё гэта негатыўна адбівалася на выніках дзейнасці сельскагаспадарчых прадпрыемстваў. Сяляне “цягаціліся” працай на калгасных палетках, каб пазбегнуць судовай адказнасці і захаваць за сабой прысядзібны ўчастак, выконвалі ўстаноўлены мінімум працадзён.

Да ўсіх бед, якія меліся да вайны, прыйшла яшчэ адна: велізарны недахоп сялянскіх рук. Асноўная нагрузка на вёсцы лягла на плечы жанчын і падлеткаў.

Паўсюдна назіраўся дэфіцыт прадуктаў харчавання, адзення. У 1945 г. харчовая прамысловасць рэспублікі вырабляла 19% прадукцыі ад узроўню 1940 г., а лёгкая – толькі 10%. У снежні 1945 г. рабочыя гарадоў найбольш важных галін вытворчасці атрымлівалі па сістэме нарміраванага размеркавання ад 500 г да 1 кг хлеба на суткі, служачыя – 450–500 г, дзеці да 15-гадовага ўзросту – 400 г, утрыманцы – 300 г. 1946 г. у зернавых раёнах СССР быў неўраджайным. Летам 1946 г. уведзена карткавая сістэма забеспячэння насельніцтва хлебам. Сялянам карткі не выдавалі. Даходы калгаснікаў заставаліся значна ніжэйшымі, чым у гараджан. У 1946 г. толькі ў 10% калгасаў выдалі на працадзень па 18 кап. грошай, 300–350 г збожжа, затым 450 г мякіны. У астатніх менш або нічога. У 1950 г. заробкі калгаснікаў падняліся ў 2–2,8 разы. Да сярэдзіны 1950-х гг. аплата працы ў калгасах расла марудна. Яна істотна адставала ад заработнай платы рабочых і служачых, выклікала незадаволенасць у сялянства. Калгаснікі, асабліва моладзь, імкнуліся пакінуць вёску і ўладкавацца на працу на прадпрыемствах.

Калгасы змаглі выдаць у 1946 г. на працадзень у сярэднім па СССР 520 г хлеба, у БССР – толькі 340 г, ва Украіне – 270 г. У сувязі з цяжкім становішчам урад прыняў дзве пастановы: “Аб мерах па забеспячэнні захаванасці хлеба, недапушчэнні яго разбазарвання” (27. 06.1946 г.) і “Аб забяспечанасці захаванасці дзяржаўнага хлеба”, згодна з якімі судовыя органы прымянялі суровыя меры пакарання нават за самыя нязначныя парушэнні.

У 1947 г. у краіне сабраны адносна добры ўраджай, які дазволіў ужо на яго заканчэнні правесці адмену карткавай сістэмы на прадукты харчавання і тавары масавага ўжытку. Адначасова з адменай картак прайшла грашовая рэформа. Невялікія ўклады (да 3 тыс. руб.) абменьваліся на новыя грошы ў ашчадных касах 1:1, з 3 да 10 тыс. руб. – 3:2, больш за 10 тыс. руб. – 1:10.

Значную дапамогу аказваў найбольш пацярпелай ад фашысцкай акупацыі БССР саюзны ўрад. За тры пасляваенныя гады калгасы рэспублікі атрымалі 160 тыс. тон харчовага збожжа, 122 тыс. коней, 113 тыс. галоў буйной рагатай жывёлы. У 1948 г. па рашэнні Савета Міністраў СССР Беларусі выдзелена і пастаўлена 3 тыс. трактароў, 200 тон збожжа, 2 тыс. трактарных плугоў і інш. сельскагаспадарчага інвентару. Фінансавае становішча ў рэспубліцы стабілізавалася, што дазволіла праводзіць зніжэнне цэн на прадукты і прамысловыя тавары. Багацця, канешне, не наглядалася, у 1948 г. вытворчасць харчовай прамысловасці складала 35%, а лёгкай – 29% ад даваеннай. На вуліцах населеных пунктаў сустракаліся людзі, якія жабравалі.

У заходніх раёнах Беларусі пасля вайны сацыялістычны сектар на вёсцы складаў менш за 1%. Да 1949 г. масавая калектывізацыя як асноўны кірунак тут не праводзілася, да яе рыхтаваліся: ажыццяўлялася рэформа, паводле якой ўстанаўлівалася абмежаваная норма землекарыстання. На адзін сялянскі двор выдзялялася не больш за 15 га. Лішкі забіраліся ў дзяржаўны фонд і размяркоўваліся паміж беззямельнымі сялянамі і батракамі. У 1949 г. уладныя структуры палічылі, што ўмовы для масавай калектывізацыі тут саспелі. У 1950 г. больш за 80% сялянскіх двароў былі аб’яднаны ў калектыўныя гаспадаркі.

У 1950 г. на ўсёй тэрыторыі БССР пасяўныя плошчы складалі 91,4% даваенных, пасевы збожжа – 97,1%. Асобныя, як іх тады называлі,

перадавыя гаспадаркі, мелі па тым часе нядрэнныя вынікі. Шмат працаўнікоў палёў і фермаў свядома адносіліся да сваіх абавязкаў. Дзяржава імкнулася стымуляваць іх працу. Пасля прынятага Прэзідыумам Вярхоўнага Савета СССР указа "Аб прысваенні звання Героя Сацыялістычнай Працы і ўзнагароджанні ордэнамі і медалямі СССР калгаснікаў, рабочых МТС і саўгасаў за атрыманне вялікіх ураджаяў пшаніцы, жыта, кукурузы, цукровых буракоў і бавоўны" па выніках работы за 1947 г. 511 калгаснікаў і 109 работнікаў саўгасаў былі ўзнагароджаны ордэнамі і медалямі, 6 перадавікоў сельскагаспадарчай вытворчасці атрымалі званне Героя Сацыялістычнай Працы СССР. Сярод іх А. Кухарава – звеннявая калгаса імя Сталіна Васілевіцкага, Т. Шкурко звеннявая саўгаса "Чырвоная ніва" Брагінскага раёнаў. Такой жа ўзнагароды ўдастоены працаўнікі саўгаса "10 гадоў БССР" П. Калыска, Ф. Саўчык, У. Пайграй, А. Стыкун [19].

Але ўвогуле прыкметных змен у сельскагаспадарчым комплексе ў гэтыя гады не адбылося. Прычына негатыўных з'яў, як бачыцца сёння, ляжала ў непрадуманых падыходах правячай партыі пры ажыццяўленні аграрнай палітыкі. Высокая стаўка па падатках (сельскагаспадарчы на калгаснікаў і падаходны на рабочых саўгасаў, а яшчэ на халасцякоў, падатак на пабудову, зямельная рэнта, разавы збор на калгасных рынках, збор з уладальнікаў транспарту (нават на веласіпеды), самаабкладанне і г.д.) не стымулявалі матэрыяльную зацікаўленасць сялянства. Нізкі ўзровень аплаты за працу ў калгасах і саўгасах прыводзіў да страты сялянскай веры ў хлебаробскую прафесію. Многія сяляне пакідалі вёску, сваю гаспадарку, шукалі працу ў прамысловасці, другіх галінах, што прыводзіла да скарачэння найбольш прадуктыўнай часткі. Калгасы страцілі шмат працаздольных людзей.

У 1950 г. шырокае распаўсюджанне набывае перапіска паміж сельскімі Саветамі, райвыканкамамі і дырэкцыямі прадпрыемстваў. Гаворка ў іх вялася аб вяртанні былых калгаснікаў да ранейшых месцаў жыхарства і працы – у вёскі. Падключыўшы пракуратуру, савецкая ўлада патрабуе ад дырэкцый прадпрыемстваў звольніць і вярнуць у калгасы сялян, якія паехалі ў гарады і пасёлкі "без дазволу". Так, нягледзячы на вельмі цяжкія ўмовы працы на вапнавым заводзе "Руба" ў Віцебску, тут уладкаваліся сяляне Н.А. Бабарыкіна, І.С. Маташова з калгаса "Перамога" Навікоўскага сельскага Савета Бешанковіцкага раёна і шэраг працаўнікоў калгаса "Серп і молат" Віцебскага раёна.

Улады занепакоеныя становішчам, якое складваецца ў калгасах. Калектыўныя гаспадаркі церпяць страты, "несвоечасова выконваюць пасяўныя і ўборачныя работы". Дзеянні ўлад сканцэнтраваныя на тым, каб замацаваць селяніна ў калгасах у існуючай жорсткай сацыяльнай сістэме. Таму працяглы час наглядаецца масавы адток сельскага насельніцтва з вёсак, што з'яўлялася пратэстам людзей супраць аграрнай палітыкі дзяржавы [20].

Пэўныя цяжкасці з выкананнем сельскагаспадарчых работ склаліся ў заходніх абласцях БССР. Недавер да калектыўнай гаспадаркі, прывязанасць да сваёй уласнасці сталі прычынай масавага перасялення насельніцтва ў Польшчу. З кастрычніка 1944 па снежань 1946 г. з раёнаў Заходняй Беларусі выехала каля 240 тыс. чалавек. Па гэтай прычыне тут таксама, як і ўвогуле ў рэспубліцы, адчуваўся дэфіцыт працаздольнага сялянства, кваліфікаваных спецыялістаў і кіраўнікоў. Нізкі адукацыйны ўзровень старшынь калгасаў (з 3031 старшыні калгаса рэспублікі толькі 110 мелі сярэднюю і 5 вышэйшую адукацыю) не дазваляў належным чынам арганізаваць рэнтабельную працу гаспадарак. У Віцебскай вобласці ў 1953 г. 53% старшынь калгасаў мелі толькі пачатковую адукацыю [21].

Не ўдалося ў кароткі тэрмін наладзіць сістэму падрыхтоўкі аграномаў, ветурачоў, заатэхнікаў. Укамплектаванасць спецыялістамі вышэйшага, сярэдняга звяна і механізатарамі ў гаспадарках рэспублік была нездавальняючай. Сярод трактарыстаў, камбайнераў наглядалася нізкая працоўная дысцыпліна, высокая цякучасць. Гэта адбівалася негатыўным чынам на якасці правядзення асноўных сельскагаспадарчых работ. Сельскагаспадарчая вытворчасць адставала ад тэмпаў развіцця іншых галін. Такое становішча склалася яшчэ і таму, што ў гады 4-й пяцігодкі ў дзяржаўнай палітыцы краіны акцэнт быў зроблены на прыярытэтным развіцці прамысловага комплексу. Вялікія страты ў час вайны, а таксама ад'езд працаздольных сялян з вёскі не пакрываліся ростам тэхнічнай аснашчанасці пры правядзенні сельскагаспадарчых работ. У 1952 г. з-за старой тэхнікі, нізкай працоўнай дысцыпліны з 43 МТС Віцебскай вобласці толькі шэсць выканалі гадавы план трактарных работ [22]. Пасяўныя плошчы бульбы ў 1953 г. у параўнанні з даваенным узроўнем складалі 58,5%, ільну – толькі 38% [23]. У 1952 г. тут з усёй плошчы пасеваў зернавых было сабрана ў сярэднім 4,9 ц з гектара, надоі малака на адну карову ў калгасах саставілі 795 кг (гэта менш чым у 1940 г.).

Вельмі павольна звыкаліся з сацыялістычнай сістэмай гаспадарання ў аграрным сектары сяляне заходніх абласцей. У 1950 г. колькасць калгаснікаў, якія не выпрацавалі абавязковага мінімуму працадзён, складала тут 291 961 чалавек, альбо 54,5% ад агульнай колькасці. Не выпрацавалі ні аднаго працадня 54712 чалавек, ці 10,2% [24].

У 1953 г. у Бераставіцкім, лепшым у эканамічных адносінах, раёне, на працадзень выдадзена па 1 кг зерня, 1,2 кг бульбы, 0,5 кг сена і саломы. У Маладзечанскай вобласці ў гэтым годзе з 813 калгасаў у 247 грошы на працадні не выдаваліся зусім, у 272 выдадзеныя сумы склалі да 20 капеек [25]. Такая аплата працы калгаснікаў не стымулявала іх на высокую прадуктыўнасць.

Вялікі паток скаргаў з месцаў да цэнтральнага кіраўніцтва на падобнае становішча патрабаваў неадкладных змен у аграрнай палітыцы краіны. Таму робіцца спроба, каб пераламіць гэтае становішча ў сельскай гаспадарцы. У жніўні 1953 г. на сесіі Вярхоўнага Савета СССР было сказана аб нізкім жыццёвым узроўні калгаснікаў, іх масавых уцёках з вёскі, прапанавана павысіць матэрыяльную зацікаўленасць сялян у працы. У верасні гэтага года пленум ЦК УКП(б) разгледзіў асобна пытанне аб стане ў вёсцы, прадвызначыў цэльную праграму па развіцці аграрнага сектара краіны [26].

Пасля пленума ў БССР пашыраецца сітэма падрыхтоўкі кадраў масавых прафесій для сельскагаспадарчай вытворчасці. У 1954 г. пачалі працаваць 27 школ механізацыі сельскай гаспадаркі, 13 рамесных вучылішчаў, школа Міністэрства саўгасаў БССР. Тут па тыпавой праграме праходзілі падрыхтоўку больш за тысячу трактарыстаў і больш за 4 тысячы механізатараў [27]. З прадпрыемстваў і ўстаноў гарадоў і раённых цэнтраў рэспублікі на працу ў МТС накіравана 3100 чалавек, з іх 1721 – з вышэйшай адукацыяй. У канцы 1955 г. 66,4% кіраўнікоў МТС мелі вышэйшую адукацыю.

У 1955 г. на працу ў калгасы накіравалі 30 тыс. чалавек. Умацоўваўся склад старшынь калгасаў: на гэты час 43,2% з іх мелі вышэйшую адукацыю. Павелічэнне капітальных укладанняў у развіццё сельскай гаспадаркі, механізацыя і электрафікацыя працы, іншыя захады, а самае галоўнае, пашырэнне (хоць і невялікае) самастойнасці калгасаў, развязалі ініцыятыву для больш рацыянальнага вядзення гаспадаркі, павелічэння вырабу сельскагаспадарчай прадукцыі. Вырасла сярэдняя выпрацоўка на аднаго калгасніка. У 1955 г. яна складала 229 працадзён (у 1951 г. на аднаго калгасніка ў БССР было напрацавана толькі 179 працадзён). Пашыраліся пасевы традыцыйных для Беларусі культур: у 1955 г. бульба і збожжа займалі больш за 60% пасяўных плошчаў. У 1955 рэкордным па ўраджайнасці годзе бульбы сабрана з аднаго гектара амаль у 2 разы болей, чым у 1953 г. У 1955 г. калгасы датэрмінова выканалі план хлебанарыхтоўкі і прадалі дзяржаве звыш плана 3 млн пудоў збажыны. Значна ўзраслі за два гады пасяўныя плошчы пад лён. Гэтую культуру не вырошчвалі ў БССР толькі 4 раёны (Дамачкоўскі, Лагішынскі, Целяханскі, Камарынскі). Ураджай лёну да 1955 г. вырас больш чым у 3 разы. Па стане на 1 студзеня 1956 г. грашовыя даходы калгасаў складалі 1 млрд 360 млн рублёў, што ў 10–12 разоў больш, чым у папярэдні год [28]. Надоі малака ў калгасах рэспублікі за два гады павялічыліся ў 1,7 разы.

Заўважны пералом у павышэнні вынікаў працы сельскагаспадарчага комплексу адзначаны ў Віцебскай вобласці. За 1954–1955 гг. вытворчасць мяса і малака вырасла амаль удвая, а вытворчасць свініны – больш чым у 5 разоў. Сярэдні надой на карову дасягнуў 1101 кг. Такі вынік, нават па тым часе, не здаваўся высокім, але дынаміка росту прадуктыўнасці працы сялян за кароткі тэрмін здавалася абнадзейлівай. Грашовыя даходы калгасаў вобласці ўзраслі з 1953 па 1956 г. больш чым у 3,7 раза. Гэта дазволіла ў 1955 г. выдаць калгаснікам у сярэднім на адзін працадзень па 4,8 рублі, што ў 5 разоў больш, чым у 1953 г. Што тычыцца рэспубліканскіх вынікаў увогуле, то тут яны былі нават вышэйшымі (Віцебская вобласць у гэты час адставала ад Гродзенскай, Брэсцкай, Гомельскай і Мінскай). Кіраўніцтва краіны вымушана было пайсці на паляпшэнне матэрыяльнага становішча калгаснікаў. Менавіта з сярэдзіны 1950-х гг. уведзена практыка штомесячнага авансавання калгаснікаў.

Другая палова 1950-х гг. адзначалася пастаянным ростам сярэдняй заработнай платы рабочых, ІТР і служачых рэспублікі. У абсалютным вызначэнні звестак аб узроўні заработнай платы да 1970 г. органы статыстыкі не друкавалі, але вядома, што ў 1950 г. рэальная заработная плата была блізкай да даваеннага ўзроўню. У канцы 1950 года ўзровень жыцця грамадзян рэспублікі прыйшоў у адпаведнасць з 1928 г. (лепшы рубеж даваеннага часу).

З 1952 па 1958 г. заработная плата, без уліку выплат і льгот з грамадскіх фондаў спажывання, павялічылася на 10%, з 1956 па 1959 г. – на 11%, за 1959–1965 гг. – на 27,7%. У 1965 г. заработная плата ў цэлым па народнай гаспадарцы БССР склала 80,9 рублёў, у 1966 – 85,1 руб. [29].

Заключэнне. Такім чынам, беларускі народ за першае пасляваеннае дзесяцігоддзе аднавіў будаўнічыя арганізацыі, прамысловасць і транспарт, прадпрыемствы і ўстановы сацыяльна-культурнай сферы, гарады і вёскі. Большасць людзей працавала з вялікім напружаннем сіл, часам без разліку на ўзнагароды, матэрыяльнае і маральнае заахвочванне. Разам з тым у галінах гаспадаркі Беларусі заставалася нямала праблем і нявырашаных задач, перш за ўсё ва ўкараненні навукова-тэхнічнага прагрэсу. Сур'ёзнае адставанне мелася ў развіцці тых галін прамысловасці, якія забяспечвалі паўсядзённыя патрэбы насельніцтва.

Павелічэнне капітальных укладанняў у развіццё сельскай гаспадаркі, механізацыя і элек-

трафікацыя працы, а самае галоўнае, пашырэнне самастойнасці калгасных гаспадарак, развязалі ініцыятыву для больш рацыянальнага вядзення гэтай важнай галіны. Да 1958 года развіццё сельскай гаспадаркі краіны імкліва рухалася наперад, адбываўся значны рост вырабу сельскагаспадарчай прадукцыі, але істотныя недахопы ў арганізацыі працы ў калгаснай вытворчасці не дазволілі ў далейшым дасягнуць тут высокай эфектыўнасці. Пры складаным становішчы калгаснікі не расставаліся са сваімі прысядзібнымі ўчасткамі, якія прыносілі ім не менш за палову іх сукупнага даходу. Пасляваенная вёска чакала далейшых змен у аграрнай палітыцы і стылі кіраўніцтва калгасамі і саўгасамі.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (у далейшым НАРБ). – Ф. 4. – Воп. 51. – Спр. 1а. – С. 1–4.
2. Занальны дзяржаўны архіў (ЗДА) у г. Полацку. – Ф. 658. – Воп. 1. – Спр. 23. – С. 39–39 адв.
3. НАРБ. – Ф. 7. – Воп. 3. – Спр. 1769. – С. 89–93.
4. Советская Белоруссия. – 1998. – 27 сент. – С. 2.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (у далейшым ДАВВ). – Ф. 1п. – Воп. 1. – Спр. 45. – С. 139, 140.
6. НАРБ. – Ф. 4-п. – Воп. 33. – Спр. 177. – С. 18–21.
7. ДАВВ. – Ф. 1-п. – Воп. 1. – Спр. 20. – С. 33, 34.
8. НАРБ. – Ф. 263. – Воп. 1. – Спр. 65. – С. 46.
9. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапаможнік: у 2 ч. / Я.К. Новік, Г.С. Марцуль, Э.А. Забродскі [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты 1917 г. – 2000. – 464 с.
10. НАРБ. – Ф. 4п. – Воп. 61. – Спр. 84. – С. 145–152.
11. Закон аб пяцігадовым плане аднаўлення і развіцця народнай гаспадаркі Беларускай ССР на 1946–1950 гг. – Мінск, 1946. – С. 9.
12. ДАВВ. – Ф. 2800. – Воп. 1. – Спр. 78. – С. 159.
13. Профессиональные союзы Беларуси: история и современность / под ред. Л.П. Козика. – Минск: Федерация профсоюзов Беларуси, 2007. – 672 с.
14. Народное хозяйство Белорусской ССР: стат. сб. – Минск, 1957. – С. 22, 23.
15. Очерки истории профсоюзов Витебщины / сост.: И.К. Возмитель, И.В. Мандрик; редкол.: И.В. Мандрик (науч. ред.) [и др.]. – Витебск: Витебская областная типография, 2015. – 504 с.: ил.
16. ДАВВ. – Ф. 2800. – Воп. 1. – Спр. 5. – С. 25.
17. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Л. Лыч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2011. – Т. 6: Беларусь у 1946–2009 гг. – 2011. – 728 с.: іл.
18. НАРБ. – Ф. 909. – Воп. 1. – Спр. 162. – С. 1.
19. ДАВВ. – Ф. 4. – Воп. 2. – Спр. 213. – С. 40.
20. Мандрык, І.У. Радзімкі мінулага / І.У. Мандрык // Віцебскі рабочы. – 1992. – 25 жн. – С. 4.
21. ДАВВ. – Ф. 1. – Воп. 115. – Спр. 35. – С. 5.
22. ДАВВ. – Ф. 1. – Воп. 53. – Спр. 11. – С. 11, 97, 100, 106.
23. ДАВВ. – Ф. 1.– Воп. 60. – Спр. 11. – С. 42.
24. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 46. – Спр. 564. – С. 48.
25. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 20. – Спр. 653. – С. 258, 259.
26. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. – М., 1972. – Т. 8. – С. 303–345.
27. НАРБ. – Ф. 4. – Воп. 2. – Спр. 233. – С. 42.
28. Патолічаў, Н.С. Справаздачны даклад Цэнтральнага камітэта Беларусі XXII з'езду КПБ. – Мінск, 1966. – С. 68.
29. Наша республика: Цифры и факты. – Минск, 1967. – С. 166.

Паступіў у рэдакцыю 23.11.2017 г.

УДК 94(476)«1920/1929»:343.35

Политические кампании как основная форма борьбы с должностными преступлениями в БССР 1920-х гг.

Елизаров С.А.
Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Гомель

Борьба с должностными преступлениями является необходимым элементом стабильной и эффективной деятельности аппарата управления. Накопленный в этом направлении исторический опыт БССР в белорусской историографии своего отражения еще не получил.

Цель исследования – выявить роль политических кампаний 1920-х гг., проводившихся белорусским партийно-советским руководством, в борьбе с должностными преступлениями.

***Материал и методы.** Статья подготовлена на основе анализа главным образом материалов Национального архива Республики Беларусь. Для этого использованы научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы.*

***Результаты и их обсуждение.** В 1920-е гг. борьба с должностными преступлениями осуществлялась в рамках политических кампаний. Для партийно-советского руководства на всех уровнях должностные преступления представлялись не явлением системным, присущим любому государству, а временным, связанным с начальным этапом строительства нового общества. В связи с этим сама борьба с должностными преступлениями в исследуемый период оценивалась прежде всего с точки зрения ее политических результатов – очищения советского аппарата управления от «классово чуждых» элементов.*

***Заключение.** Политические кампании по чистке представлялись в 1920-е гг. универсальным способом преодоления самих причин должностных преступлений, эффективной их профилактики, а также формирования нового, советского типа работника.*

***Ключевые слова:** Белорусская ССР, должностные преступления, политические кампании, взяточничество, растраты, чистки.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 17–21)

Political Campaigns as a Basic Form of Combating White Collar Crimes in the BSSR of the 1920s

Elizarov S.A.
Educational Establishment «Gomel Pavel Sukhoi State Technical University», Gomel

Combating white collar crimes is the necessary element of stable and effective activity of administrative bodies. The historical experience of the BSSR accumulated in this sphere has not got any reflection in Belarusian historiography yet.

The purpose of the research is to identify the role of political campaigns of the 1920s, which were conducted by Belarusian Party and Soviet leadership, in combating white collar crimes.

***Material and methods.** The article is prepared on the basis of the analysis mainly of materials of the National Archive of the Republic of Belarus. The scientific principles of historicism and systemic nature, general scientific and specifically-historical methods are used.*

***Findings and their discussion.** In the 1920s combating white collar crimes was conducted within the framework of political campaigns. For the Party and Soviet leadership on all levels white collar crimes were not considered a system phenomenon, inherent in any state, but a temporal, related to the initial stage of building a new society. In this connection combating white collar crimes in the investigated period was estimated foremost from the point of view of its political results, that is purging Soviet administrative bodies from «class-alien» elements.*

***Conclusion.** Political purging campaigns were considered in the 1920s to be the universal method of overcoming of reasons of white collar crimes, their effective prophylaxis, as well as forming of a new, Soviet type of a worker.*

***Key words:** Belorussian SSR, white collar crimes, political campaigns, bribery, embezzlement, purging.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 17–21)

Адрес для корреспонденции: e-mail: sergeyelisarov@mail.ru – **С.А. Елизаров**

Вопросы истории борьбы с должностными преступлениями в годы советской власти в советской историографии рассматривались лишь фрагментарно, да и то преимущественно в парадигме классовой борьбы. Должностные преступления как явление, принимавшее в разные периоды советской истории различные формы и масштабы, рассматривались как совершенно нетипичное для нового, социалистического общества, а наличие самих этих преступлений представлялось лишь как рудимент давно и безвозвратно ушедшего прошлого. С конца 1980-х гг. тема борьбы с должностными преступлениями выходит из «исторической резервации», привлекая внимание историков, во-первых, своей возможностью исследовать ранее запретную тему, а во-вторых, новым качеством и масштабами этого вида преступлений, превратившегося в одну из главных проблем для всех постсоветских государств. В современной российской историографии вопросы борьбы с должностными преступлениями в первое десятилетие советской власти изучаются активно, в том числе и как часть исследований советской кадровой политики, так и как объект специальных научных работ [1–3]. В белорусской же историографии такие вопросы по-прежнему остаются малоисследованными, лишь эпизодически присутствуют в работах, посвященных главным образом характеристике белорусской советской политической системы как тоталитарной. Учитывая это, автором предпринята попытка восполнить данный историографический пробел.

Цель исследования – выявить роль политических кампаний 1920-х гг., проводившихся белорусским партийно-советским руководством, в борьбе с должностными преступлениями.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе анализа главным образом материалов Национального архива Республики Беларусь: фонды 4п (ЦК КП(б)Б–КПБ), 6 (ЦИК БССР) и 7 (СНК–Совет Министров БССР). Для анализа проблемы использованы научные принципы историзма и системности, общенаучные и конкретно-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. Все негативные моменты функционирования прежней дореволюционной системы органов власти и управления (бюрократизм, волокита, взяточничество, растраты, хищения, хамство и т.п.) новая советская власть надеялась быстро изжить благодаря широкому творчеству народных масс, замене прежних «буржуазных» чиновников новым качеством управленцев из трудящихся. Однако с первых же дней своей власти большевики столкнулись с тем, что негативные черты старого чиновничества быстро усвоили и освоили и новые советские управленцы. Пришлось принимать специальные нормативные правовые акты, направленные на пресечение должностных преступлений. На территории БССР это были законодательные акты РСФСР, действовавшие (в отсутствие собственных) до принятия Уголовного Кодекса (УК) БССР в 1928 г.: Декреты СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. и 16 августа 1921 г. «О взяточничестве», Декрет ВЦИК от 18 марта 1920 г. «О революционных трибуналах», Декрет СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями, подлогами и другими злоупотреблениями по должности». С 1 июля 1922 г. Постановлением ЦИК БССР в действие на территории республики был введен Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г., который не получил наименования УК БССР и в белорусских законодательных актах именовался просто как УК без указания республики.

Хотя до 1922 г. в советских нормативных правовых актах состав должностных преступлений четко не был обозначен, однако анализ документов позволяет сделать вывод, что к ним прежде всего относились хищения, подлог, спекуляция, взяточничество и «дискредитация власти».

Более четко состав должностных преступлений был приведен в главе 2 первого Уголовного Кодекса РСФСР (статьи 105–108), введенного в действие Постановлением ВЦИК от 1 июня 1922 г.: злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти, небрежное отношение к службе, дискредитирование власти, постановление неправосудного приговора, нелегальное задержание, нелегальный привод, принуждение к даче показаний на допросе, присвоение средств либо других ценностей, получение взятки, провокация взятки, служебный подлог и др. [4].

В 1920-е гг. борьба с должностными преступлениями носила «кампанейский» характер, то есть осуществлялась в рамках проводившихся по инициативе высших партийно-советских руководителей различных политических кампаний.

С переходом к новой экономической политике, реанимацией товарно-денежных отношений, рыночных механизмов и финансовой системы среди должностных преступлений на первые роли выдвигается взяточничество. С 1922 г. начинается широкая политическая кампания борьбы с этим явлением. В Советской России решением СТО РСФСР 1 сентября 1922 г. была создана Комиссия по борьбе с взяточничеством во главе с Ф.Э. Дзержинским [5]. На местах для координации деятельности по борьбе с взяточничеством создавались комиссии при губернских экономических совещаниях (ЭКОСО) из представителей ГПУ, губотделов юстиции, губсовнархозов, которые подчинялись непосредственно Комиссии СТО по борьбе с взяточничеством. Такие комис-

сии своих специальных аппаратов не создавали, а могли лишь пользоваться уже существующими ведомственными структурами. Одновременно с целью роста числа участников борьбы с взяточничеством создавались особые местные ведомственные комиссии из трех человек: председатель (он же заведующий соответствующим губернским отделом) и два члена «с безукоризненным прошлым и настоящим». Главной задачей комиссий по борьбе с взяточничеством стало проведение чистки личного состава центральных и местных советских учреждений от лиц, уже имевших судимости за взяточничество, хищения и бесхозяйственность, а также «неблагонадежных» в этом отношении [6].

Белорусская Центральная комиссия по борьбе с взяточничеством была образована Постановлением СНК БССР от 10 ноября 1922 г. В ее состав вошли представители секретариата ЭКОСО, ГПУ, Наркомюста, РКИ, Республиканского совета профсоюзов. Возглавил комиссию председатель ГПУ БССР Я.К. Ольский [7].

24 октября 1922 г. Постановлением ЦИК ССРБ была изменена ст. 114 (о взятках) Уголовного Кодекса республики. Получение лицом взятки «за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица» влекло наказание лишением свободы на срок не менее одного года с конфискацией имущества или без конфискации. Отягчающими обстоятельствами считались, во-первых, занятие ответственной должности взяткополучателя, нанесение государству материального ущерба, наличие прежней судимости за взятку, вымогательство взятки. В таких случаях следовало наказание от лишения свободы на срок до трех лет до высшей меры. Аналогичные меры наказания применялись для взяткодателей, посредников при даче взятки, за неприятие мер противодействия взяточничеству) [7, л. 95].

30 ноября 1922 г. ЦК РКП(б) направил губкомам, обкомам и ЦК национальных компартий циркулярное письмо «О борьбе с взяточничеством», в котором ставил задачу перед местными партийными организациями оказывать содействие специальным комиссиям по борьбе с взяточничеством, а перед карательными органами – беспощадно наказывать взяточников. Всем губкомам РКП(б) предлагалось выделить специального работника или комиссию «для руководства в партийном порядке борьбой с взяточничеством», а всем парторганизациям провести партийные собрания, посвященные этому вопросу, и «всеми мерами мобилизовать партийное общественное мнение вокруг борьбы с взяточничеством» [8, с. 186].

16 января 1923 г. приказом № 1 республиканской комиссией для практического проведения работы при экономическом отделе ГПУ БССР создавался специальный следственно-розыскной аппарат, в уездах – уездные комиссии в составе трех человек (представитель уисполкома, ГПУ, помощник прокурора), а также 24 комиссии при наркоматах и центральных учреждениях республики [7, л. 20].

В Белорусской ССР кампании по борьбе с взяточничеством стремились придать характер более широкой (чем в РСФСР) политической кампании. По инструкции ЦИК БССР всем ведомственным комиссиям по борьбе с взяточничеством, подготовленной на основе соответствующей инструкции СТО РСФСР, чистка управленческого аппарата должна была проводиться в республике не только с точки зрения «благонадежности в отношении взяточничества, хищничества и бесхозяйственности» (как ее задача формулировалась в российском варианте), но и «политической благонадежности и знания Советской конституции». Механизм проведения чистки был следующим: все сотрудники учреждения заполняли анкеты и вызывались на заседание комиссии по очереди, где устно рассказывали ее членам свою биографию и отвечали на вопросы «по политграмоте и Конституции».

Условия чистки для коммунистов и беспартийных отличались. По указанию Центральной комиссии БССР чистке не подвергались члены и кандидаты в члены коммунистической партии и комсомола – их судьбой должны были заниматься не государственные карательные органы, а парторганизации.

К сентябрю 1923 г. кампания по борьбе с взяточничеством закончилась, а Центральная комиссия решением Президиума ЦИК БССР от 18 сентября 1923 г. была распущена. По республике проверку прошли 5880 человек, из которых было уволено 462 человека. При этом решающим основанием увольнения служащих являлось их социальное происхождение, а не вскрытые факты взяточничества [7, л. 17, 20 об., 22].

В 1925–1926 гг. борьба с должностными преступлениями проводилась карательными органами БССР вне рамок каких-либо крупных политических кампаний. Расследование должностных преступлений занимало ведущую роль в работе следственных органов: в 1925 г. – первом полугодии 1926 г. среди дел, прошедших через них, с большим отрывом первое место заняли должностные преступления (12245), второе место – имущественные преступления (7570), третье – преступления против личности (5561). В эти годы главное внимание следственных органов было сосредоточено на борьбе с растратами. Соответственно, возрастает число дел по ст. 113 УК «Присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или иного имущества, находящегося

по его службе в его ведении». Своего пика эта кампания достигла весной 1926 г.: на 1 апреля 1926 г. в органах следствия находилось 429 таких дел.

В то же время среди дел, рассмотренных всеми судебными инстанциями (Верховным Судом, окружными и народными судами), должностные преступления составили в 1925 г. лишь 2,4%, в 1926 г. – 6,4%. При этом практически все случаи были связаны с растратами советскими и хозяйственными работниками низового уровня [9].

Однако эта кампания по борьбе с растратами не получила политического характера. Она носила внутриведомственный характер, и в ее проведении были задействованы только карательные органы. В этот период судебные органы квалифицировали большинство дел о растратах как гражданские иски, а не как уголовные, чаще всего давая условные наказания, а то и вообще отказываясь от преследований растратчиков в уголовном порядке.

Следующий этап борьбы с должностными преступлениями был связан с новой политической кампанией по сокращению административных расходов и рационализации административно-управленческого аппарата 1927–1928 гг. В БССР за эти два года по неполным данным сняли с работы более 1350 человек, большинство из которых (622 человека) – за пьянство и растраты [10, с. 34].

С 1929 г. начинается новая широкомасштабная политическая кампания по чистке советского аппарата, в которой должностные преступления отходят на второй план и на время исчезают из сферы первоочередного внимания партийных, советских и судебных органов.

На заседании СНК БССР 16 мая 1929 г. по докладу руководителя Наркомата РКИ А.Я. Калнина было признано необходимым провести «генеральную проверку и чистку всего советского, кооперативного, торгового и хозяйственного аппарата». Ставились две главные задачи: во-первых, «очистить» аппарат от «чуждых элементов», «лиц, которые проводят враждебную советской власти линию, искажают линию партии и правительства», во-вторых, улучшить деятельность государственного аппарата путем «втягивания новых слоев рабочих и крестьян в дело управления государством» [11].

Основная чистка советского аппарата была проведена в 1930 г. По официальным данным, в подготовительной работе к чистке приняли участие до 500 тыс. работников. К X Всебелорусскому съезду Советов (февраль 1931 г.) в основном чистку закончили на районном и окружном уровнях, частично – на уровне центральных республиканских наркоматов и учреждений. В результате в окружных и районных советских органах и учреждениях проверили 18422 человека, из них «вычистили» 2601 человека, 2724 получили разного рода наказания [12, с. 20]. Характерно, что итоговый перечень оснований для увольнения в результате чистки содержал лишь имевшие политический характер «вредительство», «искривление классовой линии, связь с чуждым элементом», «бюрократизм, волокита, халатность», но отсутствовали чисто уголовные «преступления по должности» (как прошлые, так и выявленные в ходе чистки). Несмотря на официальные предупреждения ЦК КП(б)Б о вредности упрощенного подхода к оценке советских работников на основе их классовой принадлежности, на практике чистка представлялась прежде всего средством очищения советского аппарата от «классово чуждых элементов».

Вновь должностные преступления приобретают важное политическое значение с 1932 г., с началом новой политической кампании по соблюдению революционной законности.

Заключение. Таким образом, для партийно-советского руководства на всех уровнях должностные преступления представлялись явлением не системным, присущим любому государству, а временным, связанным с начальным этапом строительства нового общества. В связи с этим сама борьба с должностными преступлениями в исследуемый период оценивалась прежде всего с точки зрения ее политических результатов – очищения советского аппарата управления от «классово чуждых» элементов как носителей всего комплекса негативных черт служащего. Политические кампании по чистке в 1920-е гг. рассматривались в качестве универсального способа преодоления самих причин должностных преступлений, эффективной их профилактики, а также формирования нового, советского типа работника, свободного от всех пороков прежнего чиновничества и преданного делу строительства социализма.

Однако надежды на то, что с повышением жизненного уровня, чисткой рядов служащих от «бывших элементов старого режима» и ростом коммунистической сознательности всех слоев населения должностные преступления в недалеком будущем исчезнут сами собой, не оправдались. Проблемы коррупции как системного явления в дальнейшем только обострялись. Их нерешенность в значительной мере способствовала углублению системного кризиса социалистической модели развития.

Литература

1. Гимпельсон, Е.Г. Советские управленцы, 20-е годы: Руководящие кадры государственного аппарата СССР / Е.Г. Гимпельсон. − М.: ИРИ РАН, 2001. − 225 с.

2. Епихин, А.Ю. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928) / А.Ю. Епихин, О.Б. Мозохин. – М.: Кучково поле, Гиперборея, 2007. – 529 с.
3. Кабанов, П.А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П.А. Кабанов; науч. ред.: В.С. Устинов. – Нижнекамск: ИПЦ «Гузель», 1995. – 172 с.
4. Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный Кодекс РСФСР (1922 г.). – Дата доступа: 15.01.1917.
5. Приказ ГПУ № 218 об образовании Комиссии СТО по борьбе со взяточничеством от 16.09.1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1019518. – Дата доступа: 15.01.2017.
6. Положение об организации и деятельности комиссий при обЭКОСО и губЭКОСО по борьбе с взяточничеством от 5 октября 1922 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scicenter.online/kniga-istoriya-rossii/polojenie-vedomstvennyih-komissiyah-borbe-79245.html. – Дата доступа: 14.12.2016.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 90: Протоколы заседаний Президиума ЦИК БССР. 1922 г. – Л. 20.
8. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970): в 15 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1970–1984. – Т. 2 (1917–1924 гг.). – 1970. – 543 с.
9. НАРБ. – Ф. 750. – Оп. 1. – Д. 200: Доклад о работе НКЮ БССР по проведению революционной законности. 1927 г. – Л. 2, 8.
10. Ад з'езду да з'езду (красавік 1927 г. – май 1929 г.). Матэрыялы да справаздачы Ураду на IX Усебеларускім з'езду Саветаў. – Менск: Сакратарыят ЦВК і Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае Нарады БССР, 1929. – 374, [1] с.
11. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 660: Постановления ЦИК и СНК БССР о реорганизации и упрощении советского аппарата и расширении прав местных органов власти, 1929 г. – Л. 219.
12. Матэрыялы да справаздачы Ураду X з'езду Саветаў БССР. – Менск: Выд. Кіраўніцтва спраў СНК і Эканамічнае Нарады БССР, 1931. – 249, [1] с.

Поступила в редакцию 23.11.2017 г.

УДК 327(4+510)«2011/2016»

Политика Европейского союза в отношении Китая (2011–2016 гг.)

Рубо О.П.
Белорусский государственный университет, Минск

Во втором десятилетии XXI века Европейский союз (ЕС) и Китайская Народная Республика (КНР) стали уделять особое внимание расширению инвестиционного сотрудничества. Долговой кризис в ЕС выявил структурную слабость еврозоны. В результате страны-члены ЕС стали искать у руководства КНР поддержки в посткризисный период, что привело к усилению конкуренции государств-членов за китайские инвестиции. Сосредоточенность институтов ЕС на внутренних проблемах негативно отразилась на их способности к согласованию позиций стран-членов в процессе выработки внешнеполитического курса в отношении КНР. Сотрудничество сторон значительно изменилось: наблюдалось смещение баланса сил в отношениях ЕС и КНР в пользу китайской стороны.

Цель статьи – исследование эволюции политики Европейского союза в отношении Китая в 2011–2016 гг.

Материал и методы. *Теоретико-методологическую основу составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись также общенаучные методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение. Кроме того, были использованы методы сравнительно-исторического и сравнительно-политического анализа.*

Результаты и их обсуждение. *В 2011–2016 гг. Европейский союз и Китай определили, что приоритетом развития двустороннего сотрудничества является углубление инвестиционного сотрудничества. В 2013 г. стороны приняли решение приступить к переговорам о заключении всестороннего инвестиционного соглашения, направленного на увеличение объема взаимных инвестиций. Однако экономические интересы государств-членов и их заинтересованность в китайском капитале в значительной степени ослабили внешнеполитический потенциал организации, соответственно, осложнили проведение переговоров по заключению инвестиционного соглашения. Тем не менее ЕС прилагал усилия к расширению сотрудничества с Китаем и вовлечению последнего в активное обсуждение проблем мировой политики. Несмотря на то, что Китай поддерживал инициативы ЕС, он воздерживался от непосредственного участия в урегулировании конфликтов. Сложность выработки общей позиции в ЕС способствовала тому, что руководство Китая предпочитало выстраивать двусторонние отношения с национальными государствами. Определенный прогресс в сотрудничестве между ЕС и КНР был достигнут в деле борьбы с изменением климата.*

Заключение. *Таким образом, в 2011–2016 гг. ЕС стремился к расширению инвестиционного сотрудничества с Китаем. Однако усилившаяся конкуренция среди государств-членов за китайский капитал оказала негативное влияние на способность ЕС разрабатывать экономическую, политическую стратегии и политику безопасности в отношении Китая.*

Ключевые слова: *Европейский союз, Китай, внешняя политика, инвестиционное соглашение, экономические интересы государств-членов, фрагментация, инициатива «Один пояс, один путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ).*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 22–27)

The European Union's China Policy (2011–2016)

Rubo O.P.
Belarusian State University, Minsk

In the second decade of the 21st century, the European Union (EU) and the People's Republic of China (PRC) began to pay special attention to expanding their investment cooperation. The debt crisis revealed the structural weakness of the eurozone. As a result, EU member states began to seek support for their economic recovery program from the Chinese government. This resulted in increased competition among member states for Chinese investment. At the same time, the concentration of EU institutions on internal problems had a negative impact on their ability to harmonize the positions of member countries in the process of developing a foreign policy strategy towards the PRC. Cooperation of the parties changed

Адрес для корреспонденции: e-mail: olesya.rubo@googlemail.com – **О.П. Рубо**

considerably: a shift in the power balance in the relations between EU and the PRC in favor of the Chinese side was identified.

The purpose of the article is to study the evolution of the European Union's policy towards China in 2011–2016.

Material and methods. *This research is based on the totality of the scientific principles such as historicism, integrity and objectivity. The general scientific methods were also used: analysis, synthesis, induction, deduction, comparison, generalization. In addition, methods of comparative historical and comparative political analysis were applied.*

Findings and their discussion. *In 2011–2016, the European Union and China were committed to strong investment cooperation, which was declared one of the priorities in bilateral relations. In 2013, the EU and China agreed to launch negotiation for a comprehensive agreement on investment. The new agreement was expected to increase the flow of FDI between both sides. However, the economic interests of the member states and their interest in Chinese capital largely weakened the EU foreign policy and therefore complicated the EU–China negotiations about investment agreement. Nevertheless, EU made efforts to expand the cooperation with China and involve this country in the active discussion of world politics. Although, China supported the EU initiatives, the Chinese leadership refrained from directly involvement in the conflicts. Because of the complexity to develop a common position within the EU, the Chinese government preferred building bilateral relations with member states. Climate change was the one area where the EU and China have successes in cooperation.*

Conclusion. *Thus, in 2011–2016, the EU intended to strengthen investment cooperation with China. However, the increased competition of member countries for Chinese capital had a negative impact on the EU's ability to elaborate the European economic, political and security policies towards China.*

Key words: *European Union, China, foreign policy, investment agreement, economic interest of member states, «One Belt, One Road» initiative, Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB).*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 22–27)

Во втором десятилетии XXI века Европейский союз (ЕС) и Китайская Народная Республика (КНР) стали уделять особое внимание расширению инвестиционного сотрудничества. Глобальный экономический кризис и кризис суверенных долгов в ЕС выявили структурную слабость еврозоны. В результате страны-члены ЕС стали искать поддержки у КНР, что привело к усилению конкуренции государств-членов за китайские инвестиции. Сосредоточенность институтов ЕС на внутренних проблемах негативно отразилась на их способности к согласованию позиций стран-членов в процессе выработки внешнеполитического курса в отношении КНР. Сотрудничество сторон значительно изменилось: наблюдалось смещение баланса силы в отношениях ЕС и КНР в пользу китайской стороны.

Анализу проблем внешней политики Европейского союза посвящены работы таких авторов, как У. Кроц, Р. Маэр [1], М.В. Стрежнева и Д.Э. Руденкова [2]. Оценивая взаимодействие ЕС–КНР, китайский исследовать Чэнь Чжиминь отмечает, что существование двухуровневой внешнеполитической системы ЕС объясняет сохранение значимых для государств-членов и Китая двусторонних отношений [3, с. 186]. Ю.Д. Жданова, И.А. Истомин также рассматривают сложный для ЕС вопрос – гармонизацию подходов государств-членов в отношении КНР [4, с. 99]. Согласно исследованию, проведенному Европейским советом по международным отношениям (European Council on Foreign Relations), политика ЕС в отношении КНР характеризовалась значительной фрагментацией государств-членов, в то время как наблюдалось увеличение темпов взаимодействия с другими азиатскими странами [5]. При исследовании развития отношений ЕС и КНР автор данной статьи также опирался на работу российского эксперта А.О. Виноградова [6]. Однако ряд важных особенностей сотрудничества Европейского союза с Китаем не был должным образом отражен ни в белорусской, ни в зарубежной исторической науке. В связи с этим возникает необходимость в более детальном изучении процесса выработки и реализации внешнеполитического курса интеграционного объединения в отношении Китая.

Цель работы – исследование эволюции политики Европейского союза в отношении Китая в 2011–2016 гг.

Материал и методы. Основой для написания статьи послужили публикации российских, западных и китайских исследователей (М.В. Стрежнева, Д.Э. Руденкова, Ю.Д. Жданова, И.А. Истомин, У. Кроц, Р. Маэр, Чэнь Чжиминь и др.), а также материалы европейских аналитических и информационных структур, обращающихся к внешнеполитической проблематике.

Теоретико-методологическую базу работы составляют принципы историзма, целостности и объективности. Применялись общенаучные методы: анализ, синтез индукция, дедукция, сравнение, обобщение. Кроме того, были использованы методы сравнительно-исторического и сравнительно-политического анализа.

Результаты и их обсуждение. В 2011 г. ЕС и КНР стали проявлять особую заинтересованность в развитии инвестиционного сотрудничества. Предпосылкой к этому послужили следующие события. В марте 2011 г. в Китае был принят 12-й пятилетний план социально-экономического развития (2011–2015 гг.). Согласно политике «выхода вовне» было заявлено, что руководство Ки-

тая будет поддерживать проведение научно-исследовательского и инвестиционного сотрудничества за рубежом, а также поощрять внешнее инвестирование ведущих китайских предприятий в создании интернационализированных каналов сбыта [7]. В принятой в 2010 г. экономической стратегии Европейского союза «Европа 2020» также особое внимание уделялось финансированию научных исследований и разработок, что, в свою очередь, должно было послужить толчком к развитию традиционных секторов экономики.

Одновременно ЕС стремился к активизации сотрудничества с КНР в различных областях. Особое значение на дальнейшее развитие двусторонних отношений имел визит председателя Европейского совета Х. Ван Ромпея в Китай в мае 2011 г. В рамках этого визита он встретился с премьером Государственного совета Вэнь Цзябао. В ходе переговоров обе стороны отметили, что стремятся к позитивной повестке дня в отношениях, а также к достижению конкретных результатов. Кроме того, ЕС и КНР подчеркнули важность развития третьей опоры взаимодействия, под которой подразумевалась активизация контактов между народами и культурных связей [8].

В середине 2011 г. Европейская комиссия стала пересматривать принципы оказания финансовой помощи в сторону сокращения. Пересмотр коснулся ряда стран, среди которых был и Китай. Кроме того, финансовый кризис в значительной мере ослабил возможности ЕС в выстраивании стратегического партнерства на условиях организации.

В целях изучения возможности сотрудничества в военно-политической области следует рассматривать встречу в октябре 2011 г. Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон с министром обороны КНР Лян Гуанли. В ходе переговоров стороны приняли решение активизировать сотрудничество в области обороны и реагирования на кризисы, подчеркнули значение совместной работы в борьбе с пиратством. Лидеры сторон также обсудили региональные проблемы безопасности [3, с. 180].

На протяжении 2012 г. еще более увеличилась интенсивность взаимодействия между ЕС и КНР. Содержание Совместного заявления по итогам февральского саммита 2012 г. позволяет положительно оценить развитие сотрудничества между сторонами. В частности, ЕС и КНР отметили, что «всесторонне стратегическое партнерство вступает в новый этап развития». На пресс-конференции, проведенной по итогам переговоров, председатель Европейской комиссии Ж.М. Баррозу заявил, что Европейский союз и Китай намерены начать серию важных переговоров по заключению инвестиционного соглашения. Ж.М. Баррозу подчеркнул также, что ЕС приветствует увеличение числа китайских инвестиций в страны-члены организации. Премьер Государственного совета Вэн Цзябао заявил, что Китай готов принять более активное участие в решении долговых проблем стран-членов ЕС и выразил заинтересованность в формировании более тесного сотрудничества с ЕС. Кроме того, председатель Европейского совета Х. Ван Ромпей отметил, что ЕС высоко ценит поддержку со стороны китайской стороны по стабилизации еврозоны [9]. Следует также отметить, что заметно активизировалось сотрудничество ЕС и КНР в энергетической сфере, а также наблюдалось усиление сотрудничества в области устойчивой урбанизации.

В июне 2012 г. Китай выдел Международному валютному фонду 43 млрд долл. на программы по борьбе с долговым кризисом в ЕС. В итоге визит К. Эштон в Пекин по случаю проведения стратегического диалога в июле 2012 г. прошел в дружественной атмосфере [6, с. 338]. Верховный представитель К. Эштон и член Государственного совета КНР Дай Бинго договорились о проведении регулярного диалога по вопросам безопасности и обороны, а также о поддерживании регулярных контактов между специальными представителями. Вместе с тем в Совместном коммюнике по итогам встречи проблема прав человека не затрагивалась. В документе указывалось, что стратегическое партнерство должно основываться на «взаимном уважении», и что ЕС поддерживает территориальную целостность Китая [10].

В ЕС с оптимизмом восприняли приход к власти в 2013 г. новых лидеров – председателя Си Цзиньпина и премьера Государственного совета Ли Кецьяна. ЕС более не настаивал на активной демократизации и соблюдении прав человека в Китае, а также рассчитывал расширить контакты, активно обсуждать мировые события и определить наиболее благоприятный путь развития взаимодействия с китайской стороной.

ЕС особенно тщательно готовился к предстоящей встрече с новым поколением китайских лидеров, поскольку 2013 г. ознаменовал собой десятую годовщину установления всеобъемлющего стратегического партнерства между сторонами. В ходе встречи был принят документ «Стратегическая повестка дня сотрудничества ЕС–КНР – 2020», который охватил основные направления сотрудничества. В рамках этого документа ЕС и КНР обязались активно обсуждать региональные и глобальные проблемы, подтвердили свое намерение способствовать постепенной либерализации притока инвестиций и устранению ограничений для инвесторов, под-

черкнули важность решения проблем, связанных с изменением климата, охраной окружающей среды, формированием стабильных и прозрачных энергетических рынков. Особое внимание уделялось расширению образовательных и культурных обменов [11]. На саммите было принято решение приступить к переговорам с целью заключения инвестиционного соглашения.

ЕС поставил задачу не только обеспечить защиту прав компаний, вложивших средства в китайские проекты, но и добиться дополнительных возможностей инвестирования. В свою очередь, Пекин также проявлял заинтересованность в создании благоприятных условий на европейском рынке для своих компаний [4, с. 98]. Однако разногласия сторон и возросшая конкуренция отдельных стран-членов за получение китайских инвестиций значительно осложняли переговорный процесс по заключению соглашения.

Некоторое снижение темпов развития взаимодействия ЕС с КНР в 2014 г. было связано с предстоящей сменой руководства в Брюсселе. В частности, в 2014 г. не проводился саммит ЕС–КНР на высшем уровне. Соответственно, тот период благоприятствовал развитию двусторонних связей государств-членов с Китаем.

31 марта – 1 апреля 2014 г. состоялся первый официальный визит председателя КНР Си Цзиньпина в Брюссель. По результатам встречи лидера КНР с руководством ЕС была достигнута договоренность об усилении сотрудничества по вопросам внешней политики и обеспечения безопасности. Также состоялся обмен мнениями по актуальным международным проблемам. В рамках этой встречи ЕС стремился вовлечь Китай в свою кампанию по поддержке нового руководства в Украине. Однако КНР сослалась на свою традиционную позицию невмешательства во внутренние дела других стран и, соответственно, воздержалась от выражения своей поддержки какой-либо из сторон украинского конфликта.

Во второй половине 2014 г., когда исламистская террористическая организация «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ) стала распространять свое влияние в Ираке и Сирии, Европейский союз стал прилагать активные усилия к расширению сотрудничества с Китаем в борьбе с экстремизмом и терроризмом. В частности, в ноябре того года в рамках очередного заседания форума АСЕМ Европейский союз и Китай обсудили необходимость активизации сотрудничества в сфере безопасности. Китайские власти поддержали усилия в противодействии ИГИЛ, но отказались от непосредственного участия в борьбе с радикальной организацией. Соответственно, попытки ЕС оказать воздействие на внешнеполитическое поведение КНР потерпели неудачу.

Политика ЕС на китайском направлении в 2015 г. характеризовалась значительной фрагментацией государств-членов. Одним из ярких примеров этой тенденции стало решение 14 государств-членов ЕС присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Намерение о создании этого финансового учреждения было озвучено руководством Китая еще осенью 2013 г., что оставляло достаточно времени для выработки согласованного ответа со стороны Европейского союза. Однако присоединение отдельных стран-членов ЕС свидетельствовало о сложности выработки общеевропейской линии в отношении КНР. Даже критика со стороны США не остановила лидеров стран-членов, интерес которых был обусловлен в значительной мере получением контрактов на строительство объектов инфраструктуры. Несогласованность действий в свою очередь негативно влияла на внешнеполитический потенциал интеграционного объединения и продолжала провоцировать усиление конкуренции среди государств-членов за китайский капитал.

Что касается проблемных вопросов в развитии отношений между ЕС и КНР, то государства-члены стремились переложить их обсуждение на Брюссель. В частности, страны-члены неохотно обсуждали ситуацию с правами человека с Китаем, поскольку опасались ухудшения своих отношений на двустороннем уровне с этой страной. В целом, ЕС более не настаивал на активной демократизации в собственных действиях, что отражало его позицию принципиального прагматизма, подразумевающую преследование своих интересов одновременно с отстаиванием принципов международного права [2, с. 22].

Во время 17-го саммита ЕС–Китай в июне 2015 г. китайская сторона высказала заинтересованность в инвестировании в План Юнкера посредством участия в Европейском фонде стратегических инвестиций. К числу основных достижений политики ЕС в отношении КНР следует отнести принятие на этом саммите «Совместного заявления по борьбе с изменением климата», что свидетельствует об укреплении сотрудничества сторон в вопросах охраны окружающей среды. В остальных сферах двустороннего сотрудничества прогресс оставался менее заметным.

В ходе проведения очередного торгово-экономического диалога в сентябре 2015 г. было принято решение о состыковке китайской инициативы «Один пояс, один путь» и инвестиционного проекта ЕС. Также Европейская комиссия и руководство КНР подписали «Меморандум о взаимопонимании по созданию платформы транспортного соединения ЕС–Китай» с целью содействия двустороннему сотрудничеству в таких областях,

как инфраструктура, оборудование, технологии и стандарты [12].

Безусловно, ЕС прилагал усилия к согласованию внешнеполитических инициатив государств-членов в отношении КНР. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини и Европейская комиссия 22 июня 2016 г. утвердили документ «Основы новой стратегии ЕС в отношении Китая», определяющий отношения ЕС с Китаем на ближайшие пять лет. В документе была обозначена необходимость стран-членов ЕС говорить «единым голосом» в отношениях с Китаем. Кроме того, Европейская комиссия подтвердила свое намерение придерживаться в отношении Китая прагматичного подхода. В документе указывается, что при выстраивании политики с Китаем на двусторонней основе либо от группы стран страны-члены ЕС должны взаимодействовать с Европейской комиссией, Европейской службой внешних действий, а также с другими государствами-членами с тем, чтобы придерживаться общеполитической линии ЕС [13].

На саммите ЕС–КНР в июле 2016 г. в Пекине основными темами для обсуждения были последствия Брексита и предоставление Китаю статуса рыночной экономики. Вместе с тем во время встречи лидеров сторон Арбитражный суд в Гааге вынес вердикт по спору между Китаем и Филиппинами, согласно которому территориальные притязания КНР в Южно-Китайском море были признаны незаконными. Руководство Китая выступило с критикой этого решения и рассчитывало на поддержку со стороны ЕС в данном конфликте. Однако страны-члены и институты ЕС не смогли сразу представить свою позицию. В частности, Великобритания, Франция и Германия призывали Китай действовать в соответствии с нормами международного права. В то время как другие страны-члены, например, Венгрия и Греция, рассчитывая на китайские инвестиции, воздерживались от критики в сторону Китая.

Спустя несколько дней после окончания саммита 15 июля 2016 г. ЕС опубликовал свое заявление относительно спора между Филиппинами и Китаем, в котором заявил о том, что конфликтующим сторонам «необходимо урегулировать споры мирными средствами, разъяснять свои притязания и действовать в соответствии с международным правом» [14]. При этом в тексте декларации Китай вовсе не был упомянут. Это демонстрировало лишний раз слабость ЕС и неготовность организации ставить под удар инвестиционное сотрудничество с Китаем.

В 2010-х гг. КНР стала важнейшим источником капиталовложений для экономик стран-членов ЕС, прежде всего в их инфраструктуру. Китайские инвесторы приобрели значительное число активов в электрогенерации и энергораспределительных сетях, железнодорожном и авиационном транспорте, а также в недвижимости. Вместе с тем стало очевидным отсутствие системы защиты стратегически значимых отраслей и предприятий на общеевропейском уровне [4, с. 97].

В декабре 2016 г. истекал срок действия положения Всемирной торговой организации, согласно которому Китай считался страной с нерыночной экономикой. На протяжении всего 2016 г. в ЕС активно велись дебаты по этому вопросу. Лишь в конце года национальные государства поддержали усилия ЕС по созданию инструментов торговой защиты, которые должны защитить рынок ЕС от дешевой импортной продукции. Тем самым ЕС обозначил свой отказ в признании рыночного статуса китайской экономики.

Заключение. Таким образом, в 2011–2016 гг. одновременно с намерением ЕС развивать с Китаем инвестиционное сотрудничество стала усиливаться конкуренция стран-членов за китайский капитал. Несмотря на стремление ЕС к расширению контактов с Китаем, кризис суверенных долгов в ЕС усугубил внутренние разногласия и, тем самым, обусловил сокращение международной роли организации. Отсутствие согласованности действий позволяло Китаю эффективно выстраивать отношения со странами-членами на двусторонней основе, которые предпочли переложить на Брюссель обсуждение проблемных вопросов с Пекином. Вместе с тем наблюдался рост экономической зависимости отдельных стран членов ЕС от КНР, что повлекло за собой снижение переговорной силы интеграционного объединения по сравнению Китаем.

Литература

1. Кроц, У. Теория международных отношений и развитие европейского сотрудничества в сфере внешней политики и политики безопасности / У. Кроц, Р. Маэр // Современная наука о международных отношениях за рубежом: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И. Иванова. − М.: НП РСМД, 2015. − Т. 3. − С. 452−484.
2. Стрежнева, М.В. Европейский союз: архитектура внешней политики / М.В. Стрежнева, Д.Э. Руденкова. − М.: ИМЭМО РАН, 2016. − 135 с.
3. Zhimin Chen. The Efficacy of Post-Lisbon Treaty EU's External Actions and China−EU Strategic Partnership / Chen Zhimin // The EU's Foreign Policy: What Kind of Power and Diplomatic Action? / ed.: M. Telт and F. Ponjaer. − Farnham: Ashgat, 2013. − P. 175−188.
4. Жданова, Ю.Д. Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР / Ю.Д. Жданова, И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. − 2017. − № 5(56). − С. 91−113.
5. European Foreign Policy Scorecard 2016 [Electronic resource] // European Council on Foreign Relations. − Mode of access: http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR157_

SCORECARD_2016.pdf. – Date of access: 21.09.2017. – P. 126.
6. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2012–2013 / под ред. М.Л. Титаренко. – М.: ИД «ФОРУМ», 2013. – 592 с.
7. Bernasconi-Osterwalder, N. Chinese outward investment: An emerging policy framework. Winnipeg: The International Institute for Sustainable Development Challenges [Electronic resource] / N. Bernasconi-Osterwalder [et al.] // International Institute for Sustainable Development. – 2013. – Mode of access: http://www.iisd.org/pdf/2012/chinese_outward_investment.pdf. – Date of access: 23.10.2017.
8. Remarks by Herman Van Rompuy, President of the European Council following his meeting in China with Premier Wen Jiabao, Beijing, 17 May 2011 PCE 117/11 [Electronic resource] // COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION. – Mode of access: http://www.consilium.europa.eu/media/26722/122021.pdf. – Date of access: 11.10.2017.
9. Joint Press Communiqué of the 14th EU–China Summit, Beijing, 14 February 2012 6474/12 PRESSE 50 [Electronic resource] // COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/summit/summit_docs/120214_joint_statement_14th_eu_china_summit_en.pdf. – Date of access: 22.09.2017.
10. European Commission Press release: Joint press release after the 3rd EU–China High-level Strategic Dialogue, Beijing, 10 July 2012 [Electronic resource] // European Commission. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-765_en.htm. – Date of access: 21.09.2017.
11. EU–China 2020 Strategic Agenda for Cooperation [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/china/docs/20131123_agenda_2020__en.pdf. – Date of access: 28.10.2017.
12. Press release Investment Plan for Europe goes global: China announces its contribution to #investEU, 28 September 2015 [Electronic resource] // Official website of the European Union. – Mode of access: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5723_en.htm. – Date of access: 30.10.2017.
13. Elements for a new EU strategy on China, Brussels, 22.6.2016. JOIN(2016) 30 final [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: http://eeas.europa.eu/archives/docs/china/docs/joint_communication_to_the_european_parliament_and_the_council_-_elements_for_a_new_eu_strategy_on_china.pdf. – Date of access: 28.10.2017.
14. Declaration on the Award rendered in the Arbitration between the Philippines and China [Electronic resource] // European External Action Service. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/6873/declaration-award-rendered-arbitration-between-philippines-and-china_ru European Union External Action. – Date of access: 22.09.2017.

Поступила в редакцию 04.12.2017 г.

УДК 94(476.5)«1920/1929»:377.8

Витебский еврейский педагогический техникум в 1920-е годы

Яковлева Г.Н.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Роль еврейского населения в истории Витебщины привлекает внимание историков, краеведов, искусствоведов. В 1921 г. был создан Витебский еврейский педагогический техникум.

Цель статьи – показать процесс становления еврейского педагогического техникума в г. Витебске и охарактеризовать повседневную жизнь будущих «красных учителей» в 1920-е гг.

Материал и методы. *В исследовании использованы материалы Государственного архива Витебской области. Методологическую базу составляют принципы историзма, объективности, системного подхода при рассмотрении фактов и явлений. Применялся проблемно-хронологический принцип структурирования материала.*

Результаты и их обсуждение. *До революции дети евреев обучались в религиозных школах. Еврейская секция Витебского губкома РКП(б) стала инициатором борьбы с хедерами, большинство из которых было закрыто в начале 1920-х гг. В противовес традиционному религиозному образованию создавались советские школы на языке идиш. С целью подготовки «красных учителей» в 1921 г. был открыт Витебский еврейский педагогический техникум. В него поступали на основе социально-классовых критериев. В техникуме, который был советским учебным заведением, способствовавшим советизации еврейской молодежи, учились представители из разных уголков БССР, РСФСР и УССР.*

Заключение. *Витебский еврейский педагогический техникум, содействуя образованию еврейской молодежи, готовил «красных учителей», усвоивших советскую идеологию. Преподавание велось на идише, содержание образования было советским и совершенствовалось на протяжении всех 1920-х гг. В программе присутствовал курс еврейской культуры, но не было еврейской истории. Попытки хотя бы факультативного изучения иврита не удались. Условия учебы и жизни учащихся, в основном выходцев из местечковой бедноты, были тяжелыми. Учащиеся техникума участвовали в пропаганде советских антирелигиозных обрядов, были пионерскими работниками, вели культурно-просветительскую работу в частях РККА. Обучение в техникуме способствовало социальной мобильности и изменяло жизнь.*

Ключевые слова: *идиш, хедер, еврейский педагогический техникум, «красные учителя».*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 28–41)

Vitebsk Jewish Pedagogical School in the 1920-s

Yakovleva G.N.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The role of Jewish population in the history of Vitebsk Region attracts the attention of historians, local culture researchers, and art critics. In 1921 Vitebsk Jewish Pedagogical School was founded.

The purpose of the article is to show the maturation process of the Jewish Pedagogical School in Vitebsk and characterize everyday life of would-be «red teachers» in the 1920-s.

Material and methods. *Materials of the State Archive of Vitebsk Region were used in the research. The methodological base is made up by principles of historicism, objectivity, system approach while treating facts and phenomena. The problem and chronological principle of structuring the material was used.*

Findings and their discussion. *Before the Revolution children of Jews went to religious schools. The Jewish section of Vitebsk Region Communist Party Committee initiated struggle against heeders most of which were closed in the early 1920-s. Soviet schools in Yiddish were set up instead of traditional religious education. To train «red teachers» in 1921 Vitebsk Jewish Pedagogical School was opened. Social and class admittance criteria were used. The school, which was a Soviet educational establishment aimed at Sovietization of Jewish youth, trained representatives of all parts of the BSSR, RSFSR and USSR.*

Conclusion. *Vitebsk Jewish Pedagogical School promoted education of Jewish youth by training «red teachers» who incorporated Soviet ideology. Teaching was in Yiddish; the content of education was Soviet and was improved during the 1920-s.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: gnyakovleva@mail.ru – **Г.Н. Яковлева**

The curriculum contained a Hebrew Culture course but there was no Hebrew History. Attempts to teach Hebrew at least as an optional course failed. Life and study conditions of students, who mainly came from poor settlement families, were appalling. The School students participated in promoting Soviet anti-religious rites; they were Pioneer Organization workers, they also did culture education work in the Red Army units. The School training contributed to social mobility and changed life.

Key words: *Yiddish, heeder, Jewish Pedagogical School, «red teachers».*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 28–41)

Исторически сложилось так, что евреи составляли значительную часть жителей Витебска и местечек губернии. Революция расколола еврейское население. Одна часть местного еврейства сохраняла верность религиозным ценностям, которые лежали в основе жизненного уклада и мировоззрения, по-прежнему стремилась опираться на общинную поддержку, религиозную систему образования и воспитания подрастающего поколения. Те из них, кто принял Октябрьскую революцию и новую идеологию, сыграли важную роль в установлении советской власти в губернии. Еврейская молодежь стояла у истоков местного комсомола, способствовала развитию советского женского движения. Еврейская секция губернского комитета РКП(б) была одной из самых активных в РСФСР. Она вела активную борьбу против иудаизма, религиозного образования, традиционализма в еврейской среде. Средством нового воспитания должны были стать светские школы на языке идиш. В работах А. Зельцера, Я.З. Басина уделено много внимания анализу культуры на языке идиш и ее роли в советизации белорусского еврейства. А.М. Подлипский обозначил основные вехи в истории Витебского еврейского техникума. Однако многие страницы его истории остались неосвещенными.

Цель статьи – показать процесс становления еврейского педагогического техникума в г. Витебске и охарактеризовать повседневную жизнь будущих «красных учителей» в 1920-е гг.

Материал и методы. В статье использованы материалы фонда 905 (Витебский еврейский педагогический техникум), фонда 2289 (Коллекция периодической печати), а также фонда 9-п (Коллекция документов органов партийного и государственного контроля Витебской губернии) Государственного архива Витебской области. Фонд 905 содержит переписку руководства техникума с различными организациями, учебные программы, протоколы заседаний приемных комиссий и Совета техникума, анкеты преподавательского состава, докладные записки о состоянии техникума, а также сочинения тех, кто поступал в техникум. Использована только та, хотя и преобладающая, часть документов фонда 905, которая написана на русском языке. Методологической базой являются принципы историзма, объективности, системного подхода при рассмотрении фактов и явлений. Использовался проблемно-хронологический принцип структурирования материала.

Результаты и их обсуждение. Престиж образования в еврейской среде всегда был очень высок. В дореволюционной России у евреев существовали учебные заведения разного типа, но наиболее многочисленной и развитой являлась сеть традиционных учебных заведений. «Хедеры, Талмуд-Торы и ешивы были неотъемлемой частью общинной жизни белорусских евреев. Еврейский мальчик начинал свою сознательную жизнь с хедера – самого распространенного в Белоруссии еврейского учебного заведения» [1]. Эти начальные школы занимались не только образованием, но и воспитанием, формированием еврейской идентичности. Модернизационные процессы, охватившие еврейскую среду еще до революции, затронули и систему образования. Появились «реформированные хедеры», а еврейские деятели еще до революции спорили о характере школы (религиозном или светском) и языке преподавания (идиш или иврит). Ускорила эти процессы и революция. Преобладание национального над классовым не соответствовало идеологическим установкам большевиков. 20 января 1918 г. был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Было запрещено религиозное образование детей до 18 лет. Началась первая волна гонений на религию. Стала создаваться советская система образования.

С конца 1920 г. активизируется борьба с религией и в Витебской губернии, входившей тогда в РСФСР. Под руководством еврейской секции губернского комитета РКП(б) был проведен знаменитый показательный «суд над хедерами», который длился несколько дней. «Борьба с хедерами и ешиботами и талмуд-торами – этим худшим наследием прошлого, реорганизация старых еврейских казенных и различного рода частных и общественных училищ, клерикально-националистических или русификаторско-ассимиляторских по духу воспитания в них, реформирование их в новую трудовую школу, приближение их к массам еврейского трудового населения и к элементарным требованиям педагогики путем преподавания на родном языке, расширение сети учреждений – вот что предстояло Еврейской секции губоно в одной только области школьного дела», – сообщал в мае

1921 г. «Вестник народного образования» (орган Витебского губернского отдела народного образования). В течение 1921–1922 гг. большая часть хедеров была закрыта. В противовес традиционной системе образования стали создавать советские еврейские школы с преподаванием на языке идиш. С одной стороны, объединяя еврейских детей, они способствовали сохранению национальной идентичности, с другой – формировали представления о том, каким должен быть советский еврей.

С целью подготовки учителей для этих учебных заведений в 1921 г. в Витебске начал работу Еврейский педагогический техникум. Будущие «красные учителя» должны были привить детям новые ценности, способствовать их интеграции в новые советские условия. Техникуму было присвоено имя Эстер Фрумкиной, которая еще до революции была активной сторонницей светского образования для еврейских детей на языке идиш. Созданному техникуму был выделен первый этаж в здании бывшей Талмуд-Торы на ул. Набережной Витьбы, д. 3 (сейчас здание театра «Лялька»). В 1921 г. в зависимости от уровня подготовки в техникум приняли слушателей на три курса: подготовительный, 1-й и 2-й [2]. Было подано 130 заявлений, однако зачислили только 86 человек. Возраст слушателей варьировал от 18 до 30 лет, многие до поступления работали в системе образования [2, л. 130]. Учеба в техникуме была рассчитана на 4 года. Первым его заведующим стал Лев Исаакович Фельдман. В 1923/1924 учебном году техникум возглавляли Поташ Моисей Абрамович, потом – Самуил Израилевич Рубин, а с сентября 1924 года по июль 1931 года – Лев Самуилович Калецкий [3]. В 1921 г. штат преподавателей, помимо Фельдмана, включал заместителя по учебной работе Л.С. Калецкого и еще десять лекторов. Практически все они окончили дореволюционные гимназии, высшие учебные заведения, работали в еврейских учебных заведениях. Интересно, что в числе первых преподавателей были четыре выпускницы Высших женских курсов (Бестужевских, курсов Герье) [2, л. 115]. Три преподавателя являлись членами РКП(б). Среди слушателей первого набора было 30 коммунистов, 7 членов партии Поалей Цион, 1 член Бунда [2, л. 114]. Сразу была создана ячейка РКП(б). Однако все 1920-е гг. преобладающая часть преподавателей техникума являлась беспартийной. С первых дней в техникуме работали А.Я. Розенцвейг и С. Юдовин. Преподавательский состав техникума менялся, к 1928 г. из первого состава лекторов остались только Л.С. Калецкий и А.Я. Розенцвейг. Л.С. Калецкий родился в Гродно в «старосветской еврейской религиозной семье», «от 5 до 12 лет учился в хедере». Переехав с семьей в Польшу, примкнул к лодзинской организации Бунда, арестовывался в 1904 г., экстерном окончил гимназию, учился в Новороссийском и Иенском (Германия) университетах, сдал экзамен на звание учителя, учительствовал, всю войну был в армии, с 1919 г. работал в разных учебных заведениях Витебска [4]. Преподаватель еврейского языка и литературы А.Я. Розенцвейг, выходец из местечка Заблудово Гродненской губернии, сын раввина. В анкетах он отмечал, что с 1912 по 1917 г. был учителем в «витебской еврейской реформированной Талмуд-Торе», состоял членом ОЕСРП (Объединенной еврейской социалистической партии. – *Г.Я.*). Однако принял революцию, учительствовал в новых еврейских школах. Интересно, что с декабря 1921 по середину 1924 г. он состоял кандидатом в члены РКП(б), однако в партию принят не был. Его личные обращения в Минск и Москву с апелляциями в ЦКК КП(б)Б и ЦКК РКП(б) успехом не увенчались. Проверочной комиссией он был охарактеризован как «мещанский элемент», как «идеологически чуждый элемент, не переварившийся за время пребывания в партии» [5]. Удивительно, но это не помешало Розенцвейгу преподавать в техникуме до конца 1920-х гг. и принимать активнейшее участие в жизни города и учебного заведения [6]. Он занимался научной деятельностью, стажировался в МГУ. Стал известным литературоведом и публицистом, автором книг о ведущих еврейских писателях [7, с. 112].

Должность заведующего техникумом была «номенклатурой» губкома РКП(б) и только после утверждения кандидатуры губкомом издавался приказ по губоно [3, л. 20 об., 21, 30]. После включения Витебской губернии в состав БССР утверждение на должность осуществлялось Главпрофобром Наркомпроса БССР по согласованию с Центральным еврейским бюро НКП. Подбирать кадры для техникума помогали также окружной отдел народного образования и еврейское бюро Витебского окружкома КП(б)Б. Так, на заседании евбюро окружкома КП(б)Б Л.С. Калецкий, возглавивший с сентября 1924 г. техникум, просил решить вопрос о заведующем учебной частью. Евбюро в декабре 1924 г. рекомендовало освободить от работы в 1-й еврейской семилетней школе А.Я. Розенцвейга для того, чтобы он возглавил учебную часть [8]. Большинство преподавателей были евреями, но работали здесь также белорусы и русские (художники И.Т. Гаврис, Е.С. Минин, профессор музыки А.П. Постников). Курс анатомии читали доктора, практиковавшие в больницах города (Б. Вовси, Б.М. Шапиро). Как правило, они же выполняли функции врача при техникуме. Пополнялся штат преподавателей и за счет его выпускников.

В начале 1924/1925 учебного года в техникуме уже работали все 4 курса [9] и обучалось 162 че-

ловека: 60 мужчин и 102 женщины. 21 учащийся был членом КП(б)Б, 31 – комсомольцы, остальные – беспартийные. 122 студента были выходцами из округов БССР, 18 – из РСФСР, 13 – из УССР, 11 – из других мест. Поступление в техникум осуществлялось по принципу социального отбора, который уточнялся на протяжении 1920-х гг. Из 162 слушателей 68 были детьми рабочих и крестьян, 6 – крестьянами, 45 – рабочими, а остальные 43 – служащими [10]. Среди учащихся преобладали горожане и выходцы из местечек. Постепенно ужесточались и возрастные требования. Контингент молодел, становилось меньше членов партии, но все больше комсомольцев. Многие поступали в техникум по направлениям отделов народного образования, еврейских секций губернских и уездных комитетов РКП(б), РКСМ, профсоюзов. Так, по направлению Витебского губкома КСМ в 1921 г. был принят в техникум «рабочий-пекарь с 7-летним стажем» Хацкель Моисеевич Дунец (1897 г.р.), активно занимавшийся партийной работой и возглавивший в 1923 г. еврейскую секцию губкома РКП(б). В 1924 г. Дунец начал преподавать обществоведение на 1-м и 2-м курсах техникума [11]. В 1921 г. Витебским комитетом коммунистической партии «Поалей-Цион» была рекомендована для учебы портниха со стажем Шварц Песя Абрамовна (жена Дунеца) [11, л. 4]. В июле 1925 г. по предложению евбюро окружкома КП(б)Б окружной Совет ремесленной и мелкой промышленности выделил из детей ремесленников трех человек и ходатайствовал об их зачислении в техникум. «Все указанные лица пролетарского происхождения и бедного состояния», – гарантировал Совет [12]. В 1926 г. при поступлении в вузы и техникумы по условиям приема с детьми рабочих уравняли детей специалистов, работавших в госучреждениях и предприятиях [13]. В 1927 г. была уточнена установленная ранее очередность категорий по социальному положению при зачислении в вузы и техникумы. Теперь в первую очередь должны были зачисляться дети из детдомов и подростки, направленные биржей труда. Во вторую очередь – дети рабочих и батраков (к этой категории также относились дети учителей и научных работников, специалистов, работающих в госорганах), затем – дети беднейших крестьян и «заняпалых саматужнікаў» и в последнюю очередь – все остальные [14].

В 1921 г. в здании бывшей Талмуд-Торы, где расположился техникум, ему принадлежал только первый этаж: 3 учебные аудитории, зал для игр и пения, комнаты для лаборатории и библиотеки, канцелярия. Сначала в здании также размещались несколько еврейских школ и вечерние еврейские курсы для взрослых [15]. В них учительствовали многие будущие преподаватели техникума. Кстати, работавшая здесь 10-я еврейская трудовая школа 2-й ступени была преобразована в 1-ю еврейскую семилетку, ставшую с 1925 г. опытной школой при техникуме [6, л. 22 об.]. Начиналась работа в трудных условиях. Не было парт, скамеек, учебников, программ. Преподаватели испытывали трудности с тем, чтобы наглядно объяснить материал. Приходилось обращаться в механический техникум, в профтехшколу металлистов с просьбой допустить слушателей для работы в их кабинеты и мастерские. В 1923 г. преподавательница пения из-за отсутствия инструмента (рояля или пианино) отказывалась заниматься со слушателями разучиванием песен [16]. Преподаватель физической культуры просил срочно изготовить 40 гимнастических деревянных палок, т.к. нет спортивных снарядов [16, л. 28]. Для проведения занятий по анатомии руководство учебного заведения просило Дом санитарного просвещения выделить на 10 дней «1 человеческий скелет, 1 человеческий череп целый и череп с горизонтальным разрезом и 1 крестец» [8, л. 86].

Тяжело пришлось и слушателям набора 1921 г. Шел организационный период, все начинали фактически с нуля, были неувязки с финансированием. В октябре 1921 г. Л.И. Фельдман даже боялся «массового бегства из техникума» и просил губернский отдел народного образования выдать аванс в счет причитающейся стипендии, т.к. слушатели буквально голодали, не имея никаких средств удовлетворить самые элементарные потребности: сходить в баню, постричься, купить еду [2, л. 17]. Многие переболели тифом. Выручала столовая при техникуме. Чтобы както решить проблему с продуктами питания, в начале 1922 г. руководство просило губернский земельный отдел закрепить за техникумом участок земли в размере 70 кв. сажен, «который будет обрабатываться силами наших слушателей» [2, л. 218]. Этот участок земли располагался на территории от нынешнего Художественного музея (тогда Дворца Труда) до театра «Лялька». В январе 1922 г. руководство техникума ходатайствовало перед губернским отделом народного образования о предоставлении приезжим учащимся бесплатного проезда по железной дороге домой на каникулы. Поездка на родину была необходима по причине «тяжелого положения студентов, они изголодались и обносились так, что поездка для каждого из них на родину является абсолютно необходимой для поправления здоровья и доставки продовольствия и одежды» [2, л. 148]. Участвовали слушатели техникума и в заготовке дров, о чем свидетельствовала просьба руководства в губернский отдел здравоохранения «выделить некоторое количество перевязочного материала для студентов, которые отправляются на две недели в Подберезье для заготовки дров»

[2, л. 83]. Оказывали помощь техникуму американские благотворительные организации «АРА» и «Джойнт». В тяжелом 1922 г. на витебское отделение «АРА» неоднократно переводились деньги для приобретения продуктов для слушателей техникума [17]. В 1922–1925 гг. определенные денежные средства на дополнительное питание учащимся переводились и московским отделением «Джойнта» [9, л. 40; 18].

В документах 1921 г. упоминается, что техникуму принадлежал «интернат на 55 мест». Вероятно, он располагался в нескольких помещениях закрытой в том же году Узгорской синагоги на ул. Володарского, д. 15 (сейчас ул. Суворова), где был открыт Еврейский коммунистический университет. Подтверждается это тем, что заведующий губонов в сентябре 1923 г. предлагал руководству техникума «немедленно освободить два помещения в 1 и 2-м этажах с южной стороны большого белого корпуса бывшей синагоги (Володарская, 15), занимаемого общежитием евпедтехникума». Ученикам надо было уплотниться (временно), переселившись в «помещение, расположенное на 2-м этаже (над столовой евобщесткома) флигеля во дворе, занятое их же товарищами» [15, л. 66]. Чуть позже техникуму были выделены помещения под два общежития: одно – на Мало-Могилевской ул. (ныне ул. Калинина), д. 11/13, второе размещалось на Задуновской ул. (сейчас проспект Фрунзе), д. 46. В апреле 1926 г. в них уже проживало 125 человек [13, л. 37]. В годы становления техникум поддерживал Витебский еврейский общественный комитет. В 1922 г. он выделил для его нужд 10 млн рублей [2, л. 212]. В феврале 1923 г. на заседании медико-санитарной комиссии Витебского евобщесткома слушался вопрос о санитарном состоянии техникума. Докладывал информацию доктор техникума Б. Вовси, присутствовали на заседании заведующий Л. Фельдман и заместитель по учебной работе Л. Калецкий. Врачей, входивших в комиссию, беспокоило плохое питание курсантов, отсутствие физических нагрузок, переутомление из-за занятий до 2–3-х часов ночи. Они были эмоциональны и категоричны: непосильная работа и недостаточное питание в течение 4-х лет превратят курсантов в «анемичных неврастеников», а отсутствие физических нагрузок – «в сплошных дегенератов». Члены комиссии рекомендовали рассмотреть на педсовете вопрос о плане занятий, чтобы избежать перегрузок из-за тяжелых условий учебы. Плохо обстояли дела и в общежитии. Задавался резонный вопрос: как будущие учителя будут вести потом школьно-санитарную работу, если живут в столь безобразных условиях? Сырость в палатах, отсутствие белья, одеял у многих курсантов, отсутствие ухода за зубами, недостаток отопления, керосиновое освещение, густой пар на кухне, отвратительное состояние клозетов – вот что констатировалось на заседании [15, л. 2]. Речь шла о необходимости срочного ремонта клозетов, об улучшении отопления, о важности перевода общежития на электрическое освещение. Не совсем ясно, о каком общежитии тогда шла речь? В документах упоминается об осуществленном в 1923–1924 гг. капитальном ремонте общежития на ул. Задуновской, задолженность за который техникум все еще погашал строителям в 1926 г. [13, л. 109]. Проблема общежитий оставалась злободневной все 1920-е гг. Особенно сложными условия проживания были в общежитии на Мало-Могилевской ул. Капитального ремонта там не было несколько десятилетий, оно было холодным и сырым, что способствовало заболеваемости среди слушателей, вплоть до туберкулеза. Руководство техникума неоднократно пыталось добиться нового здания под общежитие или решения о капитальном ремонте старого [14, л. 44].

«Известия Витебского губисполкома и губкома РКП(б)» летом 1923 г. сообщали, что бюро ячейки РКП(б) еврейского педтехникума готовится к двухлетнему юбилею своего учебного заведения. 25 июня 1923 г. должен был состояться торжественный вечер со спектаклем и спортивными мероприятиями. На юбилей приглашались партийные органы и подшефные организации, представители других еврейских педтехникумов республики. Послано специальное приглашение Эстер Фрумкиной, имя которой носил техникум [19]. В 1924 г. состоялся первый выпуск: это были 14 слушателей, которые в 1921 г. поступали сразу на второй курс. Проверочная комиссия в составе 9 человек беседовала с выпускниками по 8 предметам: теория и практика трудовой школы, практическая работа в школе, еврейская литература, русская литература, политэкономия и политические знания, а также Конституция СССР и экономическая география СССР. Комиссия отмечала качество знаний, уровень политического развития, общественную активность выпускников в годы учебы. Характерно, что нехватка кадров в еврейских школах была такой, что все выпускники в годы учебы подрабатывали в еврейских учебных или дошкольных заведениях [11, л. 10]. В 1925 г. состоялся второй выпуск техникума (31 человек). Среди выпускников был, кстати, Юдовин Моисей Ицкович, имевший 6-летний стаж работы (в евбюро Лепельского уоно, в витебском клубе им. Хайкина, в центральной еврейской библиотеке им. Переца). Он поступил в техникум в 1924 г. сразу на 4 курс. Поэт, серьезный и вдумчивый, достигший хороших успехов в науках, хорошего общего и политического развития – так характеризовала Юдовина комиссия, считавшая, что его можно использовать как

для общественно-просветительной работы, так и для преподавания гуманитарных наук, главным образом, еврейского языка и литературы [11, л. 4]. Что он и делал, став преподавателем родного техникума.

В связи с выпуском 1925 г. секретарь Витебского окружкома КП(б)Б прислал приветственное письмо, в котором существование техникума оценил как доказательство правильности советской национальной политики. Поздравляя выпускников, он призвал их идти в местечки и нарождающиеся еврейские земледельческие поселения, служить интересам рабочих и крестьян, действовать рука об руку с советскими и партийными органами, выкорчевывать безграмотность и суеверия, строить новую трудовую школу и сеять «семя коммунизма в среду трудящихся масс» [12, л. 143]. Текст приветствия очень хорошо иллюстрирует предназначение учебного заведения: с помощью его выпускников способствовать формированию новой социальной идентичности в еврейской среде.

В 1924/1925 учебном году техникум переживал кризис роста. Все в тех же трех аудиториях учились уже четыре курса. Появилось оборудование для кабинетов и лабораторий, было издано значительное количество учебных пособий. В здании также работала 1-я еврейская семилетняя школа, которая получила статус опытно-экспериментальной школы при техникуме, и в ней проходил педагогический практикум. А на втором этаже здания по-прежнему размещалась 2-я еврейская школа. Весной-летом 1925 г. руководство предприняло активные попытки получить все здание. Были написаны докладные записки о состоянии техникума: одна записка – в евбюро окружкома КП(б)Б, другая – в евбюро окружного отдела народного образования. В них заведующий техникумом Л. Калецкий обосновывал необходимость выполнения решения о переводе 2-й еврейской школы в другое помещение и передачи второго этажа техникуму. Нехватка помещений препятствовала переходу на лабораторный метод учебы, затрудняла кружковую работу. Учебное заведение давно «переросло» выделенные ему помещения, и, по мнению заведующего, «будет влачить жалкое существование и не сможет дать своим воспитанникам навыков самостоятельного и самодеятельного труда в духе требований современной школы» [20]. К концу 1925 г. вопрос был решен положительно и техникум получил помещения на 2-м этаже, там был сделан ремонт, проведено электричество, что, несомненно, улучшило условия для проведения занятий. В полуподвальном помещении располагались кухня и столовая, жилье технического персонала. При техникуме была своя прачечная, три швейные машины марки «Зингер». Улучшалась материальная база учебного заведения. Библиотека уже насчитывала 6000 томов, для проведения занятий были заказаны 6 микроскопов из Вены, появилось пианино фирмы «Шредер». Но при этом из-за нехватки мебели плохо использовалась часть помещения техникума, выделенного под клуб. Постоянной была нехватка ассигнований на приобретение дров, из-за этого техникум и общежития отапливались плохо, периодически возникали проблемы с приготовлением пищи или стиркой белья студентов в прачечных [20, л. 8].

Большинство учащихся техникума проживали только на стипендию, которая была небольшой, но для них очень значимой. Тогда стипендия, как правило, на руки не выдавалась. На эти деньги организовывались трехразовое питание в столовой, стирка белья, поход в баню, покупалось мыло, оплачивалась работа врача. В 1920-е гг. большую роль в организации работы кухни и столовой играл профком, студент – член хозяйственной комиссии профкома фактически заведовал закупкой продуктов, вел документацию, участвовал в составлении меню. По указанию НКП СССР в конце 1924 г. выделенные для учащихся стипендии можно было делить пополам. С декабря 1924 г. 59 стипендий разделили между 76 учащимися на 42 полные (по 10 руб.) и 34 полстипендии (по 5 руб.). Чтобы не потерять учащихся, техникум просил руководство местного профсоюза работников просвещения, профсоюза кустарей, совпартшколу, окроно выделить для учащихся по 1–2 стипендии в 8–10 рублей и спасти положение [9, л. 82]. Также некоторое количество учащихся обратилось на биржу труда в поисках работы в вечернее время. Руководство пыталось устраивать самых проблемных учащихся в дом отдыха общества «Друзья детей», выделяло материальную помощь больным, стремилось получить дополнительные средства от «Джойнта». Стипендиальная комиссия учитывала социальное и материальное положение, браки или разводы учащихся, снимала стипендии за неуспеваемость.

Ситуация оказалась тогда чрезвычайно сложной для всего студенчества страны. Ею озаботился Наркомат рабоче-крестьянской инспекции СССР. Обсуждалась проблема и в Минске. На совещании профсоюзных секций педтехникумов, профкома БГУ и руководства профсоюза работников просвещения отмечалось, что из-за недостаточного количества стипендий наблюдались тяжелейшее материальное положение и плохое физическое состояние учащихся во всех учебных заведениях педагогического профиля БССР. Представитель от Витебского еврейского техникума выражал недоумение: почему стипендии, которых и так мало, еще и распределяются неравномерно? Минский евпедтехникум на 150 студентов получал 85 стипендий, а витебский

на 160 – только 65 [12, л. 92]. В апреле 1925 г. от имени ответственного секретаря ячейки КП(б)Б техникума была подготовлена докладная записка в отдел агитпропа окружкома партии (на документе фамилии и подписи нет). В ней говорилось о тяжелом положении, которое сложилось в связи с тем, что на 159 учащихся в конце 1924 г. выделялось 59 стипендий по 10 рублей, а с января 1925 г. – 65 стипендий по 13 рублей. В докладной записке приводился социальный состав учащихся, отмечалось, что 91 человек является членом профсоюза, 51 – комсомольцы, 19 – члены и кандидаты КПБ. Причем, в техникуме училось только 14 местных городских жителей, 24 – это «беспризорные и бездомные, потерявшие связь с семьей». Среди них были детдомовцы, выходцы из «закордонной Белоруссии и Польши» [20, л. 1]. Стипендиальная комиссия оказалась в безвыходном положении, т.к. не могла удовлетворить всех нуждающихся. Отказ в стипендии привел бы к тому, что 30 учащимся пришлось бы «вернуться в местечко без перспектив к дальнейшему образованию и существованию». Было принято решение разрешить этим учащимся столоваться из общего котла, что ухудшило ситуацию с питанием для всех. Но записка писалась в агитпроп, поэтому просьбы о единовременном пособии на 1000 рублей и выделении средств на стипендии на два летних месяца для 40 стипендиатов, которым некуда ехать на каникулы, сопровождались идеологическими мотивами. Ячейка предупреждала, что могут возникнуть нежелательные конфликты и осложнения из-за того, что все учащиеся одного социального слоя и имеют право на стипендию. Но счастливчик тот, кто вступил в комсомол и тем самым получил доступ в профсоюз, а значит и право на стипендию [20, л. 1 об.]. А на вышеупоминаемом совещании в Минске речь шла о том, что фактически прием в профсоюз искусственно сдерживался, т.к. в него принимались учащиеся 3–4 курсов [12, л. 92]. Так что общественно-политическая активность молодежи явно стимулировалась и материальными факторами. В апреле 1926 г. стипендию уже получали 99 учащихся, практика деления стипендий сохранялась. В 1927/1928 учебном году на 150 учащихся было выделено 89 стипендий по 15 руб. Стипендиальная комиссия разделила их на 67 полных и 44 полстипендии [21]. В феврале 1928 г. их распределение пересмотрели в связи с изменением социального и имущественного положения родителей или самих учащихся. Если кто-то из родителей имел патент на торговлю, это сразу приводило к лишению стипендии. Сняли стипендию с учащейся, которая вступила в брак (муж получал зарплату 80 руб.), и, наоборот, назначили половинную стипендию той, которая была на иждивении мужа, но развелась. Получил половинную стипендию и учащийся, чей отец, бывший меламедом, теперь стал сторожем. Лишили стипендии 4-х учащихся за неуспеваемость [21, л. 8]. На лето снимали стипендию у тех, кто устраивался работать на детские площадки. Ситуация опять обострилась осенью 1928 г. В ноябре НКП принял решение о постепенной ликвидации дробления стипендий. Это вынудило руководство техникума обратиться в центральное правление «ОЗЕТ» в Москву, в белорусское правление «ОЗЕТ» в Минске, а также в витебское окружное правление с просьбой выделить по несколько стипендий для студентов-крестьян, число которых растет и составило уже 20% от всех учащихся [22]. Стипендиальная комиссия техникума в феврале 1929 г. особое внимание уделила первому курсу, где дробление было наибольшим, там решили оставить только 4 полстипендии для детей рабочих из Витебска, которые проживали с родителями. По мнению комиссии, лишить их вообще стипендии по социальному положению (дети рабочих) нельзя, а по имущественному (живут с родителями) выплачивать полную нецелесообразно [21, л. 23].

Что касается учебного процесса, то наполнение его дисциплинами изменялось на протяжении всех 1920-х гг. В соответствии с учебным планом 1924 г. на подготовительном курсе изучались математика, природоведение, география, история, обществоведение, русский и еврейский языки, а также физвоспитание, рисование и пение. На первом основном добавлялись русская и еврейская литературы и «трудовые процессы», на втором – физика с практическими работами, анатомия и физиология человека, на третьем – химия. Далее планы менялись в соответствии с все большей политизацией образования, общими преобразованиями в системе образования, а также и административно-территориальными изменениями. С вхождением Витебской губернии в состав БССР и реализацией политики белорусизации в учебные планы техникума включается изучение белорусского языка и литературы, в ведении документации начинает использоваться белорусский язык. Русская литература стала изучаться в одном блоке с западноевропейской, а русский язык исчез из программы на несколько лет и был восстановлен в 1928 г. Проблемы с успеваемостью по белорусскому языку волновали руководство и потому, что в техникуме учились слушатели из РСФСР, УССР, Литвы, Польши. Испытал на себе техникум и все педагогические поиски 1920-х гг. С переходом с 1925 г. на Дальтон-план оборудовали физико-химический и биологический кабинеты, кабинет сельского хозяйства. Чрезвычайно распространены были экскурсии. Появилась педология. Много внимания уделялось педагогическим курсам и практи-

ке. Потом помимо педагогического практикума появился еще сельскохозяйственный, а затем и индустриальный практикум на заводах и фабриках Витебска. Протоколы заседаний предметных комиссий техникума показывают, что мнения преподавателей и слушателей о содержании изучаемой дисциплины и об объеме выполняемой работы не всегда совпадали. Если при изучении еврейской литературы и языка слушатели хотели больше современного журнального материала, а не только классики, и не таких больших письменных работ, то преподаватели настаивали на максимальном внимании к изучению грамматики, развитию речи, необходимости «заняться изучением древнееврейского языка, трансификации и лексики» [23]. Поскольку в курсе литературы вместе изучались русская и западноевропейская литература, возникали споры о перегруженности программы, об исключении или сохранении западноевропейской литературы в ней, введении курса русского языка, т.к. 40% студентов владели им слабо. Студенты считали, что преподаватель при разборе не показывает, как произведение отражает эпоху, а сам преподаватель жаловался на то, что из-за нехватки времени он не может уделить внимание анализу композиции и особенностям языка, считал, что студенты часто специально отказываются отвечать, мотивируя это незнанием языка [23, л. 14, 20].

Начало «Великого перелома» сразу сказалось и на работе техникума. С 1928/1929 учебного года в планах появились такие предметы, как методика политико-просветительной работы с населением, основы кооперации и коллективизации сельского хозяйства, а также на 1 час в неделю увеличили изучение «истории классовой борьбы» на 1–3 курсах с целью внесения в курс еврейских элементов обществоведения [24]. После активизации с 1929 г. антирелигиозной борьбы и резолюции съезда безбожников об антирелигиозном воспитании в школах в программе курса по политпросветработе надо было больше внимания и часов уделять на антирелигиозное воспитание в техникуме. Научно-методический комитет НКП БССР в декабре 1929 г. поручил техникуму совместно с еврейским инспектором Витебского округа разработать методическое письмо о методах проведения антирелигиозного воспитания в еврейских школах на основе выборочного обследования 10–15 школ Витебского и Полоцкого округов [24, л. 18]. В условиях ужесточения борьбы с религией и антисемитизмом в ходе практики на 4 курсе в «Схему изучения местечковой школы» было добавлено интернациональное и антирелигиозное воспитание. Практикантам предлагалось выяснить, что делается школой в области антирелигиозного воспитания, ведется ли работа с родителями, как школа борется с хедерами и влиянием религиозных праздников на детей. Если ранее в ходе практики надо было собирать еврейский фольклор, то теперь предлагалось выявить, какие шовинистические словечки и фразы по отношению к неевреям имеются у детей и как шла борьба с ними? Выпускники-практиканты должны были провести беседы с детьми на темы антисемитизма, еврейского шовинизма и национализма, попытаться установить контакты между детьми разных школ, если их не было [25]. В 1929/1930 учебном году в «Схему» добавили раздел «Вопросы классового воспитания детей», предусматривавший выявление настроений учеников в связи с развертывавшейся коллективизацией [26]. Во второй половине 1927/1928 учебного года появилась военная подготовка, и в основном женский контингент техникума приобщался к военизации, учился стрелять.

С 1928–1929 гг. еще больше ужесточились требования к социальному происхождению поступавших в учебные заведения. Постановлением НКП СССР устанавливались (хотя не подлежали оглашению) две обязательные курии для поступавших: курия рабочих (30% мест) и курия крестьян (55% мест), ответственность за выполнение куриальных норм возлагалась на руководителя учебного заведения. Незанятые места этих курий запрещалось передавать выходцам из других социальных групп [27]. В 1929 г. увеличилось количество студентов, исключенных за сокрытие ими своего социального положения. По всей БССР после проверки социального положения было выявлено и исключено более 200 студентов [27, л. 7]. Отразилась эта волна и на техникуме. Весной 1929 г. на заседании Совета техникума рассматривалось пять дел о сокрытии социального положения. Анализ протоколов заседаний Совета техникума показывает, что мнения студентов и преподавателей часто не совпадали. Для преподавателей было важно, каким студентом был тот, чье дело рассматривалось. Они пытались защитить хороших студентов, не исключать их без внимательного изучения предъявляемых обвинений и достоверности доказательств их вины. Профком был настроен более радикально. Студентам казалась подозрительной «скрытность» одной сокурсницы и они делали вывод, необоснованный по мнению преподавателей, что она «будет вредным спецом», чуждой им казалась «склонность ко всякого рода настроениям и мечтательность» другой. Преподаватели не желали исключать «одну из лучших студенток» в первом случае, а во втором случае родителей «мечтательницы-студентки» (мать – торговку яблоками и отца – сборщика тряпья при семье в 8 человек) они не воспринимали как социально чуждый элемент. Но настаивали на исключении студентки 4 курса («никакой студентки») за то,

что скрыла, что отец – раввин в м. Шацк, указав в анкете, что он крестьянин. Студенты доказывали, что Г. ничего не скрывала, с 1923 г. порвала с семьей, с 1926 г. жила на иждивении мужа – члена партии. Преподаватели не согласились с доводами профкома и студентов, мнения разделились, и дело передали в Наркомпрос БССР [28]. Среди преподавателей шли споры по поводу студента 4-го курса, по анкетам 1925 г. и 1928 г. – выходца из местечковой бедноты. Но в 1929 г. поступили сведения, что его мать была «компаньонкой торговца 3-го разряда». Студент доказывал, что это клевета и что он обратился в Оршанскую РКИ с ходатайством о расследовании дела и наказании за клевету. Предложение – дождаться итогов расследования – было поддержано 6-тью голосами, за исключение проголосовали 13 человек. А вот студентка С. была исключена фактически без споров, так как было доказано, что в анкете, заверенной Глусским РИК, она к слову «торговец» дописала «первого разряда», хотя ее отец все время занимался торговлей кожаными товарами [28, л. 17]. Надо понимать, что это было очень важное дополнение, т.к. патент 1-го разряда выдавался именно мелким торговцам, что было более приемлемо по социальным критериям. Интересно, что, поступая в техникум в 1926 г., С. «сдала приемные испытания отлично, лучше всех экзаменовавшихся», по социальным критериям (дочь мелкого торговца) была зачислена только кандидатом под № 3. Однако решением приемной комиссии ее даже переместили на первое место среди кандидатов, а потом она стала полноценной студенткой [29]. НКП БССР студентке Г. объявил выговор, но жалоба С. на решение Совета об исключении была отклонена, и ее исключили за подделку документов, сокрытие социального положения, политическую пассивность [30]. Так ломались судьбы молодых людей, вынужденных «подстраивать» свои биографии под потребности времени и нужных классовых критериев.

Выпускники техникума должны были работать в школах с обучением на идише, поэтому значительное количество часов выделялось на совершенствование еврейского языка и литературы, изучался курс истории еврейской культуры. Однако сама концепция еврейской истории была исключена из программы. Изначальные попытки витебской евсекции Главпрофобра ввести на факультативной основе изучение древнееврейского языка со второго года обучения в техникуме одобрения в Москве не получили [15, л. 9]. В курсе еврейской литературы изучались произведения Ш. Алейхема и М. Мойхл-Сфорима, советских писателей. Интересно, что в начале 1922 г. губоно издал приказ, в соответствии с которым здание бывшей Талмуд-Торы, в котором размещалось несколько еврейских школ, еврейский педагогический техникум, вечерние еврейские курсы, надо было «впредь именовать “Домом просвещения имени Менделе Мохер Сфорим”» [15, л. 10]. Вероятно, это была попытка создать еще один центр национальной культуры. Однако за единичными исключениями упоминания о таком статусе здания не встречались. А.М. Подлипский упоминает прошедший в Доме просвещения творческий вечер молодого поэта Моисея Юдовина, чей сборник стихов на языке идиш «Кнойлн» («Клубки») вышел в Витебске в 1922 г. [7, с. 109]. Нами же обнаружен документ, содержание которого симптоматично. В апреле 1923 г. евбюрогубоно извещало руководство техникума, что в субботу, 22 апреля в 7 часов вечера, в Доме им. Менделе состоится собрание культработников. *На повестке дня вопрос о введении воскресного отдыха в школах и детских учреждениях* (выделено нами. – *Г.Я.*) [18, л. 16]. Здесь показательна не только повестка собрания, но день и время его проведения! Бороться с традицией соблюдения Шабата нужно было именно в субботу!

Политика белорусизации способствовала расширению в БССР количества школ на языках национальных меньшинств. Идиш был признан одним из государственных языков. Расширялась сфера его употребления в партийной, профсоюзной, судебной деятельности. Увеличился набор в техникум. Учащиеся проходили практику в опытной школе при техникуме, в школах города и в школе «фольварка Колышки» Лиозненского района [8, л. 1]. Здесь проживало много еврейского населения, и в рамках политики белорусизации был создан Колышанский еврейский национальный совет. Практической подготовке учащихся для работы в школе тогда уделялось большое внимание. Шли дискуссии, где и как ее лучше проводить. Совещание по педагогическому образованию, состоявшееся в Минске в начале 1926 г., обсуждало не только опыт работы и учебные планы в связи с переходом на Дальтон-план, но и вопросы организации педагогической практики студентов педтехникумов. Тогда было рекомендовано, помимо практики в опытных школах при техникумах и городских массовых школах, ознакомить студентов выпускного курса с работой сельской или местечковой школы и просить у НКП БССР выделения соответствующих средств [13, л. 92]. В 1926–1927 учебном году после зимних каникул такая двухнедельная педагогическая практика для слушателей 4-го курса была организована впервые.

Для поступления в техникум необходимо было пройти коллоквиум (собеседование), по результатам которого принимали в учебное заведение. Еще до вступительных испытаний абитуриенты проходили отбор, на котором комиссия решала: допустить к коллоквиуму или нет. И не

каждый абитуриент успешно его проходил. В 1924 г., например, было подано 78 заявлений, но комиссия не допустила к коллоквиуму 33 человека [9, л. 57]. В 1925 г. не допустили в собеседованию по социальному происхождению парня, т.к. его отец был резником, хотя и нетрудоспособным, а также девушку – дочь шамеса (служителя синагоги. – *Г.Я.*) [31]. В техникуме готовили «красных учителей», которые должны были нести в еврейские массы новый взгляд на мир, способствовать их включению в социалистическое строительство. Здесь учились разные по общеобразовательному и политическому уровню развития учащиеся. Но они четко понимали, чего от них ждет советская власть и каково их предназначение в обществе. Это хорошо прослеживается в тех письменных работах, которые ими представлялись при собеседованиях. Одна из поступавших в техникум девушек писала: «“Красный педагог” является общественным работником», а молодой человек, отвечая на вопрос вступительного сочинения «Чего я жду от евпедтехникума?», извиняясь за свой плохой русский язык, писал: «Евпедтехникум – кузница, которая вырабатывает еврейских педагогов закаленных, которые отдадут свою жизнь для того, чтобы вывести рабочий класс и крестьянство от фанатизма, от тьмы к свету». Абитуриентка из Хотимска писала, что если поступит в техникум, то будет жить со своими товарищами одной семьей, будет развиваться, будет учиться не для того, чтобы сделать карьеру, а чтобы «дать пользу государству в смысле просвещения детей в какой-либо глухой деревушке» [32]. Другая поступала в техникум, чтобы стать «хорошей работницей на еврейской улице» [32, л. 24 об.]. Интересны тексты тех, кто писал сочинение на тему «Как у нас встретили смерть Ленина». Одни усвоили тексты газетных передовиц 1924 г. о вожде и их воспроизводили. Другие, описывая траурные митинги, собрания и демонстрации, проходившие в их местечках и деревнях, со всей непосредственностью могли написать, что «смерть Ленина была встречена у нас очень трогательно и с ужасом», «после смерти Ленина люди очень возмутились и пали духом» [32, л. 4, 22]. А третьи уже усвоили классовый подход и показали его, выявив неоднозначную реакцию на смерть лидера РКП(б). Один из авторов утверждал, что на сходке, организованной сельсоветом в их маленькой деревне в 20 верстах от города, беднота по поводу смерти Ленина волновалась, а из богатейших говорили: «И Троцкому тудды хорошо!». Второй отмечал, что в их местечке смерть Ленина встретили по-разному. Одни безразлично, другие сочувственно. «Были и такие люди, которые просто радовались смерти тов. Ленина, т.е. это были контрреволюционеры, которые надеялись, что после смерти Ленина пролетариат пойдет по неправильному пути» [32, л. 9 об., 16]. Сохранилось вступительное сочинение Льва Талалая (Мовши Лейба) о его первых впечатлениях от Витебска и техникума. Он поступал в техникум в 1925 г. Проучился в нем до 1929 г. Работа Талалая отличалась грамотностью и неплохим стилем («проворные трамваи», «величественная Двина», «глухая деревня, где вечно тихо и где жизнь однообразна»). А также в ней были расставлены все нужные идеологические акценты: одобряемые советской властью профессиональные занятия еврейского парня, требуемое социальное положение и политические предпочтения. Крестьянин-землепашец, обладавший 5-тью десятинами земли и 10-летним стажем работы, он своим примером развенчивал стереотипы, что «евреи не бывают земледельцами», кстати, об этом ему говорила даже какая-то «барышня» в общежитии на Мало-Могилевской улице, куда он попал по приезде в город. Талалай в сочинении красочно «описал» свой сон в первую ночь пребывания в Витебске. Содержание сна настолько наглядно, что приведем его полностью. Автор писал, что во сне видел «мою родную деревню. Она была на красном фоне. Возле читальни собрались крестьяне… Читают газету “Дэр Вэкэр” и именно ту заметку, которую я перед отъездом послал в редакцию; о том, что у нас нет школы, а потому детишки не учатся, или же попадают в “хедер”, где “Меламед” (учитель) их воспитывает плетью и пощечинами на согнившей от ветхости библии». На листке сочинения сохранился комментарий члена Испытательной комиссии: «Прекрасная работа во всех отношениях» [33]. Л. Талалай в годы учебы в техникуме участвовал в литературных вечерах, читал на них свои стихи, потом служил в РККА, работал в минских еврейских газетах в 1930-е гг., учительствовал. Автор трех сборников стихов на идиш. Л. Талалай погиб в 1942 г. [7, с. 109]. В книге, посвященной могилевским евреям, Я. Климут пишет о Талалае: «Сведения о его жизни и трудовой деятельности очень скудные. В справочниках стоит год рождения 1906. Родился Л. Талалай на Могилевщине в семье еврейских крестьян. В тоненьком личном деле на две страницы, которое посчастливилось найти, нет ни даты, ни конкретного места рождения. Из этого дела, правда, можно узнать, что Лев Талалай в 1925–1926 учебном году работал учителем в Вендорожской начальной школе. Эти сведения подтверждаются и другими документами. Согласно протоколам заседаний могилевской филии “Маладняка”, он принимал в них активное участие, хотя в списке членов не значился (возможно, был кандидатом). С 1926 по 1928 г. Лев Талалай учился в Витебском педагогическом техникуме, затем до 1932 г. служил

в Красной Армии. После демобилизации работал в газете “Юнгерарбайтер” (“Молодой рабочий”), а примерно в 1937 г. преподавал русский язык и литературу в одной из минских школ» [34]. В ГАВт сохранились две анкеты Талалая Льва (Мовши Лейбы) Борисовича (Беровича). Одна, для поступления в техникум, заполнялась им 5 июля 1925 г. Там указывалось, что он родился 3 января 1909 г., что в 1924 г. был селькором газеты «Магілёўскі селянін», окончил в 1925 г. школу при могилевском педтехникуме. Интересно, что анкета заполнялась им для поступления именно в могилевский педтехникум (или он ошибся при заполнении?). 15 ноября 1928 г. им подписана анкета уже как студента ВЕПТ. В ней он указывал, что является студентом 4-го курса, членом профсоюза работников просвещения и членом ЛКСМБ. Отец был земледельцем – бедняком, освобожденным от уплаты налога [35]. В «Списках подавших заявление в техникум на 1925/1926 год», где он отмечен как поступивший на первый курс, указано, что ему 16 лет [д. 25, л. 3 об.]. В октябре 1926 г. он числился как студент второго курса [36]. Возможно, он начинал работать в упоминавшейся выше начальной школе? Но с очевидностью можно говорить о годе его рождения: 1909, а не 1906. И что учился он в Витебске с 1925 по 1929 г. Сохранилась выпускная характеристика, выданная Талалаю Лейбе Беровичу в 1929 г. В ней отмечалось, что он – 1909 г.р., обучался в техникуме 4 года, способности – хорошие (карандашом зачеркнуто и помечено «выше средних»). В графах «Развитие» и «Особые наклонности» отмечено: «Общее развитие вполне удовлетворительное, политически развит». «Проявил особый интерес к литературе. Проявляет определенные способности в литературном творчестве. Печатается». В графе, характеризовавшей активность на ниве общественной работы, подчеркнуто: «Хорошо проявил себя на политпросветработе (литературных кружках, антирелигиозной работе и т.д.)». Отметив добросовестность и дисциплинированность Талалая, то, что он вполне удовлетворительно усвоил учебный материал и хорошо провел педпрактикум, руководство в графе «Можно ли поручить заведывание школой», тем не менее написало «нет» [37]. Интересно, что частный пример с Талалаем подтверждает закономерность, хорошо просматриваемую в рекомендациях руководства, содержащихся в характеристиках выпускников. В них, как правило, отмечались политическая подготовка студента, его активность или пассивность в общественной жизни техникума и города, способность работать в детсаду, школе 1-го или 2-го концентра, целесообразность привлечения для пропагандистской работы в молодежной среде, склонность к организаторской деятельности или преподаванию определенной дисциплины и т.д. Так, выпускника 1924 г. рекомендовали использовать как преподавателя обществоведения, поскольку в годы учебы он руководил кружком по изучению программы РКП(б), кружками по чтению газет, по поручению парткома делал доклады в техникуме и на рабочих собраниях города о еврейской пасхе, о МОПРе, Коминтерне, жизни и деятельности Ленина [11, л. 10]. Другой – инициативный, ответственный, один из лучших пионерработников города – «проявлял способности и умения в драматических постановках и клубной работе вообще», но к заведованию школой тоже не рекомендован. Такое решение вписывали в характеристику только тем выпускникам, которые в годы учебы были на «ответственной комсомольской работе» (или профсоюзной) или были общественниками – членами партии [38]. Так, можно было поручить заведование школой 28-летнему выпускнику 1926 года Городенчику Беньямину Львовичу, обладавшему драматическим талантом, руководителю драматических кружков и хорошему организатору. Ведь он был кандидатом в члены КП(б) Б, хотя в анкете отмечено: «Политическое развитие среднее» [39]. Отмечались в характеристиках и недостатки: «исключался из комсомола за троцкизм», «исключалась из КСМ за пассивность. Без разрешения уехала в Москву», «в общественной работе не всегда согласовывал (свои поступки. – *Г.Я.*) с коллективом» [38, л. 25, 37].

Выпускники после окончания учебного заведения в обязательном порядке должны были отработать два года по распределению в учреждениях, подчиненных НКП БССР. Вероятно, уже тогда часть из них не доезжала до места распределения. Иначе НКП БССР не присылал бы грозных писем с требованием не выдавать на руки выпускникам аттестаты и их копии. Их надо было присылать в Главпрофобр для решения вопроса о распределении [12, л. 105]. Особенно обострилась ситуация в начале 1930-х гг. В документах встречаются меры по борьбе с «летунами» – студентами, которые, приобретя знания, бросали техникум и поступали в другие учебные заведения или не являлись по распределению.

Девушки и юноши выписывали газеты на еврейском языке, оказывали помощь в ликвидации неграмотности, самые подготовленные из них руководили политическими и литературными кружками, работали в местных школах и детских садах [8, л. 1]. Студенты играли важную роль в жизни самого техникума. Студенческий профком, пользовавшийся авторитетом, состоял из следующих комиссий: академической (организация учебной деятельности), культурно-просветительной (организация кружков, вечеров, развлечений, издание журнала и стенгазеты, ведение читаль-

ней), экономической (заведование кухней и столовой техникума), санитарной (ответственность за санитарное состояние интернатов, наблюдение за чистотой содержания кухни, столовой и всего здания техникума, за обслуживанием студентов в санитарно-медицинском отношении), шефской (руководила общественной работой техникума в Красной Армии, на трех фабриках и в одном местечке) и стипендиальной. Л. Калецкий в одном из своих отчетов 1926 г. в Главпрофобр сообщал, что еще с 1921 г. сложилась практика активного участия студенческой академической комиссии в организации учебного процесса. Академическая комиссия (четыре старосты курсов и председатель, выделенный профкомом) входила в состав Совета техникума, а также тесно работала с методической комиссией учебного заведения. В Совете студенты имели 8 голосов, т.к. в него еще входили председатель профкома и представители партийной и комсомольской ячеек студентов. В методической комиссии 5 студенческих голосов даже перевешивали 4 преподавательских [40]. Это сотрудничество помогало знать о настроениях студентов, степени удовлетворенности или неудовлетворенности работой преподавателей и т.д. Сотрудничество протекало достаточно мирно, хотя зависимость от студенческих голосов при принятии решения не нравилась преподавателям. Иногда конфликты возникали из-за несовпадения оценки работы отдельных преподавателей, объема нагрузки. Студенты вызывали негодование преподавателей тем, что проводили заседания или собрания в часы учебных занятий и т.д. Принятие нового единообразного устава техникумов изменило эту ситуацию.

В 1920-е гг. в учебном заведении действовали многочисленные кружки: художественный, спортивный, декламации, драматический, хоровой. Учитывая, что выпускники должны были стать активными проводниками политики партии на местах, их учили писать корреспонденции в газеты и руководить газетными кружками. Создавались кружки по изучению постановлений съездов ВКП(б) и КП(б)Б, конгрессов Коминтерна, будущие учителя должны были стать знатоками и организаторами юношеского движения [40, л. 56 об.; 24, л. 6]. Девушки принимали участие в работе среди женщин. Многие учащиеся активно занимались пионерской работой. Тесно сотрудничал техникум с губернской советской партийной школой им. Ф. Энгельса, местными предприятиями, проводя совместные мероприятия (литературные суды, спектакли, вечера, митинги). Так, 5 декабря 1922 г. слушатели техникума и совпартшколы участвовали в литературном суде над Алеко – героем произведения А.С. Пушкина «Цыганы» [17, л. 22]. Совместно с рабочими щетинной фабрики отмечались Октябрьские торжества [17, л. 22]. Студенты руководили кружками на фабрике, организовывали пункты по ликвидации неграмотности, выпускали стенгазеты. Коллектив техникума вел культурно-просветительскую работу в частях РККА, размещенных в городе. Осуществлялась просветительская деятельность в деревне. Отмечались новые государственные праздники: 1 Мая, 7 ноября, День Парижской коммуны, годовщины революции 1905 года. Эти праздники формировали новые политико-идеологические ориентиры населения. Комиссия по организации празднования 1 Мая, созданная при отделе народного образования Витебского губисполкома, предлагала руководству техникума в 1922 г. сделать распоряжение о явке преподавателей и учащихся «со знаменами и плакатами 1-го Мая к 11 часам утра на площадь Свободы для участия в Первомайском праздновании» [17, л. 110]. Наркомат просвещения БССР в апреле 1925 г. прислал распоряжение во все учебные заведения республики об организации празднования 1–2 Мая. Учителя должны были ознакомить детей с глубоким идейным смыслом лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» применительно к их возрасту. А дети на своих собраниях должны были провести беседы на тему «Наши братья на Западе». 1 мая следовало принять участие в общегородских мероприятиях, 2-го – организовать торжество своими силами с декламацией, хоровым пением, инсценировками [12, л. 86]. 25 января 1924 г. в техникуме состоялся траурный вечер, посвященный смерти В.И. Ленина. Учащиеся почтили его память вставанием и исполнением похоронного марша. После выступлений преподавателей, посвященных жизни и деятельности Ленина, ленинизму и «зачитывания воспоминаний» о нем, в ЦК РКП(б) была послана телеграмма, в которой говорилось, что «образ вождя будет нашей путеводной звездой в борьбе за его идеалы» [41]. В рамках БССР в 1925 г. отмечалось 20-летие литературной деятельности Я. Купалы. На собрании, проводимом по этому поводу, требовалось заслушать доклад о его деятельности и роли в развитии белорусской литературы, обеспечить чтение его произведений и концертную часть [12, л. 124]. В 1926 г. проходили мероприятия в связи с 20-летием белорусской периодической печати и литературного творчества Я. Коласа. Каждый год отмечались годовщины Октябрьской революции, в празднование массово вовлекались студенты вузов, учащиеся техникумов, ученики школ. Особенно значимой должна была стать 10-я годовщина Октября. Пришедшая в техникум инструкция из Наркомпроса БССР о праздновании 10-летия Октябрьской революции требовала создания комиссии по организации торжественных мероприятий по этому поводу. Предусматривался не только до-

клад о значении Октября, но и отчет о достижениях учебного заведения за годы советской власти. Надо было организовать выставку, отразить достижения в печати, членам кружков создать стихи, песни, сказки (!) по поводу знаменательного события [14, л. 179]. Облегчало подготовку выставки, а также оформление здания техникума и колонны студентов к демонстрации наличие художественного кружка. В техникуме принимали иностранные делегации, студенты и преподаватели участвовали в стрелковых соревнованиях, приобретали займы индустриализации.

Еврейский педагогический техникум был не просто учебным заведением, дававшим сумму знаний по базовым предметам на еврейском языке. Если религиозные учебные заведения, основанные на иудаизме, воспитывали правоверных евреев, то техникум также был местом воспитания, воспитания советского. Еврейская советская школа, как и вся новая еврейская культура на языке идиш, во многом была национальной только по форме. «Еврейское» в техникуме также носило советский характер. Его деятельность определялась не только инструкциями Главпрофобра НКП, но и указаниями евсекции губкома РКП(б), а позже – окружкома КП(б)Б и центрального евбюро при НКП БССР. Преподаватели техникума оказывали методическую помощь еврейскому учительству города. Заведующий техникумом Калецкий возглавлял витебское отделение ОЗЕТ (Общество по землеустройству трудящихся евреев), был делегатом 2-го Всесоюзного съезда еврейских культработников в 1928 г. М.И. Юдовин возглавлял кружок еврейских рабочих-корреспондентов. Вышеупомянутый Б.В. Городенчик успешно руководил драматическим кружком для рабочих. В техникуме проходили мероприятия, организуемые для местного населения. В 1926 г. при участии студентов и преподавателей по клубам города были проведены вечера, посвященные 10-летию кончины Шолом Алейхема [40]. Слушатели и преподаватели собирали деньги на еврейский самолет, выписывали газеты и журналы на языке идиш, издававшиеся в Москве, Харькове, Минске, покупали лотерейные билеты ОЗЕТ, участвовали в воскресниках и субботниках, вели агитацию против еврейских религиозных праздников. Включались в процесс усвоения новой советской обрядности: участвовали в проведении советских свадеб без попов и раввинов, «красных крестин» с выбором для новорожденных новых советских имен (Кима, Воля, Деяна) или имен в честь вождей (Нинель, Роза, Карл, Владимир). Подобием «красных крестин» у евреев стало «красное обрезание». В 1924 г. в Витебске таковое было устроено по случаю рождения сына у преподавателя еврейского педагогического техникума А. Розенцвейга. В торжестве приняли участие еврейские учителя, студенты, школьники, рабочие. И если первого сына Розенцвейга звали Самуилом, то второго в честь В.И. Ленина назвали Владимиром. Ему подарили портрет Ленина, подписку на собрание сочинений вождя, «Капитал» К. Маркса. Розенцвейг обещал собравшимся воспитать младенца в ленинском духе [42, с. 249]. Многие преподаватели техникума в своих послужных листах отмечали, что «женаты гражданским браком», что дети зарегистрированы в ЗАГСе. Те, кто женился до революции, указывали «духовный брак» или дипломатично указывали: «женат с 1912 г.». Некоторые, совсем в духе времени, указывали и «фактический брак» [6, л. 4, 29, 33].

Преобладающая часть еврейского населения местечек была очень религиозной, сохраняла приверженность своей вере и обусловленным ею традициям. Скорее всего, некоторые учащиеся техникума, оказавшись в домашней обстановке, соблюдали традиционные повседневные практики. Молодежь еще сохраняла классические еврейские имена, хотя упоминавшийся выше Мовша Лейба Талалай стал Львом Талалаем, а преподаватели техникума сменили отчества (Лев Шмуйлович на Самойлович, Айзик Янкелевич на Яковлевич). Появились смешанные браки, но преобладающая их часть все же заключалась в своей среде. Но именно эти юноши и девушки, оказавшись вне местечек, вступив в члены партии или ЛКСМБ, быстрее отказывались от повседневных бытовых практик, обусловленных иудаизмом, легче адаптировалась в новых социально-политических реалиях. Советизация с помощью идишизации достаточно быстро давала свои результаты. Среди части молодежи нарастали процессы ассимиляции.

Еврейские педагогические техникумы в Минске и Витебске (с 1925 г. и в Гомеле (в 1929 г. переведен в Смоленск вместе с учащимися) только за 4 года (с 1924 по 1927 г.) выпустили 276 специалистов [43]. Итоги работы витебского техникума были подведены на праздновании его 5-летия. Оно сопровождалось целой серией мероприятий, проведенных педагогами и учащимися учебного заведения, поздравлениями со стороны витебской и республиканской общественности за тот вклад, который внес техникум в подготовку «красных учителей». За первые 5 лет еврейский педагогический техникум в Витебске подготовил 86 учителей (1-й выпуск – 14, 2-й – 31, 3-й – 41 человек), которые не только преподавали в школах городов и местечек БССР, но и активно работали в еврейских национальных советах, в профсоюзах, избах-читальнях, среди местечковой молодежи [44].

Заключение. После революции религиозное образование детей было запрещено. Иврит стал

восприниматься как проявление буржуазного клерикализма, возобладало мнение о создании советского образования для еврейских детей на идише. Еврейская секция губкома РКП(б) стала инициатором борьбы с хедерами. Для подготовки «красных учителей» в 1921 г. в Витебске был открыт еврейский педагогический техникум. В техникум поступали на основе социально-классовых критериев. В первых наборах было много членов РКП(б) и ряда еврейских политических партий, училась молодежь из БССР, РСФСР и УССР. Активное участие студентов в жизни техникума и города, членство в профсоюзе, партии, комсомоле были не менее важны, чем успеваемость. Значимой в организации повседневной жизни техникума являлась роль профкома студентов. Материальные условия существования были тяжелыми, стипендии – маленькими, причем последние на руки не выдавались. На эти деньги обеспечивались питание в столовой техникума, стирка белья, поход в баню и т.д. Преподаватели и учащиеся техникума активно участвовали в пропаганде советских антирелигиозных обрядов, акциях международной солидарности, отмечали новые государственные праздники, вели культурно-просветительскую работу в частях РККА, руководили пионерскими отрядами.

Преподавание велось на идише, содержание образования было советским и менялось на протяжении всех 1920-х гг. Много внимания уделялось изучению еврейского языка, но попытки хотя бы факультативного изучения иврита не удались. В программе присутствовал курс еврейской культуры, но не было еврейской истории. С включением Витебской губернии в состав БССР в условиях белорусизации началось изучение белорусского языка и литературы. Учащиеся проходили практику в опытной школе при техникуме, еврейских школах города и местечек. Для многих обучение в техникуме открыло новые горизонты и изменило жизнь. С началом индустриализации и коллективизации ужесточились социальные критерии отбора, дети евреев, лишенных избирательных прав, желавшие изменить свою судьбу через получение учительской профессии, были исключены из техникума. Усилилось внимание к антирелигиозной составляющей образования и воспитания. Возросла роль военной подготовки. С одной стороны, техникум удовлетворял потребности в образовании еврейской молодежи, с другой – способствовал усвоению советской идеологии в этой среде.

Литература

1. Герасимова, И. Еврейское образование в Бобруйске: конец XIX – начало XX века / И. Герасимова [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://lechaim.ru/ARHIV/178/gerassimova.htm. – Дата доступа: 24.09.2017.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 905 (Витебский государственный еврейский педагогический техникум). – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 71.
3. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 21, 58.
4. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 160.
5. ГАВт. – Ф. 9-п. (Коллекция документов органов партийного и государственного контроля Витебской губернии). – Оп. 6. – Д. 2397. – Л. 1, 11.
6. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 22 об.
7. Подлипский, А.М. Евреи в Витебске: в 2 т. / А.М. Подлипский. – Витебск: УПП «Витебская областная типография», 2004. – Т. 1. – 176 с.
8. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 10.
9. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 44.
10. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 3.
11. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 8.
12. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 180.
13. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 28. – Л. 149.
14. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 113.
15. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 10.
16. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 80.
17. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 19.
18. ГАВт. – Ф 905. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 8, 48, 69, 75.
19. ГАВт. – Ф. 2289 (Коллекция периодической печати). – Оп. 2. – Д. 91. – Л. 7 об.
20. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 23. – Л. 6.
21. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 5.
22. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 49. – Л. 15.
23. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 44. – Л. 1.
24. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 4.
25. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 7.
26. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 86. – Л. 52.
27. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 74. – Л. 9, 10, 15.
28. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 20–22.
29. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 41. – Л. 6.
30. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 70. – Л. 39.
31. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 25. – Л. 8 об.
32. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 2, 5, 11.
33. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 4.
34. Климут, Я. Талалай Лев Борисович / Я. Климут // История могилевского еврейства. Документы и люди. Книга вторая. Ч. 1: Могилевские евреи в культуре и искусстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mogkalendar.besaba.com/doc/monografii/hist_ewrei/hist_mog_ewr_2_1/b2p1_13.pdf. – Дата доступа: 05.05.2017.
35. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 1028. – Л. 1, 2.
36. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 23.
37. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 78. – Л. 50.
38. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 94. – Л. 1, 8.
39. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 55. – Л. 5.
40. ГАВт. – Ф. 905. – Оп. 1. – Д. 38. – Л. 96.
41. ГАВт. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 93. – Л. 65 об.
42. Зельцер, А. Евреи советской провинции: Витебск и местечки. 1917–1941 / А. Зельцер. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 478 с.
43. Басин, Я.З. Большевизм и евреи: Белоруссия, 1920-е гг. Исторические очерки [Электронный ресурс] / Я.З. Басин. – 2008. – Режим доступа: http://mb.s5x.org/yazib.org/yb050100.html. – Дата доступа: 04.04.2017.
44. ГАВт. – Ф. 2289. – Оп. 2. – Д. 95. – Л. 15.

Поступила в редакцию 08.11.2017 г.

УДК 94(476)«1861/1914»:364.682:352.071(1-21)

Организация продовольственной помощи городскому населению белорусских губерний (1861–1914 гг.)

Моторова Н.С.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В пореформенный период обеспечение населения продовольствием являлось важным направлением в социальной политике правительства Российской империи.

Цель статьи – проанализировать эволюцию основных форм и методов оказания продовольственной помощи городскому населению белорусских губерний в 1861–1914 гг.

Материал и методы. *Исследование подготовлено на основе анализа законодательных актов, архивных источников и делопроизводственных материалов. Для достижения поставленной цели использовались анализ, синтез, сравнение, историко-генетический и историко-сравнительный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Организация продовольственного обеспечения населения входила в обязанности губернаторов. После проведения в 1875 г. на территории белорусских губерний городской реформы в оказании продовольственной помощи горожанам начали участвовать органы местного самоуправления. Они составляли таксы, создавали продовольственные комиссии и комитеты. С начала XX столетия в крупных городах органы самоуправления начали открывать собственные хлебопекарни и лавки, финансировали дешевые столовые.*

Заключение. *На протяжении 1861–1914 гг. организация продовольственной помощи городскому населению постепенно перешла в руки органов местного самоуправления, а за губернской администрацией сохранялся лишь общий контроль.*

Ключевые слова: *продовольственная помощь, города, губернская администрация, органы местного самоуправления, белорусские губернии.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 42–45)

Organization of Food Aid to the Urban Population of the Belarusian Provinces (1861–1914)

Motorova N.S.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the post-reform period, providing the population with food is an important direction in social policy of the Government of the Russian Empire.

The purpose of the article is to analyze the evolution of the basic forms and methods of providing food aid to the urban population of the Belarusian provinces in 1861–1914.

Material and methods. *The study was prepared on the basis of an analysis of legislative acts, archival sources and clerical materials. The analysis, synthesis, comparison, historical and genetic, historical and comparative methods were used to achieve this purpose.*

Findings and their discussion. *The organization of food security of the population was the responsibility of the governors. After carrying out the urban reform on the territory of the Belarusian provinces in 1875, local governments began to participate in the provision of food aid to the townspeople. They formed taxes, created food commissions and committees. Since the beginning of the XX century in large cities self-government bodies began to open their own bakeries and shops, financed cheap canteens.*

Conclusion. *During the period from 1861 to 1914, the organization of food aid to the urban population gradually passed into the hands of local self-government bodies, and overall control was maintained by the provincial administration only.*

Key words: *food aid, cities, provincial administration, local self-government bodies, Belarusian provinces.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 42–45)

Адрес для корреспонденции: e-mail: n.s.motorova@yandex.ru – **Н.С. Моторова**

В пореформенный период организация продовольственной помощи населению являлась важным направлением в социальной политике правительства Российской империи. Любые перебои в торговле продовольственными товарами могли вызвать неконтролируемый рост цен, спровоцировать спекуляции, поставить под угрозу благополучие целых регионов, привести к массовому недовольству населения и стихийным выступлениям. В особенно уязвимом положении находились жители городов, которые в большей степени зависели от своевременных поставок на рынки продовольствия из сельских районов.

На сегодняшний день организация продовольственной помощи в городах белорусских губерний в пореформенный период остается малоизученной темой. Она практически не затрагивается как в обобщающих работах по истории Беларуси, так и в специальных исследованиях, посвященных отдельным аспектам социально-экономического развития белорусских земель после отмены крепостного права.

Цель статьи – проанализировать эволюцию основных форм и методов оказания продовольственной помощи городскому населению белорусских губерний в 1861–1914 гг., выявить правовые условия ее реализации.

Материал и методы. Работа подготовлена на основе анализа законодательных актов, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи», а также архивных источников из фондов Национального исторического архива Беларуси в г. Минске и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно, опубликованных делопроизводственных материалов органов местного самоуправления. Методологической базой исследования являются как общенаучные (анализ, синтез, сравнение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. В начале 1860-х гг. организация продовольственной помощи городскому населению, как и вообще всем жителям той или иной губернии, входила в число обязанностей губернаторов. В этом отношении они руководствовались положениями, изложенными в «Общем наказе гражданским губернаторам» 1837 г. Согласно § 73–74 губернатор должен был принимать меры для обеспечения свободной торговли продовольственными товарами первой необходимости, не допуская спекуляций и необоснованного роста цен. Для этого городские власти обязаны были информировать губернскую администрацию о ценах на продовольствие и на их основании несколько раз в год составлять таксы, которые размещались полицией на рынках и печатались в местных «Губернских ведомостях». Губернатор лично и через органы местного самоуправления, полицию и специальных чиновников должен был следить, чтобы торговцы реализовывали качественные продовольственные товары по ценам, установленным в таксах [1, с. 380].

Полномочия органов городского самоуправления в сфере народного продовольствия изначально сводились к информированию губернской администрации об уровне розничных цен. Действуя в рамках существовавшего правового поля, они не принимали активного участия в оказании продовольственной помощи горожанам. С 1870 г. организация продовольственного снабжения населения в городах была отнесена к числу основных обязанностей городских властей [2, с. 823]. Эта норма была подтверждена и в Городовом положении 1892 г., однако ее формулировка носила расплывчатый характер: органы городского самоуправления должны были осуществлять «попечение об устранении недостатка продовольственных средств способами, имеющимися для сего в распоряжении общественного управления» [3, с. 433]. Законодательно не были четко определены формы и механизмы оказания продовольственной помощи городскому населению. По мере развития урбанизационных процессов, увеличения количества населения в городах органы местного самоуправления должны были уделять все больше внимания организации продовольственного снабжения горожан.

На территории белорусских губерний городская реформа была распространена в 1875 г. С того времени органы местного самоуправления стали более активно участвовать в оказании продовольственной помощи населению. В случае неурожаев и резкого роста цен на продовольствие городские власти создавали исполнительные комиссии или комитеты, которым поручали организацию продажи продовольственных товаров первой необходимости по льготным ценам. Например, в конце 1880 г. в Белостоке была учреждена Комиссия под председательством городского головы Ф.Ф. Малиновского. Ей было поручено организовать снабжение горожан всех сословий и вероисповеданий продовольствием по сниженным ценам. Конечно, на это требовались средства, которыми городские власти не располагали, поэтому Комиссия получила право собирать добровольные пожертвования и должна была наладить совместную работу с местным еврейским обществом, которое уже начало осуществлять продовольственную помощь бедным жителям [4]. Специальный комитет из христиан и иудеев был учрежден в 1880 г. городскими властями Минска для организации продажи муки и хлеба горожанам по сниженным ценам [5].

Серьезным испытанием для ряда городов белорусских губерний стал неурожай 1891 г., кото-

рый привел к резкому росту цен на продовольствие. В этих условиях городские власти вновь прибегли к учреждению продовольственных исполнительных комиссий и комитетов. Например, подобная комиссия была создана в Бресте. Однако из-за отсутствия свободных денежных средств она не смогла развернуть активную деятельность по оказанию продовольственной помощи нуждавшемуся населению [6]. В аналогичном положении оказались и другие города белорусских губерний.

Новый резкий скачок цен на продовольственные товары в городах белорусских губерний произошел в 1907 г. Особо остро проблема обеспечения горожан продовольствием стояла в двух крупных губернских центрах региона – Витебске и Минске. Местные думы вынуждены были оперативно принимать меры для ее решения.

Так, в Витебске на основании постановления Городской думы от 21 февраля 1907 г. была создана Продовольственная комиссия, в состав которой вошли гласные В.П. Федорович, М.Л. Ползик, В.Л. Сушко и пр. 24 февраля 1907 г. она провела совместное заседание с Городской управой. Подробно обсудив цены на продовольствие в городе, Комиссия пришла к заключению, что их рост был обусловлен общим состоянием рынка в государстве. В этой связи было решено, что городские власти должны принять меры для организации продажи продовольственных товаров бедным жителям по сниженным ценам, для чего было целесообразно открыть городские столовые и хлебопекарни. Кроме того, предложено организовать общественные работы для обеспечения заработком нуждавшихся горожан. На этом же заседании было решено просить Главное интендантское управление отпустить городу на условиях займа из своих продовольственных складов рожь, муку и крупу. 8 марта 1907 г. Комиссия уточнила, что только из витебского склада городу может понадобиться от 25 до 50 тыс. пудов муки. Срок полного возвращения продовольственной ссуды был назначен на 15 декабря 1907 г. Городская дума на заседании 12 марта 1907 г. под председательством городского головы П.Ф. Коссова одобрила эти предложения и поручила Управе более детально разработать условия льготной продажи продовольствия нуждавшемуся населению [7].

В Минске резкий рост цен на продовольственные товары пришелся на осень 1907 г. Чтобы предотвратить его, Дума своим постановлением от 29 октября 1907 г. поручила Управе ходатайствовать о доставке в город по льготным тарифам до 300 вагонов хлебных грузов (ячменя, кукурузы, ржи, овса) до 1 августа 1908 г. Также было принято решение учредить Продовольственную комиссию под председательством К.Г. Павликовского. В ее состав избрали М.В. Довнар-Запольского, М.А. Ленского, И.Ф. Мухина. В распоряжение Комиссии на текущие расходы по оказанию продовольственной помощи населению было выделено 20 000 руб. [8]. В начале ноября 1907 г. она начала свою работу, которая оказалась более чем успешной. Для организации продовольственной помощи Комиссия закупила 9 вагонов ржи, из которых к концу февраля 1908 г. было получено 7 вагонов, или 5 346,5 пуда. Стоимость 1 пуда составила 1 руб. 26 коп. Кроме того, Комиссия получила разрешение на льготный подвоз в город ржи. За счет городских средств были открыты хлебопекарня в помещении бывших казарм в Кошарах и лавка для розничной торговли хлебом. Льготная продажа готового хлеба по цене 3–4 коп. за фунт была организована через потребительские лавки Обществ чиновников и служащих Либаво-Рижской железной дороги, Общества Свислочь. Продовольственная комиссия заключила договор с 18 пекарями, которые получали муку от города по цене 1 руб. 43 коп. за 1 пуд и должны были продавать готовый хлеб всем нуждавшимся горожанам по цене 3,25 коп. за фунт. Благодаря этим мерам к февралю 1908 г. цены на хлеб в Минске снизились на 0,5 коп. за фунт по сравнению с декабрем 1907 г. [9]. Заслушав отчет о деятельности Продовольственной комиссии, Минская дума на заседании 11 февраля 1908 г. полностью одобрила его и приняла решение выделить дополнительные средства на открытие еще одной хлебопекарни и нескольких городских лавок для розничной продажи муки [10].

Помимо организации торговли продовольственными товарами по льготным ценам органы городского самоуправления практиковали и такую форму помощи, как открытие собственных дешевых столовых либо финансирование подобных заведений при различных благотворительных организациях. В этом отношении наиболее активно проявила себя Виленская городская дума. Так, только на 1904 г. она выделила 1 000 руб. в распоряжение дешевой столовой для бедных евреев [11, с. 169]. Дешевая народная столовая для бедных была открыта в 1905 г. в Двинске на средства городских властей и частные пожертвования. Она располагалась в городском здании и находилась в ведении Городской управы. В столовой можно было получить горячий обед за 5 коп. [12].

Заключение. На протяжении пореформенного периода произошли значительные изменения в организации продовольственной помощи городскому населению. Изначально она концентрировалась в руках губернской администрации и выражалась в установлении контроля за ценами на продовольственные товары в городах, который осуществлялся через полицию. Однако

в связи с обширностью и сложностью своих полномочий губернаторы не могли эффективно организовать работу в этом направлении. Функции городских властей в этой сфере были предельно ограничены: они сводились к информированию губернской администрации об уровне розничных цен на продовольствие. После распространения в 1875 г. на территории белорусских губерний городской реформы организация продовольственного обеспечения населения в городах была отнесена к числу основных обязанностей органов местного самоуправления. Они продолжали составлять таксы на продовольственные товары первой необходимости. Кроме того, городские власти создавали специальные продовольственные комиссии и комитеты, которым поручалась организация льготной продажи продовольствия населению. С начала XX в. органы самоуправления наиболее крупных городов региона начали открывать собственные хлебопекарни и лавки для розничной торговли продовольственными товарами, дешевые столовые, выделяли пособия благотворительным обществам на организацию питания бедняков. Постепенно организация продовольственной помощи городскому населению перешла в руки органов местного самоуправления, которые могли осуществлять ее более эффективно, а за губернской администрацией сохранился лишь общий контроль над ее реализацией.

Литература

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание второе. Т. XII: 1837. Отделение первое. От № 9825–10631. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1838. – 822 с.
2. ПСЗ РИ. Собрание второе. Т. XLV: 1870. Отделение первое. От № 47862–48529. - СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1874. – 896 с.
3. ПСЗ РИ. Собрание третье. Т. XII: 1892. От № 8215–9216 и дополнения. – СПб.: Гос. тип., 1895. – 1353 с. разд. паг.; 37 л. ил.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. – Оп. 16. – Д. 818. – Л. 137–137 об.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 3583. – Л. 76–77.
6. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. – Оп. 18. – Д. 4. – Л. 236, 239 об.
7. НИАБ. – Ф. 2496. – Оп. 1. – Д. 547. – Л. 250–252 об.
8. НИАБ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 3629. – Л. 208–208 об.
9. НИАБ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 3641. – Л. 39, 40–42.
10. НИАБ. – Ф. 24. – Оп. 1. – Д. 3639. – Л. 8.
11. Журналы Виленской городской думы за второе полугодие 1903 года. – Вильно: Тип. М.Б. Жирмунского, 1903. – 8, 183, [1], 29, [1] с.
12. НИАБ. – Ф. 2508. – Оп. 1. – Д. 5237. – Л. 215.

Поступила в редакцию 09.11.2017 г.

УДК 94(476.5)«1941/1944»:332.122:316.4

Нацистская оккупационная политика и ее последствия для экономической инфраструктуры и социальной сферы Полоцка (1941–1944 гг.)

Огородников А.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Акцент государственной политики Республики Беларусь на установлении исторической правды о событиях Великой Отечественной войны актуализирует изучение периода нацистской оккупации Полоцка (с 16 июля 1941 года по 4 июля 1944 года) и ее последствий для экономической инфраструктуры и социальной сферы города, ставшего местом практической реализации нацистского «нового порядка».

Цель статьи – проанализировать содержание нацистской оккупационной политики и ее последствия для экономической инфраструктуры и социальной сферы Полоцка.

***Материал и методы.** Источниками для работы послужили архивные материалы Зонального государственного архива Полоцка, Государственного архива Витебской области, Национального архива Республики Беларусь, историко-документальная хроника Полоцка и научные статьи. Исследование проблемы проведено в соответствии с основными методами исторической науки: историко-генетическим, историко-типологическим, историко-системным, дескриптивным, диахроническим.*

***Результаты и их обсуждение.** Определяется материальный урон городскому хозяйству и жилищному фонду, системе здравоохранения, образованию и культуре, промышленности Полоцка, отмечается резкое сокращение численности городского населения Полоцка в период нацистской оккупации.*

***Заключение.** Нацистская оккупация Полоцка явилась практической реализацией в городе «нового порядка», а установленный в Полоцке режим эксплуатации материальных и людских ресурсов, террора и геноцида раскрыл всю человеконенавистническую сущность идеологии и практики нацизма.*

***Ключевые слова:** Полоцк, нацистская оккупационная политика, экономическая инфраструктура, социальная сфера, «новый порядок», геноцид.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 46–50)

Nazi Occupational Policy and its Consequences for the Economic Infrastructure and Social Sphere of Polotsk (1941–1944)

Ogorodnikov A.A.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The accent of the policy of the Republic of Belarus on establishing the historical truth about the events of the Great Patriotic War actualizes the study of the period of the Nazi occupation of Polotsk (from July 16, 1941 to July 4, 1944) and its consequences for the economic infrastructure and social sphere of the town, which became the place of practical realization of the Nazi «new order».

The purpose of the research is to analyze the content of the Nazi occupational policy and its consequences for the economic infrastructure and social sphere of Polotsk.

***Material and methods.** The archival materials of the Zonal State Archive of Polotsk, the State Archive of Vitebsk Region, the National Archives of the Republic of Belarus, as well as published scientific researches, historical essays and historical and documentary chronicles of Polotsk served as sources for the work. The study of the problem is conducted in accordance with the basic methods of historical science (historical-genetic, historical-typological, historical-systemic, descriptive, and diachronic).*

Адрес для корреспонденции: e-mail: shura_ogorodnikov@mail.ru – **А.А. Огородников**

Findings and their discussions. *The material damage to the town economy and housing fund, the healthcare system, education and culture, Polotsk industry is considered. A sharp decrease in the urban population of Polotsk during the Nazi occupation is pointed out.*

Conclusion. *It is concluded that the Nazi occupation of Polotsk was practical implementation of the «new order» in the town. The exploitation regime of material and human resources, terror and genocide established in Polotsk revealed the entire misanthropic nature of the ideology and practice of Nazism.*

Key words: *Polotsk, Nazi occupational policy, economic infrastructure, social sphere, «new order», genocide.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 46–50)

В современном белорусском обществе существует запрос на установление исторической правды о событиях Великой Отечественной войны. Это актуализирует дальнейшее изучение периода нацистской оккупации Полоцка (с 16 июля 1941 года по 4 июля 1944 года) и ее последствий для экономической инфраструктуры и социальной сферы города, ставшего местом практической реализации нацистского «нового порядка».

Цель статьи – проанализировать содержание нацистской оккупационной политики и ее последствия для экономической инфраструктуры и социальной сферы Полоцка.

Материал и методы. Источниками для работы послужили архивные материалы Зонального государственного архива Полоцка, Государственного архива Витебской области, Национального архива Республики Беларусь, историко-документальная хроника Полоцка и научные статьи. Исследование проблемы проведено в соответствии с основными методами исторической науки: историко-генетическим, историко-типологическим, историко-системным, дескриптивным, диахроническим. При изложении результатов применены методы обобщения и систематизации полученных данных.

Результаты и их обсуждение. Рано утром 22 июня 1941 года нацистская Германия напала на Советский Союз. Немецко-фашистская авиация нанесла массированный авиаудар по военным и стратегическим объектам приграничных районов СССР, вермахт перешел государственную границу Советского Союза и повел наступление в глубь его территории. Началась Великая Отечественная война советского народа.

День 22 июня 1941 года начался в Полоцке обычно. В утреннем выпуске последних известий по радио привычно сообщили о достижениях передовиков труда. Не говорилось ничего необычного и в газетах. В первой половине дня 22 июня над полоцким городским аэродромом, в сторону Дретунского полигона, пролетел первый немецкий самолет [1]. 23 июня 1941 года в Полоцке «… все учреждения … работали нормально, примерно в полдень над городом появился самолет, он летал над городом, мостами, затем над Спасским военным городком. … Зенитчики опознали, что это немецкий разведчик и открыли огонь. Это были первые выстрелы. Полоцк вступил в войну» [2].

К началу войны в Полоцке размещались подразделения 390-го гаубичного артиллерийского полка, 102-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона и 161-го отдельного зенитного дивизиона 17-й стрелковой дивизии. Обязанности начальника Полоцкого гарнизона были возложены на командира 390-го полка майора Г.К. Колоколова [3, с. 31]. С началом войны около 5 тыс. полочан мобилизовали на выполнение работ по совершенствованию инженерного оборудования полосы Полоцкого укрепрайона [3, с. 31].

24 июня в Полоцке начали разворачиваться госпитали, по городу стали ходить военные патрули, немецкая авиация нанесла первый удар по военным объектам Полоцка: «… бомбили аэродром, где было большое скопление людей и подвод, занятых его стройкой. На аэродроме поднялась паника, было несколько убитых и много раненых» [2].

Следующий налет состоялся 26 июня [1, с. 9]. С этого дня начались регулярные налеты вражеских самолетов на Полоцк: «… появлялись они ровно в 6 часов утра … летали над городом, над дорогами … часов до 6 вечера» [2]. В конце июня 1941 года «… одна из бомб попала в детский садик, дети спали после обеда, погибло несколько … детей» [2]. Спасаясь от налетов, горожане стали «… копать около домов щели для укрытия во время бомбежек. В центре города много полочан переселилось в подвалы Николаевского собора, на Верхнем замке прятались в подвалах Софийского собора, прятались в подвалах зданий и церквей» [2].

29 июня 1941 года решением Военного совета 22-й армии был образован Полоцкий боевой участок, начальником которого назначили командира 174-й стрелковой дивизии комбрига А.И. Зыгина [3, с. 35]. Началась оборона Полоцкого плацдарма, продолжавшаяся до середины июля 1941 года. 3 июля 1941 года самолеты люфтваффе нанесли массированный авиаудар по городу и фактически уничтожили центр Полоцка [1, с. 9]. Руководство города приняло решение об эвакуации учреждений и населения. В ночь с 3 на 4 июля горожане

«… с рюкзаками за плечами, сумками в руках или с чемоданами, с нагруженными велосипедами или детскими колясками, двинулись через Громы или Лозовку на Юровичи и Полоту» [2].

15 июля 1941 года воины 174-й дивизии пошли на прорыв вражеского окружения, с бойцами двинулась часть горожан, однако «… около Дретуни завязался ожесточенный бой с немецкими частями, … население было отрезано немцами от частей, … погибла часть людей, остальных заставили вернуться в город» [2]. 16 июля 1941 года Полоцк был занят немецкими войсками и оставался под нацистской оккупацией до своего освобождения Красной Армией 4 июля 1944 года. С началом нацистской оккупации Полоцка для горожан настало время выживания. Захватив город, нацисты приступили к организации в Полоцке «нового порядка». Город оказался в тыловом районе группы армий «Центр» (тыловой армейской области «Миттэ») [4].

Высшим административным органом в Полоцке являлась ортскомендатура (местная комендатура) во главе с полковником фон Никишем [5, с. 18]. Задача ортскомендатуры состояла в обеспечении немецких частей. Под ее контролем были все хозяйственные немецкие учреждения, гражданское население и местная промышленность. При ортскомендатуре существовала полевая жандармерия. В Задвинье находилась фельдкомендатура (полевая комендатура) [6]. Полевая и местная комендатуры состояли из канцелярии, хозяйственной группы, квартирного отдела, отдела медицинского надзора и полевой жандармерии. Аппарат комендатур включал 45–50 сотрудников при 3–4 офицерах. В сентябре 1941 года в Полоцке разместилась 403-я охранная дивизия [7, с. 183].

Органами вспомогательной местной администрации являлись управы. В Полоцке в период оккупации действовали уездная, районная и городская управы. 5 сентября 1942 года Полоцкая уездная управа была ликвидирована, ее функции перешли к районной управе, под чьей ответственностью находилась территория Полоцкого района [8]. Полоцкая городская управа была организована в июле 1941 года. В декабре 1941 года бургомистром стал Д.Б. Петровский, который являлся членом патриотического подполья [7, с. 184]. В нем участвовали также сотрудники управы – переводчик ортскомендатуры Ф.К. Безер [9] и помощник бургомистра С.В. Суховей [10]. 16 марта 1942 года несколько сотрудников управы во главе с Д.Б. Петровским были арестованы по подозрению в связях с партизанами и погибли [7, с. 184]. После новых арестов полоцких подпольщиков «… в октябре 1942 года немцы назвали Полоцкую управу “немецким большевистским гнездом”» [11].

Городская управа состояла из отделов: финансово-налогового, управления делами, городского хозяйства, строительного, здравоохранения, церковного, регистрации паспортов, промышленного, продовольственного, культурно-просветительского, народного образования [7, с. 184]. Бюджет городской управы формировался за счет взимания налогов с различных видов услуг местному населению. Подразделение службы порядка, занимавшееся в Полоцке борьбой с партизанами, включало 65 человек [12]. В октябре 1942 года городская жандармерия насчитывала 30–40 человек [13]. Также в Полоцке функционировала школа гестапо, регулярно готовившая полицейских для борьбы с партизанами и подпольщиками. В январе 1943 года школа гестапо выпустила 16 полицейских [14].

Эксплуатация нацистами экономических и человеческих ресурсов Полоцка началась с первых дней оккупации, когда возобновили работу водяная мельница, лесозавод, паровозное депо, хлебокомбинат [15]. В 1943 году нацистское хозяйственное управление 206 в Полоцке располагало рядом предприятий: торфяное предприятие (200 рабочих), гидроэлектростанция (72 рабочих), водопроводная станция (59 рабочих), объединение кирпичных заводов (74 рабочих) [16]. В Полоцке работали мясокомбинат, маслозавод и льнозавод, выпускавшие продукцию для нужд вермахта.

Наем рабочей силы осуществлялся через объявления, а также путем мобилизации через городскую управу. Продолжительность дня официально равнялась 8 часам без учета перерывов, фактически же была большей. При этом широко применялись штрафы, которые являлись как методом наказания, так и средством грабежа трудящихся. На предприятиях укоренялась «палочная» немецкая дисциплина. Состав рабочих и служащих формировался преимущественно из местных жителей, среди рабочих встречались и военнопленные. Производительность труда была низкой. Так, восстановление одной деревянной фермы моста через р. Зап. Двина (50–60 м), вместо разрушенной авиабомбой железной фермы, при наличии 100–120 рабочих и группы немецких специалистов длилось около 9 месяцев [17].

В период нацистской оккупации германская администрация широко использовала городское население на принудительных работах, организуемых для обеспечения военных потребностей вермахта. По разведданным партизан 3-й Белорусской партизанской бригады, на строительстве оборонительных сооружений в 1943 году было задействовано «… все городское население, военнопленные и люди, вывезенные в Полоцк» [18]. Во второй половине сентября 1943 года «… немцы вывезли из Полоцка молодежь 1925–

1926 годов рождения и часть трудоспособного населения в сторону Невеля, где использовали для рытья окопов» [19]. Нацисты организовали вывоз городского населения на работу в Германию. Первоначально вербовка людей велась на добровольной основе, однако успеха не имела. Тогда оккупанты прибегли к принудительному угону населения.

Оккупанты установили следующие ставки заработной платы для различных категорий рабочих: чернорабочие – 0,80 руб. в час, квалифицированные рабочие – 1,35 руб. в час, рабочие-специалисты и мастера – 2,50 руб. в час [4]. Установленный ими уровень заработной платы рабочих означал балансирование на гране выживания. В условиях дороговизны зарплата не обеспечивала необходимого уровня потребления. Фунт сливочного масла в 1942 году стоил 120 руб. (при средней зарплате 350–400 руб.), десяток яиц – 70 руб. Беспрерывно происходил рост цен: в 1943 году за десяток яиц платили 150 руб., за фунт масла – 250 руб. [20, с. 410].

Немецкой администрацией была введена карточная система снабжения населения продуктами питания. Весной 1943 года населению Полоцка выдавалось хлеба в неделю: работающему мужчине – 1,7 кг, работающей женщине – 1,4 кг, иждивенцу – 0,7 кг [21]. Немецкая администрация поощряла деятельность ремесленников и мелких предприятий. В период оккупации в Полоцке действовали портняжная и сапожная мастерские (900 работников) [7, с. 185]. Частная торговля в Полоцке была представлена несколькими ларьками, в городе имелся продуктовый магазин, частный трактир, функционировали две столовые [7, с. 188].

Социальная инфраструктура Полоцка в период оккупации понесла колоссальный урон. В Полоцке было разрушено более 42% жилищного фонда [22]. Водопроводная сеть города не работала, электростанция подавала энергию только военным предприятиям и оккупационным учреждениям, население было лишено электроэнергии [7, с. 186]. Все жители Полоцка в возрасте от 15 до 60 лет облагались подушным налогом в размере 100 руб. в год, за постройки взимался страховой сбор в размере 10% оценки. Кустари облагались налогом в размере 25% от их доходов. Из зарплаты рабочих и служащих ежемесячно удерживались 10% в качестве подоходного налога [7, с. 188].

В период оккупации в Полоцке работали два госпиталя (для немецких военнослужащих) и больница для местных рабочих, которая отапливалась плохо и где медикаменты были в дефиците [7, с. 188]. Также в течение 1942 года городская управа пыталась наладить функционирование в Полоцке трех школ (одной начальной и двух семилетних). Они работали, не имея программ и учебников [23]. Существовавшие в городе учреждения культуры были нацелены на обеспечение досуга немецких военнослужащих. Охрану данных учреждений обеспечивала жандармерия [24]. В определенные дни в солдатском кинотеатре показывали игровые и пропагандистские фильмы для гражданского населения.

Оккупанты пошли на восстановление церковной жизни в Полоцке: были открыты два православных, один католический и один старообрядческий храм [7, с. 190]. 21 октября 1943 года было дано разрешение на открытие Спасо-Евфросиньевского монастыря. 23 октября 1943 года из Витебска в Спасскую церковь возвратили мощи преподобной Евфросинии Полоцкой [25, с. 15].

Неотъемлемой частью нацистского «нового порядка» являлась политика репрессий в отношении советских граждан. В границах современного Полоцка нацистами было организовано два транзитных лагеря для советских военнопленных: ДУЛАГ-125 и ДУЛАГ-155. Их развернули в августе 1941 года [26, с. 17]. В городе с 1942 года по апрель 1944 года существовал лагерь для мирного населения [26, с. 40]. Чрезвычайной Государственной комиссией по Полоцкой области было установлено, что общее число уничтоженных в городе советских граждан составило 150 тыс. человек [27]. В этот скорбный список вошли советские военнопленные (100 тыс. человек) [27] и горожане. На 15 июля 1944 года в городе насчитывалось всего 1076 жителей [28].

Составной частью нацистской политики являлся Холокост. На территории Полоцка гетто было создано через 2–3 недели после оккупации города: всех евреев переселили в район улиц Коммунистической, Гоголевской, Войкова, Интернациональной. Гетто было обнесено колючей проволокой. В сентябре 1941 года гетто переместили на окраину города, в Лозовку [20, с. 411]. Истребление евреев и ликвидация узников гетто проводились нацистами начиная с первых дней оккупации. Массовые акции уничтожения полоцких евреев прошли в конце ноября и начале декабря 1941 года. В полоцком гетто было убито более 7 тыс. человек [29, с. 191].

Нацистский «новый порядок» привел к появлению в Полоцке патриотического подполья, деятельность которого развернулась в городе сразу после его оккупации немцами. Одной из самых значительных акций полоцких подпольщиков стал подрыв Полоцкой нефтебазы, осуществленный 3 мая 1942 года совместно с диверсионной группой партизанской бригады «Неуловимые»: «… база горела целую ночь. Погасить ее оккупантам не удалось» [30, с. 77]. Осенью 1942 года подпольщикам удалось сжечь 15 автомашин, вывели из строя электростанцию, лесозавод, мельницу,

водообеспечение станции Полоцк [20, с. 423]. Подпольная борьба, в которой участвовало несколько сотен полочан, продолжалась до самого освобождения города войсками I Прибалтийского фронта, которое наступило 4 июля 1944 года.

Заключение. Таким образом, в период нацистской оккупации Полоцка, продолжавшейся с 16 июля 1941 года по 4 июля 1944 года, экономической и социальной структуре города был нанесен колоссальный урон.

В результате войны и оккупации городская промышленность была разрушена на 90%, жилищный фонд уничтожен более чем на 40%, практически вся система городской жизнедеятельности находилась в руинах. Городское население нацистской политикой было поставлено на грань выживания. Война и оккупация привели к катастрофическому сокращению численности городского населения в Полоцке. К моменту освобождения в городе насчитывалось всего 1076 жителей.

Нацистская оккупация Полоцка явилась практической реализацией в городе «нового порядка», а установленный в Полоцке режим эксплуатации материальных и людских ресурсов, террора и геноцида раскрыл всю человеконенавистническую сущность идеологии и практики нацизма.

Литература

1. Копыл, С.П. Полоцкие зенитчики летом 1941-го / С.П. Копыл // Полац. весн. – 2012. – 6 крас. – С. 9.
2. Полоцкий историко-археологический заповедник (далее ПИАЗ). – Ф. КП. – Оп. 5-2774.
3. Поляков, С.И. «Линия Сталина». Полоцкий укрепрайон, 1919–1941 гг. / С.И. Поляков, С.П. Копыл. – Полоцк: ООО «Полоц. книжн. изд-во», 2009. – 55 с.
4. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 2073. – Оп. 3. – Д. 68. – Л. 15.
5. Прудников, М.С. «Неуловимые» действуют / М.С. Прудников. – М.: Воениздат, 1965. – 178 с.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 4.
7. Korsac, Alesya. Polotsk in the years of nazi occupation / Alesya Korsac // Reģionālais ziņojums / Regional revie / Pētījumu materiāli. Research papers / Daugavpils universitātes / Akadēmiskais apgāds «Saule». – 2015. – № 11. – P. 183–190.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 1308. – Л. 174.
9. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 51.
10. НАРБ. – Ф. 1391. – Оп. 1. – Д. 113. – Л. 4.
11. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 18. – Л. 47.
12. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 254. – Л. 23 об.
13. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 10.
14. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 450. – Л. 1.
15. Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее ЗГАП). – Ф. 1162. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 156.
16. НАРБ. – Ф. 412. – Оп. 1. – Д. 189. – Л. 64.
17. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 26. – Л. 18 об.
18. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 1. – Д. 17. – Л. 81.
19. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 53.
20. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: БелЭн, 2002. – 912 с.: іл.
21. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 47 об.
22. ЗГАП. – Ф. 666. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 5.
23. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 124.
24. НАРБ. – Ф. 1403. – Оп. 1. – Д. 253. – Л. 30.
25. Силова, С.В. Крестный Путь. Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. / С.В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 72 с.
26. Копыл, С.П. Урочище Пески – территория смерти, 1941–1944 / С.П. Копыл. – Полоцк: Полоц. книжн. изд-во, 2012. – 71 с.
27. ЗГАП. – Ф. 687. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 19.
28. ГАВО. – Ф. 1 п. – Оп. 1. – Д. 150. – Л. 63.
29. Полоцк: исторический очерк / АН БССР, Ин-т истории; [редкол.: П.Т. Петриков, М.О. Бич, И.Е. Марченко и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Минск: Наука и техника, 1987. – 320 с.
30. Прудников, М.С. Неуловимые / М.С. Прудников. – М.: Воениздат, 1961. – 208 с.

Поступила в редакцию 11.09.2017 г.

УДК 94(470+571)«17»:930.23

Иностранные источники о Разинском восстании в публикациях А.Г. Манькова

Мининков Н.А.
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Развитие исследований по истории Разинского восстания в советской историографии поставило вопрос о расширении источниковой базы. Существовал ряд сочинений иностранных авторов, участников и свидетелей событий Разинского восстания и жизни России того времени, которые были слабо известны в нашей стране. Публикации ряда иностранных источников, подготовленные под руководством А.Г. Манькова, сделали их хорошо известными советским историкам.

Цель статьи – выявить методы и результаты работы А.Г. Манькова и всего творческого коллектива по публикации иностранных источников о Разинском восстании и значение этих источников для расширения сведений о восстании и о восприятии их в странах Европы.

***Материал и методы.** Анализируются итоги работы по подготовке иностранных источников о Разинском восстании к публикации, проделанной творческим коллективом во главе с А.Г. Маньковым. Методологической базой являются положения современной исторической науки, в которой уделяется особое внимание источнику как организующему центру исследования, анализу его содержания и внутренних смыслов.*

***Результаты и их обсуждение.** Дается общая характеристика истории научного творчества А.Г. Манькова, которое рассматривается как подготовительный этап к работе над изданием иностранных источников о Разинском восстании, слабо известных в России. Содержится анализ сделанных А.Г. Маньковым выводов о произведениях и записках иностранцев о восстании, раскрывающих содержание и литературные особенности произведений, смыслы, которые авторы вкладывали в тексты, личности самих авторов, ставших невольными участниками событий восстания или наблюдавших их со стороны.*

***Заключение.** Благодаря переводу и публикации этих произведений отечественные историки получили ценные источники по истории событий в ходе самого восстания, восприятия этих событий европейцами и откликов на его в разных странах Европы.*

***Ключевые слова:** А.Г. Маньков, Разинское восстание, источник, сочинения иностранных авторов о Разинском восстании.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 51–54)

Foreign Sources about the Razin Uprising in the Publications of A.G. Mankov

Mininkov N.A.
Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)

The development of research on the history of the Razin Uprising in Soviet historiography posed the question of expanding the source base. There were a number of works by foreign authors, participants and witnesses of the events of the Razin Uprising and the life of Russia of that time, which were poorly known in our country. Publications of a number of foreign sources, headed by A.G. Mankov, made them well known to Soviet historians.

The purpose of the article is to reveal the methods and results of A.G. Mankov's work and the entire creative team on the publication of foreign sources on the Razin Uprising and the importance of these sources for expanding information about the Uprising and about their perception in European countries.

***Material and methods.** The results of the work on the publication preparation of foreign sources about the Razin Uprising done by the creative team headed by A.G. Mankov are analyzed. The methodological basis of the study is the provisions of modern historical science, which pays special attention to the source as the organizing center for research, analysis of its content and internal meanings.*

***Findings and their discussion.** The general characteristic of the history of scientific creativity of A. Mankov is given, which is considered as a preparatory stage for work on the publication of foreign sources about the Razin Uprising, poorly known in our country. The analysis of A.G. Mankov's conclusions about the works and notes of foreigners about the Uprising,*

Адрес для корреспонденции: e-mail: mininkov@aaanet.ru – **Н.А. Мининков**

which gave a description of the contents and literary features of works, meanings, which the authors put into the texts, the personalities of the authors themselves who became unwilling participants in the events of the Uprising or observed them from aside are contained.

Conclusion. *Thanks to the translation and publication of these works, local historians have received valuable sources on the history of events during the Uprising, the perception of these events by Europeans and responses to it in various countries of Europe.*

Key words: *A.G. Mankov, Razin Uprising, source, works by foreign authors about the Razin Uprising.*

(Scientific notes. − 2017. − Vol. 24. − P. 51−54)

История массовых народных движений была в советской историографии одной из центральных тем. К концу 60-х – началу 70-х годов советские историки не только выделили четыре крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв., но и в ряде конференций и публикаций отметили юбилейные даты – трехсотлетие Разинского и двухсотлетие Пугачевского восстаний. С этими юбилеями были связаны также публикации источников, относящихся к крестьянским войнам.

Аркадий Георгиевич Маньков (1913–2006) являлся одним из видных советских историков, который внес ценный вклад в изучение восстания под предводительством С. Разина. К этой теме он пришел постепенно. Начинал свой исследовательский путь в аспирантуре при ЛГУ под руководством И.И. Смирнова, куда он пришел в 1946 г. после демобилизации из рядов Советской Армии. Тема его относилась к экономической истории, и в 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Цены в Русском государстве в XVI в.» [1], которая до сих пор сохраняет научную значимость. От экономической истории он перешел к истории социальной, и в 1962 г. защитил докторскую диссертацию «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.», положения и выводы которой дают наглядное представление о введении в жизнь норм Соборного Уложения. В том же году диссертация была опубликована в виде монографии, которая нашла самый позитивный отклик у научного сообщества [2].

Как историк процесса становления и развития крепостного права, А.Г. Маньков не мог не обратить внимания на крупнейшее народное выступление, которое было ответом на закрепощение и которое возглавляли донские казаки под предводительством Степана Разина. В составе авторского коллектива сборника, посвященного крестьянским войнам в России, ученый написал большой раздел по истории Разинского восстания, в котором проследил ход событий и дал оценку этому масштабному историческому явлению с позиций принятого в то время классового подхода, рассматривая восстание в качестве крестьянской войны [3].

Цель статьи – выявить методы и результаты работы А.Г. Манькова и всего творческого коллектива по публикации иностранных источников о Разинском восстании и значение этих источников для расширения сведений о восстании и о восприятии их в странах Европы.

Материал и методы. Материалом послужили два издания публикаций сочинений иностранцев, которые посвящены Разинскому восстанию и подготовкой которых к изданию руководил А.Г. Маньков. Методология основана на учете представления об источнике, которое реализуется в рамках новой исторической науки как организационного центра исторического анализа явления и эпохи в развитии общества и его культуры. Используется историческая компаративистика, позволяющая выявить особенности публиковавшихся А.Г. Маньковым источников и место их в изучении явления и эпохи в целом.

Результаты и их обсуждение. Исследование этого восстания в то время опиралось на широкий круг опубликованных источников. Уже вышел в свет фундаментальный трехтомный сборник документов о Разинском восстании, который несколько позже, в 1976 г., будет пополнен четвертым томом. Еще ранее, в 1935 г., были изданы записки голландского парусного мастера Я. Стрейса «Три путешествия» [4], на которое не раз ссылались историки восстания. В то же время оставалось еще немало неопубликованных сочинений иностранных авторов, рассматривавших личность Степана Разина и возглавлявшееся им восстание. Эти сочинения представляли значительный интерес и для характеристики восстания и отдельных его сторон, и для восприятия событий в России, связанных с восстанием, в западноевропейских странах. Поэтому все неопубликованные в нашей стране источники привлекли внимание Манькова. Ему удалось сформировать коллектив, который провел большую работу по переводу на русский язык и публикации западноевропейских известий о Разинском восстании. Под редакцией А.Г. Манькова вышли в свет два сборника – записок иностранных авторов [5] и иностранных известий об этом массовом народном движении [6].

Первый из этих сборников открывается записками голландского полковника Л. Фабрициуса, служившего в России по найму. Как отмечал Маньков, Фабрициус был врагом восставших. Тем не менее его записки ученый считал исклю-

чительно ценными для выяснения разных событий в ходе восстания, поскольку в них заметен не только современник и участник событий, но и внимательный наблюдатель [7, с. 9]. А.Г. Маньков указывал, что события в Астрахани при Разине, когда Фабрициус там находился, голландец описывал в свете своих личных впечатлений. Опасение за свою жизнь, писал Маньков, и ненависть к восставшим мешали ему «видеть происходящее вокруг». Тем не менее и то, что он заметил и о чем написал, «дает возможность косвенным путем уловить ряд существенных черт в жизни повстанческой Астрахани» [7, с. 10]. Говоря об особенностях текста Фабрициуса, Маньков подчеркивал, что автор не обладал литературными талантами, писал по воспоминаниям, в них нет ничего помимо того, что он видел и слышал. На этом основании историк характеризует записки в качестве «самостоятельного сочинения, мемуаров в их подлинном смысле» [7, с. 12]. Признаками мемуарной литературы были, по словам А.Г. Манькова, «некоторая неравномерность изложения» и отсутствие дат. Однако, как подчеркивал исследователь, если событие оставило глубокий след в его памяти, например, в Черном Яре, он приводил даты, но не вполне точно [7, с. 11–12]. Говоря о причинах написания Фабрициусом своих воспоминаний, Маньков обращал внимание на то, что этот автор не был склонен к литературному творчеству. Однако пережитые им события и опасности вызвали его стремление рассказать о них, прежде всего многочисленным детям [7, с. 11]. Таким образом, создание этих воспоминаний историк связывал с личными мотивами автора, что характерно для мемуарной литературы.

В состав сборника входит первое в Западной Европе сообщение о Разинском восстании, вышедшее в 1672 г. на английском языке, автором которого Маньков указал И.Ю. Марция. Оно было вскоре переведено на другие европейские языки. По оценке ученого, это небольшое сочинение «представляется наиболее полным по сведениям фактического порядка, охватывавшим все движение Разина». Оно стало «источником заимствования» европейцами сведений о Разинском восстании. Кроме того, враждебность автора к восставшим помогала «уяснить классовую природу восстания». Все это, а также то, что две ранее сделанные публикации явились библиографической редкостью, стало причиной публикации данного сочинения [8, с. 85–87].

Было опубликовано письмо английского купца Т. Хебдона соотечественнику, бывшему торговому представителю в Риге Р. Даниелю, от 6 июня 1671 г., с описанием казни С. Разина. Как отмечал Маньков, обнаруживший это письмо историк С.А. Коновалов полагал, что сам Хебдон не присутствовал на казни, но описал ее с чужих слов. Приведенные Хебдоном подробности события, а также то, что присутствовать при совершении казни получили право только иностранцы, давало основание для вывода о том, что Хебдон все-таки был непосредственным свидетелем казни, которую в тот же день описал в письме. Хебдон, кроме того, описал церемонию въезда в Москву конвоя с Разиным, которая состоялась 2 июня, за несколько дней до казни предводителя восстания. Как подчеркивал А.Г. Маньков, тем самым правительство «придало акту привоза Разина в Москву характер торжественной публичной церемонии» [9, с. 128].

Второй сборник – «Иностранные известия о восстании Степана Разина» открывается – публикацией письма неизвестного по имени английского торгового агента в Москве, которое было издано в Англии в 1671 г. Письмо датировано 15 февраля того же года. По оценке А.Г. Манькова, его автор «не располагал какой-либо полной и достоверной информацией о текущих событиях и плохо знал Россию» [10, с. 5]. Поэтому оно содержит совершенно фантастические сведения о ходе восстания. В частности, говорилось о решающем сражении между Волгой и Окой 13 февраля, в ходе которых противостоявшие друг другу стороны возглавляли царь и Разин, в результате чего произошли «разгром отрядов Разина и его пленение». Как отмечал ученый, из-за большого количества фактических неточностей брошюра с этим письмом не привлекала внимания историков [10, с. 6]. Между тем в этом письме Маньков видел интересный источник. В нем важно было не описание самого восстания, но то, «сколь большое впечатление производили события Крестьянской войны на обитателей столицы», в том числе на иностранцев. Сами неточности в передаче событий также, согласно А.Г. Манькову, представляли интерес, поскольку выступали живым свидетельством ходивших по Москве слухов о восстании. Показательной считал Маньков сентенцию, которая завершала письмо, когда автор желал «своему королю, народу и стране никогда не знать подобных потрясений». Это, по его мнению, также говорило «об огромных масштабах Крестьянской войны» [10, с. 7].

В составе данного сборника содержится текст на латинском языке диссертации И.Ю. Марция, начинавшейся с написанного по-русски заголовка «Стенко Разинъ донски козакъ изменник». Перевод ее на русский язык сделал филолог А.К. Гаврилов, редакцию осуществлял А.И. Доватур.

Публичная защита ее в 1674 г. в Виттенберге свидетельствовала, как подчеркивал Маньков, о самом серьезном внимании к восстанию в европейских странах и о том, что она была «убедительным доказательством огромной силы восста-

ния Разина, несшего реальную угрозу правлению Алексея Михайловича» [11, с. 23]. Об этом же говорят четыре ее переиздания в Германии только до конца XVII в., на которые указывал Маньков. Он отмечал, что диссертация относится к первым ученым сочинениям о России, и она имела некоторые стороны, характерные для таких сочинений. Это обилие ссылок на литературу и своеобразная, причем значительная, библиография западноевропейских сочинений о России. Это также такая особенность, когда И.Ю. Марций «приводит по тем или иным вопросам … разные литературные мнения, сталкивает их и только после этого выносит свое суждение» [11, с. 17]. Начинал свое изложение он с вопроса о происхождении русских от древних народов Причерноморья. А.Г. Маньков обращал внимание на рассуждения Марция «об особом якобы характере русских, для которых строгость законов и наказаний является весьма благодетельным обстоятельством», и видит в этом «корни измышлений западной пропаганды». От Манькова как от советского историка едва ли можно было ожидать иную оценку этого положения Марция. Также Маньков отмечал, что у Марция в то же время есть «противопоставление свободного положения донских казаков» [11, с. 18] положению русских.

Марций, как указывал Маньков, приводил некоторые подробности хода восстания. Но для него главное было не в упомянутом, а в том, чтобы «понять и изложить причину и сущность событий, постичь натуру самого Разина и движущую пружину его действий» [11, с. 21]. Немецкий автор по-настоящему, считал Маньков, увлечен Разиным. Он, конечно, называл его «тираном», но в то же время видел в нем способного предводителя, хорошо понимавшего настроения народа. Отсюда и сравнения Разина в диссертации с Катилиной, Вильгельмом Грумбахом, Иваном Подковой, Филиппом I Великодушным [11, с. 22–23]. Основную идею диссертации Маньков видел в том, что Марций был при изложении событий восстания «целиком на стороне русского царя как самодержца», а Разин – «государственный преступник, покусившийся на законную власть и получивший заслуженную кару». Эта идея, подчеркивал Маньков, была «нужна господствующим классам» всей Европы [11, с. 23].

Как обращал внимание А.Г. Маньков, значительный материал о Разинском восстании содержался в западноевропейской печати, в немецкой, голландской, французской и шведской прессе. По его оценке, наряду с изложением хода событий в ней имелись и недостоверные сведения. В частности, о восстании как о борьбе за русский престол. Печать дает, по оценке ученого, сведения о восприятии событий восстания в Европе [12, с. 88, 90].

Заключение. Работа по публикации записок и известий иностранных авторов о Разинском восстании, проделанная А.Г. Маньковым и творческим коллективом по его руководством, значительно приблизила отечественного исследователя к этому ценному источнику. Она позволила получить наглядное представление о восприятии восстания и его участников европейцами, оказавшимися в гуще событий или на их периферии, и о формировании ими образа восстания, его предводителя и участников в странах Западной Европы, знаний о столь крупном событии в России периода царствования Алексея Михайловича вообще. В сочинениях иностранных авторов раскрывались некоторые подробности событий восстания и внутренней жизни восставших, которые не содержатся в хорошо известных отечественным исследователям русских источниках. В то же время наличие фантастических сведений о восстании, которые появлялись у автора, не бывшего непосредственным свидетелем событий и находившегося в Москве, позволяет выяснить, какие слухи ходили в русской столице в связи с событиями восстания на Волге. Благодаря публикации, сделанной под руководством А.Г. Манькова, в научный оборот прочно вошел ценный источник о Разинском восстании.

Литература

1. Миронов, Б. К столетию Аркадия Георгиевича Манькова / Б. Миронов // Отечественная история. – 2013. – № 6. – С. 169–170.
2. Пронштейн, А.П. Историческая наука в СССР. Обзоры и рецензии / А.П. Пронштейн, А.Г. Задера // Вопросы истории. – 1963. – № 9. – С. 116–118. – Рец. на кн.: Маньков, А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века / А.Г. Маньков. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 422 с.
3. Маньков, А.Г. Крестьянская война 1667–1671 гг. / А.Г. Маньков // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. – Л.: Наука, 1966. – С. 94–175.
4. Стрейс, Я.Я. Три путешествия / Я.Я. Стрейс. – М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935.
5. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / под ред. А.Г. Манькова. – Л.: Наука, 1968. – 174 с.
6. Иностранные известия о восстании Степана Разина. – Л.: Наука, 1975. – 191 с.
7. Маньков, А.Г. О записках Л. Фабрициуса / А.Г. Маньков // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – С. 5–13.
8. Маньков, А.Г. Первое сочинение о восстании С. Разина / А.Г. Маньков // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – С. 84–90.
9. Маньков, А.Г. Новое свидетельство о казни С. Разина / А.Г. Маньков // Записки иностранцев о восстании Степана Разина. – С. 127–128.
10. Маньков, А.Г. Первый отклик на восстание С. Разина / А.Г. Маньков // Иностранные известия о восстании Степана Разина. – С. 5–7.
11. Маньков, А.Г. Диссертация о восстании С. Разина / А.Г. Маньков // Иностранные известия о восстании Степана Разина. – С. 15–30.
12. Маньков, А.Г. Известия о восстании С. Разина в западноевропейских периодических изданиях и хрониках XVII в. / А.Г. Маньков // Иностранные известия о восстании Степана Разина. – С. 80–91.

Поступила в редакцию 25.09.2017 г.

УДК [342.55+352.075.2]:94(438:476)“1918/1939”

Арганізацыя самакіравання ў заходнебеларускіх гарадах і мястэчках міжваеннай Рэчы Паспалітай Польшчы

Дзмітрук А.П.
Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск

У артыкуле з усяго нарматыўнага прававога матэрыялу міжваеннай Рэчы Паспалітай Польшчы вылучаны комплекс нарматыўных прававых актаў, якія рэгламентавалі арганізацыю гарадскога самакіравання ў Заходняй Беларусі. Яны кардынальна адрозніваліся ад аналагічных, выдадзеных для тэрыторыі цэнтральнай Польшчы, іх аналіз дэманструе асаблівасці палітыка-прававога рэжыму ў рэгіёне [1; 2]. Аднак, каб не перагружаць даследаванне, аўтар засяродзіўся на фармальна-юрыдычным аналізе толькі ключавых актаў.

Мэта дадзенай навуковай працы – вылучыць і прааналізаваць асноўныя нарматыўныя прававыя акты, якія рэгулявалі арганізацыю і функцыянаванне гарадскога самакіравання на заходнебеларускіх землях.

***Матэрыял і метады.** Крыніцамі паслужылі нарматыўна-прававыя акты па арганізацыі і функцыянаванні гарадскога самакіравання, выдадзеныя польскімі ўладамі для Заходняй Беларусі і цэнтральнай Польшчы. Метадалагічнай базай з'яўляюцца фармальна- і гістарычна-юрыдычны метады, а таксама параўнальны.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** На тэрыторыі Заходняй Беларусі быў усталяваны іншы палітыка-прававы рэжым, які без істотных змен праіснаваў увесь міжваенны перыяд. Усё гэта абвяргае высновы беларускага даследчыка А.І. Боркі аб падобнасці сістэмы самакіравання ў заходнебеларускіх гарадах і былым Польскім Каралеўстве [3, с. 14, 45].*

***Заключэнне.** Юрыдычнай асновай гарадскога самакіравання на заходнебеларускіх землях сталі распараджэнні генеральнага камісара ўсходніх зямель 1919–1920 гг. Асаблівасці заканадаўчых актаў, выдадзеных для дадзенага рэгіёна, сведчаць аб асаблівым палітыка-прававым рэжыме. Кардынальна ён не змяніўся нават у 1933 г. і праіснаваў да 1939 г.*

***Ключавыя словы:** Заходняя Беларусь, гарадское самакіраванне, Рэч Паспалітая Польшча, міжваенны перыяд, палітычны рэжым, гарадскі закон 14 жніўня 1919 г.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 55–60)

Organization of Self-Government in Western Belarusian Towns and Settlements of the Interwar Rzeczpospolita Poland

Dzmitruk A.P.
Republic Institute of Higher School, Minsk

Out of the whole normative and legal material of the interwar Rzeczpospolita Poland the article dwells upon a complex of regulations, which have to do with the organization of municipal self-government in Western Belarus. They are fundamentally different from those issued for the central area of Poland, their analysis demonstrates features of the legal and political regime in the region [1; 2]. However, in order not to overload the article, the author focuses on the formal-legal analysis of key instruments.

The purpose of this article is to identify and analyze the main legal acts which regulate the organization and functioning of the municipal self-government in the Western lands.

***Material and methods.** Normative legal acts on the organization and functioning of the municipal government, issued by the Polish authorities for the Western Belarus and Central Poland. The methodological basis is the formal and the historical and legal, as well as the comparative methods.*

***Findings and their discussion.** On the territory of Western Belarus a different political and legal order was established that existed almost unchanged during the entire interwar period. All this refutes the findings of the Belarusian researcher A.I. Borka on the similarity of the self-government system in Western Belarusian towns and the former Kingdom of Poland [3, c. 14, 45].*

***Conclusion.** The legal basis of municipal self-government in Western Belarusian lands were decrees of the Commissioner-General of Eastern lands in 1919–1920. Features of legal acts issued for the region indicate a special political and legal regime. It did not change dramatically, even in 1933 and lasted until 1939.*

***Key words:** Western Belarus, municipal self-government, Rzeczpospolita Poland, the interwar period, the political regime, the city law of August 14, 1919.*

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: dep@tut.by – **А.П. Дзмітрук**

Пасля падпісання Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. тэрыторыя Заходняй Беларусі ўвайшла ў склад Рэчы Паспалітай Польшчы[1] (РП П). Беларускае насельніцтва, якое на дадзеных тэрыторыях складала абсалютную большасць, раптам пераўтварылася ў нацыянальную меншасць на агульнапольскім узроўні. У дагаворы адзіным магчымым шляхам для рэалізацыі і абароны іх правоў вызначана тэрытарыяльнае самакіраванне [1; 2]. Усё гэта абумовіла цікаўнасць да яго арганізацыі на вызначаных землях, што і складае актуальнасць артыкула.

Адзінай манаграфіяй, прысвечанай мясцовым органам дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг., з'яўляецца праца А.І. Боркі [3]. Яе недахопы, якія датычаць сельскага самакіравання, выяўленыя [4–6].

Мэта дадзенага артыкула – вылучыць і прааналізаваць асноўныя нарматыўныя прававыя акты, якія рэгулявалі арганізацыю і функцыянаванне гарадскога самакіравання на заходнебеларускіх землях.

Матэрыял і метады. Крыніцамі паслужылі нарматыўна-прававыя акты па арганізацыі і функцыянаванні гарадскога самакіравання, выдадзеныя польскімі ўладамі для Заходняй Беларусі і цэнтральнай Польшчы. Метадалагічнай базай з'яўляюцца прынцыпы гістарызму, аб'ектыўнасці, сістэмнасці; скарыстаныя фармальна-і гістарычна-юрыдычны метады, а таксама параўнальны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Юрыдычная аснова гарадскога самакіравання на тэрыторыі як Заходняй Беларусі, так і цэнтральнай Польшчы (Кангрэсуўкі) закладвалася падчас польска-савецкай[2] вайны. З аднаго боку, 4 лютага 1919 г. Ю. Пілсудскі як начальнік дзяржавы выдаў Дэкрэт аб гарадскім самакіраванні, дзе адзначана, што «да часу выдання сеймам закона аб самакіраванні для ўсёй польскай дзяржавы» ўводзіцца «часовы закон» для абшараў, якія «належалі перад вайной Расіі» [7]. Апошняя фраза і выклікае блытаніну, таму трэба звярнуць увагу на тое, што згодна з артыкулам 12 ён цесна звязаны з дэкрэтам ад 13 снежня 1918 г., у назве якога канкрэтна акрэслена тэрыторыя, на якую распаўсюджваўся – «Аб выбарах да гарадскіх рад на тэрыторыі былога Каралеўства Канрэсовага» [8]. Подпіс таксама – начальнік дзяржавы Ю. Пілсудскі. Выбарчы рэгламент да дэкрэта выдаў МУС 17 снежня 1918 г. Фактычна да 1933 г. яны рэгулявалі ўсе пытанні, звязаныя з гарадскім самакіраваннем у цэнтральным рэгіёне РП Польшчы.

З другога боку, як Вярхоўны Галоўнакамандуючы польскага войска Ю. Пілсудскі пры камандаванні польскай арміі стварыў спецыяльны «грамадскі» орган – Грамадзянскае праўленне ўсходніх зямель *(Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich)* на чале з генеральным камісарам. Загадам ад 12 мая 1919 г. яму надавалася права арганізацыі выбараў у інстытуты самакіравання і склікання прадстаўніцтва мясцовага насельніцтва пры органах адміністрацыі [9, л. 49]. Генеральны камісар усходніх зямель выдаў на акупаваных тэрыторыях шэраг распараджэнняў, якія датычылі гарадскога самакіравання: ад 25 і 27 чэрвеня [10–13], потым ад 14 і 16 жніўня [14; 15], 7 лістапада 1919 г. і некалькі асобна стаяць ад 25 сакавіка і 15 красавіка 1920 г. і шэраг іншых, якія датычылі канкрэтных гарадоў. Нягледзячы на тое, што загад 12 мая, на падставе якога працаваў генеральны камісар, быў адменены 9 верасня 1920 г., але ўсе раней выдадзеныя распараджэнні захавалі сваю сілу на тэрыторыі Навагрудскага, Палескага, Валынскага ваяводстваў і ў Гродзенскім і Валкавыскім паветах Беластоцкага ваяводства на падставе артыкула 4 закона ад 4 лютага 1921 г. [16], а на абшары Віленскага – артыкула 3 закона ад 6 красавіка 1922 г. [17]. Акрамя гэтага згодна з распараджэннем Савета Міністраў ад 21 сакавіка 1921 г. аб арганізацыі адміністрацыйнай улады другой інстанцыі на землях, далучаных да абшару Рэчы Паспалітай, у параграфе 17 акрэслена, што ў галіне самакіравання да абшару дзейнасці ваяводы належаць усе тыя справы, якія згодна з распараджэннем былога Грамадзянскага праўлення ўсходніх зямель належалі акруговаму камісару, або начальніку акругі [18].

Такім чынам, нарматыўна-прававыя акты, што рэгулявалі арганізацыю гарадскога самакіравання для Заходняй Беларусі і Валыні (усходніх зямель), адрозніваліся ад аналагічных для цэнтральнай Польшчы і па назве, і па відзе актаў (закон – распараджэнне), і па органе, які іх выдаваў, і нават, як будзе бачна, далей па часу іх дзеяння. Трэба звярнуць увагу на той факт, што Ю. Пілсудскі выступае ў розных іпастасях: як начальнік дзяржавы, які меў вярхоўную ўладу ў РП Польшчы, і як Вярхоўны Галоўнакамандуючы, які дэлегаваў Грамадзянскаму праўленню некаторыя адміністратыўныя функцыі на заходнебеларускіх землях.

25 чэрвеня 1919 г. было абвешчана распараджэнне аб выбарах у часовыя гарадскія рады

[1] Назва дзяржавы падаецца згодна з загалоўкам і артыкулам 1 Канстытуцыі 1921 г. *Абгрунтаванне гэтай пазіцыі:* Дмитрук, Е.П. Название польского государства и особенности его политико-государственного устройства в XX в. согласно конституционным актам: историко-юридический анализ // Право.by. — 2014. — № 1(27). — С. 13—18.

[2] Звычайна ў савецкай, а потым беларускай гістарыяграфіі выкарыстоўваецца тэрмін «савецка-польская вайна». На думку аўтара, гэта няправільна, бо агрэсіўныя дзеянні распачаў польскі бок.

вызначаных у артыкуле 1 гарадоў[3] [10]. Яно надала выбарчыя правы ўсім жыхарам, пражываючым 10 месяцаў у горадзе, без розніцы полу з 21 года. Пры гэтым дастаткова было наяўнасці дзвюх умоў разам: пражывання ў час складвання выбарчых спісаў і як мінімум года з 1912–1915 г. у дадзеным горадзе (артыкул 3). Пасіўнае надавалася з 25 гадоў тым, хто валодаў вусна і пісьмова якой-небудзь мовай (артыкул 6). Выбары абвяшчаліся ўсеагульныя з тайным прапарцыянальным галасаваннем (артыкул 7). Колькасць радных акрэслівалася артыкулам 2 і залежала ад колькасці жыхароў горада.

Выбарчыя правілы ў часовыя гарадскія рады паставілі правядзенне выбараў у кожным асобным месцы у залежнасць ад распараджэння іх генеральным камісарам (артыкул 1) [12]. Такога абмежавання не было ў цэнтральнай Польшчы. Праводзіў выбары ў кожным горадзе галоўны выбарчы камітэт, які складаўся са старшыні, прызначанага генеральным камісарам, і з членаў, пакліканых старшынёй з асоб, якія пражывалі ў горадзе і мелі пасіўнае выбарчае права (артыкул 3). Каб зразумець розніцу паміж заканадаўствам для заходнебеларускіх зямель і цэнтральнага рэгіёна, паглядзім артыкул 2 выбарчага рэгламенту да гарадскіх рад для былога Каралеўства Кангрэсовага: «Правядзеннем выбараў кіраваў галоўны выбарчы камітэт, які складаўся з акруговага суддзі, або міравога суддзі, як старшыні і членаў, прызначаных старшынёй з асоб, якія карысталіся пасіўным выбарчым правам у дадзеным горадзе» (артыкул 2 рэгламенту выбарчага да гарадскіх рад [19].

Галоўны выбарчы камітэт згодна з распараджэннем 25 чэрвеня 1919 г. меў права падзяліць горад на акругі да галасавання і вызначыць для кожнага мясцовы выбарчы камітэт (артыкул 5). Нідзе не ўспамінаецца выбарчая сістэма, згодна з якой праводзіліся выбары, – яна знаходзіцца ў іншым распараджэнні аб выбарах у часовыя гарадскія рады, а спосаб падліку галасоў і падзелу мандатаў – у дадатку выбарчых правіл.

Як вышэй адзначалася, была выкарыстана прапарцыянальная сістэма галасавання, а значыць, асаблівую ўвагу трэба звярнуць на тое, хто акрэсліваў колькасць кандыдатаў, ажыццяўляў падзел на акругі, што ў значнай меры дазваляла прадбачыць вынікі выбараў і часткова маніпуляваць імі, ведаючы этна-нацыянальны склад самога горада. Усе гэтыя функцыі засяроджаныя ў руках нагляднай улады – генеральнага камісара напрамую ці апасродкавана. Колькасць радных ён вызначыў у распараджэнні аб выбарах у часовыя гарадскія рады (артыкул 2), а вось права падзяліць горад на акругі для галасавання нададзена ў выбарчых правілах старшыне галоўнага выбарчага камітэта, які прызначаўся генеральным камісарам (артыкул 5). Пры гэтым уся арганізацыя і правядзенне выбараў былі сканцэнтраваны ў руках нагляднай улады, якая іх поўнасцю кантралявала.

Амаль адразу, яшчэ да выбараў рад, 27 чэрвеня 1919 г. было выдадзена распараджэнне генеральнага камісара ўсходніх зямель, якое атрымала назву «часовы гарадскі закон» і распаўсюджвалася на 17 гарадоў, пералічаных у артыкуле 1 *(тыя ж гарады, што і ў распараджэнні ад 25 чэрвеня 1919 г., за выключэннем Гродна)*. Згодна з ім права распараджэння гарадскімі справамі надавалася не радам, але магістрату, які складаўся з бургамістра (або прэзідэнта ў Вільні), яго намесніка і лаўнікаў (артыкул 2). Усіх іх прызначалі наглядныя ўлады: для павятовых гарадоў – акруговы камісар, у астатніх – павятовы (артыкул 3), а прэзідэнта г. Вільні з намеснікам – генеральны. Бургамістры мелі права затрымаць на два тыдні рашэнне магістрата, калі яно магло прынесці шкоду гораду. Перапыненае рашэнне станавілася правамоцным, калі не было адменена нагляднай уладай праз два тыдні з моманту затрымання (артыкул 8). Рашэнні магістрата, якія адносіліся да ўстанаўлення пасад і штатаў для работнікаў, падаткаў, адабрэння гарадскога бюджэту, патрабавалі зацвярджэння наглядным ўладамі (артыкул 13) [13].

Такім чынам, усе выканаўча-распарадчыя функцыі былі засяроджаныя ў руках прызначанага адміністрацыяй магістрата. Не зусім зразумела, дзеля чаго былі патрэбны такія затратныя выбары радных, калі яны ўвогуле нічога не вырашалі. Фактычна гэта псеўдадэмакратычная шырма, якая прыкрывала рэальны стан і, як здаецца, неабходна была для таго, каб не парушаць прынцыпы арганізацыі гарадскога самакіравання ў Рэчы Паспалітай Польшчы і падтрымаць ідэю аб тым, што дадзеныя землі «исконно» польскія на міжнароднай арэне.

Наступным этапам у арганізацыі выбараў у інстытуты самакіравання стала распараджэнне генеральнага камісара ад 14 жніўня 1919 г., якое ўжо атрымала назву «гарадскі закон» [14]. З аднаго боку, ён як бы аб'ядноўваў распараджэнне аб выбарах у часовыя гарадскія рады ад 25 чэрвеня і «часовы гарадскі закон» ад 27 чэрвеня 1919 г. З іншага, па словах польскіх юрыстаў, назіраецца імкненне заканадаўцы наблізіць яго «па форме і змесце» да Дэкрэта начальніка дзяржавы аб гарадскім самакіраванні ад 4 лютага 1919 г. У той жа час выбарчы рэгламент да 41 артыкула гарадскога закона ўдакладніў толькі працэдуру выбараў магістрата [16], а значыць, выбарчыя правілы

[3] Брэст-Літоўск, Друзкенікі, Гродна, Кобрын, Ковель, Ліда, Луцк, Навагрудак, Нова-Вілейка, Ашмяны, Пінск, Пружаны, Свянцяны, Слонім, Трокі, Вільня, Уладзімір-Валынск, Ваўкавыск, а на іншыя гарады артыкул распаўсюджваўся асобным распараджэннем генеральнага камісара.

ў часовыя гарадскія рады ад 25 чэрвеня 1919 г. працягвалі дзейнічаць [10–12].

Гарадскому закону ад 14 жніўня 1919 г. падлягалі гарады, якія былі пералічаныя ў дадатку. Першапачатковы спіс ахопліваў 19 гарадоў (да папярэдняга спіса быў дададзены Лунінец). Права стварэння новай гарадской гміны, або скасавання існуючай, любыя змены яе межаў надаваліся генеральнаму камісару ўсходніх зямель (артыкул 3) [14].

Членамі гміны з'яўляліся дзве катэгорыі асоб. Першая – гэта тыя, хто меў у яе межах нерухомасць і стала пражываў хаця б 3 месяцы. Другая – усе, хто нарадзіўся на тэрыторыі, падпарадкаванай генеральнаму камісару, або ў межах Рэчы Паспалітай Польшчы і стала пражываў у гміне 10 месяцаў (артыкул 5) [14]. Артыкул 10 вызначыў абшар дзейнасці гарадской гміны, які падзяляўся на справы, якія датычыліся матэрыяльнага дабрабыту, асветы, культуры і здароўя, і даручаныя адміністрацыйнай уладай, або законамі. Аднак звяртае на сябе ўвагу наступнае: у законе ад 14 жніўня 1919 г. няма тлумачэння, што заканадаўца разумее пад назвай «гарадская гміна», няма артыкулаў, якія б дакладна вызначалі яе склад. Толькі назвы IV–V раздзелаў падказваюць нам адказы на гэтыя пытанні – «Аб гарадской радзе», «Аб магістраце».

Членамі гарадской рады з'яўляліся радныя і члены магістрата (артыкул 11). Колькасць радных залежала ад лічбы жыхароў і вызначалася артыкулам 12. Яны выбіраліся на тры гады, але перыяд дзейнасці першай гарадской рады, выбранай на падставе распараджэння ад 25 чэрвеня 1919 г., акрэсліваўся артыкулам 8 гэтага акта (артыкул 13) [14] (г. зн. да 1 ліпеня 1922 г. [10]). Свае паўнамоцтвы радныя выконвалі ганарова (артыкул 15) і не маглі займаць платныя пасады (артыкул 18). Артыкул 19 дакладна акрэсліваў паўнамоцтвы гарадской рады. Трэба звярнуць на той факт, што мясцовыя статуты (абавязковыя прадпісанні) патрабавалі зацвярджэння нагляднай улады (артыкул 20).

Для прыняцця рашэнняў аб пазыках, продажы нерухомасці, прыняцці гарадскога бюджэту і рэгламенту рады неабходна прысутнасць як мінімум 2/3 членаў рады (артыкул 31) і звыклая большасць галасоў (артыкул 32). Але рашэнні па справах аб набыванні і ліквідацыі нерухомасці, прыняцці дароў і запісаў, пазык, размяшчэнні капіталаў, адабрэнні бюджэту і непрадбачаных расходаў, аплаты і падаткаў на карысць гміне, устанаўленне натуральных павіннасцяў і змена іх на грашовыя, устанаўленне такс на прадметы першай неабходнасці, зацвярджэнне плана забудовы гміны і рэгулярнага плана, выбар членаў магістрата патрабавалі згоды нагляднай улады (артыкул 36).

Калі рада з'яўлялася органам адабраючым і кантралюючым (артыкул 19), то магістрат – выканаўча-распарадчым (артыкул 47), што прадвызначала іх паўнамоцтвы.

Членамі магістрата былі прэзідэнт і віцэ-прэзідэнт (у Вільні, Гродне, Брэст-Літоўску), або бургамістр і яго намеснік (у астатніх гарадах), а таксама лаўнікі, колькасць якіх не павінна была пераўзыходзіць 10% радных (артыкулы 38, 39). Усе яны атрымоўвалі зарплату з гарадскіх сродкаў, якую вызначала рада да выбараў членаў магістрата (артыкул 40). Увагу звяртае вылучэнне ў структуры магістрата прэзідыума, які складалі прэзідэнт і віцэ-прэзідэнт (або бургамістр і яго намеснік) (артыкул 38), а таксама асаблівая роля першага як кіраўніка і прадстаўніка магістрата, які атрымаў права самастойна прызначаць работнікаў і накладваць дысцыплінарныя меры (артыкулы 49, 50) [14]. Акрамя гэтага звяртае на сябе ўвагу палажэнне, згодна з якім бургамістр мог самастойна вырашаць розныя дзеянні, якія належаць да абшару дзейнасці магістрата, а потым на бліжэйшым пасяджэнні магістрата зацвярджаць іх (артыкул 49). Бургамістр у адносінах да магістрата меў права спыняць і перадаваць для новага разгляду рашэнні, якія пераўзыходзяць межы яго паўнамоцтваў, парушаюць законы; невыканальныя або могуць нанесці шкоду гораду (артыкул 61). Звяртае на сябе ўвагу, што частка ключавых рашэнняў рады таксама патрабавала яго згоды.

Членаў магістрата выбіраюць радныя на тры гады або да канца кадэнцыі гарадской рады сярод асоб, якія адпавядаюць наступным умовам адначасова: маюць пасіўнае права выбіраць у гарадскую раду ў любым горадзе, на тэрыторыі падпарадкаванай Грамадзянскаму праўленню, або на тэрыторыі РП П і 2) з'яўляюцца членамі гарадской гміны ў якім-небудзь з гэтых гарадоў (артыкул 41). Пры гэтым члены прэзідыума выбіраліся абсалютнай большасцю галасоў (артыкул 41) з тых, хто ўмеюць чытаць і пісаць па-польску (таму можна было адмяніць такое патрабаванне для іншых членаў магістрата), а выбары лаўнікаў – прапарцыянальным галасаваннем. Для выбараў членаў магістрата неабходна прысутнасць не менш за 2/3 радных (артыкул 41).

Выбар членаў прэзідыума патрабаваў зацвярджэння нагляднай улады. У выпадку адмовы зацвярджэння абвяшчаюцца новыя выбары, калі радныя зноў абіралі кандыдата, які не быў зацверджаны, то наглядная ўлада прызначала адпаведнага члена прэзідыума магістрата, які займаў пасаду, пакуль не быў зацверджаны кандыдат, выбраны праз радных (артыкул 42). Калі гарадская рада затрымлівала выбары або ўвогуле не выбірала членаў прэзідыума магістрата, то наглядная ўлада загадвала выканаць гэта

ў вызначаны тэрмін. Калі выбары не былі ажыццёўленыя, то наглядная ўлада *прызначала* членаў прэзідыума магістрата на адзін год (артыкул 43). У выпадку, калі радныя не выбралі лаўнікаў, то функцыі магістрата пераходзілі на яго прэзідыум (артыкул 44). Такое зацвярджэнне фактычна адпавядала прызначэнню прэзідэнта (бургамістра) наглядными ўладамі, а значыць іх уплыў на распарадча-выканаўчую дзейнасць быў амаль неабмежаваны, але знешне ён як бы апасродкаваны.

Выбары фактычна з'яўляліся фікцыяй, бо пакуль гарадская рада не выбрала таго, каго намеціла адміністрацыя, ён не меў шанцаў быць зацверджаным, затое адміністрацыя ў такім выпадку атрымоўвала права проста прызначыць адпаведнага бургамістра. Залежнасць членаў прэзідыума магістрата ад адміністрацыі падкрэсліваецца і тым, што перад прыняццем пасады яны павінны былі скласці клятву ў адносінах да наглядной улады першай інстанцыі, што будуць верна выконваць законы і сумленна выконваць абавязкі (артыкул 45). Калі склад гарадской рады не задавальняў адміністрацыю, то ёй дастаткова было проста не дапусціць выбараў лаўнікаў і такім чынам забяспечыць, каб усе ўладныя паўнамоцтвы засяродзіліся ў руках фактычна прызначанага імі бургамістра.

Такім чынам, прэзідыум магістрата (бургамістр і віцэ-бургамістр) – ключавы орган у сістэме кіравання горадам. Фактычна ўсе функцыі па кіраванні гарадскімі справамі атрымліваў менавіта ён. Пры гэтым перавага надавалася бургамістру. Уся распарадча-выканаўчая ўлада засяроджвалася ў яго руках, ён меў вялікі ўплыў і на прыняцце рашэнняў. Спосаб яго вылучэння не дэмакратычны, бо па сутнасці гэта прызначэнне, а не выбары.

Гарадскі закон ад 14 жніўня 1919 г. мала чым адрозніваўся ад «часовага», нададзенага распараджэннем генеральнага камісара ад 27 чэрвеня 1919 г. Гэта яго лагічны працяг. Згодна з апошнім магістрат, які складаўся з бургамістра, яго намесніка і лаўнікаў (артыкул 2), прызначалі наглядныя ўлады [13]. У гарадскім законе ад 14 жніўня 1919 г. гэта было замаскіравана. Самі выбары – псеўдадэмакратычная шырма, якая прыкрывала рэальны стан.

Затое адрозненні гарадскога закона ад 14 жніўня 1919 г. для заходнебеларускіх зямель ад адпаведнага для цэнтральнай Польшчы (Кангрэсуўкі) ад 4 лютага 1919 г. кардынальныя. У самой структуры гарадскога самакіравання ў цэнтральнай Польшчы ўвогуле адсутнічае такое паняцце, як прэзідыум магістрата [16]. Калі на заходнебеларускіх землях гарадская ўлада засяроджвалася ў руках магістрата, а дакладней нават толькі яго частцы – прэзідыума, то ў цэнтральнай Польшчы гарадская рада мела выразную перавагу над магістратам. Апошні нават не меў права вета ў адносінах да рашэнняў гарадской рады (на працягу 2 тыдняў мог падаць рэвізіі рашэнне, але пры паўторным галасаванні рады рашэнне аўтаматычна зацвярджалася). Магістрат таксама лічыўся органам выканаўчым і распарадчым, але ўлада яго была прынцыпова калегіяльная. Магістрат, а не бургамістр, меў дысцыплінарную ўладу над працаўнікамі гміны (артыкул 48), давяраў справы, якія належалі да яго кампетэнцыі, некаторым членам (артыкул 49) [16] і г.д.

Астатнія распараджэнні генеральнага камісара насілі дадатковы, удакладняючы характар. Згодна з актам 16 жніўня 1919 г. усе гарады, якія налічвалі менш за 2 000 жыхароў, уключаліся ў сельскія гміны як грамады. Гарады, якія налічвалі 2 000–4 000 жыхароў, падлягалі часоваму закону 27 чэрвеня 1919 г. У іх адзінай уладай з'яўляўся прызначаны магістрат. У гарадах, дзе пражывала больш за 4 000 чалавек, дзейнічаў часовы закон да склікання першай гарадской рады, выбранай на падставе выбарчай ардынацыі ад 25 чэрвеня 1919 г. (час прызначэння выбараў залежаў ад распараджэнняў урада). Закон 14 жніўня 1919 г., выдадзены для 19 гарадоў, паступова распараджэннямі генеральнага камісара (у асноўным у 1920 г.), а потым рашэннямі МУС (асноўная маса прыйшлася на 1927 г.) пашыраўся і на іншыя. У выніку іх колькасць на 1933 г. дасягнула 68.

Гарадскі закон 14 жніўня 1919 г. не быў адменены ў артыкуле 130 закона аб частковай змене ўладкавання тэрытарыяльнага самакіравання ад 23 сакавіка 1933 г., у адрозненне ад іншых выдадзеных генеральным камісарам, ён застаўся фундаментам пабудовы гарадскога самакіравання на заходнебеларускіх землях [20]. Выдадзеныя МУС на аснове закона аб самакіраванні 1933 г. выканаўчыя акты і выбарчыя рэгламенты для розных частак дзяржавы таксама адрозніваліся. Спроба іх сістэматызацыі і ўніфікацыі прывяла да прыняцця новага закона 16 жніўня 1938 г. аб выбарах гарадскіх радных [21]. Пытанне, наколькі гэта атрымалася, патрабуе дадатковага даследавання.

Заключэнне. Такім чынам, юрыдычнай асновай гарадскога самакіравання на заходнебеларускіх землях сталі распараджэнні генеральнага камісара 1919–1920 гг. З усёй серыі прававых актаў цэнтральнае месца належыць гарадскому закону 14 жніўня 1919 г., які замацаваў арганізацыйную канструкцыю самакіравання і не быў адменены ў час рэформ 1933 г. і 1938 г. Яго характэрнымі рысамі з'яўляюцца: 1) наяўнасць прэзідыума магістрата ў структуры гарадскіх органаў, з асаблівасцямі пры яго фарміраванні і ў функцыях; 2) спецыфічная роля і кампетэнцыі прэзідэнта (бургамістра); 3) вялікае ўздзеянне наглядной улады (дакладней адміністрацыі) на спо-

саб фарміравання, паўнамоцтвы гарадскога самакіравання. Магчыма казаць аб неабмежаванай уладзе дзяржаўнай адміністрацыі над органамі гарадскога самакіравання ў Заходняй Беларусі. Уся распарадча-выканаўчая ўлада на заходнебеларускіх землях была засяроджаная ў прэзідыуме магістрата (бургамістр і віцэ-бургамістр), які фарміраваўся недэмакратычна, фактычна шляхам прызначэння з боку польскай дзяржаўнай адміністрацыі. Выбарчыя законы і іншыя гарадскія органы, па сутнасці, звыклая шырма, каб прыкрыць істотны стан рэчаў. Вызначаныя асаблівасці сведчаць аб асаблівым палітыка-прававым рэжыме на гэтых землях. Усё гэта абвяргае высновы беларускага даследчыка А.І. Боркі аб падобнасці сістэмы самакіравання ў заходнебеларускіх гарадах і былым Польскім Каралеўстве [3, с. 14, 45].

Літаратура

1. Дзмітрук, А.П. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і выбары 1922 г. у Рэчы Паспалітай Польшчы, іх наступствы для Заходняй Беларусі / А.П. Дзмітрук // Научные труды РИВШ: сб. науч. ст.: в 2 ч. / РИВШ; под ред. В.Ф. Беркова. – Минск, 2011. – Вып. 11, ч. 1. – С. 53–59.
2. Дмитрук, Е.П. Права национальных меньшинств и возможность их реализации согласно с Конституциями Речи Посполитой Польши 1921 г. и 1935 г.: правовой анализ // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2012. – № 5(138). – С. 29–33.
3. Борка, А.І. Мясцовыя органы дзяржаўнага кіравання і самакіравання ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.): манаграфія / А.І. Борка. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 139 с.
4. Дзмітрук, А.П. Палітыка-прававы рэжым на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў Рэчы Паспалітай Польшчы / А.П. Дзмітрук // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо, Мінск, 18–19 сак. 2011 г. / рэдкал.: С.А. Балашэнка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 57–61.
5. Дзмітрук, А.П. Аналіз выбарчых законаў ад 25 чэрвеня і 26 верасня 1919 г. у органы сельскага самакіравання ў Заходняй Беларусі / А.П. Дзмітрук // Актуальные проблемы экономики и права: тез. докл. II Междунар. науч.-практ. конф., Барановичи, 29–30 апр. 2010 г. / БарГУ; редкол.: Е.И. Платоненко [и др.]. – Барановичи, 2010. – С. 157–158.
6. Дзмітрук, А.П. Параўнаўчы аналіз выбарчага заканадаўства ў органы сельскага самакіравання на тэрыторыі Заходняй Беларусі і цэнтральнай Польшчы (1918–1921) / А.П. Дзмітрук // Берасцейскі хранограф: зб. навук. прац / БрДУ імя А.С. Пушкіна; рэд. рада М.Э. Часноўскі [і інш.]. – Брэст: Альтернатива, 2009. – Вып. 5. – С. 172–177.
7. Dekret o samorządzie miejskim // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1919. – № 13. – Poz. 140.
8. Dekret o wyborach do Rad Miejskich na terenie b. Królestwa Kongresowego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1918. – № 20. – Poz. 58.
9. Чернякевич, А.Н. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период советско-польской войны (февраль 1919 – март 1921 г.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Н. Чернякевич. – Гродно, 2001. – 97 л.
10. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich z 25 czerwca 1919 r. o wyborach do tymczasowych rad miejskich // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 44.
11. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, zawierające regulamin wyborów do tymczasowych rad miejskich // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 48.
12. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich z 25 czerwca 1919 r. o tymczasowej ordynacji wyborcej do zebrań i rad gminnych // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 45.
13. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich z 27 czerwca 1919 r. o tymczasowej ustawie miejskiej // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 7. – Poz. 46.
14. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich o ustawie miejskiej z dn. 14 sierpnia 1919 r. // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 12. – Poz. 99.
15. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, zawierające regulamin wyborczy, wydany na podstawie art. 41 rozporządzenia o ustawie miejskiej z dn. 14 sierpnia 1919 r. // Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich. – 1919. – № 12. – Poz. 100.
16. Ustawa z dnia 4 lutego 1921 r. o unormowaniu stanu prawno-politycznego na ziemiach, przyłączonych do obszaru Rzeczypospolitej na podstawie umowy o preliminaryjnym pokoju i rozejmie podpisanej w Rydze dnia 12 października 1920 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 16. – Poz. 93.
17. Ustawa z dnia 6 kwietnia 1922 r. o objęciu władzy państwowej nad Ziemią Wileńską // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1922. – № 26. – Poz. 213.
18. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 21 marca 1921 r. o organizacji władz administracyjnych drugiej instancji na ziemiach, przyłączonych do obszaru Rzeczypospolitej na podstawie umowy o preliminaryjnym pokoju i rozejmie, podpisanej w Rydze dnia 12 października 1920 r. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1921. – № 39. – Poz. 235.
19. Regulamin wyborczy do Rad Miejskich // Monitor Polski. – № 232. – 18 grudnia 1918 r.
20. Ustawa z dnia 23 marca 1933 r. o częściowej zmianie ustroju samorządu terytorjalnego // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 35. – Poz. 294.
21. Ustawa z dnia16 sierpnia 1938 r. o wyborze radnych miejskich // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1938. – № 63. – Poz. 480.

Паступіў у рэдакцыю 06.10.2017 г.

УДК 94(476)«1944/1991»:656:005.963

Подготовка кадров для транспорта Белорусской ССР в 1944–1991 гг.

Тимофеев Р.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье отображена подготовка специалистов для автомобильного, речного, воздушного, трубопроводного транспорта и электротранспорта в Белорусской ССР за период 1944–1991 гг. Выделены те вузы, техникумы и училища, чья деятельность была связана с подготовкой кадров для транспорта, указаны специальности, по которым шло обучение, определены количественные достижения в работе учебных заведений. Особо отмечены трудности в подготовке специалистов различного профиля и их закреплении на рабочих местах. Значительное внимание уделено показу деятельности специализированных школ, учебных комбинатов, курсовой системы и индивидуальному обучению.

Цель статьи – определить главные тенденции и итоги работы учебных заведений различного уровня по подготовке специалистов для транспортных предприятий БССР за 1944–1991 гг.

***Материал и методы.** Основу для написания исследования составили материалы фондов отдела транспорта и связи ЦК КПБ, Совета Министров БССР, министерства автотранспорта, управлений гражданской авиации, речного флота республики из Национального архива Республики Беларусь, фондов облисполкомов и отдельных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сборники постановлений органов власти и сведения из периодической печати. При этом использовались историко-типологический, историко-генетический и историко-системный методы познания.*

***Результаты и их обсуждение.** Обеспечение предприятий транспорта кадрами было необходимым условием их успешного функционирования, и поэтому работа в данном направлении шла в изучаемый период постоянно. Органы власти стремились открыть после освобождения республики учебные заведения как можно быстрее. Поддерживалось обучение на рабочем месте. Внимание к кадрам оказалось важным условием восстановления и роста перевозок на транспорте. Требования к уровню подготовки специалистов все время росли, так как транспорт пополнился сложной техникой.*

***Заключение.** Основными тенденциями развития образования для нужд белорусского транспорта в изучаемый период были увеличение перечня как самих учебных заведений, так и специальностей в них, постоянный рост выпуска и повышение квалификации обучающихся.*

***Ключевые слова:** подготовка, транспорт, вуз, техникум, училище.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 61–67)

Training Transport Staff of the Belorussian SSR in 1944–1991

Timofeyev R.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Training specialists for automobile, river, air, pipeline transport and electrotransport in the Belorussian SSR in 1944–1991 is described in the article. Institutes, technical and vocational schools, which trained staff for transport, are singled out, qualifications are listed, and quantitative achievements in the work of educational establishments are identified. Difficulties in training different types of specialists and their job placement are specially identified. Special attention is paid to the reflection of the activity of specialized schools, training workshops, year training system as well as individual training.

The purpose of the article is to identify main tendencies and results of different educational establishment work on training specialists for transport companies of the BSSR in 1944–1991.

***Material and methods.** The research is based on material funds from Transport and Communication Department of the CPB Central Committee, BSSR Council of Ministers, Automobile Transport Ministry, Departments of Civil Aviation and*

Адрес для корреспонденции: e-mail: khistbel@vsu.by – **Р.В. Тимофеев**

River Transport of Belarus from the National Archive of the Republic of Belarus, Region Administration Funds and some institution funds from Region Archives, collections of Authority Decrees as well as information from periodicals. The historical and typological, the historical and genetic as well as the historical and system methods were used.

Findings and their discussion. *Provision of transport companies with staff was a necessary condition for their successful work and therefore was constant during the studied period. Authorities tried to open educational establishments as soon as possible after the liberation of the Republic. Training at job places was supported. Attention to staff was an important condition for the revival and growth of transportation. Requirements to training specialists increased constantly with the advent of complicated technologies.*

Conclusion. *Basic tendencies of the education for the needs of Belarusian transport in the studied period were growth of the list of both educational establishments and jobs, increase of the number and the qualification of students.*

Key words: *training, transport, university, technical school, vocational school.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 61–67)

Актуальность изучения подготовки кадров для транспорта БССР состоит в том, что оно по-зволяет определить наиболее удачные виды обучения и показать пути преодоления сложностей в этом процессе. Одним из аспектов послевоенной истории белорусского транспорта была деятельность профильных учебных заведений, а также развитие различных форм подготовки его работников. Вопросы кадрового обеспечения могут быть отдельным предметом для научного исследования, так как напрямую влияли на выполнение транспортом его задач по транспортировке грузов и пассажиров. Однако сегодня масштабные работы такого плана отсутствуют. Из изданий, где в числе прочих вопросов конкретно разбиралась подготовка кадров для транспорта за изучаемый период можно отметить лишь работы, относящиеся к деятельности Белорусской железной дороги [1]. Но там вопросы обучения специалистов не являлись основным объектом изучения.

Цель работы – определить главные тенденции и итоги работы учебных заведений различного уровня по подготовке специалистов для транспортных предприятий БССР за 1944–1991 гг.

Материал и методы. Основу для написания статьи составили материалы фондов отдела транспорта и связи ЦК КПБ, Совета Министров БССР, министерства автотранспорта, управлений гражданской авиации, речного флота республики из Национального архива Республики Беларусь, фондов облисполкомов и отдельных ведомств из белорусских государственных областных архивов, сборники постановлений органов власти и сведения из периодической печати. При этом использовались такие методы научного познания, как историко-типологический, историко-генетический и историко-системный.

Результаты и их обсуждение. Обеспечение предприятий транспорта кадрами было необходимым условием их успешного функционирования, и поэтому работа в данном направлении шла постоянно. В ее ходе применяли Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. о трудовых резервах и решение Совета Народных Комиссаров СССР о школах рабочей молодежи от 30 апреля 1944 г. [2, с. 21]. Органы власти стремились открыть учебные заведения как можно быстрее. Поддерживалось обучение на рабочем месте путем ученичества. К этому подталкивало решение правительства СССР от 30 сентября 1946 г., отметившее нехватку рабочих. В свою очередь, на Пленуме ЦК КП(б)Б в феврале 1947 г. обязали ведомства расширить сеть училищ и школ фабрично-заводского обучения (ФЗО). В целом внимание к кадрам оказалось важным условием восстановления и роста перевозок.

Требования к уровню подготовки кадров все время росли, так как, например, автопарк пополнился сложными автомобилями и квалификация персонала влияла на эффективность работы. Была сложной ситуация с высшим образованием. Лишь в 1946 г. появились автоэксплуатационные факультеты в вузах РСФСР. Проще было со средним специальным. Уже в 1944 г. в БССР восстановили профильные ссузы: Гомельский автотранспортный техникум (АТТ) и Минский индустриальный с автомобильным отделом. В Бобруйском АТТ с 1945 г. готовили техников-механиков, через год его временно преобразовали в автомеханический. Но руководители автохозяйств неохотно брали к себе молодых специалистов по причине их невысоких практических навыков.

Наиболее масштабно готовили шоферов и слесарей, для чего использовали автошколы (АШ), курсы и школы ФЗО. Первой в январе 1944 г. появилась Гомельская АШ Народного комиссариата автотранспорта БССР. За год по АШ подготовили 600 шоферов, но качеству учебы препятствовала слабая материальная база. К тому же обучение шло несогласованно. С одной стороны, водителей выпускали школы нетранспортных ведомств, а с другой – четыре АШ Министерства автотранспорта БССР (Минавтотранса). Правда, последние в 1947 г. закрыли из-за отсутствия курсантов. Тем не менее АШ Минавтотранса за 1949 г. выпустили 3,76 тыс. водителей. Но больше всего обучали шоферов в подразделениях Осаавиахима. С трудом шла подготовка для электротранспорта.

Так, в Минском трамвайном управлении (ТУ) за 1945 г. обучили лишь 4 ремонтника. С течением времени ситуация изменилась, и Витебское ТУ в 1949 г. организовало курсы на 180 человек. Заметим, что подготовка шла вслед за возникавшими потребностямии, а не опережала их, что создавало сложности в кадровом обеспечении.

Квалифицированные работники были необходимы всем ведомствам. Так, речники БССР получали высшее образование в Ленинградском институте инженеров водного транспорта (ЛИИВТ), который в 1946 г. вел прием на 5 факультетов. Руководителей предприятий готовила Академия речного транспорта. Важным было наличие в БССР собственных ссузов. В конце 1943 г. стал работать речной техникум (РТ) в Гомеле со штурманским и судомеханическим отделениями. На флот приходили из Гродненского политехникума, речного училища и техникума г. Киева, Всесоюзного заочного техникума. Но больше всего требовалось работников массовых профессий, и поэтому в 1944 г. восстановили Гомельское ремесленное училище водников. Затем – еще два, готовивших рулевых и мотористов. Но были сложности с закреплением выпускников.

Имевшийся у транспортников уровень знаний приходилось постоянно повышать. Для этого у речников республики развивали техучебу. С 1944 г. работал учебный пункт Днепро-Двинского военно-восстановительного управления, где за год обучили 2,52 тыс. человек. Личный состав флота в итоге тогда был доведен до 5,8 тыс. человек, но штаты все-таки не заполнили [3]. Поэтому в 1945 г. в республике организовали 4 учебных пункта. Через 2 года еще 4, но и этих усилий оказалось мало. Так, в 1946 г. пришлось индивидуально готовить 600 человек. Не удавалось избежать недостатков, и часть речников имела слабые навыки для работы.

Центры по подготовке авиаторов находились за пределами БССР. Чаще всего специалисты приходили работать после Троицкого и Егорьевского училищ. В то же время с 1944 г. повышали квалификацию на месте службы, но не без проблем. Так, в Минском аэропорту такая учеба проводилась нерегулярно. В то же время, чтобы эффективно использовать технику, профессиональный рост должен был идти постоянно. Важную роль в выборе профессии играла профориентация молодежи через аэроклубы. Они были распространены повсеместно.

Непрерывное внимание подготовке кадров уделяли парторганы. В этой связи ЦК КП(б)Б 26 декабря 1950 г. обязал улучшить работу ремесленных училищ, из которых приходили работать на транспорт. Кадровая работа регулярно оставалась в центре внимания парторганов и на съездах. С организацией производственно-технической подготовки молодежи, окончившей средние школы (СШ), были связаны решения правительств СССР и БССР. Это было одним из направлений контроля за осуществлением перевозок.

С каждой новой пятилеткой появлялось больше возможностей для получения высшего образования у автотранспортников. Так, в 1951 г. в Белорусском политехническом институте (БПИ) создали автотракторный факультет, готовивший инженеров-механиков. В целях совершенствования работы в 1950 г. Гомельский АТТ преобразовали в дорожно-механический, в 1954 г. Бобруйский – в автодорожный, обучавший техников-автомехаников. Более массовым было обучение в АШ Минавтотранса, но ему препятствовала низкая квалификация преподавателей. В итоге в хозяйствах закреплялось только 60% выпускников. Для ослабления проблемы по МАТШД (Минавтотранс) за 1953–1955 гг. ежегодно обучали индивидуально до 1,2 тыс. работников [4]. Появление новых средств транспорта влекло за собой переподготовку кадров. Так, к июню 1952 г. для Минского трамвайно-троллейбусного управления (ТТУ) в 1-м троллейбусном парке Ленинграда обучили 25 водителей. Для подъема уровня их мастерства актуальной была техучеба.

Повышение уровня образования помогало транспортникам решать задачи по внедрению приемов труда, необходимых для роста перевозок. В этих целях речники заочно занимались в ЛИИВТ. Были укреплены профильные ссузы, что позволило в Гомеле за 1944–1953 гг. выпустить 500 специалистов. В дополнение курсы и ФЗО ежегодно обучали до 1 тыс. рабочих речных специальностей, но проблемой оставалась текучесть кадров. Исправить ситуацию оказалось сложно. Подготовку авиаторов расширили с помощью Высшего училища Гражданского воздушного флота. Выпускала слушателей и школа высшей летной подготовки. Продолжили работу аэроклубы, что являлось первой ступенью в получении избранной специальности.

Общими проблемами в подготовке кадров во 2-й половине 1950-х гг. оказалась необходимость улучшения качества производственного обучения в СШ, училищах государственных трудовых резервов и на предприятиях. Повышение требований к транспорту по росту перевозок привело к увеличению наборов в вузы соответствующего профиля. В БПИ продолжал работу автотракторный факультет, но наборы в него были небольшими и не удовлетворяли потребностей. Выход состоял в расширении заочного обучения. Ситуация со средним специальным образованием была лучше. За 1944–1957 гг. в профильных ссузах республики обучили 2,3 тыс. специалистов по автотранспортному делу. В свою очередь, АШ Минавтотранса за этот период выпустили 28,8 тыс.

шоферов 3-го класса, переподготовили на 2-й и 1-й классы – 16,8 тыс. [5]. Тем самым лучше обеспечивалась безопасность дорожного движения и более качественно использовалась для перевозок имевшаяся техника.

Позитивным стало и то, что в связи с оснащением автотранспортных контор новыми машинами в 1956 г. срок обучения в АШ с отрывом от производства был установлен в 4 месяца, без отрыва – 6 месяцев. По Главному управлению автотранспорта БССР за 1956–1958 гг. ежегодно готовили индивидуально до 1,5 тыс. рабочих и до 70 мастеров. Росли масштабы подготовки в ДОСААФ, но не хватало учебных автомобилей. С теми же проблемами сталкивались при политехническом обучении в СШ и вузах. Не стояли в стороне на электротранспорте. В целях подготовки кадров Витебское ТУ в 1956 г. оборудовало спецкласс для подшефной СШ № 29. Как видим, важную роль в поиске необходимых работников играла профориентация.

Круг лиц с высшим образованием у транспортников оставался узким. С высшим по Главному управлению речного флота БССР в 1958 г. было 185, со средним специальным 543 человек при общем количестве речников 10,2 тыс., что указывало на высокую долю ручного труда. Как раз рабочих готовили неизмеримо больше. За 1944–1959 гг. Гомельское училище № 1 – 2 тыс. человек по 7 специальностям. Но препятствием в работе оставалась текучесть кадров: 26,5% по ГУРФ за 1958 г. Поэтому для компенсации убывавших использовали совмещение профессий. Для авиаторов важными оказались ежегодные учебные сборы и регулярные технические занятия. Работа учебных заведений в решении кадровой проблемы не была определяющей. На транспорте оставались лишь те, кого устраивали сложные условия труда.

Вопросы подготовки кадров ввиду их большого влияния на организацию и осуществление перевозок продолжали постоянно возникать на съездах КПБ, например, в 1960 г. Комплекс мер по повышению качества обучения в 1961 г. разработали на Всесоюзном совещании работников высшей школы. В свою очередь, ЦК КПСС и Совет Министров (СМ) СССР 9 мая 1963 г. обязали усилить развитие среднего специального образования. Для расширения заочного и вечернего полезным стало решение СМ БССР от 24 июля 1964 г. Актуально, что на февральском Пленуме ЦК КПСС в 1964 г. обязали установить строгий порядок отработки по распределению. Соответственно на повышение отдачи от выпускников направили постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 21 мая 1964 г. и другие. Но реализовать их на практике в полной мере не удалось. С другой стороны, важным способом минимизации кадровой проблемы стало увеличение в 1963 г. почти в 2 раза числа поступавших в вузы по путевкам предприятий. В целом возрос и объем подготовки, в том числе и заочно.

Главным источником пополнения автотранспортных кадров с высшим образованием в 1960-е гг. оставался БПИ с автотракторным и общетехническим факультетами. В то же время для подготовки шоферов и ремонтников открыли новые училища. Больше знаний им давали АШ Минавтотранса. Их выпускники получали права шофера 3-го класса. Через 3 года работы и после окончания курсов – 2-го класса. Но кадров не хватало, и на работу принимали водителей 3-го класса из ДОСААФ, где подготовка шла 4 месяца с отрывом от производства и 6 месяцев без отрыва. Качество обучения там оставалось низким, и выпускников приходилось доучивать в автохозяйствах. Пополняли кадры электротранспорта. Для этого в начале 1960-х гг. при Минском ТТУ работали 4-месячные курсы для обучения водителей трамваев и 6-месячные – троллейбусов [6]. Для повышения квалификации повсеместно использовали водителей-наставников.

Без повышения образовательного уровня было невозможно решать новые трудовые задачи. Были нужны специалисты, обладавшие знаниями по всем вопросам перевозок, что стали больше учитывать в планах вузов. Так, речники чаще всего заочно получали высшее образование в Ленинградском и Горьковском ИИВТ. Гомельский РТ преобразовали в техникум речного строительства, затем в политехникум, где речному делу ежегодно обучалось до 200 человек. Это позволило поднять в 1962 г. число лиц с высшим образованием на флоте БССР до 185 и со средним до 750 при общем количестве речников в 9,64 тыс. Между навигациями работали учпункты и курсы [7]. Более высоким был уровень подготовки в авиации. Так, участники 2-го слета ее передовиков в 1960 г. отметили, что все их подчиненные учились или имели необходимое образование. Подобную политику поддерживали парткомы. Здесь на ситуацию влияла необходимость работать с особо сложной техникой.

На разработку и реализацию мероприятий по улучшению подготовки кадров в 1965–1984 гг. определяющее влияние продолжали оказывать органы власти и парторганы. Так, на XXIII съезде КПСС решили расширить подготовку квалифицированных рабочих. Необходимость дальнейшего развития системы образования как фактора повышения эффективности производства отметили на XXVI съезде КПБ. На улучшение подготовки рабочих было направлено постановление ЦК КПСС от 30 ноября 1966 г. Для совершенствования работы также использовались решения ЦК КПБ и

правительства БССР от 24 декабря 1966 г. и СМ СССР от 6 июня 1967 г. Все это было актуальным в связи с переходом на новые условия планирования и экономического стимулирования.

Постоянно на транспорте проходил процесс поиска оптимальных путей подготовки кадров. В этих целях автодорожный техникум в Бобруйске снова стал автотранспортным. За 1945–1969 гг. он выпустил 3,94 тыс. специалистов. Но потребности автохозяйств не удовлетворялись, и на многих должностях работали практики. Им предлагали учебу на заочном отделении этого АТТ. Развивалось профессионально-техническое образование. Училища выпускали до 600 автослесарей ежегодно. Чтобы преодолеть проблему качества подготовки шоферов, для учкомбинатов Минавтотранса строили автодромы. Но нехватка кадров ощущалась. Если в 1966 г. по Минавтотрансу работало 70 тыс. человек, то требовалось еще 5 тыс. шоферов [8]. Снизить кадровую остроту позволяло ученичество, а также возобновление с 1969 г. обучения автоделу в ряде СШ. Но заменить подготовку более высокого уровня подобные меры не могли.

Учебные заведения сохраняли свою специализацию. Так, прошедший несколько реорганизаций Гомельский политехникум во 2-й половине 1960-х гг. по-прежнему выпускал штурманов и капитанов. Гомельское ПТУ речного флота готовило до 100 механиков, бригадиров и капитанов в год. Учпункты и курсы ежегодно выпускали 300 специалистов, и в 1968 г. обеспечение механиками составило 99%. Но из-за нехватки матросов и рулевых расширили совмещение профессий. Для авиаторов полезным стало то, что при Белорусском управлении гражданской авиации открыли консультпункт Киевского института инженеров гражданской авиации. В то же время противоречивой была ситуация с кадрами на трубопроводах. Часть выпускников вузов, приходивших по распределению в 1969 г., выбывала из-за отсутствия мест. Больше требовалось рабочих, которых выпускало Новополоцкое ГПТУ, но проблемой была текучесть кадров, например, по Полоцкому управлению нефтепровода «Дружба» (ПУНД) до 30% [9]. Следовательно, без решения вопросов с условиями труда повысить кадровый потенциал было сложно.

Подготовка кадров оказывала важное влияние на социально-экономическое развитие, и поэтому на Пленуме ЦК КПБ в апреле 1970 г. потребовали усилить внимание к профессионально-техническому образованию. На XXIV съезде КПСС предложили развивать высшее образование так, чтобы помочь ускорению технического прогресса. Нарастало внимание к укреплению рабочего потенциала. Так, 23 июня 1972 г. ЦК КПСС и СМ СССР направили свое решение на совершенствование работы профтехучилищ, на XXV съезде КПСС поставили задачу улучшения подготовки рабочих. С расширением сети техучилищ было связано постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 30 августа 1977 г. Таким образом, в 1970-е гг. решалась проблема по обеспечению предприятий в первую очередь рабочими кадрами.

Для решения кадровых вопросов на автотранспорте в положение о Минавтотрансе БССР от 13 апреля 1971 г. как одну из задач записали повышение квалификации работников его предприятий. Со своей стороны учебные заведения учитывали требования технического прогресса. Так, усложнение автомобилей привело к появлению новых специальностей в БПИ. Перечень ссузов, откуда принимали выпускников в автохозяйства, был расширен за счет Могилевского машиностроительного, Гомельского дорожно-строительного и Лидского индустриального техникумов. Но общее число лиц с высшим и средним образованием на предприятиях оставалось небольшим. Так, по Могилевской автобазе № 4 в 1970 г. из 616 работников его имели только 21 [10]. В то же время росла подготовка по рабочим специальностям. Профессия шофера продолжала быть самой востребованной.

Большое число водителей в 1970-е гг. продолжали обучать в АШ Минавтотранса, но учебе, как и раньше, мешали недостаточная оборудованность и нехватка опытных преподавателей. Не выполнялись и планы по подготовке. Проблему усугубляла текучесть кадров, доходившая по автохозяйствам до 25%. По Минавтотрансу в 1972 г. не хватало 3 тыс. водителей [11]. Чтобы снизить остроту вопроса, во 2-й половине 1970-х гг. вместо АШ стали работать автоучебные комбинаты (АУК) и выросло их обеспечение. Продолжили, к сожалению, с недостатками работать в ДОСААФ. Из-за нехватки кадров водителей там учили по ускоренным программам, что приводило к происшествиям на дорогах. Поэтому программы усложнили. Решались кадровые вопросы на электротранспорте. Так, городское профтехучилище № 114 Минска готовило монтажников сети и водителей троллейбусов. Транспортники развивали обучение и на собственных курсах.

Так как для роста перевозок решение кадрового вопроса было одним из основных, то улучшение обучения стало мероприятием, предложенным речникам 17 сентября 1979 г. со стороны ЦК КПСС и СМ СССР. Флагманом высшего образования оставался ЛИИВТ, который вел подготовку по 6 специальностям. Приходили работать и после непрофильных вузов. Тем не менее в 1973 г. по Верхнеднепровскому речному пароходству из 1,65 тыс. человек среднего персонала высшее образование было только у 84 работников. Больше требовалось кадров массовых профессий. Поэтому совершен-

ствовали свою работу ссузы. Продолжили подготовку штурманов в среднем профтехучилище № 30. Но проблемой осталось закрепление кадров. Так, в Верхне-Днепровском управлении пути при 2365 работавших в 1975 г. недоставало 296 человек. Здесь ведомство надеялось на работу курсов, и за 1975 г. на них обучили 0,7 тыс. рабочих. Для привлечения на флот продолжалась профориентация, а квалификация повышалась с помощью шефства.

Расширение и усложнение перевозок повлекли за собой совершенствование подготовки кадров на всех направлениях. Отвечая требованиям времени, авиаторы БССР в 1975 г. добились открытия Минского авиатехнического училища, готовившего специалистов по радиоэлектронному оборудованию. Летчики, как и раньше, обучались за пределами республики. Для подготовки бортпроводников в Минске открыли вечернюю школу без отрыва от производства сроком на 3,5 месяца. В то же самое время на трубопроводах использовали ученичество, и за 1973 г. по ПУНД так обучили 42 рабочих. Но общая текучесть кадров составила 11%. Следовательно, кадровые вопросы требовали реализации целого комплекса мер, как по учебе, так и на рабочем месте.

Чтобы достичь решения имевшихся кадровых проблем, парторганы на XXVI съезде КПСС обязали ведомства усовершенствовать предоставление профильного образования. В итоге были расширены наборы и льготы для поступавших по направлениям предприятий. Более высокий уровень развития целевых форм обучения с обязательством отработки и усиление внимания к заочной форме способствовали смягчению ситуации. Многое в закреплении кадров продолжали играть уровень оплаты труда и решение социальных вопросов. С другой стороны, в работе как учебных заведений, так и при подготовке на рабочем месте актуальным оставалось улучшение преподавания. Требовалось также уделять больше внимания прохождению практики на предприятиях.

В первую очередь стремились сглаживать самые острые вопросы по обеспечению предприятий кадрами. Так, ЦК КПСС и СМ СССР своими решениями от 12 апреля и 9 августа 1984 г. обязали ведомства максимум внимания уделить подготовке кадров пассажирского транспорта. В годы перестройки осуществляли курс по выпуску инженеров широкого профиля, что было предложено на XXVII съезде КПСС. Но на местах по-прежнему приходилось работать в условиях нехватки ряда специалистов и не всегда высокого уровня квалификации имевшегося персонала. Осуществляя поиск путей преодоления проблемы, ЦК КПСС и СМ СССР 6 февраля 1988 г. предложили преобразование системы повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов народного хозяйства. Продолжилась целевая подготовка транспортников в вузах и ссузах.

Соответственно увеличению и усложнению автопарка расширялась подготовка кадров для автотранспорта. Предлагая высшее образование, БПИ в 1980-е гг. проводил прием на обучение с отрывом от производства на автотракторный факультет по 4 специальностям. Его выпуски по автотранспорту составляли в среднем 100 человек в год. Главным ссузом оставался Бобруйский АТТ, в 1991 г. там училось 700 человек. Минский автомеханический за 1946–1991 гг. подготовил 30 тыс. работников по 10 направлениям. В целом различные ссузы выпустили за изучаемый период свыше 100 тыс. специалистов автотранспорта. Кадровый потенциал отрасли увеличивался по всем направлениям. Например, Гродненский АУК за 1945–1991 гг. подготовил около 50 тыс. специалистов. Если учесть, что такие комбинаты были в каждой области, то их силами за изучаемый период было выпущено около 300 тыс. работников автотранспорта. Но учебе в АУК мешала слабая матбаза. Многие с 1-го раза не сдавали экзамены. Поэтому подготовку улучшили, и в 1988 г. сдача возросла до 93%. Но кадровых проблем не становилось меньше. Если по Минавтотрансу ежегодно во 2-й половине 1980-х гг. обучалось свыше 8 тыс. водителей, то оставалось работать только до 60%. В целях их закрепления необходимо было решать социальные вопросы.

Самую массовую подготовку водителей продолжали проводить в ДОСААФ. Например, в Минской области во 2-й половине 1980-х гг. ежегодно до 18 тыс. Так как подобная работа шла по всей республике, то в целом выпуск в данной системе был около 100 тыс. человек в год. Но затрачиваемых там на учебу 3–6 месяцев было мало [12]. Не сдавали экзамен с 1-го раза до трети их выпускников. Поэтому актуальным являлось повышение квалификации на предприятиях. Не хватало специалистов для электротранспорта. Из училищ готовило их только Минское № 114 – по 62 водителя троллейбуса в год или 10% потребностей. Поэтому главной стало учеба на предприятиях электротранспорта с помощью водителей-наставников. Если отметить Минский метрополитен, то помощники машинистов для него обучались на курсах в Харькове. В целом каждому подразделению требовались кадры соответствующей квалификации.

Облегчила получение высшего образования речниками работа в Гомеле заочного филиала ЛИИВТ. Во многом поэтому в ГУРФ в 1987 г. из 10,5 тыс. работников лиц с высшим образованием стало 0,8 тыс., со средним специальным – 1,8 тыс. Это соответствовало более сложным в техническом отношении условиям труда. Стал готовить речных специалистов Светлогорский индустриальный техникум. Всего за послевоенный период в ссузах было подготовлено около 2 тыс. человек. Еще больше выпустили по рабочим специальностям из училищ. К тому же по Белорусскому речному пароходству во 2-й поло-

вине 1980-х гг. свыше 2 тыс. человек ежегодно проходили обучение на курсах. Но флот продолжал испытывать нехватку кадров, и в 1990 г. недокомплект составлял 5%. Чтобы решить проблему, поддерживалось наставничество (как пример – А. Северинец из Речицы). Но важнее всего было закрепить специалиста на рабочем месте, создав ему необходимые условия труда.

В годы перестройки происходили изменения, касавшиеся подготовки кадров для различных направлений. Новым у авиаторов стало то, что их учебные заведения ввели зональную систему набора учащихся. На ее основе Минское училище с 1986 г. начало готовить специалистов по эксплуатации радиосредств. В БУГА работал учебно-тренировочный центр во главе с П. Климёнком. Минское ГПТУ № 32 обучало бортпроводников и дежурных службы перевозок. Но в силу экономических причин молодежи в авиацию стало идти меньше.

В свою очередь, работников трубопроводов готовили техникум, учебно-курсовой комбинат и школы экономики в Новополоцке. Стабилизации ситуации содействовало то, что по Новополоцкому управлению нефтепровода «Дружба» годовая текучесть кадров во 2-й половине 1980-х гг. находилась в рамках 2,4–6,9%. В итоге при прочном закреплении кадров значительно снижалась потребность в их подготовке.

В целом получение высшего образования автотранспортниками происходило на базе факультетов политехнических и автодорожных вузов. Главными кадровыми сложностями на автотранспорте были нехватка водителей и их невысокий уровень овладения практическими навыками, что стало следствием слабой подготовки в АШ Минавтотранса. Автошколы в свою очередь испытывали трудности с матбазой и уровнем квалификации преподавателей. В значительной степени ситуация была исправлена, когда в 1965 г. в системе Минавтотранса вместо АШ создали АУК, а затем их материально укрепили. В то же время по школам ДОСААФ, выпускавшим водителей больше всего, качество преподавания оставалось невысоким, что заставляло автохозяйства доучивать их выпускников. Среднее специальное образование работникам предприятий Минавтотранса давали автомеханический, автодорожные, индустриальный и автотранспортный техникумы. Однако количество специальностей, объемы выпуска и уровень квалификации учащихся были ограниченными. Определенным выходом являлось повышение уровня знаний на рабочих местах. В последние десятилетия советского периода выросло количество ПТУ, где выпускали водителей и авторемонтников. Работники электротранспорта чаще готовились на курсах и учпунктах при предприятиях.

У речников БССР возможность получить высшее образование вплоть до начала перестройки была только в Ленинграде, но затем уже в Гомеле. Среднее специальное образование предлагалось с окончанием военных действий на территории республики в Гомельском техникуме, в конце изучаемого нами периода – в Светлогорском. Готовили речников и в ремесленных училищах, но проблемой было закрепление их на рабочих местах. После завершения послевоенного десятилетия больше надежд возлагали на учкомбинаты ГУРФ, где готовили выпускников по принципу совмещения профессий. Авиаторы БССР до периода перестройки получали высшее и среднее специальное образование только за ее пределами, затем уже в Минске. На авиапредприятиях проходило повышение квалификации с помощью техучебы и курсов. На трубопроводном транспорте чаще использовали учкомбинаты, но работал техникум в Новополоцке. Общими проблемами было то, что выпускники часто не закреплялись на рабочих местах, что усложняло кадровую ситуацию. С другой стороны, необходимо отметить, что на транспорт приходили также работать и после непрофильных учебных заведений. Учебные заведения во многом работали только на замещение выбывавших работников, не удовлетворенных условиями своего труда.

Заключение. Основными тенденциями развития образования для нужд белорусского транспорта в изучаемый период было увеличение перечня как самих учебных заведений, так и специальностей в них, постоянный рост выпуска и повышение квалификации обучавшихся.

Литература

1. Железная дорога Беларуси: История и современность / под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО Триолета, 2001. – 488 с.
2. Давидович, Я. Правовое регулирование труда молодых рабочих / Я. Давидович // Социалистический труд. – 1960. – № 6. – С. 21–28.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4 п. – Оп. 18. – Д. 39. – Л. 82.
4. НАРБ. – Ф. 30. – Оп. 5. – Т. 2. – Д. 3869. – Л. 44; Д. 4714. – Л.39.
5. Дробышевский, В. Белорусская ССР / В. Дробышевский // Автомобильный транспорт. – 1957. – № 10. – С. 24.
6. Ефимов, С. По новым маршрутам / С. Ефимов // Советская Белоруссия. – 1966. – 4 янв. – С. 4.
7. НАРБ. – Ф. 1006. – Оп. 1. – Д. 84. – Л. 35, 49.
8. Андреев, А.Е. Романтика дальних дорог / А.Е. Андреев // Советская Белоруссия. – 1966. – 19 июля. – С. 2.
9. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 2224. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 94.
10. Государственный архив Могилевской области. – Ф. 2933. – Оп. 1. – Д. 414. – Л. 1.
11. Государственный архив Гомельской области. – Ф. 165. – Оп. 1. – Д. 306. – Л. 35.
12. Государственный архив Минской области. – Ф. 2. – Оп. 9. – Д. 3868. – Л. 37, 38.

Поступила в редакцию 01.12.2017 г.

УДК 327(73+510)

Американо-китайские отношения в контексте региональной политики Юго-Восточной Азии

Подберезных И.Е.
Учреждение образования «Черноморский государственный университет имени Петра Могилы», Николаев (Украина)

В данной работе освещено развитие современных региональных отношений США и Китайской Народной Республики (КНР) на территории Юго-Восточной Азии (ЮВА). Доказано, что последней тенденцией международных отношений США является направление региональной политики сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии (ЮВА).

Цель статьи – проанализировать изменения в региональной политике США и КНР в странах Юго-Восточной Азии в период от прекращения биполярного противостояния до завершения мирового финансово-экономического кризиса первого десятилетия XXI в.

Материал и методы. *При подготовке исследования были использованы опубликованные работы американских ученых и дипломатов, изучающих стратегические интересы политики США в странах Юго-Восточной Азии. Методологическую основу определила многоаспектность выбранной проблемы, поэтому при написании статьи были применены общенаучные методы: историко-хронологический, структурно-функциональный и компаративистский.*

Результаты и их обсуждение. *Исследованы этапы формирования концепции политической стабильности в Юго-Восточной Азии и выяснена динамика развития институциональных механизмов ее обеспечения. Доказана значительная роль США во взаимоотношениях и в региональной безопасности стран Юго-Восточной Азии. Рассматриваются внешнеэкономические стратегии США и Китая относительно субрегиона, проблемы возможного выхода Китая на региональную арену в качестве мощной силы, что в ближайшие годы может усилить конкуренцию.*

Анализируется тезис о том, что попытки Китая доминировать в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и контролировать морские пути в Тихом океане вводят его в конфронтацию с Западом, который не может согласиться с такой стратегией Пекина. Это теоретически способно привести к повышению рисков морской Тихоокеанской войны. Поэтому процесс миротворчества является на данном этапе развития человечества искусством достижения баланса между объективно существующими социальными явлениями войны и мира.

В результате проведенного анализа выделен ряд вопросов, которые остаются предметом прогнозирования и разработки специалистами в области истории и международных отношений.

Заключение. *Образование региональных группировок в Европе и Америке, конкурентная борьба за финансовые и материальные ресурсы, сложности и неопределенность перспектив многосторонних торговых переговоров на глобальном уровне, проблемы в отношениях с США – все это создает ряд международных проблем, решению которых может способствовать лишь многостороннее сотрудничество.*

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский регион, Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, балансирование, диалог стратегических партнеров, Китай, региональная политика, Соединенные Штаты Америки.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 68–76)

U.S. – China Relations in the Context of South-East Regional Policy

Podbereznykh I.E.
Educational Establishment «Petro Mohyla Black Sea State University», Mykolayiv (Ukraine)

In the article the development of modern regional US relations and China on the territory of South East Asia (SEA) are revealed. The latest trend of the USA international relations is proved to be the direction of the regional policy of cooperation with the countries of Southeast Asia.

Адрес для корреспонденции: e-mail: innaevgenievna2017@gmail.com – **И.Е. Подберезных**

The purpose of the article is to analyze changes in the regional policy of the USA and China in the countries of South-East Asia in the period from the cessation of the bipolar confrontation to the end of the world financial and economic crisis of the first decade of the 21st century.

Material and methods. *During the preparation of the study, the published works of American scientists and diplomats, which study the strategic interests of US policy in the countries of South-East Asia, were used. The methodological basis was determined by the multidimensionality of the chosen problem, therefore, when writing the article, general scientific methods were applied: the historical and chronological, the structural and functional and the comparative.*

Findings and their discussions. *The article examines the stages of formation of the concept of political stability in Southeast Asia and elucidates the dynamics of the development of institutional mechanisms for its provision. A significant role of the United States in the relationship and regional security of South-East Asian countries is proven. The foreign and economic strategies of the United States and China concerning the sub region are considered, the issue of China's possible entrance the regional arena as a powerful force, which in the coming years may intensify competition.*

The thesis that attempts by China to try to dominate the APR and to control the sea routes in the Pacific imposes its confrontation with the West, which can not agree with such a strategy of Beijing is analyzed. This can theoretically increase the risks of the Pacific War. Therefore, the process of peacemaking, at this stage of human development, is the art of achieving a balance between the objectively existing social phenomena of war and peace.

As a result of the analysis, a number of issues were identified which remain the subject of forecasting and development by experts in the field of history and international relations.

Conclusion. *The formation of regional groupings in Europe and America, the competition for financial and material resources, the complexities and uncertainties of the prospects for multilateral trade negotiations at the global level, the problems in relations with the US all create a number of international problems, the only way out of which can be multilateral cooperation.*

Key words: *Asia-Pacific Region, Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), balancing, dialogue of strategic partners, China, regional policy, the United States.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 68–76)

Развитие международных отношений в Юго-Восточной Азии между США и КНР находится в центре внимания зарубежных и отечественных ученых. Однако в постсоветской науке отсутствуют специальные исследования, которые изучают развитие региональной политики США, КНР и России (с ее современным положением на международной арене) в ЮВА.

Цель статьи – проанализировать изменения в региональной политике США и КНР в странах Юго-Восточной Азии в период от прекращения биполярного противостояния до завершения мирового финансово-экономического кризиса первого десятилетия XXI в.

Материал и методы. При подготовке исследования были использованы опубликованные работы американских ученых и дипломатов, которые изучают стратегические интересы политики США в странах Юго-Восточной Азии. Методологическую основу определила многоаспектность выбранной проблемы, поэтому при написании статьи были применены общенаучные методы: историко-хронологический, структурно-функциональный и компаративистский.

Результаты и их обсуждение. В контексте данной проблемы заслуживают внимания исследования Л. Васильева, В. Урляпова, Г. Гревцовой, Я. Лексютиной, Н. Городней [1], С. Сладковского [2], А. Нагорного [3], В. Мазурова [4], Е. Бажанова [5]. Стоит отметить, что определенная нами тема активно рассматривается, прежде всего, в американских периодических изданиях «Global Times», Survival, New York Times, Foreign Affairs и т.д. [6]. В указанных трудах на основе значительного фактического материала исследователи отмечают проблемы противостояния китайских и американских геополитических интересов в Юго-Восточной Азии. Важной частью вхождения в Азию Вашингтона считают установление взаимного доверия с Китаем. В то же время, исходя из экономических вопросов и вопросов безопасности, американская сторона понимает, что необходимо противостоять влиятельному Китаю в этом регионе. Как следствие – создание новых альянсов «с целью контроля над регионом».

С приходом к власти Б. Обамы США получили новый курс внешней политики сотрудничества со странами ЮВА. В программной статье Б. Обамы отображены основные направления администрации Президента, которые включают в себя такие основные аспекты, как необходимость создания США «более эффективной структуры в Азии вне пределов двусторонних соглашений, нерегулярных саммитов и соглашений, по определенному случаю, например, шестисторонние переговоры по северокорейской проблеме»; формирование «инклюзивной инфраструктуры со странами Восточной Азии», которая может способствовать стабильности региона и помочь бороться с транснациональными угрозами; содействие перениманию Китаем «ответственной роли как растущей власти» для решения общих проблем XXI века. «Наше важное задание заключается в том, чтобы построить отношения, которые расширяют сотрудничество и в то же время укрепляют нашу способность конкурировать», – заявил Б. Обама [6].

Соединенные Штаты, как и раньше, выступают военной силой поистине глобального масштаба. Невзирая на прогресс в первом десятилетии

XXI века, Китай, вероятно, не сможет превысить этот глобальный потенциал в следующем десятилетии. Однако это не помешало ему отрицать военную гегемонию Америки в Азии. Он укрепил свое асимметричное сдерживание США в морском преимуществе, постепенно развивается арсенал для далекого обеспечения проекта. Ни одно другое азиатское государство не близко к нарастающим финансовым резервам как Китай в его программах военной модернизации. Если тенденция официальных расходов на оборону в период между 2000 и 2007 гг. экстраполируется, до 2020 года расходы Китая, вероятно, будут равняться расходам вместе взятых Японии, Индии и России. Надстройка региональной безопасности, таким образом, становится все более биполярной, но не будет многополярной субструктурой, в которой другие государства делают свой самостоятельный выбор в том, чтобы балансировать. Важным вопросом является растущая озабоченность в регионе, позволяют ли США строить новый союз безопасности с Индией, Японией, Кореей и Австралией. Региональная стабильность будет, конечно, зависеть от новых моделей альянса [7].

Военный потенциал Китая растет, а его экономические возможности и интересы в будущем могут быть значительнее, чем в СССР в прошлом. Однако возможности Китая диктуются совокупными размерами экономики, географических и демографических ресурсов, а не ВВП, на душу населения, показателем низким по мировым стандартам. Соответственно, лидерство «советского» типа, которое пока доступно Китаю, вряд ли будет признано всем мировым содружеством [8].

При этом китайская армия является самой многочисленной в мире, хотя она и сокращается. Военный бюджет КНР в абсолютных показателях увеличивается, поставлено задание его удвоения, а в перспективе и утроение (с учетом расходов на развитие технологий двойного назначения и их коммерческого использования). Для сравнения: в целом военные расходы стран Азии за последние годы увеличились на 50%.

В этом контексте вопрос Южно-Китайского моря перерастает как глобальная, так и региональная проблема безопасности. Напряженность вокруг Южно-Китайского моря не связана исключительно с интерпретацией истории и требованием суверенитета или противоречивым доступом к углеводородам и рыболовству; она также зависит и от проблем большой стратегии. Такие вопросы, как влияние военно-морской модернизации Китая, передового базирования США в будущем в регионе и баланс сил в Азии, до сих пор обсуждаются. Напряженность здесь требует анализа эволюции отношений Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), решения споров, а также способности стран-членов АСЕАН руководить последними в широких стратегических рамках. И именно этот фон делает споры опасными относительно потенциальных последствий, которые могут выплывать из-за любого просчета [9].

В период 2008–2009 гг. состоялось обсуждение стратегии планов США по отношению к странам АСЕАН. В декабре 2008 г. был опубликован доклад Вашингтонского центра стратегических и международных исследований (CSIS) по результатам международной конференции «Соединенные Штаты Америки и Юго-Восточная Азия. Стратегия повышенной заинтересованности». В докладе эксперты США указали на приоритетные направления в отношениях со странами ЮВА, призывали президента к созданию роли США как «страны-резидента». Для этого необходимо было совмещать военно-экономическую мощь и публичную дипломатию. Следовательно, такая политика предусматривает расширение всех переговорных процессов, принятие на себя обязательств относительно обеспечения экологической и энергетической безопасности, активизацию всех механизмов публичной дипломатии и в первую очередь присоединения к Договору 1976 г. В предвыборной кампании Б. Обамы не отмечалась необходимость развития отношений со странами АСЕАН. Но повышенный интерес к АСЕАН во внешнеполитических интересах США при демократической администрации Б. Обамы проявился в феврале в 2009 г. Индонезия стала второй страной после Японии, которую посетила Госсекретарь США Г. Клинтон. И это не случайно, так как в Джакарте расположен Секретариат АСЕАН. Главным событием визита стало первое за 32 года диалогового партнерства посещение, где Г. Клинтон заявила о принятии решения присоединиться к Балийскому договору в 1976 г. [10].

Также данный визит можно рассматривать как стремление Вашингтона к примирению с мусульманским миром. Серьезной заявкой на возвращение США лидерства в АТР стало привлечение Вашингтона к урегулированию ситуации в Южно-Китайском море, где возобновились давние противоречия между странами относительно статуса островов Спратли. С этим связаны заявления Госсекретаря Г. Клинтон о поддержке свободы навигации и урегулирования споров в Южно-Китайском море на основе многосторонних договоренностей при посредничестве США, поскольку Южно-Китайское море является сферой национальных интересов США. Кроме того, на саммите АРФ в июле и Ханойском саммите АСЕАН в октябре 2010 г. было засвидетельствовано о «возвращении» США в ЮВА в контексте проблемы морской безопасности и «свободы морей». Новые подходы администрации Б. Обамы к осуществлению внешней политики были сформулированы в выступлении Г. Клинтон перед сенатским комитетом по иностранным делам в связи с утверждением ее кандидатуры на должность Госсекретаря. В ряде стран АСЕАН приветствовали заявление об изменении внешнеполитического курса США, и позитивный отзыв получило заяв-

ление нового председателя американского дипломатического ведомства о желании, прежде всего, навести визит в страны тихоокеанской Азии [11].

В своей речи Госсекретарь отметила, что политика США базируется на сочетании принципов прагматизма, а не жесткой идеологии, признании взаимозависимости современного мира, необходимости осуществления «умной власти» путем использования полного набора дипломатических, экономических, военных, политических, юридических и культурных мероприятий, их правильной комбинации для каждой конкретной ситуации. Более того, авангардом внешней политики в контексте «умной власти» должна была стать дипломатия [10]. Другим важным положением речи Госсекретаря являлась необходимость для США, в условиях ограниченности ресурсов, избирать приоритеты внешней политики. Положения направления такой политики, о которых говорила Г. Клинтон, наиболее полно изложены в программной статье «Тихоокеанский век Америки», опубликованной в журнале «Foreign Policy» в октябре 2011 г. Госсекретарь указала: «Будущее политики определяется в Азии, не в Афганистане или Ираке, и США должны быть в центре этих действий» [11]. Новая американская стратегическая активность будет распространена от западных берегов США к Индостанскому субконтиненту. Кроме того, Г. Клинтон выделила три основных принципа администрации Б. Обамы, которыми руководствуются при современной политике в ЮВА. Во-первых, это поддержка политического консенсуса в основных целях с альянсами; во-вторых, гарантия того, что альянсы США являются достаточно адаптивными для использования новых возможностей и решения заданий; в-третьих, США должны гарантировать, что обороноспособность и коммуникационная инфраструктура альянсов является способной сдерживать провокации государственных и негосударственных субъектов. Но еще более, чем военное могущество, экономический рост, американской главной ценностью является поддержка демократии и прав человека. Именно это лежит в основе их внешней политики, в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Углубляя отношения с партнерами, Государственный департамент призывает их внедрить реформы, усовершенствовать управление и придерживаться прав человека. Примером может служить Мьянма, где американское правительство преисполнено решительности добиться ответственности за нарушение прав человека. США не могут и не стремятся навязать свою систему универсальных ценностей, присущих каждой стране мира, в том числе и Азии. Отметим, что большое значение для реализации азиатско-тихоокеанской стратегии США имело 9-дневное турне президента Б. Обамы в АТР в ноябре 2011 г. Президент принял участие в саммите АТЭС (Гонолулу, Гавайи), «АСЕАН-США» и восточноазиатском саммите (Балле, Индонезия). Посетил Австралию, провел двусторонние встречи с лидерами Индии, Индонезии, Малайзии, Филиппин. 17 ноября 2011 г. в австралийском парламенте президент Б. Обама произнес речь, в которой обосновал политику США в АТР. Он отметил: «США были и всегда будут Тихоокеанской нацией. Здесь мы видим будущее, как наиболее быстро растущий регион мира Тихоокеанская Азия подходит для достижения моего наивысшего приоритета – создания рабочих мест и возможностей для американцев. Как президент, я сделал взвешенное и стратегическое решение – как Тихоокеанская нация США будут играть большую и долгосрочную роль в развитии региона и его будущего» [12]. Привлекает внимание то, что Б. Обама уверен в лидерстве США в АТР как страны, которая продвигает «набор международных норм», обеспечивает соблюдение одинаковых правил всеми участниками. В этом контексте было представлено видение Вашингтоном нового международного порядка: «Мы выступаем за международный порядок, в котором поддерживаются права и ответственность всех наций и народов; осуществляются международный закон и нормы; не создаются препятствия торговле и свободе навигации; страны, которые развиваются, делают взнос в региональную безопасность; противоречия решаются мирным путем. Это будущее, которого мы хотим» [13].

Усиление китайского влияния в Индийском океане тревожит Соединенные Штаты. Провозглашенная Бараком Обамой в ноябре 2011 г. новая азиатско-тихоокеанская доктрина нацелена на снижение геополитического веса КНР в регионе, и американские дипломаты этого почти не скрывают.

Ноябрьское турне президента США также определило перспективы приоритетных направлений политики США в АТР, что включает усиление двусторонних альянсов безопасности; углубление рабочих отношений с ведущими странами, которые развиваются, включая Китай; привлечение к региональным многосторонним институциям; распространение торговли и инвестиций; развитие широкого военного присутствия; защита демократии и прав человека. Комментируя ноябрьский визит президента Б. Обамы в АТР и региональную политику его администрации, политические обозреватели часто употребляют термин «поворотный момент» («pivot», «Strategic pivot», «pivotal moment»). Именно во время турне администрация Б. Обамы осуществила решительный поворот во внешней политике США с Западной в Восточную Азию, с проблем традиционной – к нетрадиционной безопасности. Возобновляя американское лидерство в регионе, она проводит многотрековую стратегию, а именно развитие диалога с Китаем, при этом избегает конфронтации с ним; развитие двусторонних отношений с региональными государствами и АСЕАН как коллективным органом; участие в региональных

многосторонних институциях; привлечение в качестве посредника в урегулирование ситуации в Южно-Китайском море; развитие экономической интеграции на двустороннем и многостороннем уровнях; расширение рамок региона за счет подключения к нему Индии [11]. Следует отметить, что важным фактором является признание администрацией Б. Обамы взаимозависимости мира, общности угроз и вызовов, что делает проблематичным единоличное лидерство, принятие идей интеграции как основы своей внешней политики, – вот в чем заключается решающая роль дипломатии в ее реализации.

Мы можем наблюдать за установлением американской военной базы в Сингапуре, на Филиппинах и в Малайзии. 5 января 2010 г. Барак Обама обнародовал программу реформирования оборонной стратегии США. Он заявил, что американская армия станет более компактной, сможет сохранить свое мировое преимущество и направит усилия на Азиатско-Тихоокеанский регион. Переформирование армии, прежде всего, связано с изменением стратегии, в центре которой есть возможность США вести одновременно две войны. Отметим, что еще осенью в 2011 г. Леон Панетта, министр обороны США, провозглашал, что акцент в военной стратегии США будет сделан на усилении американского присутствия в странах Азии и Тихоокеанского бассейна с целью противодействия усилению влияния Китая в этом регионе [13].

Руководство КНР собиралось осуществить модернизацию порта Ситуе (Акьяб) в Мьянме на побережье Индийского океана, который имеет для Поднебесной стратегическое значение. Ведь три четверти китайского импорта нефти проходит через Малаккский пролив, возможное блокирование которого угрожает для Китая энергетическим голодом. В последние годы Китай увеличивает свои военные расходы, когда между тем США сокращают свой военный бюджет. Однако Вашингтон все еще опережает Китай по вооружению и технологиям.

Следует констатировать, что было сделано и какие общие цели стоят перед странами ЮВА и США? Возобновляя двустороннее сотрудничество со странами ЮВА, Вашингтон предложил широкий круг сфер взаимодействия, включая соглашения в сфере безопасности, сотрудничество по экономическим вопросам, в сфере охраны природы, развития образования и т.д. США обновляют и сохраняют партнерские отношения с Филиппинами и Таиландом, увеличивая количество кораблей и рабочих для успешного завершения подготовки филиппинских войск в борьбе с терроризмом. В Таиланде, давнем партнере США, планируется создать центр гуманитарной помощи при чрезвычайных ситуациях. Конечно, основное внимание уделяется отношениям с Китаем, их проблемам и решениям этих вопросов, ведь это партнерство важно как и для США, так и для Китая. Важно и то, что главным для США является новое партнерство с Индонезией, третьей по размеру демократической страной в мире, наибольшей мусульманской нацией, членом Большой двадцатки. В 2010–2011 гг. была возобновлена общая учеба с индонезийскими частями специального назначения, подписано несколько соглашений в отраслях медицины, образования, обороны, науки и технологий. Оба правительства имеют намерения в дальнейшем расширить количество обмена студентов, увеличить инвестиции в образование, энергетику, аграрную политику, а также оборонную торговлю, которая становится важным компонентом международных отношений. Соответственно такому направлению в 2012 г. правительствами была профинансирована программа, которая позволяет студентам обеих стран проводить исследование и публиковаться, поэтому повышается научно-исследовательская конкурентоспособность государств. Также активно проводится в обеих странах обмен студентами, учеными, институтами по вопросу сохранения морской среды и биотехнологий, местных растений и продовольственной безопасности, здравоохранения и адаптации к изменению климата [1].

Показательным стало изменение политики США относительно Мьянмы. 30 ноября 2011 г. состоялся первый за последнюю четверть века визит Госсекретаря США в Мьянму, что было расценено как «поворотный момент» в политике США относительно этого государства. Значительное внимание на данное время уделяется развитию отношений АСЕАН, что превратилась в центр региональной интеграции в Восточной Азии. Об этом свидетельствует ежегодное участие Госсекретаря Г. Клинтон в Региональном форуме АСЕАН (АРФ); в 2009 г. возобновились ежегодные саммиты США–АСЕАН; в июле 2009 г. подписаны США Договоры о дружбе и сотрудничестве (ТАС), что открыло путь к вступлению США в восточноазиатский саммит; открытие в 2010 г. миссии США в АСЕАН и назначение первого посла в АСЕАН в апреле 2011 г. и т.д.

Следует отметить, что увеличение внимания к АСЕАН со стороны США имеет как глобальные, так и региональные основания. С точки зрения глобальных изменений это является продолжением влияния на те кризисные процессы, которые происходят во всем мире (включая Западную Европу и США), и которые, конечно, проявляются в регионе ЮВА, но есть еще и региональные причины, которые обнаружены сегодня. Поскольку ЮВА обладает очень мощными игроками, прежде всего это Китай, который на сегодня все более четко заявляет о своем доминировании в регионе. Даже во время визита президента США Б. Обамы на саммите АСЕАН представитель Китая дал понять, что это проблема, в которую США не должны вмешиваться. Кроме Китая, есть и другие международные акторы, такие как

Индия, Россия, которые также пытаются усилить свое влияние в этом регионе, и потому США как мировой лидер должен уделять внимание той ситуации, которая сложилась в ЮВА. Следовательно, на современном этапе США пролагали путь для взаимодействия в АТР, и впрочем, стоит отметить, что они преисполнены решительности проводить в дальнейшем политику партнерства, ведь это одна из наиболее важных задач для современной Америки. Международные отношения между США и ЮВА продолжают свое развитие, а это в свою очередь влияет на эффективность экономического развития, способствует внутренней и региональной стабильности, особенно для поддержки национального развития во всех областях жизни. Отношения США с отдельными членами АСЕАН являются достаточно хорошими, но большинство членов АСЕАН считают, что США являются наименее выгодными и перспективными партнерами, чем другие страны данного региона, ведь США единственные не придерживаются Договора АСЕАН о дружбе и сотрудничестве, что не раз поднималось на обсуждение на высшем уровне ЮВА. Соответственно по данному факту нынешняя администрация пытается по возможности урегулировать этот вопрос, но радикальные изменения еще не состоялись.

Важным в урегулировании отношений между ЮВА и США есть то, что Соединенные Штаты пытаются возобновить диалог об обеспечении мира и борьбы с экстремистами и терроризмом в регионе. Соответственно этому направлению неоднократно происходили обмены и учебы полиции и армии. США сегодня пытаются вернуться к политике «мягкой силы», которая заключается в прекращении войн на Востоке. Однако на пути США стоит Китай, который явился наиболее успешной страной за последнее десятилетие и играет важную роль в политическом «климате» Азиатского региона. Дискурс об отношениях США и АСЕАН изображают Соединенные Штаты больше как пассивного игрока, который отстает в своих внешнеполитических стратегиях относительно стран ЮВА, Китая, Японии, Индии и России. Поэтому для улучшения ситуации в свою пользу США должны расширить собственную деятельность с помощью назначения должности чрезвычайного уполномоченного посла США по делам АСЕАН, что позволит создать дипломатический корпус АСЕАН и станет новой региональной группировкой и потенциальным координационным органом. Кроме того, США в состоянии создать определенную структуру, деятельность которой была бы направлена в поддержку структур и проектов, которые работают с гражданским обществом в регионе АСЕАН. Это дало бы возможность создать альтернативные маршруты для содействия политической либерализации и предсказания нетрадиционных транснациональных угроз безопасности в регионе. Такая структура могла бы стать полезным инструментом для межгосударственной дипломатии. Более того, для установления желаемых отношений с АСЕАН США обсуждают вариант подписания Договора о дружбе и сотрудничестве со странами АСЕАН. Если это состоится, то станет значительным шагом в установлении своих внешнеполитических тенденций в ЮВА.

По состоянию на 2008 г. США оставались вторым торговым партнером АСЕАН (Китай – 5-м) и четвертым источником прямых иностранных инвестиций (Китай – 10-м). Страны региона продолжали высоко ценить привлечение США к региону как наибольшему рынку для их продукции, источника новых технологий, гаранта безопасности морских путей и противовеса доминированию одного регионального государства. Однако уменьшение относительного влияния США на ЮВА было очевидным. Период эпизодического внимания США относительно ЮВА совпал с усилением регионального влияния Китая. Поэтому в последующем политику США в ЮВА все более определяли перспективы глобальной конкуренции с КНР. Интеграция в регионе по модели «АСЕАН+3», формирование зоны свободной торговли между АСЕАН и Китаем, объединение Восточной Азии на основе общих азиатских ценностей под экономическим патронажем Китая или Японии, но без участия США, создают очевидные угрозы для американских интересов в АТР. Опыт Австралии и Новой Зеландии свидетельствует, что экономический аспект «мягкой власти» Китая может трансформировать двусторонние отношения с государствами-близкими союзниками США. Зависимость экономического роста этих стран от развития сотрудничества с Китаем порождает их сдержанность в принятии решений, которые могут вызывать недовольство Китая. Очевидно, что Австралия и Новая Зеландия, как и страны АСЕАН, не хотят выбирать между важным союзом с США в сфере безопасности и выгодной торговлей с Китаем. Американские аналитики признают, что оппозиция США восточноазиатскому регионализму и давление на региональные страны недопустимы, они лишь усилят антиамериканские настроения. Поэтому США приветствовали создание в декабре 2005 г. более широкого регионального образования – восточноазиатского саммита – с участием не только 13 стран формата «АСЕАН+3», но также Австралии, Новой Зеландии и Индии («АСЕАН+6»). Он был инициирован Японией и поддержан некоторыми странами АСЕАН с целью избежать доминирования Китая в «АСЕАН+3». В то же время расширение формата восточноазиатского сотрудничества за счет неазиатских государств, к тому же союзников США, позволило затормозить процесс сугубо азиатской интеграции через неясность вопроса о структуре будущего регионального сотрудничества. В 2010 г. США, а также Россия подали заявки на вступление в восточноазиатский саммит, что в случае их принятия

превратит «АСЕАН+6» на «АСЕАН+8». Заявка США на вступление в восточноазиатский саммит вызывала многочисленные комментарии. Некоторые страны АСЕАН (преимущественно островные) приветствуют привлечение США к региональным структурам, во избежание доминирования Китая в регионе. Другие считают, что включение США в САС ослабит существующий форум, учитывая американо-китайское соперничество, которое деформирует его начальные цели, среди которых создание зоны свободной торговли между 16 государствами в формате «АСЕАН+6»; превратит его в громоздкую конструкцию типа АТЭС, что будет, скорее, форумом для стратегического диалога и обеспечения стабильного регионального окружения, тогда как функциональная кооперация – экономическая, торговая и инвестиционная – будет оставаться сферой «АСЕАН+3». Судя по некоторым комментариям, благодаря вступлению в САС США, последние желают придать новый импульс переговорам о достижении высокого стандартного всестороннего соглашения в транс-тихоокеанском экономическом сотрудничестве при участии 8 стран – Чили, Перу, Новой Зеландии, Австралии, Сингапура, Брунея, Вьетнама и США (Trans Pacific Partnership Agreement, TPPA). Обсуждение началось в феврале 2008 г. [1].

В любом случае заявка о вступлении в САС свидетельствует об активных мероприятиях администрации Б. Обамы в возобновлении лидерства США в АТР. Если администрация Буша не уделяла достаточного внимания ЮВА из-за избыточной сосредоточенности на Ираке и борьбы с терроризмом, то администрация Б. Обамы четко демонстрирует свое стремление повернуть полномасштабное привлечение США к Юго-Восточной Азии. Во время своего первого визита в Восточную Азию как Госсекретарь в феврале 2009 г. Г. Клинтон кроме Японии, Республики Корея, Китая посетила и Индонезию. Этот дружественный жест к стране, в которой президент Обама провел детство, предусматривал установление более тесного сотрудничества с наибольшей мусульманской страной для последующего расширения сотрудничества с АСЕАН и улучшения имиджа США в мусульманском мире. Принимая участие в Региональном форуме АСЕАН в июле 2009 г., Г. Клинтон подписала Договор о дружбе и сотрудничестве с ЮВА (ТАС) – базовый документ АСЕАН. Присоединение США к ТАС было обязательным предварительным условием участия США в Восточноазиатском саммите. В ноябре 2009 г. помощник Госсекретаря по восточноазиатским и тихоокеанским делам К. Кэмпбелл в первый раз посетил Мьянму для прямых переговоров с военной хунтой. Осуществляя визиты в Японию, Республику Корея, Китай в ноябре 2009 г., президент Б. Обама побывал в Сингапуре. В своей речи в Токио он заявил: «Как первый тихоокеанский президент Америки я обещаю вам, что эта тихоокеанская нация будет укреплять и поддерживать наше лидерство в этой жизненно важной для нас части света» [9]. В июне 2010 г. президенты США и Индонезии объявили в Джакарте о формировании широкомасштабного стратегического партнерства двух стран. Подписано соглашение, которое должно углубить существующее сотрудничество между ними в отрасли обороны. Важным было решение США (июль 2010 г.) возобновить при условии выполнения определенных требований сотрудничество с Капасус (индонезийским элитным спецподразделением, обвиняемым в массированном нарушении прав человека, в частности во время событий в Восточном Тиморе), что ликвидировало последнее препятствие для возобновления полномасштабных военных отношений между двумя странами [14]. Осуществляются также мероприятия по налаживанию военного сотрудничества США с Вьетнамом и Камбоджей. Серьезной заявкой на возобновление американского лидерства в ЮВА стало заявление Госсекретаря Г. Клинтон на ханойском саммите АСЕАН (октябрь 2010 г.), что многостороннее решение давних дискуссий в Южно-Китайском море является сферой национальных интересов США.

Особенностью отношений между Китаем и США стали разногласия относительно таких регионов, как Африка и Латинская Америка.

С 2014 года особо острые дебаты идут по поводу ситуации в Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии. Данные регионы отдельные аналитики ассоциируют с Балканами, где просматривается новая геополитическая игра. Притом особенно выделяются разногласия стран, входящих в АСЕАН, с Китаем, в том числе и территориальные. Предмет этих разногласий интересует и других мировых игроков, территориально находящихся далеко за пределами ЮВА, и в первую очередь США. Притом США и Китай применяют различные стратегические подходы в регионе. Так, Китай свои разногласия со странами-соседями решает с учетом интересов конкретной страны, а не АСЕАН в целом. КНР также не приемлет участия в налаживании своих диалогов со странами из других регионов, в первую очередь США. Влияние США в регионе поддерживается со стороны большей части участников АСЕАН, и целью США является сохранение независимости стран. В трактовке Роберта Каплана Соединенные Штаты стремятся не допустить «финляндизации» стран АСЕАН. Такая политика США значительно осложняет переговорный процесс между Китаем и АСЕАН. Свидетельством этому служит факт, что 18 марта 2014 г. на встрече в Сингапуре не были согласованы правила поведения в Южно-Китайском море, известные под определением «Кодекс поведения».

Ситуация, которая сложилась, вызвала определенные заявления со стороны Вашингтона. Неоднозначные, предостерегающие действия

в адрес Пекина были сделаны министром обороны США Чаком Хейгелом. К таким действиям в первую очередь можно отнести встречу 3–4 апреля 2014 г. с министрами обороны десяти стран-членов АСЕАН на Гавайях, которая проходила под видом согласования действий на случай катастрофы. На самом деле обсуждались актуальные вопросы военно-политической ситуации в ЮВА.

В ходе переговоров с коллегами АСЕАН Чак Хейгел выразил много интересных мнений. Во-первых, он охарактеризовал подобные встречи как «крайне важные, способные углубить дружественные связи» между США и странами АСЕАН. Во-вторых, не говоря прямо о КНР, он указал на необходимость «исключения угрозы или использования силы при решении территориальных споров, относительно которых в США растут опасения» [15].

Судя по всему, за указанной встречей внимательно и настороженно следили в Пекине. В частности, в редакционном комментарии Global Times говорилось о необходимости коррекции политики КНР в ЮВА с целью снижения напряженности в отношениях с южными соседями. Определенные признаки такой коррекции стали наблюдаться еще осенью 2013 г. [6].

После переговоров с коллегами Чак Хейгел посетил Японию, где в очередной раз было подтверждено взаимное стремление к укреплению военно-политического взаимодействия между США и Японией на фоне «вызовов стабильности». Одной из причин этих вызовов обозначена КНДР. Северокорейские «контрмеры» трансформировались в планы разместить на японских островах два американских эсминца, в дополнение к имеющимся семи единицам.

Перед вылетом в Пекин Чаком Хейгелом было заявлено несколько определенных тезисов, которые содержали вполне конкретные и жесткие слова в адрес КНР, а именно не первый раз в публичной риторике высших представителей американской администрации Китай был назван «большим государством».

Однако подобное определение было использовано для того, чтобы напомнить о «чрезвычайной ответственности» стран с таким статусом, а также о необходимости «уважения Китаем своих соседей» и недопустимости использования методов «принуждения и запугивания», которые ведут «только к конфликту со смертельным результатом». Наконец, токийское заявление министра обороны США включало в себя недвусмысленное предупреждение Пекину относительно гипотетических попыток применения «недавнего русского опыта» в территориальных спорах КНР с соседями [2].

Во время визита Чана Хейгела в Китай и переговоров с руководством КНР стороны придерживались дипломатических правил. Однако по содержанию самих переговоров признаков сближения позиций сторон относительно снижения напряженности в регионе не отмечено. Косвенным подтверждением может служить вполне конкретное заявление Чан Ваньцюань, министра обороны КНР, о том, что острова Дяоюйдао (в Японии – Сенкаку) принадлежат Китаю, и это «не подлежит обсуждению». Вместе с тем оговорка министра обороны Китая, что его страна воздержится от прямых военных действий, «первым атаковать не станет», оставляет надежду на оптимистическое развитие ситуации в Восточной Азии.

Заключение. Исследование показывает, что в условиях усиления регионального и глобального влияния Китая в результате глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., перемещения центра глобального экономического развития в Восточную Азию администрация Б. Обамы четко демонстрировала стремление вернуть лидерство США в регионе, которое усилило американо-китайскую конкуренцию за влияние в ЮВА. Восточная и Юго-Восточная Азия начинают более остро, чем раньше, чувствовать необходимость и преимущества экономического сотрудничества, возможно, вплоть до интеграции. Объективный ход экономического развития, закономерности рынка определяют то, что страны АТР, особенно «азиатской подсистемы», все в большей мере зависят от экономических отношений друг с другом. Образование региональных группировок в Европе и Америке, конкурентная борьба за финансовые и материальные ресурсы, сложности и неопределенность перспектив многосторонних торговых переговоров на глобальном уровне, проблемы в отношениях с США – все это создает ряд международных проблем, выходом из которых может стать лишь многостороннее сотрудничество.

Поскольку Китай и Соединенные Штаты стремятся играть более активную роль в Южной Азии, государства региона стали находить для себя пользу в российском присутствии. Время покажет, сумеет ли Россия воспользоваться новым климатом для того, чтобы наладить более обстоятельные отношения с региональными организациями. Через приоритет русско-китайского сотрудничества русские политики пока действуют осторожно, временами даже ценой проникновения в Юго-Восточную Азию. По мнению исследователей Дальневосточного федерального университета А. Лукина и С. Севастьянова, одна из возможных интерпретаций отсутствия президента Путина на Восточноазиатском саммите в Камбодже в ноябре 2012 г. состоит в его нежелании принимать чью-то сторону при обсуждении спорных региональных проблем. Тем не менее редактор тайской газеты «The Nation» Кави Чонгкиттаворн в прошлом году отметил, что хотя русские инициативы в сфере безопасности в Южной Азии выглядят «гнетущими», третий срок Путина «сделает влияние на Азиатско-тихоокеанский регион, и особенно

на АСЕАН, более чем когда-либо раньше». Это объясняется тем, что интерес России заключается в перераспределении баланса сил в регионе, тогда как США и Китай стремятся увеличить свое собственное влияние. В то время как в Южной Азии страны обеспокоены растущей напористостью Китая и стремлением США «возобновить равновесие», Россия может предложить для любых двусторонних переговоров многое: вооружение, нефть, газ, а также Арктический морской путь, который со временем станет альтернативой Малаккскому проливу. Вместо того, чтобы удовлетворяться маргинальной ролью в азиатских международных организациях, русские политики теперь пытаются развивать свои собственные альтернативы, приглашая, например, Вьетнам присоединиться к Евразийскому таможенному союзу. После нескольких десятилетий разговоров о роли России в Азии российские лидеры (если они окажутся готовыми последовательно взаимодействовать со своими соседями в вышеупомянутых сферах) могут обнаружить, что интерес Москвы в перераспределении баланса сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе находит отзыв у других региональных государств, таких как Австралия и Япония. Соответственно, в России появится потенциал для наведения новых мостов между Евразией и Азиатско-Тихоокеанским регионом [15]. Однако это не изменяет отношения к ней как государству-агрессору в Европе.

Китай также «подливает масло в огонь», и правительство США понимает всю сложность взаимодействия с Китаем, однако значительных успехов еще не достигнуто. Но есть определенные сдвиги, что дает надежду на будущее мирное сотрудничество между КНР и США.

Литература

1. Городня, Н.Д. Еволюція політики США в Південно-Східній Азії в постбіполярний період / Н.Д. Городня // Проблеми міжнародних відносин: зб. наук. пр. – К.: КиМУ, 2011. – Вип. 2. – С. 89–105.
2. Сладковский, М.И. Китай и Англия: историческая литература / М.И. Сладковский; Акад. наук СССР, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука, 1980. – 352 с.
3. Нагорный, А.А. США и Китай: экономические и научно-технические аспекты китайской политики Вашингтона / А.А. Нагорный, А.Б. Парканский. – М.: Наука, 1982. – 216 с.
4. Мазуров, В.М. США – Китай – Япония: перестройка межгосударственных отношений (1969–1979) / В.М. Мазуров. – М.: Наука, 1980. – 214 с.
5. Бажанов, Е.П. Движущие силы политики США в отношении Китая / Е.П. Бажанов; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. – М.: Наука, 1982. – 238 с.
6. Malaysian jet still unfound as two stolen passports prompt US probe [Electronic resource] // Global Times. – 2014. – Mode of access: http://www.globaltimes.cn/content/847050.shtml. – Date of access: 18.12.2013.
7. Sutter, E. U.S. – Central Asian Cooperation / E. Sutter // Survival. – 2009. – Vol. 58, no. 6. – December. – P. 9.
8. Christoffer, G.F. US policy in Central Asia / G.F. Christoffer // Survival. – 2006. – Vol. 84, no. 15. – June. – P. 42.
9. Kiracof, C. Kerry alone can't reverse foreign policy / C. Kiracof // Survival. – 2007. Vol. 36, no. 5. – June. – P. 27.
10. Snyder, S.A. Woo Jung-yeop The U.S. Rebalance and the Seoul Process: How to Align U.S. and ROK Visions for Cooperation in East Asia. A CFR Working Paper [Electronic resource] / S.A. Snyder // Council on foreign relations. – 2015. – January. – Mode of access: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/us-rebalance-seoul-process-align-us-rok-visions-cooperation-east-asia/p35926. – Date of access: 19.12.2013.
11. Kerrey, J.R. Manning the United States and Southeast Asia. A Policy Agenda for the New Administration [Electronic resource] / J.R. Kerrey // Council on foreign relations. – 2001. – July. – Mode of access: http://www.cfr.org/asia-and-pacific/united-states-southeast-asia/p3979. – Date of access: 10.12.2013.
12. Тригубенко, М.Е. Межгосударственные конфликты по территориальным проблемам Восточной и Юго-Восточной Азии [Электронный ресурс] / М.Е. Тригубенко. – М.: Науч. цифр. б-ка, 2014. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/politics/print.php?subaction=showfull&id=1403781955&archive=&start_from=&ucat=&. – Дата доступа: 07.12.2013.
13. Вишник, Э. Россия: новый игрок в регионе Южно-Китайского моря?: аналит. записка № 260 [Электронный ресурс] / Э. Вишник // PONARS Eurasia: прогр. новых подходов к исследованиям и безопасности в Евразии: [сайт] / Ин-т исследований Европы, России и Евразии (IERES), Шк. международ. отношений им. Эллиотта, Ун-т Дж. Вашингтона. – Вашингтон, 2013. – Режим доступа: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/pepm_260_russ_wishnick_june%202013.pdf. – Дата доступа: 07.12.2013.
14. Layne, Ch. The (Almost) Triumph of Offshore Balancing / Ch. Layne // Survival. – 2003. – Vol. 55, no. 2. – April–May. – P. 31–33.
15. Терехов, В. Ситуация в Юго-Восточной Азии в свете крымских событий [Электронный ресурс] / В. Терехов // Новое Восточное Обозрение. – 2014. – Режим доступа: http://ru.journal-neo.org/2014/04/17/rus-situatsiya-v-yugo-vostochnoj-azii-v-svete-kry-mskih-soby-tij/. – Дата доступа: 08.12.2013.

Поступила в редакцию 04.12.2017 г.

УДК 327(470+571)

Постсоветское пространство в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Косов А.П.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Распад СССР привел к существенным изменениям в международных отношениях. В мире осталась одна сверхдержава – США, а на месте бывшего Советского Союза появилась новая геополитическая реальность – постсоветское пространство. В представленной публикации рассматривается политика Москвы и Вашингтона в отношении новых независимых государств (ННГ) на протяжении последнего десятилетия XX в.

Цель статьи – рассмотреть роль и место постсоветского пространства в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Материал и методы. *Представленная работа написана на основе источников по внешней политике Российской Федерации (РФ), а также исследований российских и западных авторов с использованием общенаучных и специально-исторических методов.*

Результаты и их обсуждение. *В 1990-е гг. постсоветское пространство стало ареной геополитического соперничества России и США. Это произошло вследствие несовпадения национальных интересов Москвы и Вашингтона в постбиполярном мире. Понадобилось несколько лет, чтобы российское руководство убедилось в нежелании Америки признать РФ равной себе державой. Осознание этого Кремлем привело к усилению по мере своих возможностей российского противодействия американскому проникновению на постсоветское пространство.*

Заключение. *Следовательно, политика России в отношении постсоветского пространства в 1990-е гг. во многом зависела от взаимоотношений с Соединенными Штатами. По мере отхода Москвы от прозападной ориентации регион становился сферой российско-американского соперничества.*

Ключевые слова: *Россия, США, постсоветское пространство, ННГ, СНГ, геополитическое соперничество.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 77–83)

Post-Soviet Space in Russian-American Relations in the 1990-s

Kosov A.P.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Decomposition of the USSR resulted in considerable changes in international relations. Only one superpower remained in the world – the USA, while a new geopolitical reality, post-Soviet space appeared in place of the USSR. The policy of Moscow and Washington regarding New Independent States (NIS) during the last decade of the XX century is considered in the article.

The purpose of the article is to disclose the role and the place of post-Soviet space in the Russian-American relations in the 1990-s.

Material and methods. *The paper is based on sources on the foreign policy of the Russian Federation (RF) as well as researches by Russian and Western authors with the application of general scientific and special historical methods.*

Findings and their discussion. *In the 1990-s post-Soviet space became the arena of geopolitical competition between Russia and the USA. This happened due to the fact that national interests of Moscow and Washington in the post-bipolar world did not coincide. It took some years for the Russian leadership to understand America's unwillingness to acknowledge RF as an equal power. This understanding by Kremlin resulted in gradual strengthening of Russian opposition to American interference into the post-Soviet space.*

Conclusion. *Consequently, Russia's policy on the post-Soviet space in the 1990-s to a great extent depended on the relations with the USA. While Moscow was departing from pro-Western orientation the region was becoming the sphere of Russian-American competition.*

Key words: *Russia, the USA, post-Soviet space, NIS, CIS, geopolitical competition.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 77–83)

Адрес для корреспонденции: e-mail: alekos1979@mail.ru – **А.П. Косов**

Как известно, распад Советского Союза открыл новую эпоху в международных отношениях. На месте бывшей сверхдержавы появилась новая геополитическая реальность – постсоветское пространство[1]. Ранее существовавшие советские республики стали новыми независимыми государствами (ННГ), выбравшими свой собственный путь дальнейшего развития в постбиполярном мире. Одни страны остановились на прозападном векторе, другие – ориентировались на Российскую Федерацию, третьи – стали все чаще посматривать в сторону мира ислама. Результатом явилось геополитическое соперничество, развернувшееся на постсоветском пространстве, разных центров силы, в том числе между Россией и Западом, ведомым США.

Цель статьи – рассмотреть роль и место постсоветского пространства в российско-американских отношениях в 1990-е гг.

Материал и методы. Представленная работа написана на основе документов, мемуаров и исследований российских и западных авторов – И.С. Иванова, А.В. Козырева, В.А. Кременюка, Е.М. Примакова, А.И. Уткина, А.В. Кортунова, С.В. Кортунова, Т.А. Шаклеиной, З. Бжезинского, А. Рара, Дж. Бейкера и др.

Методологическая основа статьи – совокупность научных принципов объективности, историзма, системности и достоверности. В процессе ее написания использовались общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, индукция, дедукция) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-генетический) методы исследования, а также ретроспективный и нарративный, позволившие проследить развитие российско-западных отношений сквозь призму их геополитического соперничества на постсоветском пространстве.

Результаты и их обсуждение. Безусловно, после распада Советского Союза самым мощным из числа ННГ оказалась Российская Федерация, ставшая правопреемницей исчезнувшего СССР. Новое руководство страны позиционировало себя на международной арене как представителей великой державы, освободившейся от пут коммунизма и выбравшей западные, а значит общечеловеческие, ценности развития. Тогда многим в России казалось, что стоит лишь резко сменить внешнеполитические ориентиры, как большинство проблем начнет решаться само собой. Постсоветское пространство также укладывалось в эту внешнеполитическую схему российского руководства.

В свою очередь Вашингтон, лишившись традиционного соперника в лице Советского Союза, также оказался вынужден выстраивать политику в отношении новой геополитической реальности – постсоветского пространства.

Политика России на постсоветском пространстве в контексте российско-западных отношений. В начале 1990-х гг. в Москве ожидали, что радикальный поворот от конфронтации к сближению с Западом автоматически изменит отношение последнего к Российской Федерации. Оказавшиеся у власти люди, впрочем, как и многие представители политико-академических кругов и общественности, верили, что России удастся выстроить с Западом и особенно с США дружественные отношения в соответствии с предложенной министром иностранных дел А.В. Козыревым концепцией «партнерства» [2]. США рассматривались в качестве «естественного союзника» России, и, действительно, поначалу казалось, что Вашингтон готов поддержать такой подход. В частности, в феврале 1992 г. была подписана Кэмп-Дэвидская декларация, в июне 1992 г. – Хартия российско-американского партнерства и дружбы, в апреле 1993 г. – Ванкуверская декларация. Данные документы провозглашали стратегическое партнерство США и РФ [3, с. 328]. В Кремле Россию по-прежнему считали великой державой. Сам президент Б.Н. Ельцин среди современных ему политических деятелей считал равными себе немногих, в частности таковыми для него были «друг Билл» (Б. Клинтон. – *А.К.*) и «друг Гельмут» (Г. Коль. – *А.К.*) [4, с. 339]. Однако уход 26 ноября 1992 г. Г.Э. Бурбулиса с поста госсекретаря РФ, после чего руководство внешнеполитической деятельностью полностью перешло к министру иностранных дел А.В. Козыреву, завершил очень недолгий этап во внешней политике России, когда она еще пыталась «проявить прежний характер». Начался этап в российской внешней политике, который привел, по оценкам ряда экспертов, к утрате Российской Федерацией ее великодержавного статуса [3, с. 326]. Очевидно, что для тогдашних российских дипломатов не существовало разницы между национальными интересами РФ и США [3, с. 322]. Они считали, что после окончания «холодной войны» интересы России и Запада совпадают и являются интересами всего международного сообщества. Либералы заявляли о необходимости сохранить открытость страны западному миру, поскольку это было важно для продолжения рыночных реформ, а также позволило бы Москве сконцентрироваться на постсоветском пространстве, ставшем основной сферой политики РФ в условиях резкого сужения международного влияния страны [3, с. 323].

В начале 1990-х гг. для МИД РФ приоритетом номер один стало атлантическое направление. В первые полтора года после распада СССР сущность внешней политики России заключалась в необратимом уходе от советского прошлого.

[1] Термин «постсоветское пространство» вошел в политический оборот благодаря профессору А.А. Празаускасу, который впервые употребил его в своей статье «СНГ как постколониальное пространство» в «Независимой газете» [1]. С тех пор прошло двадцать пять лет, однако данное словосочетание по-прежнему активно используется представителями политико-академического сообщества.

По логике тогдашнего российского руководства от отношений с США зависел и процесс «развода» с бывшими советскими республиками [5, с. 19]. В МИД РФ рассчитывали на то, что, если посткоммунистическая Россия диаметрально поменяет свой подход по всем вопросам мировой политики, где СССР противостоял США, то Соединенные Штаты приложат все силы, чтобы обеспечить быструю интеграцию Российской Федерации в западное сообщество [3, с. 328]. А.В. Козырев заявлял, что краеугольным камнем внешней политики России «является реалистичная оценка потенциала страны как великой державы и осознание необходимости ее возрождения после господства имперской и тоталитарной систем» [6, с. 48]. Министр акцентировал внимание на наличии у РФ и США общих демократических убеждений и отмечал, что национальные интересы Москвы и Вашингтона не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в большинстве международных вопросов [7, с. 15]. Исходя из этого, глава внешнеполитического ведомства надеялся на равноправное сотрудничество с Вашингтоном, для достижения которого был готов идти на всевозможные уступки американцам. Так, А.В. Козырев в беседе с экс-президентом США Р. Никсоном изложил свое видение национальных интересов России, от которого бывший глава Белого дома оказался, мягко говоря, в некотором шоке: «… одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях. Но если у вас есть какие-то идеи и вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду вам очень благодарен» [цит. по: 8, с. 192]. Однако такая внешнеполитическая линия А.В. Козырева полностью устраивала политический истеблишмент западных стран, поскольку позволяла Западу шаг за шагом сужать российскую сферу влияния в мире, в том числе и у самых границ Российской Федерации. Поэтому в первой половине 1990-х гг. западные эмиссары неоднократно, по словам пресс-секретаря президента России В.В. Костикова, просили Б.Н. Ельцина не отправлять министра иностранных дел в отставку, как того требовали представители различных политических сил в российским парламенте [4, с. 72]. Тем более что прозападная ориентация главы МИД практически совпадала с позицией главы российского государства [9, с. 56]. В результате А.В. Козырев возглавлял внешнеполитическое ведомство России до 5 января 1996 г., когда кредит доверия к нему президента полностью иссяк, и Б.Н. Ельцин понял, что стране нужен иной министр иностранных дел. Надежды российского руководства на безоблачные отношения с США, которые будут уважать интересы РФ в ее традиционных сферах влияния, не оправдались. Так, российский политолог А.В. Кортунов констатировал: «Складывается впечатление, что в Кремле и в российском МИДе рассчитывают не просто на понимание, но и на активную поддержку со стороны Белого дома. Логика здесь простая: сохраняя мир и стабильность на просторах Евразии, Россия действует не только в своих интересах, но и в интересах всего цивилизованного мира. Она превратилась в важнейший форпост Запада, отражающий волны религиозного фундаментализма, национализма и политического экстремизма, поднимающегося на Кавказе, в Центральной Азии и других регионах бывшего СССР. Следовательно, Запад обязан не только одобрить действия Москвы, но и всячески содействовать им, включая и финансовую помощь. Однако приходится констатировать, что должного понимания и тем более содействия в этом плане Россия со стороны США и других ведущих западных стран пока не встречает» [10, с. 52–53]. Другими словами, в российском руководстве начала 1990-х гг. присутствовали эйфория и завышенные ожидания от сотрудничества с Западом [11]. Правда, академик Г.А. Арбатов в проявлении российско-американских противоречий ничего страшного не видел. В частности, он писал: «Россия остается великой державой, имеющей законные национальные интересы. Хотя с окончанием холодной войны у нас едва ли были какие-либо антагонистические противоречия с США или другими западными странами и наши лидеры все больше говорят о необходимости сотрудничества (что в принципе правильно), наши интересы не всегда будут совпадать. И эта реальность не должна вызывать недовольства. Различия в интересах, даже объективные противоречия – это естественная часть отношений между странами. Даже теми, которые связаны отношениями длительного дружественного сотрудничества» [12, с. 198].

Внешнеполитическая стратегия России в постбиполярном мире нашла свое отражение в «Концепции внешней политики Российской Федерации 1992 г.», утвержденной 23 апреля 1993 г. [13]. Задача «создания пояса добрососедства по периметру российских границ» стояла во внешней политике России на втором месте [14, с. 279]. Однако реально в начале 1990-х гг. постсоветское пространство не являлось сферой российских интересов. В 1992–1993 гг. российское руководство по-настоящему не было озабочено тем, как будут строиться отношения с ННГ [3, с. 330]. Правда, на декларативном уровне, в выступлениях и заявлениях высших должностных лиц РФ нередко обращалось внимание мирового сообщества на заинтересованность Москвы в присутствии на постсоветском пространстве. Так, Кремль пытался заручиться поддержкой своих действий в ННГ со стороны США и ведущих стран Европы. Например, в докладе «Стратегия для России», подготовленном Советом по внешней и оборонной политике летом 1992 г., отмечалось, что только РФ может быть гарантом стабильности на постсоветском пространстве. В документе говорилось о том, что России должна быть оказана активная международная поддерж-

ка для выполнения роли миротворца на постсоветском пространстве [3, с. 331–332]. В феврале 1993 г. Б.Н. Ельцин заявил о том, что жизненно важным интересом России является прекращение всех вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве. Поэтому международное сообщество должно предоставить РФ особые полномочия «гаранта мира и стабильности» в регионе. А.В. Козырев даже обратился к ООН и СБСЕ с предложением предоставить России специальные права и полномочия миротворца в ННГ. В январе 1994 г. в выступлении перед послами стран СНГ и Балтии министр сделал специальный акцент на необходимости сохранить присутствие российских военных на постсоветском пространстве. Он заявил, что в случае вывода российских войск из региона образующийся вакуум силы будет немедленно заполнен другими державами, чьи интересы не всегда совпадают с российскими и во многих случаях им противоречат [3, с. 332]. Данное заявление свидетельствовало о том, что в России стали понимать о противоположных интересах РФ и Запада на постсоветском пространстве. Начиная со второй половины 1993 г. Москва активизировала свою политику на постсоветском пространстве, в частности в Закавказье и Средней Азии. С 1994 г. РФ начала отходить от идеи безоговорочного сотрудничества с Западом [6, с. 74]. В 1995 г., когда стали очевидными неприемлемость и невыгодность для Российской Федерации проамериканского курса, в российском политико-академическом сообществе начались самые активные дискуссии относительно внешней политики России [3, с. 319]. При этом национальная самостоятельность таких государств, как Украина, Молдова и Беларусь, в геополитическом пространстве между РФ и ЕС вызвала определенную озабоченность у российских правящих кругов [6, с. 67].

В сентябре 1995 г. указом Б.Н. Ельцина был утвержден «Стратегический курс России с государствами-участниками Содружества Независимых Государств», где подтверждался приоритетный характер этого внешнеполитического направления. В нем подчеркивалось, что ситуация на постсоветском пространстве затрагивает жизненные интересы РФ. Доктринальные документы середины 1990-х гг. нацеливали на сохранение региона в качестве сферы особых интересов России и превращение СНГ во влиятельного глобального игрока [15, с. 106–107]. По словам экс-президента Армении Л. Тер-Петросяна, «это должно было случиться, так как рано или поздно Россия должна была осознать свои стратегические интересы в этом регионе» [цит. по: 16, с. 104].

Таким образом, в 1990-е гг. внешняя политика России на постсоветском пространстве являлась производной от российско-западных отношений, в первую очередь от РФ и США. По справедливому мнению экс-министра иностранных дел И.С. Иванова, «в российском общественном мнении приветствовали курс на сближение с бывшими противниками СССР, ожидая от него реальной отдачи для интересов страны». Исходя из этого, руководством России выдвигались заведомо нереалистические задачи, такие, как установление «союзнических» отношений с Западом, к которым, однако, ни РФ, ни сами западные государства не были готовы, поскольку по-разному понимали их смысл [17, с. 14–15].

Политика США в отношении постсоветского пространства в контексте российско-западных отношений. В начале 1990-х гг. стратегия Запада в отношении ННГ еще не была окончательно сформулирована, и это оставляло у российского руководства надежды на сотрудничество, на то, что российские интересы на постсоветском пространстве будут учтены [3, с. 320]. Первоначально сумбурные действия руководства ННГ, которые в условиях распада СССР толком не знали, что делать, вызвали у представителей администрации Дж. Буша-старшего шок. В частности, госсекретарь Дж. Бейкер не мог получить вразумительных ответов на волнующие тогда американцев вопросы, особенно относительно контроля над вооруженными силами в разных частях развалившейся страны, у министра иностранных дел РФ А.В. Козырева [18, p. 567–568]. И это, конечно, не могло не вызвать у США опасений. В 1991–1992 гг. американская дипломатия пыталась применить «дифференцированный» подход к ННГ, используя вопрос о признании как средство политического нажима. Однако это делалось непоследовательно, в силу того, что у американцев отсутствовало четкое видение ситуации. Поэтому попытки сыграть на вопросе о дипломатических отношениях оказались малоэффективными [19, с. 18–19]. Первое время после распада Советского Союза Запад был вынужден признать роль РФ на постсоветском пространстве как стабилизирующего фактора и локомотива экономических реформ. В 1992–1993 гг. США и РФ на постсоветском пространстве шли параллельным курсом, «не желая становиться заложниками незрелых политических сил, волею судеб получивших в бывших республиках шанс суверенного волеизъявления» [20, с. 122]. В частности, Вашингтон в своей политике ориентировался на Россию, что объяснялось опасениями американцев по поводу ядерного суверенитета Украины, Казахстана и Беларуси. Исходя из этого, США и Россия проводили в СНГ параллельную сбалансированную политику [3, с. 334–335; 21, с. 70; 22, с. 24]. Не исключено, что до поры до времени Вашингтон воспринимал создание СНГ как форму цивилизованного развода бывших республик СССР [23, с. 195]. Тем более что с учетом слабости российских позиций на постсоветском пространстве СНГ рассматривалось многими в Вашингтоне с большой долей пессимизма [19, с. 33]. В 1992–1993 гг. США избрали позицию невмешательства в действия Москвы в регионе и поддержали ее претензии на «особый» статус [10, с. 53–54]. 1 апреля 1992 г. Дж. Буш-старший объявил о комплексной

программе помощи ННГ [19, с. 109]. Вашингтон предпринял попытку утвердить свое лидерство в международных программах содействия экономическим реформам в России и других государствах СНГ [19, с. 124]. В те годы Вашингтон сделал ставку на то, что Российская Федерация в рамках «стратегического партнерства» с Соединенными Штатами будет «хорошо управляемым локомотивом демократизации и утверждения рыночной экономики на всем постсоветском пространстве». Однако усиление в России антизападных сил привело США к ослаблению внимания к РФ и расширению взаимодействию с другими ННГ. Во время избирательной кампании 1992 г. Б. Клинтон указывал на необходимость осуществления «более сбалансированного» подхода к постсоветскому пространству, ошибочность курса администрации Дж. Буша-старшего на преимущественное развитие отношений с Российской Федерацией и «игнорирование» других ННГ [19, с. 36]. В результате администрация Б. Клинтона стала проводить разную внешнюю политику в отношении России, Украины, Беларуси, Молдовы, государств Средней Азии и Закавказья, стран Балтии [24, с. 113]. К тому же Запад стал игнорировать российский процесс постсоветской интеграции или мешать ему [6, с. 19; 24, с. 114–115].

Здесь сказалось действие двух неблагоприятных для России тенденций. Во-первых, политические элиты ННГ стали искать внешнего опекуна в противовес преобладанию мощи России, а во-вторых, в США на первый план вышли политики, опасающиеся реинтеграции СССР [20, с. 123; 22, с. 24]. Уже с 1992 г. США постепенно стали проводить политику, направленную на увеличение разрыва между Россией и ее соседями. Отдельными кругами в Вашингтоне позиция Соединенных Штатов в отношении РФ была сформулирована следующим образом: не позволить ей возродиться в качестве великой державы в Евразии, проводить на постсоветском пространстве политику, направленную на укрепление независимости ННГ от Российской Федерации, препятствовать созданию каких-либо военных или военно-политических союзов на территории бывшего СССР, а также между РФ и КНР, которые могли бы помешать проведению американской политики в Евразии или представить альтернативу НАТО [3, с. 323]. Особое внимание американцами обращалось на Украину, поскольку она, по мнению многих на Западе, является той недостающей критической массой, которая могла позволить Москве воссоздать новую сверхдержаву [25, с. 61]. Большой интерес Соединенные Штаты проявили на постсоветском пространстве к богатым энергоресурсами регионам [24, с. 117]. Не менее важное место во внешнеполитической стратегии Вашингтона в СНГ заняло содействие становлению демократии и рыночной экономики в ННГ, поскольку американцы руководствовались традиционной логикой «демократии между собой не воюют» [24, с. 119]. Можно отметить, что при этом администрация Б. Клинтона не была заинтересована в ухудшении отношений с Москвой, поскольку основной задачей ее внешнеполитической деятельности было укрепление американского присутствия в мире. Несмотря на признание американцами слабости России, Вашингтон рассматривал ее в качестве политической силы, способной затормозить реализацию американских планов. Поэтому официальная позиция Соединенных Штатов относительно действий РФ на постсоветском пространстве оставалась сбалансированной: «администрация не делала официальных заявлений относительно позиции США по предоставлению “особых прав” России в ближнем зарубежье, но и не заняла непримиримую позицию по этому вопросу» [3, с. 334–335].

К 1994 г. произошел сдвиг в сторону «реальной» политики Вашингтона в отношении РФ и других постсоветских государств. На это повлияло нарастание противоречий между Москвой и Вашингтоном и изменение своей внешней политики Россией и другими независимыми государствами [21, с. 72]. Первыми, кто ощутил всемерную поддержку со стороны Вашингтона на постсоветском пространстве, стали государства Балтии. Они заняли важное место в глобальной стратегии США, направленной на проникновение и закрепление их позиций на постсоветском пространстве. Бесспорно, тесному сближению этих стран с Соединенными Штатами поспособствовали натянутые отношения между Эстонией, Латвией, Литвой и Россией, в которых Америка всецело выступала на стороне прибалтов [26, с. 127].

По мнению С.В. Кортунова, «в своей политике в отношении постсоветских государств США подчас отходят от провозглашенного ими приоритета принципов демократии и уважения прав человека, открыто ставя во главу угла геополитические цели» [27, с. 78]. Б.Н. Ельцин уже не мог не реагировать на гегемонистскую политику США, превращающую Россию в вассала. Вооруженная интервенция Запада в Югославию в 1995 г. завершила период безоблачных отношений между Б.Н. Ельциным и Б. Клинтоном [28, с. 492]. В Москве поняли, что нужно кардинально менять линию поведения страны на западном направлении. Это требовало смены прозападного главы МИД РФ А.В. Козырева на жесткого в отстаивании национальных интересов России Е.М. Примакова. На первой пресс-конференции после своего назначения, 12 января 1996 г., Е.М. Примаков заявил о приоритетности отношений России с СНГ в целом и с каждой страной Содружества в частности [8, с. 185]. По его мнению, суверенитет, полученный ННГ, не отрицает необходимости интеграционных процессов на постсоветском пространстве [8, с. 199]. В западных СМИ назначение Е.М. Примакова было воспринято настороженно. Там заговорили об угрозе возврата Российской Федерации к «имперской политике». Как писал в «Нью-Йорк таймс» У. Сафайр: «Неожиданное появление Ев-

гения Примакова в качестве министра иностранных дел России приводит в состояние озноба весь Запад. Выбор Борисом Ельциным этого дружелюбного змея, который возглавлял его шпионское агентство, сигнализирует, что пришел конец мистера Хорошего Парня в российской дипломатии» [цит. по: 8, с. 198].

Разумеется, похолодание в российско-американских отношениях сказалось на политике Москвы и Вашингтона на постсоветском пространстве. В регионе проявились сферы противоположных интересов России и США: российско-украинские отношения, интеграция внутри СНГ, искусственная разделенность российского суперэтноса, ограничение российского доступа к минеральным ресурсам Средней Азии, бассейна Каспийского моря [29, с. 50]. В таких условиях России было необходимо твердо и последовательно отстаивать российские интересы в ближнем зарубежье, но делать это так, чтобы резко не осложнить отношения с Западом [29, с. 51]. Поэтому Москва все еще вела себя довольно осторожно, стараясь не давать повода Западу для обвинения в имперских замашках.

Взятый Западом курс на продвижение НАТО к российским границам, столь явно игнорировавший национальные интересы РФ, стал для Москвы отрезвляющим сигналом [17, с. 15; 22, с. 25]. Будучи министром иностранных дел Е.М. Примаков неоднократно говорил своим американским коллегам, что прием в НАТО бывших советских республик означает для Москвы переход «красной черты» [23, с. 182]. Уже во время первой встречи министра иностранных дел России Е.М. Примакова и госсекретаря США У. Кристофера в феврале 1996 г. глава МИД РФ выразил своему заокеанскому коллеге обеспокоенность американской политикой на постсоветском пространстве. По его словам, Вашингтону следовало правильно понимать сущность интеграционных процессов в регионе, поскольку речи о возрождении СССР не было. У Москвы отсутствуют «имперские амбиции» [8, с. 217–218]. В июне 1996 г. Е.М. Примаков вновь назвал расширение НАТО на восток и препятствие интеграции СНГ двумя главными преградами на пути улучшения отношений с Западом. Глава МИД РФ говорил о «кровном родстве» между ННГ, что в Соединенных Штатах воспринималось как посягательство Москвы на суверенитет бывших советских республик [20, с. 123]. Однако американцы предпочитали руководствоваться своими планами укрепления глобального доминирования и не особо прислушивались к мнению Российской Федерации. В ходе дискуссии о будущем НАТО, взаимоотношениях России и Североатлантического альянса американская внешнеполитическая элита перешла к восприятию постсоветской интеграции как угрозе национальным интересам США [20, с. 123]. Многие в американских политико-академических кругах считали, что США были обязаны оказать необходимую поддержку ННГ, иначе их жизнеспособность окажется под угрозой, чем может воспользоваться Москва [30, p. 52]. Поэтому где-то в конце 1996-го – начале 1997 г. о «стратегическом партнерстве» между Россией и США окончательно забыли [31, с. 11].

Не имея возможности активного вмешательства во все постсоветское пространство, Вашингтон выделил для себя ключевые страны – Украину, Казахстан, Азербайджан [20, с. 124]. Для России политика США на постсоветском пространстве означала вариант нового санитарного кордона [20, с. 126].

В конце 1990-х гг. российское руководство стало открыто выражать недовольство стремлением западных стран действовать на постсоветском пространстве в ущерб российским интересам, вытеснить Россию либо искусственно ослабить ее позиции [15, с. 111]. По словам тогдашнего госсекретаря М. Олбрайт, задача США – управлять последствиями распада СССР [16, с. 97]. Ключевой точкой в российско-западных отношениях стал 1999 г. Именно тогда в Российской Федерации был сформирован национальный консенсус относительно того, что Запад использовал слабость Москвы в своих интересах [32, с. 58]. Поэтому в интересах Москвы противостоять натиску Запада, дабы не позволить допустить хаотизации постсоветского пространства и России [33, с. 146].

В целом, оказавшись перед фактом распада СССР, Соединенные Штаты достаточно быстро сориентировались в складывающейся на постсоветском пространстве ситуации. В 1990-е гг. Вашингтон шаг за шагом увеличивал свое присутствие в регионе, вытесняя Россию, что привело к нарастанию геополитического соперничества по мере отхода Москвы от прозападной ориентации.

Заключение. Таким образом, политика Российской Федерации в отношении постсоветского пространства в 1990-е гг. во многом зависела от взаимоотношений с США. Москва ожидала, что Россия получит признание в качестве великой державы, а Вашингтон откажется от поддержки любого государства или группы стран в Евразии в качестве противовеса России. Другими словами, США не станут посягать на российское влияние на постсоветском пространстве. Однако постепенно к российскому руководству пришло осознание, что Соединенные Штаты не готовы учитывать интересы Москвы, а постсоветское пространство превращается в сферу геополитического соперничества. Поэтому абсолютно прав немецкий политолог А. Рар в том, что «Запад и Россия после распада СССР прошли сложный путь от любви до ненависти» [6, с. 17].

Работа выполнена в рамках научной темы «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов) по заданию 1.1.04 подпрограммы «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В.В. Данило-

вич) ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (научный руководитель – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А.А. Коваленя) (договор № 20160455).

Литература

1. Празаускас, А. СНГ как постколониальное пространство / А. Празаускас // Независимая газета. – 1992. – 7 февр. – № 124(295). – С. 25.
2. Косов, А.П. Российские интерпретации концепции «Партнерства» российско-американских отношений / А.П. Косов // Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 27 апр. 2007 г. / Белорус. гос. пед. ун-т имени М. Танка; редкол.: В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГПУ, 2007. – С. 181–183.
3. Шаклеина, Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991–2002) / Т.А. Шаклеина. – М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. – 445 с.
4. Костиков, В. Роман с президентом: записки пресс-секретаря / В. Костиков. – М.: Вагриус, 1997. – 351 с.
5. Косолапов, Н. Становление субъекта российской внешней политики / Н. Косолапов // Pro et Contra. – 2001. – Т. 6, № 1–2. – Зима-весна. – С. 7–30.
6. Рар, А. Россия – Запад. Кто кого? / А. Рар. – М.: Изд-во «Э», 2016. – 352 с.
7. Козырев, А.В. Стратегия партнерства / А.В. Козырев // Международная жизнь. – 1995. – № 5. – С. 5–15.
8. Примаков, Е.М. Встречи на перекрестках / Е.М. Примаков. – М.: Центрполиграф, 2015. – 607 с.
9. Стародубов, В.П. Россия – США. Глобальная зависимость / В.П. Стародубов. – М.: Молодая гвардия, 2004. – 256 с.
10. Кортунов, А.В. США – Россия. К более зрелой фазе отношений / А.В. Кортунов // Международ-ная жизнь. – 1994. – № 11. – С. 45–55.
11. Кортунов, С.В. Кризис партнерства / С.В. Кортунов // Независимая газета. – 1996. – 12 янв. – С. 4.
12. Арбатов, Г.А. Российско-американские отношения: проблемы и задачи / Г.А. Арбатов // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М.: МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. – Т. III: Исследования. – С. 189–199.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. / сост. Т.А. Шаклеина; редкол.: А.В. Торкунов [и др.]. – М.: МГИМО, РАМИ, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. – Т. IV: Документы. – С. 19–50.
14. Никонов, В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мире будущего? / В.А. Никонов. – М.: Изд-во «Э», 2015. – 672 с.
15. Иванов, И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны / И.С. Иванов. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 382 с.
16. Левяш, И.Я. Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение: в 2 кн. / И.Я. Левяш. – Минск: Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 409 с.
17. Иванов, И.С. Европейский вектор внешней политики современной России / И.С. Иванов. – М.: Изд-во «Э», 2018. – 424 с.
18. Baker, J.A. III. The Politics of Diplomacy: Revolution, War and Peace, 1989–1992 / J.A. Baker III. – New York: G. P. Putman's Sons, 1995. – XVI+687 p.
19. Кортунов, А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США / А.В. Кортунов; Рос. науч. фонд. – М., 1993. – 160 с.
20. Россия и США после «холодной войны» / Ю.П. Давыдов [и др.]; отв. ред.: В.А. Кременюк. – М.: Наука, 1999. – 143 с.
21. Ломагин, Н.А. Новые независимые государства как сфера интересов России и США / Н.А. Ломагин // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5, № 2. – С. 65–85.
22. Уткин, А.И. Россия и США: региональные проблемы / А.И. Уткин // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 17–40.
23. Примаков, Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость / Е.М. Примаков. – М.: ИИК «Рос. газета», 2009. – 239 с.
24. США на рубеже веков / редкол.: С.М. Рогов (отв. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 2001. – 496 с.
25. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: Междунар. отношения, 2005. – 256 с.
26. Кременюк, В.А. Россия – США: к новой конфронтации? / В.А. Кременюк // США – экономика, политика, идеология. – 1994. – № 10. – С. 125–128.
27. Кортунов, С.В. Российско-американское партнерство и вызовы XXI века / С.В. Кортунов // Междунар. жизнь. – 2002. – № 4. – С. 67–86.
28. Согрин, В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В.В. Согрин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. – 592 с.
29. Самуйлов, С.М. Политика США в отношении СНГ / С.М. Самуйлов // США – экономика, политика, идеология. – 1998. – № 10. – С. 41–51.
30. Brzezinski, Zb. A Geostrategy for Eurasia / Zb. Brzezinski // Foreign Affairs. – 1997. – September/October. – Vol. 76, № 5. – P. 50–64.
31. Кременюк, В.А. Россия – США: первые уроки Балканского кризиса 1999 г. / В.А. Кременюк // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2000. – № 1. – С. 5–15.
32. Казир, Т. Искажение атрибуции и доминирование геополитических представлений в отношениях Европейского союза и России / Т. Казир // Вестн. СПбГУ. – 2015. – Сер. 6. – Вып. 1. – С. 56–64.
33. Делягин, М.Г. После СНГ: одиночество России / М.Г. Делягин // Россия в глобальной политике. – 2005. – Июль-август. – Т. 3, № 4. – С. 142–151.

Поступила в редакцию 18.12.2017 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.42:316.75:008

Грани исторической ответственности

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Важным фактором исторического процесса, его интерпретации, является историческая ответственность.

Цель статьи – анализ феномена исторической ответственности.

Материал и методы. *Материалом выступают различные проявления и грани исторической ответственности. Авторами использованы общелогические и общепринятые методы теоретического исследования.*

Результаты и их обсуждение. *Историческая ответственность проявляется как общественное отношение субъекта ответственности и инстанции; как определенное качество акторов общественных процессов; как ответственность интерпретатора исторических событий.*

В широком смысле историческая ответственность – это ответственность перед историей, за судьбы миллионов людей. Речь идет не просто о сохранении исторической памяти, знаний о прошлом, но и о будущем страны, определенном действиями субъектов общественных отношений.

Заключение. *От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Вот почему возрастает ответственность исследователей за интерпретацию исторического наследия. История – это не просто политика, опрокинутая в прошлое, она является частью современной политики.*

Ключевые слова: *социальная ответственность, историческая ответственность, политическая целесообразность, интерпретация прошлого, мораль и политика.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 85–90)

Facets of Historical Responsibility

Krivonosova E.E., Rudkovski E.I.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

An important factor of the historical process, its interpretation, is historical responsibility.

The purpose of the article is analysis of the phenomenon of historical responsibility.

Material and methods. *The research material is different manifestations and facets of historical responsibility. The authors used general logical and generally accepted methods of theoretical research.*

Findings and their discussion. *Historical responsibility manifests itself as a public relation of the subject of the responsibility and instance; as a quality of actors of social processes; as a responsibility of the interpreter of historic events.*

In a wide sense, historical responsibility is the responsibility to history for destinies of millions of people. It's not just preservation of historical memory, knowledge of not only the past but also the future of the country which is determined by the actions of the subjects of public relations.

Conclusion. *The insight into the past determines the insight into the future. That is why responsibility of the researchers for the interpretation of historical heritage increases. History is not just politics turned into the past; it is a part of current politics.*

Key words: *social responsibility, historical responsibility, political expediency, interpretation of the past, moral and politics.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 85–90)

Камни прошлого – это ступени будущего.
Китайская пословица

Историческая ответственность является одним из видов социальной ответственности. Мы исходим прежде всего из того, что социальная ответственность – это не менее широкая категория, чем свобода, и следовательно, является категорией социальной философии. Она представляет собой обобщенное выражение всех видов ответственности (моральной, юридической, политической, исторической и т.д.), т.е. вбирает в себя те наиболее общественно значимые стороны и черты, которые свойственны этим видам. Вполне правомерно и должно

Адрес для корреспонденции: e-mail: crielena@yandex.ru – **Е.Э. Кривоносова**

исследовать отдельные виды социальной ответственности, но нельзя сводить все ее содержание – а это иногда делается – к некоторым из них. Как нельзя ограничить одной какой-то сферой свободу человека, так нельзя ограничить этой сферой и его ответственность. Соотношение социальной ответственности и ее видов можно представить как диалектическую связь общего и отдельного, где общим является социальная ответственность, а отдельным – каждый из ее специфических видов. Общее существует в отдельном и через отдельное, в то же время не исчерпывается отдельным.

Конкретные виды социальной ответственности определяются той системой закономерно сложившихся отношений, внутри которых они возникли и существуют в своей качественной определенности. Каждый из них может успешно восполнять и выполняет свои функции лишь постольку, поскольку является выражением единой сущности (социальная ответственность).

Социальная ответственность выражает определенное отношение между личностью и обществом не по частям, не какой-либо одной стороной, а интегрально. Отдельные виды социальной ответственности выступают как элементы системы. Они тесно взаимосвязаны и нередко переплетаются. Однако в каждом конкретном случае обычно употребляется какое-то одно понятие в зависимости от того, какой срез в деятельности человека нам важно подчеркнуть, выделить.

Цель статьи – анализ феномена исторической ответственности.

Материал и методы. Материалом исследования выступают различные проявления и грани содержания исторической ответственности. Использованы общелогические методы и общепринятые методы теоретического исследования (единство логического и исторического, восхождение от абстрактного к конкретному). В статье применены материалы, ранее опубликованные одним из авторов [1].

Результаты и их обсуждение. В содержании исторической ответственности можно выделить три грани:

– историческая ответственность как общественное отношение субъекта ответственности и инстанции;

– как характеристика, определенное качество деятельности субъектов общественных процессов;

– как ответственность интерпретатора исторических событий.

В широком смысле историческая ответственность – это ответственность перед историей, ответственность за судьбы миллионов людей, их судьбы. В данном случае мы имеем в виду не просто сохранение исторической памяти, знаний о прошлом, но и будущее страны, определяемое теми или иными действиями акторов общественных отношений.

Историческая ответственность как отношение – «это сложный социальный феномен, предполагающий выстраивание таких отношений по поводу прошлого или будущего, а возможно и двунаправленных отношений, затрагивающих репрезентацию прошлого в будущем, или будущего как проекцию прошлого, которые осуществляются и отдельными людьми, и различными общностями на фоне переживания чувств вины, возмездия, покаяния или признания заслуг» [2, с. 31]. Отметим, что содержание исторической ответственности как общественного отношения нельзя сводить к ее негативному аспекту, к вменению вины, наказанию ответственных путем судебных разбирательств, репараций и т.п. При этом часто случается так, что инстанция ответственности становится ее субъектом. К примеру, последующие после тех или иных событий поколения отвечают за события, совершенные предшественником. Признавая свою историческую вину за прошлое, такие сообщества выступают и ответствующими, и инстанцией (ответственность поколений). Историческая ответственность предстает как актуальное отношение между участниками события и их потомками, она предполагает создание условий, при которых их повторение оказывается невозможным. Другими словами, речь идет уже не просто о ретроспективной, а о перспективной ответственности, ответственности за будущее.

Таким образом, историческая ответственность как отношение приобретает различные формы репрезентации: «платы по долгам прошлого», «борьбы за восстановление справедливости», «заботы о будущем» [2, с. 61].

Историческая ответственность выступает как качество субъектов общественных отношений, как умение и способность не навредить своей стране, защитить ее национальные интересы, максимальная моральность принимаемых решений и средств их реализации. Полагаем, что историческую ответственность нельзя сводить к ее нравственному содержанию. Так, например, Е.В. Беляева определяет историческую ответственность как позитивный нравственный феномен, связанный с категориями добра, свободы и смысла, представляющий собой нравственную добродетель. Она предлагает способность восстанавливать, поддерживать и создавать нравственную справедливость в историческом действии [3].

Возникает вопрос: можно ли те или иные события, решения, акции оценивать только с позиций добра и зла? Вольно учитывать и политическую целесообразность, конечные результаты принятых решений и акций. К примеру, юридическая

и моральная ответственность тесно связаны, но не всегда совпадают. Если оценивать политику М.С. Горбачева, то ее, пожалуй, трудно назвать нравственной, однако ее следствием стала гигантская геополитическая катастрофа XX века. В этой связи возникают проблемы соотношения политической целесообразности и нравственности, политики и морали.

Проблема соотношения морали и политики всегда актуальна, противоречива, является для политиков своеобразной вечной «загадкой Сфинкса», которая как бы говорит государственным руководителям: или разгадайте мою загадку, или я уничтожу объект вашей власти. Данной проблеме посвящены многочисленные исследования в истории философской и политической мысли. В данном случае отметим, что противоречивые соотношения морали и политики должно рассматривать исторически. «Оно возникает и осуществляется при стечении определенных обстоятельств. Эти обстоятельства, складываясь эпизодически в контекстах иных эпох, стали атрибутами современности, а поэтому именно для нее напряженное противоречие морали и политики стало “судьбой”. Хотя данное противоречие не разрешимо в принципе, оно не может не разрешаться в конкретных политических актах, всегда протекающих в модусе “здесь и сейчас”… Однако политический акт, снявший в себе противоречие морали и политики, тут же воспроизводит его вновь в ближайших своих следствиях. Так проявляет себя природа необходимости противоречия морали и политики» [4, с. 34].

Следует учитывать целый ряд специфических особенностей данных феноменов.

Мораль, как известно, всепроникающа, носит всеобщий характер, регулируя жизнедеятельность как отдельных людей, так и социальных групп и общества в целом. Мораль «бестелесна», не имеет вещественных форм проявления в институтах власти, лишена центров управления и средств связи. Мораль существует как бы виртуально, в идеалах и принципах, обнаруживаясь в речи, в поведении. Моральные нормы, чтобы стать регулятором поведения, должны проникнуть в сознание человека, стать его убеждением, принципом, ценностью, должны пройти через внутренний выбор человека. Политическими же нормами в определенной степени легче объективироваться, так как они обладают обязательным характером, подкрепленным санкциями государства.

Временные рамки действия принятых в обществе моральных норм намного шире тех отрезков истории, когда считаются приемлемыми политические нормы и принципы. Мораль есть область такого справедливого или должного, которое воспринимается как вечное, вневременное, абсолютное, возвышенное, выдержавшее испытание веков, не зависящее от времени и обстоятельств. Правовые же и политические нормы есть справедливое и должное на известный период времени и в конкретных условиях. Политика органически связана с интересами и потребностями людей.

Если политическое сознание заставляет человека оценивать события и поступки с точки зрения пользы, эффективности в достижении целей, то мораль помещает эти же вопросы в плоскость взаимоотношений добра и зла. Причем мораль в общей форме определяет, что есть зло, а политика измеряет степень этого зла с учетом конкретной ситуации.

Политические отношения в значительной мере ассиметричны: одним людям в отношении других людей позволено то, что не позволено последним в отношении первых; эти отношения, таким образом, исключают «золотое правило» нравственности. Всякая личность – единица общества, его «одна n-ная». Мораль же «симметрична», так как исходит из признания за каждой отдельной личностью ее абсолютного достоинства, самостоятельности, суверенности, равенства с другими. Если для нравственного самоутверждения достаточно духа одиночки, то для политического лидерства самоустраненность, изоляция от общества неприемлемы.

Еще одно различие между рассматриваемыми понятиями проявляется в ситуации, когда из двух зол приходится добровольно выбирать зло меньшее, чтобы не дать осуществиться злу большему. Отказ от подобного выбора в политике – «донкихотство». Но для морали выбор зла, пусть даже меньшего, – нечто неестественное, она не ищет выгоды, она самоценна.

Если взять, к примеру, внешнюю политику, отношения государств друг с другом, то они строятся на принципе эгоизма национальных интересов каждой из сторон. Конечно, декларации принципов международных отношений звучат как вполне моральные, однако ни о каком бескорыстии в государственных отношениях и речи быть не может. С точки зрения морали бескорыстие индивида, граничащее с жертвенностью, – критерий вечной нравственности. Но государства, которые выражают интересы своего народа, определяют судьбы миллионов людей, не могут быть жертвенными. «Никто не имеет права быть бескорыстным, имея дело с интересами других людей» [5, с. 107].

Известный американский экономист и социолог Дж. Гелбрейт как-то сказал, что политика – это выбор между гибельным и малоприятным. Практически та же мысль выражена и Вацлавом Гавелом, который отметил, что в политике невыбор между двумя неидеальными альтернативами

хуже, чем выбор худшей альтернативы. Невыбор в политике – моральное зло, нередко более тяжкое, чем выбранное зло. Избегая этого зла, политика решает неразрешимые при ориентации на моральные абсолюты дилеммы.

Этика долга подразумевает повиновение долгу несмотря ни на что. В политике случается, что за последствия исполнения долга платит не тот, кто долгу повинуется. Если же плата за исполнение морального долга перекладывается на плечи других, то это аморально. Нельзя в политике следовать исключительно этике убеждения, пытаясь остаться нравственно чистым перед своей совестью, сохранить собственную моральную безупречность за счет других, за счет народа. Нужно заботиться о последствиях для общества своих «совестливых» поступков.

Все различно в морали и политике: их цели, характер их норм, их санкции, психологические источники. Именно поэтому отношения политики и морали характеризуются определенной степенью антиномичности. И хотя между моралью и политикой всегда остается зазор, невозможно вообразить абсолютный метафизический антагонизм между моралистом и реалистом. Ни один моралист не может полностью отделить этические соображения от политических, и никакой реалист не может полностью отказаться от понятий добра и зла. В политике, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать человеческое измерение, которое невозможно втиснуть в рамки теорий, моделей.

Таким образом, политика всегда была, есть и будет сферой особенно опасной социально безнравственности, так как по своей сути политика является деятельностью, посредством которой определяются судьба страны, поколений, проекты будущего. Безнравственность может выразиться в напрасных жертвах, неоправданных ожиданиях, затратах времени, в неудаче или дискредитации политического проекта, в напряженных отношениях власти и общества, между властями разных уровней и типов, внутри институтов и между ними и т.д. Ошибки, неправота сторон того или иного конфликта, особенно если конфликт обусловлен соображениями практики, самолюбия, карьеры, чувством обиды, легко принимают характер нравственных коллизий. Неадекватная целям общества и требованиям времени политика безнравственна, ибо речь идет об ответственности и долге общественных и исторических масштабов, выходящих за рамки текущей политики.

Власть, для которой характерно отсутствие четких нравственных позиций, неизбежно превращает цинизм, насилие над личностью, коррупцию, криминализацию правления в доминирующие нормы, способствуя тем самым дезинтеграции общества. В случае попрания моральных норм искажается сама политическая идеология, ее воплощение приносит тяжелые последствия народу.

С другой стороны, морализм в гипертрофированной форме, вытесняющий критерии объективной оценки ситуации наивными абстрактными пожеланиями, оторванными от жизни требованиями, также опасен. Он ведет к потере здравого смысла, оборачивается неэффективностью политики, социальными катаклизмами.

Полностью оторваться от морали политика не может, ибо это рано или поздно ведет к компромации самой политики. Соотношение морали и политики должно носить компроматный характер. На это указывал М. Вебер. Он отмечал, что этика в любом случае должна учитывать особенности политики. В этой связи мыслитель различал мораль как этику убеждений и этику ответственности. Этика убеждений предполагает строгое следование нравственным требованиям, нормам, независимо от результатов политических действий. Этика же ответственности предполагает учет особенностей конкретной ситуации, ориентацию политики на ее результаты, ответственность политиков за судьбы страны, народа, их готовность предотвратить большее зло, используя порой малопривлекательные средства, представляющие зло меньшее.

Обратимся теперь к ответственности ученых (историков, философов) за интерпретацию исторического прошлого. Поль Рикер отмечал, что историю событий в современных условиях сменила история интерпретаций. Порой говорят, что историки более могущественны, чем Сам Господь Бог, ибо Господь не может изменить прошлого, а историки постоянно его меняют. Характер и содержание интерпретации – это объект исторической ответственности исследователя.

В интерпретации прошлого можно выделить философский и политико-идеологический аспекты. Первый из них достаточно основательно проработан в философской герменевтике, значительное место в которой занимает как раз метод понимания прошлого. При этом во взглядах представителей этого философского направления прослеживается значительная эволюция. Первое поколение герменевтики (Шлейермахер, Дильтей) в качестве главной проблемы выделяло вопрос понимания исторических текстов и постижения через них истории, подлинного смысла имевших место событий. Интерпретация прошлого, отраженного в текстах, должно основываться на способности исследователя воспроизвести, пережить, понять первоначальный смысл текста. Основная проблема понимания заключается во временной дистанции, разделяющей интерпретатора и объект понимания. Чтобы ее решить, необ-

ходимы вживание исследователя в исторический контекст, идентификация его с текстом.

Герменевтический метод играет большую роль в познании, интерпретации прошлого. При интерпретации важно учитывать исторический контекст. Умение вжиться в чужую индивидуальность, язык изучаемой эпохи, посмотреть на прошлое глазами представителей ушедших поколений – важная задача интерпретации исторических событий, условие постижения истины. А.Я. Гуревич справедливо отмечает: «Другой, человек давнего или недавнего прошлого, – это загадка, которую мы едва ли в состоянии разгадать, но от попытки разгадать ее вместе с тем не можем и уклониться. Наиболее тяжкий грех, в который способен впасть историк, – и в который, к сожалению, очень часто впадает – состоит в том, что изображает человека иной эпохи подобным себе и своим современникам. "Другой" не означает "чужой". Во многом он схож с нами, но прежде всего необходимо выявить различия. Презумпция "инаковости" – постулат исторического познания» [6, с. 77].

Исследования исторического прошлого – это не просто отыскание ранее неизвестных факторов и их описание. Позитивистский подход к изучению истории малопродуктивен.

В XIX веке исследователи истории отдавали предпочтения фактам, стояли на позитивистских позициях. Факт трактовался как убедительная основа объективности исторической науки. Задача ученого виделась в описании фактов, в ответе на вопрос: как все происходило, а не почему это происходило? Такой позитивистский подход вскоре показал свою ограниченность. Разве задача исследователя истории заключается только в том, чтобы описать, как происходили войны, революции и т.д. Ведь главная цель – выяснить причины событий, их влияние на судьбы стран и целого мира. Но при ответе на вопрос «Почему?» историк (или философ) всегда руководствовался определенной философской парадигмой, идеологическими предпочтениями. От этого никуда не уйдешь. Вне их исторической картины быть не может. Факт всегда социален и выступает единством объективного и субъективного. В конечном счете мы имеем дело не с голыми фактами, а фактами концептуализированными (М. Барг).

Если исследовать не отдельные события, имевшие локальный характер, а эпохальные процессы и события, «тектонические сдвиги» в истории человечества, мы никуда не денемся от причин произошедшего, тенденций развития общества. А это уже философия истории, социальная философия. Историк в любом случае вынужден будет руководствоваться определенной методологией и идеей, а не исследовать только уникальные факты. Можно по-разному оценивать события 1917 г., Великую Отечественную войну, но сам факт их влияния на судьбы человечества общеизвестен. В этой связи нельзя не согласиться с К.В. Хвостовой, которая отмечает, что многие индивидуальные факты, «которые рассматриваются в качестве атомарных, в рамках конкретного историописания, являются теоретически нагруженными. Кроме того, современный историк… лишь в незначительной мере имеет дело непосредственно с атомарными фактами. В основном он изучает сложные взаимосвязи этих фактов, образующие ситуации, явления, отношения, социальные структуры, пространственно-временные тенденции, традиции, т.е. все те исторические феномены, которые в своей сложной взаимозависимости не только определяют социальное поведение людей, но и формируют эпохи, культуры, цивилизации. Макротеоретический подход, являясь сегодня актуальным, отражающим современные идеи глобализма, во многом формирует принципы историописания» [7, с. 33]. Плюрализм взглядов и оценок историков, по мысли автора, обусловлен предпочтениями, которые оказывают той или иной теоретической конструкции, неформальной концепции, а также интерпретационно-ценнностными исследовательскими установками [7, с. 35].

Истина в историческом исследовании не появляется в одночасье так, как известная греческая богиня из морской пены. Более того, безошибочная, абсолютно верная интерпретация прошлого в данных конкретных общественных условиях невозможна. Пока существуют различные социальные группы с их несовпадающими интересами, ценностными ориентациями, будут и различия в интерпретации исторического прошлого. Исследователь данной проблемы А.С. Табачков обоснованно подчеркивает, что верификация или фальсификация результатов интерпретации «происходит в интересующей нас области в их интеракциях с культурным контекстом и носит историчный и, несомненно, процессуальный характер. Важно также, что само это становление полученного посредством акта интерпретации дискурса, обретение им статуса значимого элемента динамики социально-гуманитарного знания никогда не является окончательным. Длящийся и обратимый характер этого процесса… предъявляет более высокие, чем в любой другой области познания, требования к компетентности и ответственности членов научного сообщества» [8, с. 67]. Как здесь не вспомнить слова Ф. Бэкона о том, что истина – дочь времени.

Интерпретация исторического прошлого связана, как уже отмечалось, с философией истории. Последняя, в свою очередь, неизбежно зависит от мировоззрения, которое включает ценностные ориентации исследователя, его убеждения, иде-

ологические и политические предпочтения. От субъектов интерпретации, их мировоззренческих установок зависит актуализация смыслов уже сложившихся исторических событий. В этой связи нельзя не отметить огромную роль идеологии в интерпретации истории. При этом речь идет об идеологических спекуляциях не столько о прошлом, сколько о настоящем и будущем. История становится мощным политическим оружием.

Некоторые исследователи справедливо указывают на необходимость учета запросов и опыта современности при конструктировании образа прошлого [9, с. 479, 491]. С этим нельзя не согласиться. Но в еще большей мере следует учитывать ту ситуацию, в которой принимались судьбоносные решения, быстро действовали те или иные общественно-политические процессы. Нельзя историю осовременивать, оценивать только с позиций сегодняшнего дня. В противном случае неизбежно скатывание на позиции абстрактного морализирования. Всегда правомерно поставить вопрос: могло ли быть в той исторической системе координат иначе?

Заключение. История стала мощным оружием информационной войны. Фальсификация истории – это не просто извращение прошлого, она направлена в будущее, призвана изменить ход мировой истории по лекалам либеральных идеологов. От взгляда в прошлое зависит и взгляд в будущее. Вот почему возрастает ответственность ученых за то, как мы распоряжаемся историческим наследием. События страны интерпретируются специалистами в строгом смысле этого слова, а не сплетниками от истории и не интриганами-политиками.

Формирование исторической памяти, ее сохранение – это часть технологий, которые могут и должны укрепить устои государства.

Историческое исследование судьбоносных для общества событий всегда идеологично, в противном случае автор перестает нести ответственность перед запросами общества. Деидеологизация истории противоречит ее сути, так как не является перечнем антикварных фактов. При этом важно помнить и другое: история не может быть служанкой идеологии. Историческая ответственность исследователя несовместима с фальсификацией исторических фактов или их отражением, когда концентрируется внимание на одних событиях в ущерб другим. Важно, чтобы уничижительные оценки, ярлыки, ничем не подкрепленные пассажи и выводы не дискредитировали историю. Сегодня обществоведы обладают свободой творчества, которая и выступает мерой ответственности за прошлое, настоящее и будущее.

Литература

1. Кривоносова, Е.Э. Мораль и проблема выбора в политике / Е.Э. Кривоносова // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2003. – № 4(30). – С. 17–24.
2. Красавин, И.В. Историческая ответственность: учеб. пособие / И.В. Красавин, И.А. Симонова, Д.А. Томильцева. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – 98 с.
3. Беляева, Е.В. Историческая ответственность за добро / Е.В. Беляева // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 22–23 сент. 2016 г. / под общ. ред. Д.А. Томильцевой, И.А. Симоновой. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – С. 106.
4. Капустин, Б.Г. Критика политического морализма / Б.Г. Капустин // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 33–55.
5. Шлезингер, А. Циклы американской истории / А. Шлезингер. – М.: Прогресс, 1992. – 686 с.
6. Гуревич, А.Я. Двоякая ответственность историка / А.Я. Гуревич // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 74–84.
7. Хвостова, К.В. Особенности истины и объективности в историческом знании / К.В. Хвостова // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 27–37.
8. Табачков, А.С. Интерпретация как способ незнания исторического прошлого / А.С. Табачков. – Минск: РИВШ, 2007. – 96 с.
9. Репина, Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л.П. Репина. – М.: Кругъ, 2011. – 506 с.

Поступила в редакцию 16.10.2017 г.

УДК 7.038.6“20”:7.01

Мастацкасць як філасофска-эстэтычная праблема і яе крытэрыі ў выяўленчым мастацтве XX стагоддзя

Цыбульскі М.Л.
Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны аналізу сутнасці катэгорыі “мастацкасць” як праблемы тэорыі мастацтва і як філасофска-эстэтычнай праблемы ў цэлым. Мастацкасць агульнавядомая як сутнасны прынцып, паводле якога пабудавана практычна ўся гісторыя мастацтва ад старажытных часоў да XX стагоддзя, прынцып, які доўгі час лічыўся найважнейшым і служыў асновай філасофіі і тэорыі мастацтва, эстэтыкі і мастацтвазнаўства. Змены мастацкай рэальнасці ў XX стагоддзі, адыход ад традыцый класічнага разумення мастацтва спрыялі размыванню крытэрыяў мастацкасці.

Мэта даследавання – прааналізаваць мастацкасць як шматаспектны феномен, выявіць сутнасныя крытэрыі мастацкасці і іх змены ў кантэксце развіцця мастацтва XX стагоддзя.

***Матэрыял і метады.** Асноўны вектар метадалогіі дадзенага навуковага артыкула вызначае міждысцыплінарны сістэмны падыход да праблемы мастацкасці. Катэгорыя “мастацкасць” разглядаецца як у гістарычным ракурсе, так і ў рэчышчы сучасных мастацкіх практык. У даследаванні выкарыстаны гістарыяграфічны і тэарэтыка-метадалагічны аналіз навуковых прац філосафаў, культуролагаў, мастацтвазнаўцаў, якія звярталіся да розных аспектаў мастацкасці.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У шырокім сэнсе слова “мастацкасць” ці не асноўная асаблівасць мастацтва, якая інтэгруе ў сабе шэраг параметраў (прыкмет мастацкасці) і якая непарыўна злучана з яго вобразнай прыродай. Мастацкасць адлюстроўвае ступень эстэтычнай дасканаласці твора, ступень майстэрства, выступае ў значэнні асноўнай сістэмнай якаснай характарыстыкі.*

У XX стагоддзі пра мастацкасць пачалі казаць як пра сінтэтычную якасць мастацтва, што ўключае ўсе кампаненты, элементы твора. Крытэрыямі мастацкасці твора сталі лічыць не толькі сістэмнасць, цэласнасць, змястоўнасць твора, адзінства формы і зместу, але і ўзровень майстэрства, навізну і арыгінальнасць, эфектыўнае ўздзеянне на свядомасць і інш. Вырашыць праблему мастацкасці частка даследчыкаў спрабуе з дапамогай увядзення паняцця “парадыгма мастацтва”, якое вызначаецца як гістарычна своеасаблівы тып мастацкай ментальнасці, з адмысловымі сістэмаўтваральнымі якасцямі, што дазваляюць кожнай новай парадыгме змяняць паняцце мастацкасці. У мастацтве XX стагоддзя можна вылучыць некалькі парадыгмаў, якія пэўны час развіваліся паралельна.

***Заключэнне.** Такім чынам, аўтар выяўляе магчымасць і некаторыя ўмовы ўжывання катэгорыі “мастацкасць” у дачыненні да мастацтва XX стагоддзя, пры гэтым адзначаецца неабходнасць парадыгмальнага падыходу да мастацкасці. Адначасова становіцца важным ахарактарызаваць мастацкасць у сучаснай “постмастацкай” парадыгме, вызначыць найважнейшыя ўласцівасці мастацкасці ў межах дадзенай парадыгмы, сярод якіх працэсуальнасць, правакатыўнасць, парадаксальнасць і інш.*

***Ключавыя словы:** мастацкасць, XX стагоддзе, мастацкія крытэрыі, эстэтыка, постмадэрнізм.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 91–97)

Artistry as a Philosophic and Aesthetic Issue and its Criteria in the XX Century Fine Arts

Tsybulski M.L.
Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article dwells upon the analysis of the essence of the category of “artistry” as an issue of the theory of art and as a philosophic and aesthetic issue on the whole. Artistry is generally known as an essence principle on which practically all history of art from old times to the XX century is built, the principle, which was for a long time the most important and was the basis of philosophy and theory of art, aesthetics and art studies. Changes of the art reality in the XX century, departure from the traditions of classical understanding of art promoted blurring the criteria of artistry.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: mtsybulsky@rambler.ru – **М.Л. Цыбульскі**

The purpose of the research is to analyze artistry as a multiaspect phenomenon, to identify essence criteria of artistry and their changes in the context of the development of the XX century art.

Material and methods. *The main methodology vector of the work determines the interdisciplinary system approach to the issue of artistry. The category of artistry is considered both from the historical side and within contemporary art practices. Historiography and theoretical and methodological analysis of scientific works by philosophers, culture scientists, art critics who turned to different aspects of artistry, are used in the study.*

Findings and their discussion. *In a wider sense the word artistry is almost a basic feature of art, which integrates a number of parameters (features of artistry) and which is closely connected with its image nature. Artistry reflects a stage of aesthetic completeness of a piece of work, a stage of skill; is represents a basic system quality characteristic.*

In the XX century artistry was referred to as synthetic quality of art which includes all components, elements of a piece. Not only system character, integrity, content of a piece of work, unity of the form and the content became criteria of a work of art but also the level of skill, novelty and originality, efficient impact on the consciousness etc. A number of researchers try to solve the problem of artistry with the help of the introduction of the notion of "paradigm of art" which means historically peculiar type of artistic mentality with system building qualities which make it possible for every new paradigm to change the notion of artistry. In the XX century art one can identify several paradigms which developed parallelly for a period of time.

Conclusion. *Thus, the author identifies the possibility and some conditions for application of the category of artistry concerning the XX century art; at the same time, the necessity in a paradigm approach to artistry is pointed out. It is also important to characterize artistry in the contemporary post-art paradigm, identify most important features of artistry within a given paradigm among which are process, provocation, paradox etc.*

Key words: *artistry, XX century, art criteria, aesthetics, Post-Modern.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 91–97)

Мастацкасць агульнавядома як сутнасны прынцып, паводле якога пабудавана практычна ўся гісторыя мастацтва ад старажытных часоў да XX стагоддзя, прынцып, які доўгі час лічыўся найважнейшым і служыў асновай філасофіі і тэорыі мастацтва, эстэтыкі і мастацтвазнаўства. Менавіта мастацкасць да сярэдзіны мінулага стагоддзя для большасці эстэтыкаў і мастацтвазнаўцаў у былым СССР з'яўлялася важным крытэрыем сапраўднага мастацтва. "Мастацкасць як эстэтычная якасць сфарміравалася і дасягнула амаль сваіх вышынь, напрыклад у дачыненні да жывапісу, менавіта ў культурах кананічных" [1]. Пачынаючы з XVII ст., лічыць расійскі філосаф, гісторык эстэтыкі В. Бычкоў, назіраецца аб'ектыўнае зніжэнне ўзроўню мастацкасці ў еўрапейскім жывапісе ў цэлым, і адной з асноўных прычын гэтага зніжэння ён называе духоўнае здрабненне тэматыкі мастацтва. Сярод іншых прычын – актыўнае ўзрастанне папулярнасці рэалістычных тэндэнцый. Штодзённая рэчаіснасць у якасці аб'екта адлюстравання і адсутнасць мастацкага канона, на яго думку, "падразалі крылы нават вельмі таленавітым мастакам XVII–XIX стст." Гэта ўжо ў XVII ст. добра адчулі тэарэтыкі і майстры класіцызму, якія паспрабавалі абмежаваць тэматыку мастацтва толькі высокімі тэмамі, дэкларатыўна ўвесці мастацкія каноны і маніфеставаць у якасці галоўнага прадмета мастацтва эстэтычную якасць – прыгажосць [2].

Аднак ужо на пачатку XX стагоддзя фундаментальныя рысы, уласцівыя мастацкасці, змяняюцца. Мастацкая практыка мінулага стагоддзя паказала, што крытэрыі, па якіх ацэньваліся класічныя творы мастацтва, немагчыма ў поўнай меры выкарыстоўваць у дачыненні да новых рэалій мастацтва. Змена месца і функцыі мастацтва ў сацыякультурнай прасторы XX стагоддзя, трансфармацыі сучаснай эстэтычнай парадыгмы, шырокі дыяпазон мастацкіх адкрыццяў, пэўная "аўтаномнасць" развіцця мастацтва ў спалучэнні з фарміраваннем некласічнага тыпу мастацкай свядомасці спрыялі пашырэнню межаў і змене крытэрыяў мастацкасці. З'яўленне некласічных формаў мастацтва стала сведчаннем нараджэння прынцыпова новых мастацкіх ідэй, паспрыяла раскрыццю ўнутранага патэнцыялу мастацтва. І, разам з тым, мастацтва XX ст. усё часцей адмаўляецца ад прызнання крытэрыем мастацтва яго эстэтычнай якасці – мастацкасці. Пры гэтым прадстаўнікі contemporary art фактычна адмовіліся ад сутнасці мастацтва і захавалі нейкія другарадныя, маргінальныя яго характарыстыкі і функцыі (напрыклад, сацыяльна-палітычную значнасць ці візуальную рэпрэзентатыўнасць) [1, с. 3–14].

Сапраўды, авангардныя і постмадэрнісцкія накірункі мастацтва ў XX стагоддзі змянілі ўяўленне пра мастацкасць. Іншымі сталі крытэрыі мастацкасці, эстэтычныя ідэалы, пачалі выкрышталізоўвацца новыя формы мастацтва, такія як канцэптуальнае мастацтва, інсталяцыя, перформанс, хэпенінг і інш. У выніку ў дачыненні да мастацтва XX стагоддзя ўсё радзей пачалі весці размову пра праблемы мастацкай якасці твораў. Адсутнасць выразных крытэрыяў вызначэння якасці мастацкіх твораў паспрыяла замене традыцыйных эстэтычных катэгорый іншымі паняццямі. Наяўнасць змен у праблеме мастацкасці ў XX стагоддзі відавочная і для свайго асэнсавання патрабуе суаднясення прынцыпаў традыцыйнай і новай эстэтычных сістэм.

Мэта даследавання – прааналізаваць мастацкасць як шматаспектны феномен, выявіць сутнасныя крытэрыі мастацкасці і іх змены ў кантэксце развіцця мастацтва XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Актуальнасць дадзенага навуковага артукула абумоўлена тым, што ўжо ў XX стагоддзі ў сувязі са зменамі мастацкай рэальнасці, шматгранасцю формаў мастацтва, з адыходам ад традыцый класічнага разумення мастацтва адбывалася размыванне крытэрыяў мастацкасці. У той час менавіта тэарэтычнае асэнсаванне сутнасці мастацкасці спрыяе распрацоўцы метадалогіі мастацкай крытыкі, эстэтычных крытэрыяў адзнакі твораў мастацтва.

Праблема сутнасці мастацкасці ў кантэксце асэнсавання мастацкага досведу XX стагоддзя на працягу некалькіх апошніх дзесяцігоддзяў з'яўляецца ці не самай дыскусійнай. Пры гэтым пра мастацкасць разважаюць як у выпадку, калі разглядаюць мастацтва як адзіны працэс, у якім мастак, ягоны твор і глядач тоесна злучаны паміж сабой, так і ў сітуацыі, калі шукаюць крытэрыі мастацкасці ў канкрэтных сферах мастацтва, асобных творах. І гэта невыпадкова, бо складанасць і шматаспектнасць праблемы мастацкасці, безумоўна, абумоўлена і спецыфікай розных відаў мастацтва, дзе выяўляюцца тыя ці іншыя аспекты мастацкасці. Менавіта таму тое ці іншае меркаванне пра мастацкасць прадугледжвае валоданне крытыкам не толькі агульнымі законамі мастацтва, але і прыватнымі законамі развіцця асобных відаў мастацтва. Такім чынам, складанасць працэсу ацэнкі мастацкай творчасці заключаецца ў неабходнасці аб'ектыўныя асаблівасці мастацтва злучаць з асаблівасцямі іх праяўлення ў кантэксце канкрэтнага жанру, твора мастацтва.

Аналізу розных аспектаў мастацкасці як філасофскай, агульнаэстэтычнай і культуралагічнай катэгорыі прысвечаны навуковыя даследаванні Ю. Борава, У. Бранскага, В. Бычкова, В. Ванслава, Г. Гачава, В. Дзіянавай, М. Кагана, А. Катламанава, А. Крыўцуна, В. Лехцыера, Б. Лук'янава, Н. Манькоўскай, Я. Мукаржоўскага, В. Падарогі, Л. Сталовіча, М. Храпчанкі, М. Хрэнава, В. Чайкоўскай, Н. Шэйх-Заманавай, А. Якаўлевай, А. Якімовіча. Ці не часцей за ўсё праблема мастацкасці, пачынаючы з савецкага часу, уздымалася ў літаратуразнаўстве, дзе яна больш-менш грунтоўна распрацавана, пра што сведчаць даследаванні А. Весялоўскага, В. Вінаградава, С. Аверынцава, В. Цюпы, М. Храпчанкі, М. Гея і інш. Прыкметна, што і зараз у даследаваннях па філасофіі мастацтва, мастацтвазнаўстве робяцца спробы вызначыць тыпы мастацкасці, уласцівыя мастацтву XX – пачатку XXI стагоддзя. У іх мадэлі сучаснай мастацкасці разглядаюцца як унутрана супярэчлівы феномен, робяцца спробы прааналізаваць некласічныя аспекты сённяшняй мастацкасці [3].

Кожны даследчык выбірае свой шлях да вывучэння праблемы мастацкасці: адны аддаюць перавагу гісторыка-храналагічнаму, сістэмнаму кантэксту, другія – парадыгмальным ці семіятычным прынцыпам; трэція – фармальным катэгорыям. Грунтоўным і пераканаўчым, на наш погляд, з'яўляецца шлях гістарычнага асэнсавання праблемы мастацкасці праз прызму парадыгмальнага падыходу, што ўласціва шэрагу сучасных аўтараў, такіх як В. Бычкоў, А. Рубцоў, В. Цюпа і інш. Паводле іх пазіцыі, "падчас гістарычнага руху парадыгмаў мастацтва раней адкрытыя грані мастацкасці не знікаюць, а толькі да вядомай ступені дэзактуалізуюцца, адыходзячы ў цень, але захоўваючы за сабой ролю культурных межаў дадзенага роду дзейнасці" [4]. Пры гэтым сістэмны падыход дазваляе разглядаць мастацкасць як сістэмную якасць усіх бакоў твора мастацтва, якая інтэгруе ў сабе шэраг параметраў-крытэрыяў. Такім чынам, пры даследаванні праблемы мастацкіх крытэрыяў варта зыходзіць са зменлівасці параметраў мастацкасці, іх залежнасці ад эстэтычнага ідэалу эпохі. Акрамя таго нельга не пагадзіцца з тым, что "прыйшоў час для фарміравання агульнай тэорыі мастацтваў, у задачы якой уваходзіла б, акрамя ўсяго іншага, раскрыццё прыроды мастацтва ў цэлым, не падзеленага на асобныя віды" [5].

Вынікі і іх абмеркаванне. Напачатку варта адзначыць, што агульнай, распрацаванай для ўсіх відаў мастацтва тэорыі мастацкасці не існуе. І не выпадкова, паколькі мастацкасць нагадвае сабой складанае мноства, дзе не вызначаныя межы. У шырокім сэнсе слова мастацкасць ці не асноўная асаблівасць мастацтва, якая інтэгруе ў сабе шэраг параметраў (прыкмет мастацкасці) і непарыўна злучана з яго вобразнай прыродай. Мастацкасць адлюстроўвае ступень эстэтычнай дасканаласці твора, ступень майстэрства, выступае як асноўная сістэмная якасная характарыстыка. Увогуле менавіта мастацкасць сведчыць аб прыналежнасці аб'ектаў творчай працы да мастацтва, адрознівае іх ад іншых прадметаў і з'яў рэальнасці. Напрыклад В. Бычкоў адзначае, што пад мастацкасцю ён разумее эстэтычную якасць твора мастацтва, сутнасць якой заключаецца ў такой фармальна-змястоўнай яго арганізацыі, што выклікае ў рэцыпіента паўнавартасны працэс эстэтычнага ўспрымання. Узровень тэхнічнай дасканаласці валодання мастаком сваім рамяством – гэта яшчэ не сведчанне мастацкасці, прытым што апошняе з'яўляецца неабходнай перадумовай яе ўзнікнення. Мастацкасць – гэта сапраўды ўніверсальная эстэтычная каштоўнасць, якая фіксуе тыя каштоўнасці-крытэрыі, паводле якіх прадмет можа быць аднесены да сферы мастацтва.

Мастацкасць сапраўды ёсць увасабленне адной з найважнейшых функцый мастацтва – эстэ-

тычнай. Усе астатнія (сацыяльная, асветніцкая, рэлігійная і інш.) – другарадныя. Відавочнымі прыметамі мастацкасці можна лічыць цэласнасць, завершанасць і арыгінальнасць твора мастацтва. Адпаведнае і адэкватнае ўвасабленне мастаком творчай задумы, паспяховае пераадоленне ім супярэчнасцей творчага працэсу з'яўляецца неад'емнай прыметай мастацкасці.

У класічным уяўленні мастацкасць – гэта наяўнасць у творы духоўнага пачатку ў спалучэнні з арыгінальнасцю і навізной эстэтычнай ідэі, формы, "выразна афарбаванай" індывідуальнасцю мастака. Звычайна мастацкасць твора тлумачыцца не проста як сплаў зместу і формы, але як іх арганічнае адзінства. Па сутнасці, формы мастацкасці разнастайна бязмежныя, паколькі яна праяўляецца ў спалучэннях усіх элементаў твора. Ужо ў такім вызначэнні мастацкасці падкрэсліваюцца зменлівасць дадзенага паняцця і яго залежнасць ад той ці іншай мастацкай парадыгмы, таго ці іншага тыпу мастацкай культуры грамадства.

Сапраўды, крытэрыі мастацкасці няўстойлівыя, гістарычна рухомыя, яны змяняюцца ў часе. У розныя эпохі грамадства развівае свае ідэйна-эстэтычныя ўяўленні пра крытэрыі мастацкасці. З'яўляючыся адной з цэнтральных праблем эстэтыкі, мастацкасць хвалявала старажытных філосафаў яшчэ з антычных часоў. Напрыклад, антычныя філосафы знаходзілі мастацкасць у сіметрыі, вонкавай гармоніі, прапарцыянальнасці, у строгай суразмернасці частак, у дасканаласці формаў. Кожная наступная эпоха накладала свой адбітак на характар мастацкасці і крытэрыі адзнакі мастацтва. У сувязі з гэтым і патрабаванні да мастацкасці ўвесь час змяняліся.

Нельга не пагадзіцца з тым, што "мастацкасць на метафізічным узроўні з'яўляецца адзіным сутнасным прынцыпам і крытэрыем сапраўднасці мастацтва і будзе заставацца ім да таго часу, пакуль чалавецтва канчаткова не страціць здольнасці да эстэтычнага досведу, да эстэтычнага ўспрымання свету" [1, с. 3–14]. Крытэрыі мастацкасці з'яўляюцца яе мадыфікатарамі на тым ці іншым гістарычным этапе, надаюць ёй адпаведныя часу ўзроўні.

Праблема крытэрыяў мастацкасці з'яўляецца вельмі важнай як для мастацтва XX стагоддзя, так і для нашага часу. У мінулым стагоддзі развіццё мастацтва адзначалася адыходам ад традыцый класічнай эстэтыкі, вылучалася стратамі каштоўнасных арыентацый чалавека ў сферы мастацкай практыкі. Ды і ў наш час зноў паўстала пытанне пра сутнасць мастацтва і крытэрыі мастацкасці, "узнікла патрэба ў новым падыходзе да праблемы якаснай адзнакі з'яў мастацтва" [6].

Сярод філосафаў, культуролагаў, мастацтвазнаўцаў нямала тых, хто сцвярджае, што не існуе аб'ектыўнага крытэрыю ці групы крытэрыяў, якія былі б агульнымі для ўсіх мастацкіх твораў і складалі б неабходную і дастатковую ўмову для таго, каб твор можна было лічыць мастацкім. Сапраўды, "хіба сутнасць мастацкага наогул ёсць нешта ўсеагульнае?" [7]. Пагаджаючыся з тым, што немагчыма вылучыць усе неабходныя і дастатковыя крытэрыі мастацкасці, мы паспрабуем у самых агульных рысах адказаць на пытанне, што ў наш час робіць мастацтва мастацтвам. І, такім чынам, падтрымаем тую частку даследчыкаў мастацкасці якая ідзе па шляху выяўлення яе крытэрыяў.

Безумоўна, крыніцай і крытэрыем выяўлення мастацкасці з'яўляецца густ. Увогуле мастацкасць – гэта вынік высокага эстэтычнага густу мастака, праява наяўнасці ў яго творчага патэнцыялу. Менавіта мастацкі густ са старажытных часоў выступаў галоўным крытэрыем мастацкасці, на якой будавалася ўся гісторыя сусветнага мастацтва [8].

Не выклікае сумненняў той факт, што крытэрыі мастацкасці падпарадкоўваюцца прынцыпу гістарызму, і таму кожны твор мастацтва павінен разглядацца ў рамках таго часу, той эпохі, у якой ён быў створаны. І, канешне ж, у фармаце пэўных відаў і жанраў. Цалкам бяссэнсава выводзіць крытэрыі мастацкасці з суаднясення таго ці іншага твора з высокімі ўзорамі мастацтва. Праўда, часам мастацкасць і прыгажосць могуць супадаць, але тым не менш іх нельга атаясамліваць (мастацкасць, напрыклад, трагічнай накіраванасці пазбаўленая прыгажосці).

Са старажытных часоў галоўным крытэрыем мастацкасці выступала эстэтычная асалода. Але эстэтычныя густы з цягам часу, безумоўна, змяняліся, таксама як змяняліся і прыметы мастацкасці твораў. На думку В. Бычкова, ці не ключавой эстэтычнай прыметай мастацкасці з'яўляецца духоўнасць. Гэта важная ўласцівасць мастацкасці праяўляецца ў яго змястоўнасці, напоўненасці мастацкіх твораў адпаведнымі ідэямі, думкамі, пачуццямі. Змястоўнасць мастацтва зусім не абавязкова прадугледжвае зварот да якіх-небудзь значных грамадска-палітычных і філасофскіх тэм і праблем. Змястоўнасць можа выяўляць сябе і ў такіх творах, дзе гаворка ідзе пра індывідуальныя (часам інтымныя) пачуцці, эмоцыі людзей, прытым што асэнсаванне глабальных пытанняў эпохі застаецца адным з асноўных клопатаў мастака.

Безумоўна, сапраўды ўніверсальнымі крытэрыямі мастацкасці з'яўляюцца крытэрыі цэласнасці і завершанасці твора мастацтва. Цэласнасць разглядалі як прынцып унутранай і знешняй арганізацыі твора яшчэ Шэлінг, Гегель, Бахцін. Але паняцце цэласнасці ў сваю чаргу таксама мае шмат аспектаў і змяняецца ў часе, а значыць не мае адназначнага тлумачэння.

Большасць аналітыкаў мастацтва лічаць самым агульным крытэрыем мастацкасці вобразнасць. Многія даследчыкі атаясамліваюць мастацкасць з мастацкай дасканаласцю твора. Адны з іх пры гэтым мастацкую дасканаласць звязваюць са змястоўнымі аспектамі твора, іншыя з форма-пластычнымі якасцямі твора. Успрымаючы мастацкасць як узровень ідэйнай значнасці твора, некаторыя даследчыкі лічаць форму усяго толькі сістэмай мастацкіх сродкаў, якія ілюструюць і аздабляюць асноўную ідэю твора. Такі тып узаемаадносін формы і зместу доўгі час панаваў у савецкім мастацтве, дзе, нягледзячы на дэклараванне адпаведнасці і ўзаемасувязі формы і зместу, прыярытэтную ролю аддавалі менавіта ідэі, зместу.

Многім даследчыкам мастацтва XX стагоддзя было ўласціва імкненне максімальна пашырыць крытэрыі мастацкасці, абапіраючыся на магчымасці сэнсавай і стылістычнай шматслойнасці твораў мастацтва. Пра мастацкасць пачалі казаць як пра сінтэтычную якасць мастацтва, што ўключае ўсе кампаненты, элементы твора і аб'ядноўвае іх у адно цэлае. Крытэрыямі мастацкасці твора сталі лічыць не толькі ўзровень майстэрства, сістэмнасць, цэласнасць, змястоўнасць твора; адзінства формы і зместу, але і навізну і арыгінальнасць, эфектыўнае ўздзеянне на свядомасць і інш. У той ці іншай ступені крытэрыем мастацкасці на этапе ўспрыняцця твора становіцца і суб'ектыўны густ гледача, які адлюстроўвае яго культурны ўзровень і эстэтычныя патрэбы. Ды і камерцыялізацыя мастацтва ў той ці іншай ступені таксама ўплывае на мастацкасць.

Цікавы і структураваны погляд на праблему мастацкасці прадстаўлены Марыяй Ільбекінай. З яе пункту гледжання, "мастацкасць" адказвае за магчымасць твора мастацтва выступіць у якасці "моста", аднолькава неабходнага двум процілеглым бакам; 2) адрознівае творы ад ўтылітарна функцыянальных рэчаў, адказвае за прынцыпова іншую іх функцыю; 3) спрыяе развіццю сістэмы твораў мастацтва, дапамагае ўсім яе элементам імкнуцца да такой Дасканаласці, якая абсалютная, універсальная, бясконцая; 4) дынаміка і розны ўзровень "мастацкасці" дазваляюць ранжыраваць творы ў залежнасці ад ступені набліжанасці твора да "шэдэўра") [9].

У сферы выяўленчага мастацтва большасць даследчыкаў бачыць рашэнне праблемы мастацкасці твора ў злучэнні шэрага класічных крытэрыяў (мастацкі вобраз, ідэйна-эмацыянальны змест) з некаторымі новымі "паказчыкамі", якія могуць выкарыстоўвацца ў дачыненні да сучаснага мастацтва (наяўнасць эксперыменту, экстратэрытарыяльнасць, наратыўнасць і г.д.). Немалаважную ролю пры вызначэнні ўзроўню мастацкасці адыгрываюць такія пазамастацкія крытэрыі, як ступень папулярнасці аўтара, інвестыцыйная прывабнасць, мода і інш. Пры гэтым вызначальнай становіцца канкрэтная сітуацыя, у якой адбываецца пастаноўка пытання пра мастацкую каштоўнасць твора.

Сярод аналітыкаў мастацтва XX стагоддзя і мастацтва сучаснага нямала і тых, хто лічыць, што для кожнага віду мастацтва можна вылучыць цэлы пласт крытэрыяў змястоўнага парадку (якія шмат у чым ігнаруюцца сучасным мастацкім рынкам). Нярэдка агульныя крытэрыі злучаюць з катэгорыяй прыгожага. Сапраўдная прыгажосць выступае як інтэграцыйная характарыстыка, якая ўключае ў сябе такія параметры, як праўдзівасць, дабрыня, карыснасць, гарманічнасць [10]. Даследчыкі гэтай праблемы, напрыклад, Л.А. Закс, лічыць, што, калі мы хоць неяк рэагуем на рэальнасць сучаснага мастацтва, так ці інакш перажываем яе, і калі яна нам падабаецца, то такую ўласцівасць сучаснага мастацтва можна ўсё ж такі лічыць мастацкасцю [11, с. 175].

У агульным сэнсе фарміраванне крытэрыяў мастацкасці ў той ці іншы перыяд з'яўляецца вынікам узаемадзеяння і ўзаемаабумоўленасці многіх фактараў. Аднак "асноватворныя, базавыя складнікі мастацкасці таго ці іншага віду мастацтва, на наш погляд, застаюцца на працягу шматлікіх стагоддзяў нязменнымі. Для жывапісу гэта каляровыя і лінеарныя адносіны, кампазіцыйныя заканамернасці і ўсё тое, што спрыяе арганізацыі цэласнага жывапіснага палатна – жывапіснай мастацкай выявы, якую б форму яна ні прымала ў пэўных майстроў у тыя ці іншыя гістарычныя эпохі" [1, с. 3–14].

Вырашыць праблему "мастацкасці" частка даследчыкаў спрабуе з дапамогай увядзення паняцця "парадыгма мастацтва", якую вызначае як гістарычна своеасаблівы тып мастацкай ментальнасці, з адмысловымі сістэмаўтваральнымі якасцямі. Гэтыя якасці дазваляюць кожнай новай парадыгме змяняць паняцце мастацкасці. Кожная з гістарычных парадыгмаў уяўляе сабою нейкую "тэрыторыю", у межах якой становіцца магчымым наданне аб'ектам мастацкага статусу. Парадыгма ў рэчышчы таго ці іншага сацыяльна-гістарычнага кантэксту вылучаецца ўласнымі прыметамі мастацкасці. Прызнанне якога-небудзь аб'екта ў якасці мастацкага адбываецца ў выніку суаднясення яго з тыповым выпадкам у межах парадыгмы, г. зн. ніякі аб'ект не можа атрымаць мастацкі статус да таго часу, пакуль ён не будзе ўспрымацца такім у кантэксце вызначанай парадыгмы мастацтва.

Кандыдат філасофскіх навук А.В. Рубцова ў сваім дысертацыйным даследаванні на тэму "Гістарычнасць парадыгмаў мастацтва і праблема сучаснай мастацкасці" (Екацярынбург, 2004) вылучае чатыры парадыгмы, якія ахопліваюць

гістарычную тыпалогію існавання мастацтва, пазначаныя ёю як “пазаэстэтычная”, “эстэтычная”, “мастацкая” і “постмастацкая”. У межах кожнай парадыгмы мастацтва выяўляецца своеасаблівае разуменне мастацкасці, выпрацоўваецца адмысловы погляд на мастацтва, якое прадвызначае як сам акт творчасці, так і ўспрыняцце яго вынікаў… “Пазаэстэтычная” парадыгма прадстаўляе мастацтва, напрыклад, як мімезіс, “эстэтычная” – тлумачыць яго як стварэнне цудоўнага, “мастацкая” – прапануе тэорыю “мастацтва для мастацтва”. У сваю чаргу “постмастацкая” парадыгма раскрывае асаблівасці сучаснай мастацкасці, якая прызнае множнасць сэнсаў і, як вынік, дэфініцый і тэорый. Актуалізацыя новай парадыгмы, лічыць даследчыца, можа прадугледжваць новыя рысы мастацкасці.

На думку В. Цюпы, вывучэнне мастацкіх парадыгмаў выяўляе тыя глыбінныя працэсы, якія ляжаць у аснове гістарычных з’яў. Наяўнасць феномена духоўнасці аказалася, па меркаванні аўтара, неактуальнай у сучасным тэхнагенным грамадстве, што стала галоўнай прычынай з’яўлення пост-культуры, адной з галоўных асаблівасцей якой з’яўляецца нізкі ўзровень мастацкасці або яе поўная адсутнасць [4, с. 5–7].

У XX стагоддзі мастацтва развіваецца даволі імкліва і кожны з накірункаў, што ў вялікай колькасці з’яўляліся на мастацкай арэне эпохі, прыўносіў штосьці новае ў разуменне крытэрыяў мастацкасці. У мастацтве мінулага стагоддзя можна вылучыць некалькі парадыгмаў, якія пэўны час развіваліся паралельна. Гэта авангардызм, сацрэалізм, неатрадыцыяналізм.

У эпоху мадэрнізму адбылося значнае ўскладненне мастацкай мовы ў творах мастацтва, пашырыўся арсенал сродкаў выразнасці. Многія мастакі-авангардысты пачатку XX стагоддзя адкрыта заяўлялі аб “антымастацкасці” ўласнай творчасці. Многія творы гэтага часу разглядаюцца як маніфестацыя пэўных ідэй – палітычных, сацыяльных, пластычных. Крытэрыі мастацкасці ў мастацтве мадэрнізму практычна сфарміраваліся да 20-х гадоў XX ст., калі мадэрнісцкая эстэтыка ўжо прайшла этап станаўлення, і прынцыпы новай эстэтычнай канцэпцыі досыць трывала ўкараніліся ў мастацтве. Адным з галоўных крытэрыяў мастацкасці твораў мадэрністаў становіцца эксперыментатарства, вынаходніцтва тэхнікі выканання.

У другой палове стагоддзя, умоўна кажучы, пачынаючы з канцэптуалізму ў візуальных мастацтвах, мастацкасць наогул перастала фігураваць у лексіконе як даследчыкаў мастацтва, так і саміх творцаў. У сярэдзіне 1960-х амерыканскі мастак і тэарэтык мастацтва Алан Капроу ў апублікаваным маніфесце (1966) абвяшчаў, што мастак павінен рабіць што жадае, пры гэтым не трэба імкнуцца да прызнання яго дзеянняў мастацкімі.

У той жа час савецкая эстэтыка лічыла, што сапраўды мастацкім можа быць толькі той твор, дзе высокія ідэалы камунізму ўвасоблены ў адпаведную цудоўную форму. У савецкі час паняцце “мастацкасць” не лічылі самастойным і разглядалі яго ў адзіным рэчышчы з крытэрыямі праўдзівасці, ідэйнасці, народнасці і партыйнасці мастацтва. Але падобная пазіцыя, відавочна, у канчатковым выніку далучала мастацкасць да пазамастацкіх паняццяў.

У апошняй чвэрці XX стагоддзя сэнс катэгорыі “мастацкасць”, здаецца, стаў канчаткова губляцца, а ўяўленні пра крытэрыі мастацкасці – размывацца. На першы план пачалі выходзіць падкрэслена суб’ектыўныя ўяўленні пра “добрыя” якасці таго ці іншага твора, ці такія спецыфічныя крытэрыі ацэнкі твораў, як актуальнасць. У гэты час якасна новай становіцца парадыгма мастацкасці постмадэрнізму, якая дэзактуалізуе тое, што дамінавала на папярэдняй стадыі. Мастацкасць разумеецца як інтэртэкстуальнасць, як мноства сэнсаў, якія з цягам часу трансфармуюцца. І разам з тым многія творцы канца мінулага стагоддзя, маніфестуючы адмову ад любых эстэтычных якасцей, у тым ліку і мастацкасці ўласных твораў, на практыцы стваралі артэфакты, у той ці іншай ступені мастацкасцю надзеленыя.

У дачыненні да мастацтва XX стагоддзя і асабліва мастацтва сучаснага праблема вызначэння межаў і сутнасці мастацкасці паўстае як тэарэтычна цяжка вырашальная. Сумненню падвяргаецца нават сама фундаментальнасць катэгорыі “мастацкасць”. Многія аналітыкі, практыкі сучаснага мастацкага працэсу лічаць, што ў сучасным мастацтве адзіна магчымай з’яўляецца арыентацыя на мульцімастацкасць, якая азначае па сутнасці адмову ад адзіных крытэрыяў мастацкасці. Некаторыя даследчыкі бачаць адметныя рысы мастацкасці ў постмадэрнісцкай сітуацыі ў парадаксальнасці і правакатыўнасці. З дапамогай гэтых рыс мастацкасці творцы імкнуцца больш эфектыўна ўздзейнічаць на гледача. Мастакі звяртаюцца да тэм і праблем, якія традыцыйна існавалі за межамі мастацкага. Твор мастацтва пачынае асэнсоўвацца не як аб’ект, а як самадастатковы працэс. Мастакі эпохі постмадэрнізму запрашаюць гледачоў да сутворчасці і разам з тым правакуюць іх актыўнасць. Мастацкі аб’ект паўстае як дыскурс, у якім тоесна злучаны аўтар і глядач. Пры гэтым эстэтычнае перажыванне гледача павінна стаць самастойным унутраным “выказваннем”, самабытнай інтэрпрэтацыяй створанага мастаком. І на гэтым этапе вядучым крытэрыем мастацкасці становіцца эфектыўнасць уздзеяння на свядомасць гледача.

На мяжы XX і XXI стагоддзяў мы можам казаць пра ўніверсальную, ненарматыўную парадыгму мастацтва, якая прызнае множнасць, варыятыўнасць мастацкасці і прадугледжвае існаванне ў рамках гэтай новай парадыгмы розных, але раўназначных падыходаў да мастацтва. Зыходзячы з таго, што распрацоўка адзіных крытэрыяў у такой велізарнай і цяжка акрэсленай межамі постмадэрнісцкай прасторы немагчыма, некаторыя даследчыкі разважаюць аб магчымасці выкарыстання ў мастацтве нашага часу "канвенцыянальных" мастацкіх крытэрыяў [12].

Заключэнне. Такім чынам, дзякуючы магчымасці і выяўленню некаторых умоваў ужывання катэгорыі "мастацкасць" у дачыненні ды мастацтва XX стагоддзя, можна адзначыць і неабходнасць парадыгмальнага падыходу да мастацкасці. Пры вызначэнні ўзроўняў сэнсу "мастацкасці" на розных этапах у XX стагоддзі мы паспрабавалі ахарактарызаваць мастацкасць у сучаснай "постмастацкай" парадыгме, вызначыць найважнейшыя ўласцівасці мастацкасці ў межах дадзенай парадыгмы, сярод якіх працэсуальнасць, правакатыўнасць, парадаксальнасць і інш.

Відавочна, што катэгорыя "мастацкасць" выступае як сутнасная характарыстыка твораў мастацтва, даследаванне ўнікальнасці і шматпланавасці якой мае метадалагічнае значэнне для ўсяго мастацтвазнаўства. Крытэрыі мастацкасці з'яўляюцца важнымі арыенцірамі для вызначэння мастацкай каштоўнасці таго ці іншага твора. Пераасэнсаванне існуючай сістэмы каштоўнасцей, размыванне каштоўнасных арыентацый гледача і мастака, практычны вопыт развіцця мастацтва на мяжы XX–XXI стагоддзяў падкрэслілі неабходнасць пераасэнсавання і мастацкасці. Не выклікае сумненняў і тое, што па-ранейшаму вызначэнне крытэрыяў мастацкасці грунтуецца на агульначалавечым імкненні да гармоніі, прыгажосці, а сапраўдную мастацкасць адлюстроўваюць сукупнасць прымет, сярод якіх не толькі цэласнасць, адзінства формы і зместу, але і даступнасць твора мастацтва і нават шчырасць аўтара ў выражэнні сваіх думак і пачуццяў. Пры гэтым фундаментальнасць падыходаў да праблемы мастацкасці абапіраецца на імкненне разглядаць мастацтва ў адзінстве з усім матэрыяльна-духоўным жыццём чалавека.

Літаратура

1. Бычков, В.В. Художественность как сущностный принцип искусства / В.В. Бычков // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 3–14.
2. Бычков, В. Эстетическая аура бытия: Современная эстетика как наука и философия искусства / В. Бычков. – М.: Изд-во МБА, 2010. – С. 442–470.
3. Давыденко, М.В. Концепции художественности в современной отечественной философии искусства и эстетике / М.В. Давыденко // Изв. Алтайс. гос. ун-та. – 2015. – Т. 1, № 3(87). – С. 111–115.
4. Тюпа, В.И. Парадигмы художественности (конспект цикла лекций) / В.И. Тюпа // Дискурс: коммуникация – образование – культура. – 1997. – № 3–4. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/education/virtual/discourse34 22.htm. – Дата доступа: 31.07.2017. – С. 5–7.
5. Зись, А.Я. На подступах к общей теории искусства / А.Я. Зись. – М., 1995. – С. 30.
6. Рогачкова, М.В. Критерии художественности как искусствоведческая проблема / М.В. Рогачкова // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Изд-во Алтайс. ун-та, 2003. – Кн. II. – С. 440–447.
7. Зедльмайр, Г. Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / Г. Зедльмайр. – СПб., 2000. – С. 144.
8. Бычков, В.В. Художественность как метафизическое основание эстетического опыта и критерий определения подлинности искусства / В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская // Вестн. славянск. культур. – 2017. – Т. 43. – С. 220–241.
9. Ильбейкина, М. «Художественность» как качественная характеристика произведений изобразительного искусства: тезисы: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. «Инновации гуманитарных и естественных наук». – Екатеринбург, 2010. – С. 151–152.
10. Давыденко, М.В. Проблема критериев художественности в контексте эстетического идеала современности / М.В. Давыденко // Национальное наследие и диалог культур как исток духовности современного общества. – Режим доступа: http://econf.rae.ru/article/7064. – Дата доступа: 01.04.2017.
11. Лисовец, И.М. Границы искусства: проблемы современной художественности. Первые еремеевские чтения, посвященные 75-летию А.Ф. Еремеева / И.М. Лисовец // Изв. Уральс. гос. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. – 2009. – Т. 70, № 4. – С. 171–175.
12. Согомонов, А. Художественная вселенная: от сакрального к профанному качеству / А. Согомонов // Художественный журнал. – 2004. – № 55. – С. 4–10.

Паступіў у рэдакцыю 01.09.2017 г.

УДК 316.42:130.2:2(476)

Десекуляризация в современной Беларуси: проблемный аспект

Одиноченко В.А.
Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Гомель

Одним из важных факторов развития религиозной ситуации в современной Беларуси является процесс десекуляризации. В стране происходит трансформация, которая в той или иной степени охватывает все сферы жизни. Трансформационные процессы имеют радикальный характер, поскольку осуществляется смена основополагающих схем мировосприятия и поведения. Одним из факторов изменений является процесс десекуляризации, что в наших условиях означает прежде всего преодоление последствий проводимой в Советском Союзе жесткой атеистической политики.

Цель статьи – анализ процесса десекуляризации в современной Беларуси с учетом национальной культурной и конфессиональной специфики.

Материал и методы. *Материалом исследования является десекуляризация как часть процессов трансформации в современном белорусском обществе. Использованы методы проблематизации, компаративный, концептуального анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Рассмотрена социокультурная специфика процессов десекуляризации в современной Беларуси, обусловленных поликонфессиональной религиозной ситуацией. Выделены виды десекуляризации: политическая, культурная, мировоззренческая. Наибольшее значение имеет мировоззренческая десекуляризация, так как она связана с изменением основных схем восприятия. Она же является и наиболее проблемной в современной Беларуси, поскольку эволюция мировоззрения требует определенных усилий и времени.*

Заключение. *Десекуляризация в нынешней Беларуси представляет долговременный процесс. В отличие от секуляризации она не может носить абстрактного характера некой идеологической программы и должна соотноситься с имеющейся культурной традицией. Процесс десекуляризации предполагает осмысление и актуализацию национального культурного своеобразия и тем самым способствует содержательному наполнению независимости Беларуси.*

Ключевые слова: *десекуляризация, секуляризация, современность, национальная культурная традиция, поликонфессиональность, атеистическая политика.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 98–103)

Desecularization in Modern Belarus: the Problematic Aspect

Adzinochanka V.A.
Educational Establishment «F. Skaryna Gomel State University», Gomel

One of the important factors in the development of the religious situation in modern Belarus is the process of desecularization. A transformation takes place in the country, which in one way or another covers all spheres of life. Transformational processes are radical in nature, as the fundamental patterns of world perception and behaviour change. One of the factors of the change is the process of desecularization, which in our conditions means, above all, overcoming the consequences of the rigid atheistic policy pursued in the Soviet Union.

The purpose of the article is to analyze the process of desecularization in modern Belarus, taking into account national cultural and confessional specificity.

Material and methods. *The material of the study is desecularization as a part of the transformation processes in modern Belarusian society. Methods of problem stating, the comparative and the conceptual analysis were used.*

Findings and their discussion. *The social and cultural specificity of the processes of desecularization in modern Belarus is considered. It is conditioned by a multi-confessional religious situation. The types of desecularization are distinguished:*

Адрес для корреспонденции: e-mail: adzin28@gmail.com – **В.А. Одиноченко**

political, cultural, world outlook. The most important for us is the world outlook desecularization, since it is connected with the change in the basic schemes of perception. It is also the most problematic in modern Belarus, as changing the outlook requires certain efforts and time.

Conclusion. *Disecularization in modern Belarus is a long-term process. Unlike secularization, it can not have an abstract character of an ideological program and must be correlated with the existing cultural tradition. The process of desecularization presupposes the comprehension and actualization of our cultural identity and thereby contributes to a meaningful filling of the independence of Belarus.*

Key words: *desecularization, secularization, modernity, national cultural tradition, polyconfessionality, atheistic policy.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 98–103)

В современной Беларуси происходит трансформация, которая в той или иной степени охватывает все сферы жизни, и ее наличие воспринимается как очевидное всеми группами общества. В этих условиях актуализируются, на наш взгляд, проблематизация и осмысление характера изменений, их причин, направленности и последствий. Трансформационные процессы в современном белорусском обществе имеют радикальный характер, поскольку происходит смена основополагающих схем мировосприятия и поведения. Одним из факторов изменений является процесс десекуляризации, что в наших условиях означает, прежде всего, преодоление последствий проводимой в Советском Союзе жесткой атеистической политики.

Цель статьи – анализ процесса десекуляризации в современной Беларуси с учетом национальной культурной и конфессиональной специфики.

Материал и методы. Материалом исследования является десекуляризация как часть процессов трансформации в современном белорусском обществе. Использованы методы проблематизации, сравнительно-исторический, концептуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Наиболее наглядный показатель возрастания роли религии в современном белорусском обществе – рост количества зарегистрированных религиозных общин. За неполные двадцать лет оно увеличилось более чем в четыре раза: с 765 в 1988 году до 3337 на начало 2017 г. Наряду с этим происходит усиление взаимодействия государства с религиозными организациями. Несомненным лидером в данном процессе выступает Белорусская православная церковь[1]. 12 июня 2003 года между нею и Республикой Беларусь было подписано соглашение о сотрудничестве. Позиции сторон в нем обозначены следующим образом: «Государство признает, что Церковь является одним из важнейших социальных институтов, чей исторический опыт, духовный потенциал и многовековое культурное наследие оказали в прошлом и оказывают в настоящем существенное влияние на формирование духовных, культурных и национальных традиций белорусского народа… Церковь признает, что государство является гарантом сохранения духовных и культурных традиций белорусского народа, в том числе исторически формировавшихся под влиянием Церкви» [1]. Здесь прослеживается общая позиция, сформированная в современном белорусском обществе в отношении религии: считается, что она оказывает влияние прежде всего на ту сферу жизнедеятельности общества, которая обозначена как «духовно-нравственная».

Для осмысления изменений в религиозной сфере современной Беларуси актуально уточнить само понятие «современный». В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова оно определяется как: «1. Относящийся к одному времени, к одной эпохе с кем-чем-н… 2. Относящийся к настоящему времени, теперешний… 3. Стоящий на уровне своего века, не отсталый» [2, с. 644].

Для нашего анализа мы будем использовать все три значения данного понятия, но основное внимание уделим второму. При этом сделаем акцент не только на временной, но и на пространственной локализации современности. Она рассматривается через координаты «здесь и сейчас». Основной наш посыл заключается в том, что, во-первых, современность Беларуси обладает качественной спецификой по сравнению с другими странами, т.е. у нас «своя современность». И, во-вторых, характер последней зависит от процессов, происходящих в нашем обществе, в том числе и десекуляризации.

Понятие «десекуляризация» является для белорусской общественной мысли относительно новым. В энциклопедических изданиях оно отсутствует, но есть понятие «секуляризация», которое определяется как «процесс уменьшения влияния религии на реализацию общественных и частных отношений, потеря религией своих позиций в культуре и обществе» [3, с. 756]. В его современном виде понятие «десекуляризация» было введено американским социологом Питером Бергером [4]. Он использовал его для обозначения различных проявлений возрождения религии во второй половине XX столетия.

Десекуляризация в целом понимается как возрастание роли религиозных факторов в общественной жизни. В качестве ее примеров

[1] Второе официальное название «Белорусский экзархат Московского патриархата».

приводятся распространение исламского фундаментализма, возрождение религии в бывших социалистических странах, а также усиление присутствия религиозных организаций в общественном и культурном пространстве Европы.

Однако следует учитывать, что это разнородные процессы, обладающие качественной спецификой, а также политической и культурной обусловленностью. Поэтому возникает вопрос о том, каково место в них именно религиозного элемента. Например, исламское возрождение, началом которого считается антишахская революция в Иране 1979 г., наиболее адекватно описывается как религиозно оформленный протест против европейской политической и культурной экспансии, принявший религиозную форму.

Это же касается и нашей ситуации. Она, как и положение в других постсоветских странах, является уникальной с точки зрения истории. Поэтому необходимо выявить и проанализировать специфику тех процессов в современной Беларуси, которые получили название «десекуляризация».

Мы исходим из того, что возрождение религии на постсоветском пространстве первоначально возникло как ответ на советский вариант секуляризации, которая по своим механизмам принципиальным образом отличается от секуляризационных процессов в Европе XX века. Последние были обусловлены внутренней логикой общественного развития и описывались исследователями как «упадок институционального христианства, то есть “церковной религии”, приватизация религии и ее отсутствие в публичном пространстве и вытеснение христианского мировоззрения либерализмом, консюмеризмом, индивидуализмом и материализмом альтернативных мировоззрений» [5, с. 83–84].

Соответственно, десекуляризация в Европе может быть симметрично описана через указание на три контрсекуляризационных процесса: 1) возрождение церковной жизни; 2) возвращение религии в публичную сферу; 3) распространение взглядов в обществе, основанных на христианских ценностях.

Секуляризация в Советском Союзе осуществлялась на основе иных общественных механизмов, и из этого следует исходить при анализе десекуляризации в современной Беларуси. Мы рассмотрим две специфические черты советского варианта секуляризации. Во-первых, она была идеологически обусловлена. В работах классиков марксизма, взгляды которых и послужили основой официальной атеистической идеологии в Советском Союзе, религия рассматривалась как иллюзорная форма сознания, в которой надежды на улучшение своего положения человек связывал с потусторонним миром: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа. Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья» [6, с. 415].

Таким образом, в марксизме преодоление религиозных иллюзий связывалось с необходимостью построения более справедливого и гуманного общества. Считалось, что религия препятствует этому, поскольку отвлекает силы угнетенных от борьбы за улучшение своего действительного положения. Тем самым она служит интересам господствующих классов, и поэтому является не только отсталой, но и реакционной формой общественного сознания. Отметим, что создатель советского государства В.И. Ленин с присущим ему стилем формулировок марксов «опиум народа» переопределил как «род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [7, с. 143].

Вторая особенность секуляризации в Советском Союзе заключалась в том, что она была частью официальной политики правящей коммунистической партии, имела принудительный характер и осуществлялась в условиях отсутствия и последовательного отрицания тех свобод, на которых базировалось европейское общество. На всем протяжении периода советской истории в отношении религиозных организаций и отдельных верующих проводилась репрессивная политика, менялись только ее методы и интенсивность.

Также и начало процессу десекуляризации на пространстве Советского Союза положили изменения в идеологии, которые привели к политической трансформации. Условно можно выделить два этапа этого процесса: первый охватывал вторую половину 80-х гг. прошлого века, когда правящей коммунистической партией проводилась перестройка общественной жизни страны, и это изменило отношение к религии. Второй этап начался с распада Советского Союза и образования независимых государств, в каждом из которых процессы десекуляризации стали осуществляться в соответствии с имеющимися культурными особенностями.

Их важно акцентировать при анализе десекуляризации в современной Беларуси. Например, в отличие от России десекуляризация у нас происходит в принципиально иных условиях, чем секуляризация.

Современная Российская Федерация включает в свою историческую традицию Московскую Русь, императорский и советский периоды. Характерным является тезис В.В. Путина из Послания Федеральному Собранию России, которое он направил после своего избрания Президентом

в 2012 году: «Для возрождения национального сознания нам нужно связать воедино исторические эпохи и вернуться к пониманию той простой истины, что Россия началась не с 1917-го и даже не с 1991 года, что у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития» [8]. Таким образом, условно говоря, для России и секуляризация и десекуляризация происходили в рамках одной страны.

У нас же собственная историческая традиция, которая была частью российской только с конца XVIII в. Распад Советского Союза имел для Беларуси гораздо более радикальный характер, чем для России. Секуляризация и десякуляризация для нас происходят в условиях различных государств.

Выделяют следующие виды десекуляризации в современном обществе: политическую, культурную и мировоззренческую.

Первая является наиболее очевидной и касается отношения к религии со стороны государства. Белорусское законодательство в этой области соответствует европейским стандартам. В Конституции Беларуси записано: «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» [9, с. 54–55], «Религии и вероисповедания равны перед законом» [9, с. 52].

В Конституции отсутствует принцип отделения церкви от государства, и это также в какой-то мере является признаком десекуляризации, поскольку религия признается частью публичной сферы: «Взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [9, с. 52]. В то же время в Законе «О свободе совести и религиозных организациях» записано: «Государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций, если она не противоречит законодательству Республики Беларусь» [10, с. 4].

В аспекте установления мировоззренческого плюрализма, который также является одним из компонентов десекуляризации, важно провозглашение равенства всех религий: «Религии и вероисповедания равны перед законом. Идеология религиозных организаций не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [10, с. 4].

Специфика политической десекуляризации в современной Беларуси заключается в том, что в ее осуществлении ведущая роль принадлежит государству. Проводится целенаправленная политика по предотвращению конфликтов на религиозной почве и налаживанию диалога между конфессиями. Осуществлению этого мешает, на наш взгляд, акцентирование в официальном законодательстве Беларуси «определяющей роли Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [10, с. 3].

Следует отметить, что данное положение соответствует российской традиции, в рамках которой православие действительно может трактоваться как религиозное направление, имеющее национальный характер. Но для Беларуси традиционно характерна поликонфессиональность. На наших землях мирно сосуществовали представители различных вероисповеданий, причем каждое из них внесло свой существенный склад в формирование исторической и культурной традиции белорусов. И эти конфессии по-разному строили свои отношения с властями.

Последнее необходимо учитывать при анализе процессов десекуляризации. Так, для русского православия характерно стремление найти покровительство со стороны государства. Католичество же исходит из сформировавшегося в Европе еще в средние века принципа разделения властей. Оно подчеркивает свою самостоятельность по отношению к государству. Что касается протестантов, то они существуют в виде отдельных общин, основанных на принципе самоуправляемости и независимости от светской власти.

Культурный аспект десекуляризации заключается, во-первых, в активизации деятельности самих религиозных организаций. Осуществляется выпуск литературы. В Беларуси печатаются журналы всех основных конфессий. Также проходит организация фестивалей, паломничеств, работа с молодежью и т.д. Во-вторых, показателем культурной десекуляризации является использование религиозных сюжетов и идей в произведениях искусства. Следует сказать, что это происходило и в советский период. Наиболее яркий пример – роман «Христос приземлился в Гродно» В. Короткевича. В литературе последних лет христианские мотивы воплотились в поэтическом сборнике «Ксты» Р. Бородулина.

Более важным в плане дальнейшей десекуляризации в Беларуси является, на наш взгляд, мировоззренческий аспект, поскольку он предполагает изменения основных схем в отношении к религии в общественном сознании. Прежде всего, это касается самого ее понимания. Дело не в определении, но в трактовке ее сущности, причин возникновения, места в обществе, культуре и

жизни отдельного человека. Причем эта трактовка должна быть экстраполирована на нашу историю и современность.

В настоящее время в Беларуси сформировано благожелательное отношение к религии со стороны властей и общества. Однако это не отменяет необходимости осмысления ее влияния на мировоззрение отдельного человека, прежде всего верующего, а также общественное сознание.

В процессе секуляризации было сформировано понимание мира как целиком «посюстороннего» и лишенного трансцендентного измерения. Это касалось и общества, его развитие целиком определялось социальными факторами. Религия также рассматривалась как социальное явление, у нее отсутствовали специфические, не редуцируемые к другим областям жизни, характеристики. Сейчас же возрастание роли религии в общественном и культурном пространстве предполагает переосмысление последних. Наиболее приемлемым, на наш взгляд, является трактовка их как неоднородных и многомерных, в рамках которых могут сосуществовать пространства науки, искусства, политики, религии и т.д.

Десекуляризация выступает одним из факторов, обусловливающих смену пространственных характеристик самой Беларуси. Раньше мы были частью огромной державы (СССР), сейчас же стали самостоятельным государством. Для объяснения специфики нашей традиции часто используют модель промежуточного положения Беларуси. В конфессиональном измерении это означает нахождение между православной Россией и католическо-протестантской Европой. Тогда процессы десекуляризации приобретают у нас разнородный характер, поскольку применительно к православию, католичеству и протестантству они обладают качественной спецификой.

Также десекуляризация влечет за собой изменения в восприятии времени. Условно говоря, время, в котором жило секуляризированное советское общество, являлось линейным, имело прогрессивную направленность и было жестко детерминировано развитием экономических отношений. Религия при этом рассматривалась как явление прошлого, считалось, что она исчезнет по мере построения коммунистического общества.

Десекуляризация допускает возможность трактовки религии как одного из факторов общественного развития. Тем самым переосмысливается характер как самой религии, так и механизмов и направленности развития общества. Мы можем с уверенностью утверждать, что, по крайней мере в ближайшие годы, количество религиозных организаций в Беларуси будет увеличиваться, а роль религии в обществе – возрастать.

Изменения, связанные с десекуляризацией, коснулись и времени жизни отдельного человека. Допускается, что оно не заканчивается земной жизнью, но продолжается в вечности. Это соответствует установкам, функционирующим на уровне повседневности, поскольку коррелируется с традиционными представлениями белорусов, в частности с массовым празднованием дней поминовения усопших (Дедов).

Также изменилась трактовка природы поведенческих ценностей. Секуляризация, как следует уже из ее этимологии, предполагает «обмирщение» норм поведения. Условно говоря, цель человеческой жизни сводится к самореализации и/или содействию прогрессивному развитию общества. Десекуляризация предполагает учет религиозного обоснования норм поведения, которое исходит из наличия сверхъестественного.

Однако принятие последнего в качестве жизненной основы сталкивается с определенными проблемами. Религиозность основной части населения современной Беларуси имеет декларативный характер и не связывается с изменением в поведении. Исследователи отмечают тот парадоксальный факт, что число людей, идентифицирующих себя с какой-либо конфессией, превышает число тех, кто считает себя верующими. В 2015 году Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь провел мониторинг общественного мнения, в результате которого был сделан вывод, что «расхождение полученных данных о конфессиональном составе населения (94,5% относят себя к какой-либо конфессии) и количеством респондентов, назвавших себя верующими (63,5%), указывает на особенности самоидентификации белорусов» [11, с. 115].

Таким образом, в данном случае речь идет скорее не о религиозной, но о культурной идентификации. Например, считается, что православие – религия восточных славян, и поэтому, называя себя православным, человек относит себя к определенной культурной традиции. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что за годы советской власти у значительной части людей было разрушено представление о том, что такое религия. В случае с христианством она сводилась к факту крещения и ежегодному празднованию Пасхи. Во многом подобное представление сохраняется и сейчас.

Тем не менее одним из показателей процесса десекуляризации в нашей стране явилось массовое число крещений во второй половине 80-х – 90-х гг. прошлого века, а также резкое увеличение количества посещений храмов. В настоящее время возросла роль религии в структурировании повседневной жизни человека через такие обряды, как крещение, венчание, отпевание.

Также в современных условиях деятельность религиозных организаций не ограничена только

культовыми функциями, как это было в Советском Союзе. Согласно законодательству конфессии имеют право заниматься образованием, благотворительностью, социальной работой, работой с молодежью и т.д.

Заключение. Процессы, происходящие в современной Беларуси, показывают, что десекуляризация является долгосрочной тенденцией общественного развития. 90-е гг. прошлого века – ее специфическое начало, которое определялось общим стремлением избавиться от советского наследия. Сегодняшний же этап десекуляризации более соответствует тому, что происходит в европейских странах, а именно процессам реального вхождения религии в общественную и частную жизнь.

Следует подчеркнуть, что десекуляризация в Беларуси, в отличие от секуляризации, происходит в условиях мировоззренческой свободы. Поэтому она – не только показатель, но и фактор формирования плюралистического общества европейского типа. Отметим, что плюрализм мнений и толерантность в области религии являются одними из существенных показателей зрелости демократического общества, поскольку взгляды верующих имеют для них принципиально важный характер, и поэтому существует проблема согласования их со взглядами приверженцев других конфессий.

Также религиозная толерантность и плюрализм предполагают диалог с людьми неверующими, в частности, учет их понимания права на свободу совести.

Подчеркнем обстоятельство, которое, на наш взгляд, является принципиально важным для осмысления религиозной ситуации в современной Беларуси. Десекуляризация, в отличие от секуляризации, не может носить абстрактного характера некой идеологической программы и должна соотноситься с имеющейся культурной традицией. Следует учитывать историю конфессий на наших землях и их место в белорусской культуре. Соответственно, процесс десекуляризации предполагает осмысление и актуализацию нашего культурного своеобразия и тем самым способствует содержательному наполнению независимости Беларуси.

Литература

1. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://exarchate.by/resource/Dir0009/Dir0015. – Дата доступа: 24.09.2017.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1987. – 797 с.
3. Безнюк, Д.К. Секуляризация / Д.К. Безнюк // Религия: энциклопедия / сост. и общ. ред. А.А. Грицанов, Г.В. Синило. – Минск: Книжный Дом, 2007. – С. 756–757.
4. Berger, P. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / P. Berger (ed.). – Grand Rapids, MI: William B. Eerdmans, 1999. – 143 p.
5. Звеерде, Э. ван дер. Осмысливая «секулярность» / Э. ван дер Звеерде // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2. – С. 69–113.
6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1955. – Т. 1. – С. 414–429.
7. Ленин, В.И. Социализм и религия / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 12. – С. 142–147.
8. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/17118. – Дата доступа: 24.09.2017.
9. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь (са змяненнямі і дапаўненнямі). – Мінск: Беларусь, 2004. – 95 с.
10. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях: Закон Рэспублікі Беларусь. – Мінск: Беларусь, 1996. – 23 с.
11. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований за 2015 год / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь; ред. А.П. Дербин. – Минск, 2016. – 212 с.

Поступила в редакцию 16.10.2017 г.

УДК 304.2:316.42:316.752

Ценностно-нормативные основания социокультурного развития современных обществ в условиях кризиса и глобальной нестабильности

Колядко И.Н.
Белорусский государственный университет, Минск

Динамика социокультурного развития в контексте глобальных цивилизационных трансформаций приобретает сложный, нелинейный характер. Эпохи кардинальных преобразований экономических, политико-институциональных, культурных оснований социума, когда происходит смена доминантной линии культурно-цивилизационного развития, характеризуются в качестве «нестабильных», «кризисных», сопровождающихся деструктивными изменениями и эскалацией рисков.

Цель статьи – выявление роли ценностно-нормативных факторов в процессах социокультурных трансформаций и динамике социокультурного развития современных модернизирующихся обществ, а также экспликация амбивалентной природы феномена кризиса.

***Материал и методы.** Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные современные концепции социокультурных трансформаций как отечественных, так и западных социальных философов, где акцентируется внимание на роли ценностно-нормативных факторов в процессах развития социума. Достижение поставленной цели осуществлялось с опорой на философские, научные и общелогические методы, а также системный подход.*

***Результаты и их обсуждение.** Кризисные периоды в социодинамике характеризуются нарушением устоявшихся норм и стандартов развития общества: возрастает интенсивность культурных, социальных и экономических конфликтов, нарушается социокультурное равновесие. Феномен кризиса в динамике социокультурного развития непосредственно связан с переструктурированием, делегитимацией нормативной системы социума. Очевидно, поэтому попыткам институционального изменения социальной структуры общества должна предшествовать «революция сознания», в сфере ценностного структурирования общественного бытия. Вместе с тем следует учитывать также, что феномен кризиса имманентен социокультурной динамике как таковой.*

***Заключение.** Таким образом, амбивалентная природа кризиса и связанные с ним явления социодинамики способствуют полноценному развитию общества. Реализуя, прежде всего, свой деструктивный потенциал, кризис одновременно является управляемым процессом по преобразованию ценностной иерархии и системы социальных отношений, выполняя важную структурообразующую роль, конституируя новый социальный порядок и оказывая фундаментальное влияние на формирование целостного интеграционного пространства социума.*

***Ключевые слова:** феномен кризиса, социальный порядок, культурная традиция, социокультурные трансформации, кризис ценностей, нестабильность, устойчивое развитие.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 104–111)

Value and Normative Bases of Social and Cultural Development of Modern Societies in the Conditions of Crisis and Global Instability

Kolyadko I.N.
Educational Establishment «Belarusian State University», Minsk

The dynamics of social and cultural development in the context of global civilizational transformations acquires a complex, non-linear character. The epochs of cardinal transformations of the economic, political, institutional and cultural foundations of the society, when the change of the dominant line of cultural and civilizational development occurs, are characterized as «unstable», «crisis», accompanied by destructive changes and escalation of risks.

The purpose of the article is identification of the role of value and normative factors in the processes of social and cultural transformations and the dynamics of the social and cultural development of modern modernizing societies, as well as explication of the ambivalent nature of the crisis phenomenon.

Адрес для корреспонденции: e-mail: expireauto@yandex.ru – **И.Н. Колядко**

Material and methods. *The empirical basis of the research was representative modern concepts of social and cultural transformations of both domestic and western social philosophers, in which emphasis is placed on the role of value and normative factors in the processes of social development. The attainment of this goal was carried out with the support of philosophical, scientific and general methods of research, as well as a systematic approach.*

Findings and their discussion. *The crisis periods in social dynamics are characterized by a violation of the established norms and standards of the development of society: the intensity of cultural, social and economic conflicts increases and the social and cultural balance is violated. The phenomenon of crisis in the dynamics of social and cultural development is directly related to restructuring, delegitimizing of the normative system of society. Obviously, therefore, that attempts of at institutional change in the social structure of society must be preceded by a «revolution of consciousness», changes in the sphere of value structuring of social being. At the same time, it should also be taken into account that the phenomenon of crisis is immanent to the social and cultural dynamics as such.*

Conclusion. *It is essential to understand that the ambivalent nature of the crisis and the associated phenomena of social dynamics contribute to the holistic development of the society. Implementing, first of all, its destructive potential, the crisis, at the same time, is a manageable process for the transformation of the value hierarchy and the system of social relations, fulfilling an important structure-forming role, constituting a new social order and rendering a fundamental influence on the formation of a holistic integration space of the society.*

Key words: *crisis phenomenon, social order, cultural tradition, social and cultural transformations, value crisis, instability, sustainable development.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 104–111)

В современной социальной философии весьма настойчиво осуществляются попытки создания синтетической модели описания кризисных этапов социодинамики. Различные грани и аспекты деструктивных тенденций, феномен глобальной нестабильности, внутренние противоречия модернизирующихся обществ придают социальной и цивилизационной динамике *проблемный характер.*

Цель статьи – выявление роли ценностно-нормативных факторов в процессах социокультурных трансформаций и динамике социокультурного развития современных модернизирующихся обществ, а также экспликация амбивалентной природы феномена кризиса.

Материал и методы. Эмпирической базой исследования выступили репрезентативные современные концепции социокультурных трансформаций как отечественных, так и западных социальных философов, где акцентируется внимание на роли ценностно-нормативных факторов в процессах развития социума. Достижение поставленной цели осуществлялось с опорой на философские, научные и общелогические методы исследования. Системный подход позволил рассмотреть специфику ценностно-нормативных оснований социокультурного развития в связи с феноменами кризиса и глобальной нестабильности и возможными перспективами устойчивого развития цивилизации в третьем тысячелетии.

Результаты и их обсуждение. Социально-философский анализ феномена кризиса предполагает выявление специфики, взаимосвязи и взаимообусловленности процессов, происходящих в различных сферах общества. Следует на концептуальном уровне установить сущность, формы и характер деструктивных изменений в современных трендах социокультурного развития. «Правильное, т.е. отвечающее сути дела обозначение, собственно, определение сегодняшних и возможных в дальнейшем кризисных обострений, – отмечает в этой связи Н. Мотрошилова, – очень важно, ибо отсюда вытекают различающиеся стратегии и тактики, практические программы, связанные с утверждением, предотвращением, прогнозированием кризисов или их смягчением, когда они уже разразились, а также программы посткризисного поведения всего общества» [1, с. 467].

Прежде всего, необходимо начать с выявления параметров и характеристик социокультурных изменений и трансформаций, а также обоснования критериев стабильной и кризисной социодинамики современных обществ. Ключевой вопрос может быть сформулирован следующим образом: каковы сущность и параметры социального кризиса? Абсолютизация экономического фактора как единственного, от которого зависит развитие других сфер общественной жизни (экономократизм), является существенным препятствием для принятия адекватных практических решений в сфере антикризисного управления. Вследствие того, что феномен кризиса, по сути, редуцируется только к одному из своих измерений – экономическому, он получает одностороннюю интерпретацию, не учитывающую совокупность факторов, которые могли бы выступать в качестве возможной *причины, обуславливающей общесоциальную нестабильность в целом.*

Очевидно, что кризис противоположен стабильной динамике и устойчивому развитию. Среди атрибутов *стабильно развивающихся социальных систем,* обеспечивающих эффективность и рациональность иерархически соподчиненных, дифференцированных, специализированных социальных институтов, выступает

устойчивость нормативной системы, являющаяся «основой социального порядка, и поддерживаемая совокупностью идей, которые выражают базовые ценности, определяющие смысл совместного сосуществования людей и перспективы общественного развития» [2, с. 218]. Феномен кризиса в динамике социокультурного развития непосредственно связан с переструктурированием, делегитимацией нормативной системы. Кризис поэтому «всегда связан с существующими, но устаревшими социальными структурами, институтами и означает их частичную или полную недееспособность, которая оборачивается их деградацией или деструкцией» [2, с. 218]. В этом проявляется первая – деструктивная – ипостась кризисных процессов.

Одновременно следует также обратить внимание и на *созидательный потенциал кризиса,* поскольку он не менее *значителен для человека, общества, культуры,* нежели его явные деструктивные последствия. «Кризис, – поясняет Н. Мотрошилова, – акцентирует неотложность многих решений и мер, суть которых – в глубоком системном обновлении и социальных структур, и институтов, и духовно-нравственных идеальных факторов поведения людей» [1, с. 468]. Кризис как социальный феномен представляет собой пограничную, переходную ситуацию, способствующую переосмыслению доминирующих стратегий развития, связанную с кардинальным изменением направленности и характера социокультурных трансформаций.

Репрезентативным видится подход к анализу феномена кризиса З. Баумана. Кризисное состояние социума – это «постоянное изменение границ, предание забвению уже созданных форм и экспериментирование с формами новыми и неиспробованными», что, в свою очередь, «представляет собой естественное условие существования всей человеческой культуры» [3, с. 316]. Феномен кризиса имманентен социокультурной динамике как таковой. Природа кризиса *амбивалентна:* с одной стороны, кризис вносит в общественное бытие неопределенность, неустойчивость, дезорганизует социальные связи и подрывает авторитет институтов власти, провоцирует всплеск деструктивных практик, упраздняет сбалансированность, антиномичность социокультурных процессов; с другой – кризис выявляет внутренние проблемы культуры, а также содержит в себе потенциал радикальной качественной трансформации ценностно-нормативных оснований социума.

Обоснование *амбивалентной природы кризиса* в социодинамике современных обществ предложил еще американский социолог Уильям Айзек Томас, который обратил внимание на вторую – созидательно-конструктивную – ипостась феномена кризиса в социокультурном развитии современных обществ. По мнению американского социолога, степень развитости отдельных локальных культур находится в непосредственной зависимости от того, в какой степени кризис являлся стимулом дальнейшего развития [4]. У.А. Томас обнаруживает имманентную кризисным процессам двойственность: с одной стороны, кризис обладает мощным разрушительным потенциалом и может стать причиной дисфункции социальной общности; с другой – кризис является сильным стимулом дальнейшего качественного развития социальной системы, укрепления ее иммунитета перед вызовами глобального характера [4]. В этом отношении можно говорить о том, что кризис как социальное явление способствует высвобождению давно созревших в культуре инновационных знаний, творческая мощь которых оказывает конструктивное воздействие на ткань общественного бытия в целом.

В разработанной известными социальными философами А. Пелипенко и И. Яковенко *смыслогенетической концепции культуры* также акцентируется внимание на том аспекте, что полноценное развитие культуры опосредовано нестабильными, кризисными периодами, динамика которых раскрывает их *амбивалентную природу.* В том случае, если происходит «критическая загруженность сферы культурно-бессознательного и семантическая перенасыщенность сферы осознанного культурного опыта», то следствием является «деструкция семантико-семиотического типа культуры», направленная против общепринятых норм [5, с. 262–265]. После периода дезинтеграции и диссолюции начинается процесс структуризации, упорядочивания пространства культуры на качественно новом уровне, но ввиду интенции к преемственности культурных типов с сохранением опыта «прошлой распавшейся целостности». Предложенная модель описания генезиса и динамики кризисных процессов фиксирует специфику преобразований в системе культуры, эксплицируя кризис в качестве динамического, конструктивного начала в процессах социокультурных трансформаций.

Следовательно, кризисные периоды в социодинамике характеризуются, прежде всего, нарушением устоявшихся *норм и стандартов развития общества:* возрастает интенсивность культурных, социальных и экономических конфликтов, нарушается социокультурное равновесие. В социальной философии можно выделить два принципиальных подхода к анализу проблем социокультурной динамики и роли в них кризисов. Первый подход исходит из понимания кризиса как состояния, имманентного

исключительно процессам разрушения, гибели культуры и цивилизации. Подобный взгляд на природу кризисных явлений и их роль выражен О. Шпенглером. «Вместо монотонной картины линейно-образной всемирной истории, – отмечает О. Шпенглер, – я вижу феномен множества мощных культур, с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, к которой они строго привязаны на всем протяжении своего существования, и у каждой своя собственная страсть, собственная жизнь, желания и чувствование, и собственная смерть» [6, с. 28].

Другой подход акцентирует внимание на том, что кризис культуры представляет собой не столько агонию, смерть и разрушение, а, прежде всего, начало обновления. Интерпретацию данной теоретико-методологической позиции мы находим у П. Сорокина. В основе каждой культуры он ищет основополагающую величину – ценность. Ценность, таким образом, служит фундаментом всякой культуры, «объединяющим принципом, который пронизывает все компоненты, придает смысл и значение каждому из них и тем самым из хаоса разрозненных фрагментов создает космос» [7, с. 49]. На основании ценностно-нормативного принципа дифференциации типов общественного устройства П. Сорокин выделил три «идеальных типа» культурных суперсистем: идеациональный, чувственный и идеалистический, каждый из которых, в свою очередь, проходит определенные стадии развития и обладает соответствующими качествами и характеристиками, являясь воплощением, репрезентацией основополагающей ценности, составляющей «ментальность культуры» [7, с. 56, 62].

Кризис общества как *кризис ценностей* возникает в периоды, когда ограничивается созидательный потенциал культуры. Однако разрушение социокультурной целостности не ведет к окончательному разрушению суперсистемы культуры. «Когда созидательные силы исчерпаны и все их ограниченные возможности реализованы, – отмечает П. Сорокин, – соответствующая культура и общество или становятся мертвыми и несозидательными, или изменяются в новую форму, которая открывает новые созидательные возможности и ценности» [8, с. 433]. «…Вопреки диагнозу шпенглерианцев, их (т.е. культур. – *И.К.*) мнимая агония, – продолжает П. Сорокин, – была не чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых сознательных сил» [8, с. 433]. Таким образом, в динамике кризиса можно выделить две стороны, выражающие имманентно присущую ему амбивалентность: первая – это разрушение, распад, дезинтеграция, вторая сторона – это изменение и обновление («преображение цивилизации» – А. Тойнби). Фундаментальная роль в формировании новой социокультурной реальности принадлежит системе ценностных ориентаций и идеалам общественного развития, поскольку именно «ценности, – поясняет О. Анисимова, – являются определяющей величиной глобальных изменений, так как социальный мир и мир культуры могут существовать только благодаря принятию человеком определенных ценностей» [9, с. 4]. Инициируют процессы перехода от одной суперсистемы к другой, по мнению П. Сорокина, непосредственно *культурные факторы* – культурные нормы и ценности.

Следовательно, ценностно-нормативный фактор играет фундаментальную роль в процессах социокультурных трансформаций. В кризисном социуме система ценностных ориентаций подвергается переосмыслению. Новая структура представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, об одобряемых и осуждаемых нормах поведения приобретает функции аттракторов, удерживающих общество в состоянии деструкции, аномии или же способствует формированию нового социокультурного порядка.

В переходные периоды актуализируется роль культурной традиции, ее ценностно-символическая и нормативная составляющая. Культурная традиция определяет мировоззренческие и методологические регулятивы и ориентации устойчивого социокультурного развития. Свой конструктивный потенциал культурная традиция реализует в двух взаимодополняющих друг друга функциях: *нормативно-стабилизирующей,* обеспечивающей поддержание преемственности социокультурного развития и интеграцию инновационных компонентов творческой деятельности; *инновационно-эвристической,* благодаря которой происходит обогащение социокультурного опыта и становится возможным полноценное развитие общества. *Бифункциональная природа* культурной традиции проявляется в том, что она непосредственно выступает основанием сохранения и актуализации ценностно-нормативного, смыслового единства культуры в исторически изменчивых условиях, а также источником стабильности и порядка [10, с. 143–145].

Кризисные процессы, при всей их сложности, многогранности и противоречивости, должны подвергаться коррекции для того, чтобы не допустить возможность деформации или искажения транслируемого социокультурного опыта. Поэтому в условиях системной нестабильности, ценностно-нормативного плюрализма, социальной дисфункции именно *культурная традиция* способна представить *надындивидуальные критерии* целе- и смыслополагания, задать нормативные

параметры развития социума, что позволит обществу даже в условиях кризиса сохранить целостность собственной идентичности.

Феномен кризиса в одном из своих фундаментальных измерений – ценностно-нормативном – представляет собой процесс делегитимации социального порядка, понимаего, в свою очередь, «как ансамбль упорядоченных отношений, конституирующих мир» [11, с. 96]. Признанный порядок социальных взаимодействий связан, как показал М. Вебер, с определенными представлениями о легитимности, ее смысле и предполагает веру в существование легитимности как таковой [12, с. 636–643]. «Конститутивный характер этих представлений, – отмечает С. Козлов, – заключается в том, что они задают своеобразный масштаб осуществления самых разнообразных практик, масштаб практик допустимых и недопустимых и могут восприниматься в качестве некой безусловной данности» [13, с. 40]. В этом отношении можно говорить о том, что заданный социальный порядок поддерживается и воспроизводится посредством установления государством «монополии на легитимное символическое насилие» (П. Бурдье). Поэтому легитимация и процессы воспроизводства социального порядка являются взаимообусловленными и взаимосвязанными, обеспечивающими устойчивую динамику социокультурного развития в целом.

В условиях кризиса, «когда происходит деструктурирование всей системы социальных практик, взаимодействий, осуществляемых субъектами, а также системы социальных, политических, культурных и иных представлений» [13, с. 40], разворачивается «символическая битва за производство и навязывание легитимного видения социального мира» [11, с. 27]. Вместе с тем изменяющаяся, перманентно трансформирующаяся среда, взрыв социокультурной нестабильности препятствуют осознанию обществом самого себя как единого целого, консолидированного вокруг определенной системы ценностных координат. Кризис как социокультурный феномен характеризуется ростом социальной аномии, когда происходит дивергенция основополагающих представлений и норм, которые обеспечивали устойчивую динамику и интеграцию пространства социальных взаимодействий. Очевидно, *роль власти* в переходные периоды, а также в процессах преодоления кризисных ситуаций является фундаментальной, поскольку от ее компетентности и умения направлять происходящие в обществе процессы изменений зависят его настоящее и перспективы развития в будущем.

Таким образом, амбивалентность, двойственность кризисных процессов проявляется, во-первых, в нарушении воспроизводства социального порядка, целостности социокультурной идентичности и, во-вторых, в формировании и структурировании новой иерархии социальных отношений. Вместе с тем конституирование нового социального порядка (в контексте теории структурного функционализма – Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) описывается как процесс, в результате которого определенные представления, приобретая характер коллективных, воплощаются в социальные структуры и конституируют вектор социокультурного развития. Институализированные ценностные образцы и нормативные предписания, возникая на социальном уровне в виде коллективных представлений, определяют устройство, структуру, а также тип социальной системы. «Эти представления, – поясняет Т. Парсонс, – соотносятся с концепциями типов социальных систем, с помощью которых индивиды ориентируются при реализации себя в качестве членов общества. Следовательно, именно консенсус членов общества по поводу ценностных ориентаций их собственного общества означает институализацию ценностного образца. Безусловно, такого рода консенсус достигается в разной степени» [14, с. 21]. Поскольку ценности оформляют, структурируют общество, а также выступают основанием и источником кардинальных трансформаций, под кризисом в этом отношении следует понимать процесс ценностно-смысловой делегитимации доминирующей культурной традиции в целом, переходный этап культурно-цивилизационного развития.

Основанный на определенной системе ценностей социальный порядок, а также тип социальности, «социальный мир», как отмечает П. Бурдье, «постоянно поддерживаются и формируются за счет действий по конструированию и реконструированию структур, причем эти действия зависят в основном от позиций, занимаемых в этой структуре отношений теми, кто их производит» [11, с. 98]. Хотя социальный порядок всегда уже непосредственно задан, несмотря на это, он нуждается в постоянном воссоздании и воспроизводстве для полноценного развития общества, его самоидентификации в условиях полилога культурных традиций и унификации «жизненного мира» субъектов взаимодействия. Социальный порядок поэтому есть следствие ценностно-нормативной упорядоченности социума, поскольку «общество, – отмечает Т. Парсонс, – является самодостаточным в той мере, в какой его институты легитимизированы ценностями, которые разделяются его членами с относительным согласием и которые, в свою очередь, легитимизированы благодаря соответствию членов общества другим компонентам культурной системы, в особенности ее конститутивному символизму» [14, с. 22].

В условиях нестабильности и кризиса, ввиду отсутствия четких критериев нормативности, «социальное конструирование реальности» становится проблематичным. Вместе с тем актуализируется аксиологический потенциал культурной традиции, которая способна ограничить деструктивные последствия кризисной социодинамики, а также представить основания для формирования коллективных ценностей, необходимого условия социальной интеграции. «Без коллективных представлений, – поясняет В. Федотова, – достигнутых в результате типизации, и усилий, направленных в радикально меняющемся обществе на достижение типизации и формирование коллективных представлений (через деятельность ученых, СМИ, общественных организаций, литературу, искусство, образование, творчество выдающихся людей), социальная структура в целом и деятельность других институтов не может быть обеспечена» [15, с. 453], поскольку типизированные коллективные представления структурируют институциональную сферу социума. В этой перспективе «социальное конструирование реальности» предстает в качестве воплощения «идей в соответствующее общество, социально признавшее эти идеи и сделавшее их коллективными представлениями» [15, с. 453].

Источником и основанием социальных, политических, экономических, социокультурных трансформаций являются ценностно-нормативные изменения, анализ сущности и исторической динамики которых позволяет выявить и установить закономерности развития общества и специфику феноменов нестабильности и кризиса. Очевидно, поэтому, что попыткам институционального изменения социальной структуры общества должна предшествовать «революция сознания», изменения в сфере *ценностного структурирования общественного бытия.* Динамика ценностей, как показывают в своих исследованиях В. Федотова, Л. Микешина, А. Ахиезер, П. Вагнер, К. Оффе, К.-О. Апель, Ю. Хабермас и др., уникальна и специфична для различных обществ, а сами ценности обнаруживают свойства объективного мира, его субстанциальность.

Так, в частности, Л. Микешина утверждает, что «переоценка ценностей», конституирующих основание социального бытия и культуры, не обходится без конвенций, составляющих базовое когнитивное следствие коммуникаций: «…Отличие конвенции состоит в том, что она акцентирует отсутствие внутренней необходимости в данной схеме поведения и часто предполагает некоторую долю явного или молчаливого соглашения, по которому определенный способ поведения должен восприниматься как “правильный” (ценностно санкционированный)» [16, с. 151]. В структуре социума именно обычай выступает в качестве квинтэссенции ценностно-нормативной конвенции, являясь источником социального порядка.

Вместе с тем и сами ценности могут стать таковыми в результате конвенции, на что обратил внимание П. Вагнер, говоря о культуре модернити (современности) [17]. Согласие общества по большинству принятых ценностей исследователь называет «ценностной конвенцией», которая сама имманентно трансформируется, а с течением времени подвергается и вовсе разрушению. Под кризисом в собственном смысле слова П. Вагнер понимает, прежде всего, экзистенциальный феномен – аксиологическую деструкцию, дезинтеграцию социального бытия, «невозможность жить в старых ценностях при одновременном отсутствии новых ценностей, которые бы возродили согласие» [18, с. 54]. Интеграция общества, согласно П. Вагнеру, возможна посредством процесса *реконвенциализации* – признания новой системы ценностей в качестве легитимной, что и будет являться, в свою очередь, выходом из кризиса. Эту теоретическую модель социальный философ применил к исторической динамике европейской культуры эпохи Нового времени (модерна), показав фундаментальную роль кризиса в процессах трансформации и смене аксиологических доминант социокультурного развития современных модернизирующихся обществ. Кроме того, П. Вагнер акцентировал внимание на определяющей роли ценностно-нормативных факторов в процессах социокультурных и политико-институциональных преобразований в динамике развития общества.

Вместе с тем не менее важным является вопрос о том, что выступает в качестве ключевого фактора прерывания устоявшегося *ценностного порядка,* источником кризиса ценностей? В выделенной Т. Парсонсом иерархии функций общества культурный образец и, соответственно, сфера ценностей выступают основанием и ведущим фактором социальных изменений и развития. «Ценности и нормы, – поясняет основные положения теории Т. Парсонса В. Федотова, – воспроизводят систему, которая осуществляет свое развитие лишь при их сохранении и тем самым избегает аномии» [18, с. 58–59]. В. Федотова, в частности, обращает внимание на «объективный характер ценностной динамики, разгадка которой коренится в истории» [18, с. 57], а также на все более ясное «осознание нелинейности процесса развития, прохождения траекторий изменения через точки бифуркации, меняющие тренды» [18, с. 57]. Таким образом, следует учитывать и непредсказуемость, принципиаль-

ную невозможность со сколько-нибудь определенной точностью предугадать последствия целенаправленной человеческой деятельности, последствия реализации свободы субъекта в сфере социальных взаимодействий и практик.

Переход от одной системы к другой, как полагает в этой связи П. Сорокин, означает величайшую революцию в человеческом сознании и культуре, и эти революции происходили несколько раз в течение периодов и столетий [7, с. 313–321]. Вновь было обращено внимание на *амбивалентный характер кризисных процессов* в социокультурном развитии. Поэтому кризисом в собственном смысле слова может быть назван переходный период в развитии социума, связанный с разрушением структурной целостности и «подлинной ментальности» («подлинного смысла») ядра суперсистемы, формированием «в условиях умственной, нравственной и социальной анархии» иных ментальных доминант и соответствующего им типа социальных отношений [8, с. 880]. Следовательно, можно говорить об амбивалентной природе кризиса: с одной стороны, кризисные явления вносят в общественное бытие неопределенность, неустойчивость, дезорганизуют социальные связи и подрывают авторитет институтов власти, провоцируют всплеск деструктивных практик, упраздняют сбалансированность, антиномичность социокультурных процессов; с другой – кризис выявляет внутренние проблемы культуры и общества, а также содержит в себе творчески-созидательный потенциал, способный произвести коренную трансформацию оснований социума.

Подводя итог, необходимо зафиксировать ряд важнейших, имманентных кризису, параметров. Во-первых, амбивалентный, созидательно-разрушительный характер динамики кризиса в социуме (нередко кризисы непосредственно способствовали позитивным изменениям благодаря кардинальным структурным преобразованиям в общественном бытии). Во-вторых, динамика кризисных процессов носит континуально-дискретный характер, поскольку любые, в т.ч. числе и кризисные, процессы нуждаются в координации и управлении со стороны социальных субъектов. В-третьих, неотъемлемым атрибутом кризиса как социального феномена является его объективно-субъективная природа: фиксация объективных нарушений в динамике развития социальной системы и субъективное восприятие ситуации в качестве кризисной [19, с. 12–13]. Эти, на наш взгляд, существенные атрибуты феномена кризиса оказывают значительное влияние на характер социокультурной динамики в современных нестабильных обществах. Существенным является понимание того, что амбивалентная природа кризиса и связанные с ним явления социодинамики способствуют полноценному развитию общества. Реализуя, прежде всего, свой деструктивный потенциал, кризис вместе с тем является управляемым процессом по преобразованию ценностной иерархии и системы социальных отношений, выполняя важную структурообразующую роль, конституируя новый социальный порядок и оказывая фундаментальное влияние на формирование целостного интеграционного пространства социума.

Заключение. Консолидация мирового сообщества в решении глобальных проблем современности, поиск устойчивых нравственных ориентиров, ценностей, которые легли бы в основание социокультурного и цивилизационного развития, являются необходимыми условиями выживания человечества. Причем основная работа по преодолению кризисных тенденций в динамике современных обществ должна быть направлена на выработку мировоззренческих, ценностно-нормативных ориентиров, исходящих не из случайных, рассчитанных только на прагматический эффект и сиюминутную выгоду задач, а на принципы устойчивого развития человечества и созданной им культуры. Пришло время, по словам М. Хайдеггера, «озаботиться самим бытием», чтобы в забвении «пронзительной повседневности» не стать жертвой разрушительных последствий человеческой свободы.

Литература

1. Мотрошилова, Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных рисков / Н.В. Мотрошилова; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФ-РАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 480 с.
2. Стрельченко, В.И. Переходное общество: узловые точки транзита / В.И. Стрельченко, М.З. Бун // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2015. – № 1(65). – С. 217–223.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
4. Thomas, W.I. Source Book for Social Origins: Ethnological Materials, Psychological Standpoint, Classified and Annotated Bibliographies for the Interpretation of Savage Culture / W.I. Thomas. – Boston: Gorham Press, 1909. – P. 17.
5. Пелипенко, А.А. Культура как система / А.А. Пелипенко, И.Г. Яковенко. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 271 с.
6. Шпенглер, О. Закат Европы: очерк морфологии мировой истории: в 2 т. / О. Шпенглер; пер. с нем. Н.Ф. Гарелин; авт. коммент. Ю.П. Бубенков и А.П. Дубнов. – Минск: Попурри, 2009. – Т. 1: Образ и действительность. – 656 с.
7. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин; пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.: ил., 24 с. ил. – (Социальная мысль России).
8. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество: пер. с англ. / П.А. Сорокин; общ. ред.,

сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Анисимова, О.С. Кризис ценностей в культуре постсоветского общества / О.С. Анисимова, А.Ф. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – С. 901.
10. Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. – Минск: Университетское, 1987. – 238 с.
11. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье; пер. с фр., отв. ред. пер. Н.А. Шматко. – М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – (Gallicinium).
12. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социолог. мысль Запада).
13. Козлов, С.В. Социально-политические стратегии и конституирование социального порядка: проблема легитимации (социально-философский аспект) / С.В. Козлов // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер., Философия. – 2015. – № 1. – С. 39–49.
14. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
15. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
16. Микешина, Л.А. Эпистемология ценностей / Л.А. Микешина. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007. – 439 с. – (Humanitas).
17. Wagner, P. Sociology of Modernity: Tiberty and Discipline / P. Wagner. – New York: Roiitledge, 1994. – P. 31–72.
18. Федотова, В.Г. Механизмы ценностных изменений общества / В.Г. Федотова // Философские науки. – 2010. – № 11. – С. 53–63.
19. Хабермас, Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Ю. Хабермас; пер. с нем. Л.В. Воропай; общ. ред. и вступ. ст. О.В. Кильдюшов; примеч., имен. и предм. указ. Т.А. Дмитриев. – М.: Праксис, 2010. – 264 с. – (Образ общества).

Поступила в редакцию 16.10.2017 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.3-311.6

Мастацкая актуалізацыя асноў духоўнасці: кніга перастварэнняў “Францыск Скарына. Маем найбольшае самі” Алеся Разанава

Русілка В.І.*
***Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск**
Уткевіч В.І.**
****Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, Віцебск**

У артыкуле аналізуюцца прадстаўленыя ў кнізе А. Разанава “Маем найбольшае самі” біблейскія тэксты, пераствораныя на аснове скарынаўскай Біблії, паказана значэнне гэтых духоўных каштоўнасцей для сённяшняга грамадства.

Мэта дадзенай работы – выяўленне мастацкай спецыфікі перастварэнняў тэкстаў Біблії Францыска Скарыны сучасным беларускім паэтам А. Разанавым, заканамернасцей актуалізацыі духоўнай спадчыны.

***Матэрыял і метады.** Матэрыялам даследавання з’яўляюцца кніга А. Разанава “Маем найбольшае самі”, інтэрв’ю паэта і літаратуразнаўчыя артыкулы па тэме. Пры гэтым выкарыстаны дэскрыптыўны, канкрэтна-гістарычны і аналітычны метады.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** Вызначана, што кніга перастварэнняў А. Разанава не з’яўляецца перакладам у тым агульнапрынятым сэнсе, у якім выкарыстоўваецца дадзены тэрмін. Гэта творчая, мастацкая інтэрпрэтацыя спадчыны першадрукара. Арыгінальнасць разанаўскага падыходу шмат у чым дэтэрмінавана тым, што празаічны тэкст Ф. Скарыны выкладзены ў спецыфічнай паэтычнай форме свабоднага верша. Паэт зрабіў невялікае пераструктураванне паслядоўнасці скарынаўскіх прадмоў і стварыў кнігу, якая ўключае у сябе 18 раздзелаў з арыгінальнымі метафарычнымі назвамі, што ўтрымліваюць адмысловую сэнсавую квінтэсэнцыю біблейскіх тэкстаў. Па сутнасці, у іх у сціслай форме выкладзена тое павучанне, якое змяшчаецца ў адпаведнай кнізе Старога Запавету. Пераствараючы прадмовы Скарыны, А. Разанаў выяўляе, падкрэслівае актуальныя для XXI стагоддзя праблемы. Сучасны паэт ніяк і нідзе ў кнізе не інтэрпрэтуе з багаслоўскай кропкі гледжання тое, што напісана першадрукаром. Ён падае тэксты Ф. Скарыны на даступнай для сучаснага чытача мове, пры гэтым робіць іх эстэтычна прывабнымі.*

***Заключэнне.** Актуалізацыя духоўнай спадчыны Біблії Ф. Скарыны ў кантэксце сённяшняга духоўнага жыцця народа – несумненная творчая ўдача А. Разанава. Кніга “Маем найбольшае самі” можа быць карыснай не толькі для аматараў паэзіі і літаратуры, яна – своеасаблівы кароткі даведнік па Біблії, тут можна знайсці фактычныя звесткі аб кнігах Святога Пісання, да таго ж даецца яшчэ і гістарычны кантэкст падзей. Разанаўскія перастварэнні скарынаўскіх кніг выразна выявілі і творчую індывідуальнасць сучаснага паэта, непаўторнасць яго паэтычнага стылю. А. Разанаў надаў асаблівую эстэтычную пераканальнасць скарынаўскім тэкстам, аздабляючы іх яркімі арыгінальнымі метафарамі, выразным рытмічным кодам, глыбокімі афарыстычнымі назвамі. Сучасны паэт наблізіў скарынаўскія тэксты Біблії да чытача, паглыбіў духоўную аснову грамадства.*

***Ключавыя словы:** духоўная аснова, актуалізацыя спадчыны, мастацкая спецыфіка, свабодны верш, перастварэнні.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 113–118)

Artistic Actualization of Spiritual Bases: Book of Recreations “Francysk Skorina. We Have the Most” by Ales Razanau

Rusilka V.I.*
***Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk**
Utkevich V.I.**
****Educational Establishment “Vitebsk State Technological University”, Vitrbsk**

Biblical texts recreated on the basis of Skorina’s Bible, which are presented in A. Razanau’s book “We Have the Most”, are analyzed in the article. Significance of these spiritual values for the contemporary society is shown.

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: rusilka@tut.by – **В.І. Русілка**

The purpose of the article is identification of the artistic specificity of the recreated texts of F. Skorina' Bible by a contemporary Belarusian poet A. Razanau, of regularities of spiritual heritage actualization.

Material and methods. *The research material is A. Razanau' book "We Have the Most", the poet's interviews and literature critic articles on the topic. The descriptive, the definite and historical and the analytical methods are used.*

Findings and their discussion. *The book of recreations by A. Razanau is not considered to be a translation in the general sense of the term. It is a creative artistic interpretation of the First Printer's heritage. The originality of Razanau's approach is to a great extent determined by the fact that the prose by F. Skorina is presented in a specific poetic form of free verse. The poet made a small restructuring of the sequence of Skorina's introductions and made up a book which includes 18 chapters with original metaphoric names which contain complicated sense quintessence of Biblical texts. Actually, they contain in a brief form the teaching which is given in the corresponding Book of the Old Testament. By restructuring Skorina's introductions Razanau presents and stresses topical for the XXI century issues. The contemporary poet in no way and nowhere in the book interprets from the divinity point of view what is written by the First Printer. He presents F. Skorina's texts in a clear for the contemporary reader language and, at the same time, makes them aesthetically attractive.*

Conclusion. *Actualization of the spiritual heritage of F. Skorina's Bible in the context of today's spiritual life of people is an undoubted creative A. Razanau's success. The book "We Have the Most" can be used not only by poetry and literature fans, it is a kind of the Bible guidebook, one can find here factual information about the Scripture Books; apart from it, historical context of events is given. Razanau's recreations of Skorina's books also revealed the creative individuality of the contemporary poet, uniqueness of his poetic style. Razanau attached special aesthetic confidence to Skorina's texts, he provided them with bright original metaphors, pronounced rhythmic code, deep aphoristic names. The contemporary poet brought Skorina's Bible texts near to the reader, deepened the social spiritual base.*

Key words: *spiritual base, actualization of the heritage, art specificity, free verse, recreations.*

(Scientific notes. − 2017. − Vol. 24. − P. 113−118)

У сувязі з сёлетнім святкаваннем 500-годдзя беларускага кнігадрукавання заканамерным з'яўляецца імкненне ўсебакова асэнсаваць і актуалізаваць спадчыну Францыска Скарыны – творцы рэнесанснага тыпу, які аднолькава годна выявіў сябе ў разнастайных сферах духоўнага жыцця народа як першадрукар, вучоны, перакладчык, пісьменнік, філосаф-гуманіст, тэолаг. Невыпадкова да гэтай знакавай для беларускага народа асобы, глыбока асэнсаванай у розных галінах навукі і ўвасобленай у шматлікіх творах літаратуры і мастацтва, звярнуўся выдатны сучасны паэт і перакладчык, творца еўрапейскага маштабу Алесь Разанаў, які і сам з'яўляецца знакавай фігурай для сучаснай беларускай літаратуры. Кніга перастварэнняў А. Разанава "Маем найбольшае самі" стала значнай і адметнай з'явай сённяшняга літаратурнага працэсу, а яе ідэйна-тэматычная і мастацкая спецыфіка патрабуе ўсебаковага аналізу.

Мэта дадзенай работы – выяўленне мастацкай спецыфікі перастварэнняў А. Разанавым тэкстаў Бібліі Францыска Скарыны, заканамернасцей актуалізацыі духоўнай спадчыны.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання з'яўляюцца кніга А. Разанава "Маем найбольшае самі", інтэрв'ю паэта і літаратуразнаўчыя артыкулы па тэме. Пры гэтым выкарыстаны дэскрыптыўны, канкрэтна-гістарычны і аналітычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Неабходна адзначыць, што на сённяшні дзень існуюць розныя пераклады твораў Скарыны на сучасную літаратурную беларускую мову. Аднак кніга Алеся Разанава "Маем найбольшае самі" займае асаблівае месца ў гэтым шэрагу. Яна, па сутнасці, не з'яўляецца перакладам у тым агульнапрынятым сэнсе, у якім выкарыстоўваецца дадзены тэрмін. Хутчэй мы маем справу з творчай інтэрпрэтацыяй спадчыны першадрукара. Арыгінальнасць разанаўскага падыходу шмат у чым дэтэрмінавана тым, што празаічны тэкст Ф. Скарыны выкладзены ў спецыфічнай паэтычнай форме свабоднага верша. На наш погляд, дадзены мастацкі прыём дазваляе здзейсніць храналагічны скачок, наблізіўшы творы і постаць Скарыны да сучаснага чытача. Паэт зрабіў невялікае пераструктураванне паслядоўнасці скарынаўскіх прадмоў для таго, каб яны сталі больш зразумелымі сённяшняму пакаленню, адпавядалі яго духоўным патрэбам. Зыходзячы з гэтага, А. Разанаў на аснове 26-ці прадмоў Ф. Скарыны да кніг Старога Запавету і да ўсяго Святога Пісання ў цэлым стварае сваю кнігу перастварэнняў, якая ўключае ў сябе 18 раздзелаў з арыгінальнымі метафарычнымі назвамі. Неабходна адзначыць, што гэтыя назвы ўтрымліваюць адмысловую сэнсавую квінтэсэнцыю біблейскіх тэкстаў. Па сутнасці, у іх у сціслай форме выкладзена тое павучанне, якое змяшчаецца ў адпаведнай кнізе Старога Запавету.

А. Разанаў не акцэнтуе сваё аўтарства кнігі, адводзіць сабе толькі ролю перакладчыка, трансфарматара аўтэнтычных твораў беларускага першадрукара. Разважаючы над вызначэннем жанру сваіх перакладаў, сам паэт растлумачыў: "Пераклад бывае даслоўны, эквіянарны, «па матывах», перайманне. Тут жа адмыслова выпадае, калі нішто з названага (і не названага) ніяк не пасавала, акрамя таго, чым аказалася – перастварэннем" [1]. Менавіта такое аўтарскае вызначэнне жанравай формы і тэарэтычна і паэтычна апраўдана. Тэарэтычна таму, што створанае Скарынам заха-

вана бераżліва і амаль недатыкальна. А паэтычна таму, што Алесь Разанаў дазволіў сабе сумоўе, дыялог там і тады, дзе і калі ён адчуваў роднаснае, блізкае. Пры знаёмстве з прадмовамі "…адразу ж пачулася інтанацыя, танальнасць, жывое гучанне слова. Усё гэта мела водгук, і я адгукнуўся на гэта чытанне. Адгукнуўся таму, што нібыта з-пад нейкіх стандартаў, напластаванняў, «асфальтаў» прабіваецца жывая расліна, жывая травіна, жывая кветка, як з-пад лёду нейкая крыніца – паэтычны пачатак" [1, с. 6]. Далейшае было толькі справай знаходжання адэкватнай формы: стылю, сінтаксісу, лексем, рытмічнай і граматычнай структуры слоў і г.д. У перастварэннях А. Разанаў выяўляе сябе як адмысловы паэт-меладыст, тонка адчувае і перадае рытмічную структуру малітвы ці псалмоў і адначасова робіць іх блізкімі чытачу. Даследчык Іван Штэйнер наступным чынам вызначыў каштоўнасць зробленага паэтам: "Алесь Разанаў практычна сцвердзіў канцэпцыю паэтычнага пачатку прадмоў Ф. Скарыны на сэнсавым, лексічным, сінтаксічным, стылявым узроўнях, ні на хвіліну не выпускаючы вялікі эстэтычны пачатак запаветаў першадрукара: ён здолеў не толькі спасцігнуць апошняе, але і данесці яго праз стагоддзі да нашага сучасніка" [2, с. 33].

З боку дарэчнасці знойдзенай формы перастварэнні Алесем Разанавым прадмоў Ф. Скарыны бездакорныя. "Следам за Скарынам і Алесем Разанавым мы прачытваем, паўтараем, асэнсоўваем, разважаем" [3], – адзначыў у першым жа водгуку на кнігу "Маем найбольшае самі" Кастусь Ладуцька. Пры ўсёй прыгажосці і паэтычнасці формы перастварэнняў, яна далёка не вычэрпвае задумы і мэты беларускага паэта. Яна ствараласа адпаведна з гегелеўскім законам адзінства формы і зместу ў мастацтве – дзеля нечага большага. У чым жа тут ключ, метад, падыход? Скарына, як і іншыя творцы папярэдніх эпох, адгаварылі ў свой час, засталіся ў яго кантэксце, хаця слова іхняе тады гучала надзённа, моцна, актуальна. Прынамсі, у сучаснасць, праз напластаванні стагоддзяў, слова тых ранейшых творцаў слаба прабіваецца, застаецца толькі набыткам для моўназнаўцаў, літаратуразнаўцаў, чыя прафесія – расшыфроўваць старыя пісьмёны. "Мая задача і ўся сутнасць гэтай справы была ў тым, каб яны загаварылі, як тады – уголас, моцна, па-сучаснаму… Каб усё сказанае выйшла на першы план, у людзі… бо перастварэнне – гэта размова таго, што гаворыцца і сказалася, з тым, што ёсць і што можа выявіцца" [1, с. 6]. Такім чынам, галоўны прынцып сумоўя, дыялогу сучаснага беларускага паэта-філосафа з філосафам-першадрукаром Францыскам Скарынам праз адцягласць часу ў 500 год знойдзены. Перастварaючы прадмовы Скарыны, А. Разанаў выяўляе, падкрэслівае актуальныя для XXI стагоддзя праблемы: "Скажам, дзесьці прысутнічае зерне ісціны, але Скарынам яно не выяўленае. Таму яго патрабавалася разгарнуць, нават растлумачыць, то бок увесці ў нейкія жывыя кантакты" [1, с. 6].

Прынцып выяўлення, падкрэслівання галоўнага выдатна працуе на ўсіх узроўнях кнігі. Больш і перш за ўсё на філасофска-рэлігійным. З гэтай мэтай А. Разанаў усе 18 перастварэнняў аздабляе афарыстычнымі назвамі, у якіх, на яго думку, – сучасная квінтэсэнцыя прадмовы, яе сугучнасць з мысленнем беларуса XXI стагоддзя. Кампазіцыйная структура кнігі Разанава, як бачна, абумоўлена з храналогіяй выдання Скарынам кніг Старога Запавету. Ідучы ўслед за сваім аўтарам, Разанаў не парушыў яго паслядоўнасці, таму што зразумеў, раскрыў для сябе намер Скарыны, яго галоўную ідэю. Гэта родніць дзве асобы: Разанаў, як і Скарына, найменш за ўсё заангажаваны акадэмічным прадстаўленнем структуры Святога Пісання ў яго гістарычнай перспектыве. Скарына працуе на чытача, адчувае, што для яго самае патрэбнае. Першая прадмова Скарыны была да Псалтыра, першае перастварэнне Разанава – "Псалом – песнаспеў анёльскі". Адметна, што беларускае кнігадрукаванне пачалося з вельмі папулярнага і запатрабаванага ў народзе выдання – Псалтыра цара Давіда, адной з самых паэтычных і эмацыяльных кніг Бібліі. Скарына наблізіў Біблію да свайго сучасніка, а Разанаў – да свайго. Аздабляючы пераказ прадмовы Скарыны да Псалтыра сваёй назвай "Псалом – песнаспеў анёльскі", Разанаў, услед за Скарынам, з першых радкоў пачынае размову з чытачом на яго мове аб вечным: аб падзеннях і ўзлётах чалавека, аб пакаянні і Божай дапамозе, "як дасягнуць чалавечага жыцця, над якім не мае ўлады ні тлен, ні смерць" [4, с. 8]. Нездарма пазней, не ў Празе, а ўжо ў Вільні, Скарына ў другі раз выдаў менавіта Псалтыр.

Падобным чынам Разанаў падыходзіць і да наступных прадмоў. Ён выяўляе асноўную думку-ідэю выдання Скарыны, акумулюе існае, вечнае, даносіць да нашчадкаў жывы голас далёкага продка.

"Як золата пералітоўваецца агнём" – так называе Разанаў перастварэнне прадмовы да Кнігі Іова. Іоў – чалавек, які цярпліва перанёс усе жыццёвыя выпрабаванні і не згубіў веры ў магутную сілу і справядлівасць Творцы. Гэта тэзіс аб неабходнасці прыняць волю Божую ў сваім лёсе. Выключную вытрымку, нягледзячы на ўсе няшчасці, праяўляе Іоў. Сучаснаму чалавеку нават цяжка такое ўявіць: арабы-качэўнікі забралі ўсю яго хатнюю жывёлу, маланкай пабіла авечак і пастухоў, халдзеі захапілі ўсіх вярблюдаў і пасеклі мячамі паганятых, вецер разбурыў дом і пахаваў пад развалінамі сямёра сыноў і трох дачок. Ідэя і павучэнне гэтай гісторыі для людзей

усіх часоў – “як золата пералітоўваецца агнём”, так духоўная моц чалавека гартуецца пакутамі. Ад пакут Іова да пакут Хрыста на крыжы. “Сам Збаўца нам абвясціў: «Райлівыя тыя, што плачуць, бо ўсцешаны будуць»” [4, с. 21]. Дарэчы, няпросты і трагічны лёс беларускага першадрукара і яго выданняў патрабаваў ад Скарыны не меншай “пералітоўкі агнём”. Галоўнае крэда Ф. Скарыны, якое і выяўлена, і даказана, і выказана яго словам, мовай – гэта жывое адчуванне Бога. Яно больш моцнае, чым у сучасных творцаў, таму што па гістарычных прычынах у нашага народа перарывалася сувязь з нябёсамі, боскім. А калі вера адрадзілася, уцаркаўленне на побытавым узроўні вельмі далёка адышло ад прызнання дагматаў веравызнання на светапоглядным узроўні. Гісторыкі, міфолагі, філолагі ў падыходзе да Біблії даволі часта ўспрымаюць Святое Пісанне як помнік рэлігійнай культуры, не больш. Са старонак кнігі “Маем найбольшае самі” даходзіць да нас праз часавую дыстанцыю ў пяць стагоддзяў жывы голас духоўнага пісьменніка і патрыёта.

Найбольш папулярнымі, хрэстаматыйнымі сталі словы Скарыны якраз аб патрыятызме: “Як звяры, што блукаюць у пушчы, ад нараджэння ведаюць сховы свае…”. Разанаў вяртае гэтай формуле канкрэтны біблейскі кантэкст, у якім яна набывае нават не толькі больш глыбокі, а ў нечым і адрозны сэнс. У прадмове да Кнігі Юдзіф (Юдзіт) падаецца шырокая гістарычная палітра падзення і адраджэння з попелу дзяржаў і народаў. Ацэньваюцца гэтыя падзеі з пункту гледжання хрысціянства: развіццё і пагібель дзяржаў падаецца як пакаранне за адступленне ад Бога і веры, і як дараванне міласці за вернасць волі Боскай. Напрыклад, Навухаданосар Камбіз:

Ён захацеў быць
не толькі царом,
а і Богам,
як пішацца пра яго
ў гэтай кнізе [4, с. 113].

За гардыню, як адзін з найцяжэйшых грахоў, і быў пакараны. У Кнізе Юдзіф распавядаецца, як прыгожая ўдава абараніла свой родны горад Вецілую ад асірыйскіх захопнікаў, хітрасцю заманіўшы ў пастку іхняга ваяводу Алаферна і адсекшы яму галаву. Бог быў на баку Юдзіф:

каб
мы, як люстэрка, мелі
перад вачыма прыклад
гэтай найслаўнейшай жанчыны,
і ў добрых справах
ды ў любасці да айчыны
ўпадабляліся ёй,
і ніякай працы
і скарбаў ніякіх не шкадавалі
для паспалітай карысці
і для айчыны сваёй [4, с. 116].

А вось далей якраз ідуць знакамітыя радкі: “Як звяры, што блукаюць у пушчы…”. Павучэнне, якое дае нам тут Скарына, такое: чалавек павінен памятаць не толькі аб тым, хто і адкуль ён, але для сапраўднага патрыёта патрэбны яшчэ і самаахвярнасць, гераізм, дзейснасць, учынак, якія будуць вырашаць лёс айчыны, абумоўліваючы яе падзенне ці ўзлёт. А тады і Божая дапамога не міне. Яшчэ ў старажытнасці, у дахрысціянскія часы, у гамераўскім эпасе мы сустракаем сведчанне непарушнасці гэтага закону: “Багіня, ухвалі Ахілеса, Пелеева сына”. Вяргілій таксама сцвярджае свяшчэннасць абарончай вайны. Тут народ і Бог робяцца сутворцамі далейшага лёсу, шляху развіцця краіны.

Разанаў падкрэслівае своеасаблівы спосаб, якім Скарына актуалізаваў Біблію менавіта для беларусаў у сваіх прадмовах. У аповедзе пра гістарычных асоб, што дзейнічаюць на старонках Старога Запавету, першадрукар падае звесткі аб іх з пункту гледжання сямейна-роднасных адносін: хто чый сын, дзядзька, унук. Для беларусаў заўсёды быў важны гэты феномен “тутэйшасці”, было важна ведаць аб чалавеку: чый ён, хто сваякі, або прышлы ў гэтых мясцінах. Знаходзім у прадмовах Скарыны: Рут – прабаба Давіда, Ісус – сын Навіна, Камбіз – сын Кіра, якому далі знакамітае імя Навухаданосар, і г.д. Скарына паглыбляе ўвагу чытача ў радаводы далёкіх краін і часоў, але ад гэтага героі пісання робяцца блізкімі і зразумелымі.

Скарына, а ўслед за ім і Разанаў, падкрэсліваюць сацыяльны, надзённы, павучальны характар кніг Біблії. На іх трэба выхоўваць моладзь, да іх звяртацца за адказамі на ўсе пытанні:

Кніга Ісуса Навіна,
сына Сірахава,
нас навучае
звычаям добрым
і ўчынкам годным,
больш чым якія другія кнігі, –
таму належыць
усякаму чалавеку
яе чытаць [4, с. 52].

Відавочна, што пры чытанні скарынаўскіх прадмоў А. Разанава не мог не ўразіць і не прывабіць выключна высокі філалагічны ўзровень аўтара. Скарына пастаянна звяртаецца да моўных паралеляў з розных перакладаў Біблії: і з грэчаскага, і з лацінскага, і ўзгадвае перакладчыкаў (у прыватнасці, Гераніма, знакамітага стваральніка ”Вульгаты”). Паўсюль спасылаецца на часткі тэксту па-габрэйску, каб адчуць музыку першаснага слова Святога Пісання, каб даць уяўленне пра тое, што чуў і чытаў Сам Хрыстос:

належыць
таксама ведаць,
што кніга Юдзіт,

як Данііла-прарока кніга
і кнігі Эдзры,
першапачаткова была
напісана на халдзейскай
мове, але габрайскім
пісьмом [4, с. 117].

Перастварэнне прадмовы да Кнігі прамудрага цара Саламона называецца “Прарочыў цар Саламон”. Імя гэтага цара асацыіруецца з мудрасцю. Ён сам лічыцца аўтарам трох біблейскіх кніг –“Эклезіяст”, “Песня песняў” і “Кніга прыпавесцяў Саламонавых” – якія, напэўна, з’яўляюцца найбольш вядомымі са ўсяго Старога Запавету наогул і адрозніваюцца высокім мастацкім узроўнем. Узнікае заканамернае пытанне: якое значэнне для сучаснага беларускага чытача маюць прыпавесці Саламонавы? Справа ў тым, што мы жывём ва ўмовах, калі са сродкаў масавай інфармацыі на чалавека проста абрушваюцца парады, як лепш уладкавацца ў жыцці, як зрабіцца паспяховым, як заваёўваць сяброў, дамагацца славы. Ствараецца ўражанне, што сучасны чалавек мяркуе жыць вечна і будаваць царства вечнага камфорту на зямлі. Саламонавы прыпавесці з’яўляюцца для такіх людзей тым самым выцвераж альным духам, які дазволіць паглядзець на свет па-іншаму, убачыць усю марнасць намаганняў жыць толькі матэрыяльным:

Піша ў Эклезіясце
цар Саламон пра марнасць
Клопатаў чалавечых,
Пра безразважлівасць,
пра нядбальства,
якія падточваюць моц
і набыткі губяць,
а гэтаксама пра нетрываласць
таго, што ёсць [4, с. 31].

Звернем увагу на адпаведнасць парад цара Саламона Евангеллю, новазапаветным запаведзям: “Не збірайце сабе скарбаў на зямлі, дзе моль і ржа знішчаюць і дзе злодзеі падкопваюцца і крадуць. Збірайце сабе скарбы ў небе, дзе ні моль, ні ржа не знішчаюць і дзе злодзеі не падкопваюцца і не крадуць. Бо дзе скарб твой, там будзе і сэрца тваё” (Мц. 6:19–21).

Завяршае сваю кнігу А. Разанаў перастварэннем прадмовы да Кнігі Эстэр – “Дзеля дабра паспалітага”. Кніга Эстэр (Эсфір) – адна з самых загадкавых у Бібліі: дакладна невядома, гістарычны гэта аповед або легендарны, па-рознаму трактуецца і сам вобраз галоўнай гераіні. Была яна палымянай патрыёткай ці ціхай і нясмелай жанчынай, якая пад уплывам старэйшынаў вырашыла заступіцца перад царом за свой народ. Па сённяшні дзень вядуцца спрэчкі аб тым, што гэта быў за персідскі цар: Артаксеркс ці Ксеркс. А. Разанаў змяшчае прадмову Скарыны да Кнігі Эсфір у канцы сваёй кнігі, яна павінна стаць кропкай і своеасаблівым вынікам. У прадмове Скарыны да Кнігі Эсфір ёсць наступныя выдатныя словы, якія нездарма Разанаў падае як галоўную, актуальную для сучаснасці ідэю прадмоў Скарыны і запавет нашчадкам:

бо не толькі
самі дзеля сябе
на свет нараджаемся,
але – болей:
дзеля служэння Божага
і дабра
паспалітага [4, с. 222].

Правобраз такога служэння Богу і народу і падала ў свой час Эсфір.

Адзначым, што Разанаў ніяк і нідзе ў кнізе не інтэрпрэтуе з багаслоўскай пазіцыі тое, што напісана нашым першадрукаром. Ён проста падае тэксты Ф. Скарыны на даступнай для сучаснага чытача мове, пры гэтым робіць іх эстэтычна прывабнымі.

Менавіта ў гэтым і заключаецца, на наш погляд, галоўнае значэнне працы Разанава з хрысціянскага пункту гледжання. Справа ў тым, што ў перыяд станаўлення беларускай літаратуры (канец XIX – пачатак XX стагоддзя) хрысціянскія матывы ў ёй раскрываліся досыць слаба. Растлумачыць гэты феномен можна па-рознаму. Так, напрыклад, можна ўказаць на тое, што першыя беларускія пісьменнікі імкнуліся ў асноўным да дасягнення культурна-палітычных мэт: да адраджэння мовы, нацыянальнай самасвядомасці і пабудовы незалежнай беларускай дзяржавы. Адпаведна, рэлігійныя матывы ў іх творчасці насілі калі і не другасны, то і не галоўны характар, і творчасць Скарыны была па-за іх увагай.

Пасля падзей 1917 года, ужо пры савецкай ўладзе навукоўцы зацікавіліся творчай спадчынай Скарыны. Аднак гэтая ўвага характарызавалася аднабаковасцю. Вельмі шмат пісалася пра тое, што Скарына быў першадрукаром, але практычна нічога не гаварылася аб тым, што ён не толькі пераклаў на сучасную яму старабеларускую мову розныя біблейскія тэксты, але і, як ужо адзначалася, напісаў шэраг прадмоў да кніг Старога Запавету і да ўсяго Святога Пісання ў цэлым. Увогуле, такое хутчэй атэістычнае стаўленне было характэрным не толькі ў адносінах да творчасці Скарыны, але і да іншых выбітных беларускіх гістарычных дзеячаў і мысліцеляў. Так, напрыклад, пра святую прападобную Еўфрасінню, ігуменню Полацкую, пісалі як пра вялікую асветніцу, але не як пра святую, якая прысвяціла сваё жыццё ў першую чаргу служэнню Богу і распаўсюджванню праваслаўнай веры на беларускіх землях. Такім чынам, кнігу А. Разанава можна лічыць паспяховым запаўненнем адной з лакун, якія тычацца аналізу хрысціянскага аспекту творчасці выдатных беларускіх мысліцеляў.

Заключэнне. Стварэнне цэласнага вобраза Францыска Скарыны і яго актуалізацыя ў кантэксце сённяшняга духоўнага жыцця народа – несумненная творчая ўдача А. Разанава. Са старонак кнігі Разанава прадстае постаць Скарыны зусім па-іншаму, чым гэта адбываецца, скажам, у біяграфічных раманах, прысвечаных асветніку, больш дакладна і глыбока, бо чалавек раскрываецца праз слова, праз мову, праз светапогляд, праз творы. Вялікая заслуга паэта ў тым, што намінальная гістарычная постаць Скарыны набыла воблік жывога чалавека, блізкага сённяшняму чытачу сваёй крэатыўнасцю і захопленасцю. Беларуса, што праз сваю руплівасць выявіў сябе сапраўдным патрыётам, сынам полацкай зямлі, якую з гонарам узгадвае ў подпісе пад кожным сваім выданнем. Услед за скарынаўскімі прадмовамі кніга А. Разанава скіравана на сучасную нацыянальную сітуацыю, каб крануць нас сілай духу асветніка, яшчэ раз падкрэсліць, дзе дабро і зло, дзе шукаць ісціну, – "Маем найбольшае самі", усвядоміць хваробы свайго часу, узнесціся духам ад "хлеба і відовішчаў" да неба. Філасофская каштоўнасць кнігі ў тым, што яна вяртае веру з побытавага плана ў светапоглядны: знішчае пасляатэістычныя сумненні пра створаны Богам свет, бессмяротнасць душы, прышэсце Хрыста, дае праз стагоддзі пераемнасць маральнаму боскаму і чалавечаму закону.

Зробленая А. Разанавым вялікая духоўная, культуралагічная і паэтычная праца, яго зыходныя метадалагічныя перадумовы, на наш погляд, маюць вялікія перспектывы і патрэбу ў далейшым развіцці. Адзначым, што кніга "Маем найбольшае самі" можа быць карыснай не толькі для аматараў паэзіі і літаратуры. Справа ў тым, што яна – своеасаблівы кароткі даведнік па Бібліі, тут можна знайсці фактычныя звесткі аб тым, якія кнігі ўваходзяць у Святое Пісанне, што, кім, колькі і навошта пісалася, да таго ж даецца яшчэ і гістарычны кантэкст падзей. Несумненна, гэта ёсць і ў скарынаўскіх прадмовах, але наўрад ці нехта, акрамя літаратуразнаўцаў, зараз звяртаецца да іх вывучэння.

Разанаўскія перастварэнні скарынаўскіх кніг выразна выявілі і творчую індывідуальнасць сучаснага паэта, непаўторнасць яго паэтычнага стылю. А. Разанаў надаў асаблівую эстэтычную пераканальнасць скарынаўскім тэкстам, аздабляючы іх яркімі арыгінальнымі метафарамі, выразным рытмічным кодам, глыбокімі афарыстычнымі назвамі. Сучасны паэт, аўтар шматлікіх паэтычных кніг вершаказаў, версэтаў, верлібраў, перакладаў, прызнаны наватар і эксперыментатар у галіне зместу і формы мастацкага твора, А. Разанаў наблізіў скарынаўскія тэксты Бібліі да сённяшняга чытача, актуалізаваў духоўную аснову нацыі.

Літаратура

1. Трафілаў, С. "Маем найбольшае самі...". Алесь Разанаў: перастварыць Скарыну, каб прабіцца да сучасніка / С. Трафілаў // Культура. – 2017. – 18–24 лют. – С. 6.
2. Штэйнер, І. Не сёння напісанае чытаю сёння: кніга перастварэнняў "Францыск Скарына. Маем найбольшае самі" Алеся Разанава / І. Штэйнер // Роднае слова. – 2017. – № 5(353). – С. 30–33.
3. Ладуцька, К. "Як золата пералітоўваецца агнём" / К. Ладуцька // Літаратура і мастацтва. – 2017. – 3 лют. – С. 4.
4. Разанаў, А. Францыск Скарына. Маем найбольшае самі: Кніга перастварэнняў / А. Разанаў. – Мінск: Маст. літ., 2017. – 223 с.

Паступіў у рэдакцыю 20.09.2017 г.

УДК 821.161.1-3(470-25)«1920...»

Мифопоэтический образ Москвы в произведениях Алексея Ремизова (роман «Пруд», рассказ «Петушок»)

Букотина-Исупова Е.Н.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрываются способы преломления ключевых символов народно-христианской мифологии. Топонимика Москвы Ремизова сопоставляется с топонимикой современной Москвы. Уделено внимание противопоставлению образов светлой старорежимной православной Москвы и темного, бесовского хаоса революции. Рассматривается ключевая идея Ремизова: Москва – мифический Китеж-град.

Цель исследования – анализ мифологических мотивов и образов прозы А.М. Ремизова, отражающих авторское восприятие революционных событий начала XX века и значение Москвы как центра православного мира.

Материал и методы. *В основу статьи положены автобиографическая проза Алексея Ремизова конца XIX – начала XX века, литературоведческие и культурно-исторические материалы. Основные методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный анализ.*

Результаты и их обсуждение. *В своих произведениях Ремизов олицетворяет природу и архитектурный облик города, переплетает реальность с его духовным восприятием. Сохраняя признаки сакрального пространства, Москва перевоплощается в самостоятельный мифопоэтический образ. Неприкосновенность образа центра православия подчеркнута религиозной символикой: алтари храмов и монастырей, чудотворные иконы, христианские ритуалы. Москва Ремизова – не просто столица. Это Китеж-град, мифический город, который сосредотачивает в себе духовность и возрождается после любых потрясений.*

Заключение. *Созданная писателем картина за счет многих художественных деталей и образов позволяет увидеть ремизовскую Москву – мысленно перейти из реальной топонимики в сакральное пространство Китежа, в вечную жизнь бесконечной, внеисторической и вневременной памяти. Алексей Ремизов через свои произведения проводит идею искупления вины, преодоления богооставленности через веру в Москву как в сакральный Китеж-град.*

Ключевые слова: *А.М. Ремизов, автобиографическая проза, мифообраз, мифопоэтика, топонимика Москвы.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 119–126)

The Mythical and Poetic Image of Moscow in Works of Alexei Remizov (Novel «Pond», Story «Cockerel»)

Bukotina-Isupova E.N.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article reveals the ways of refraction of key symbols of folk Christian mythology. The toponymy of Remizov's Moscow is compared with the toponymy of modern Moscow. Attention is paid to contrasting the images of the bright old-regime Orthodox Moscow and the dark, demonic chaos of the revolution. Remizov's key idea of Remizov is considered: Moscow is the mythical town of Kitezh.

The purpose of the study is analysis of mythological motifs and images of AM Remizov's prose which reflect the author's perception of revolutionary events in the early 20th century and the significance of Moscow as the center of the Orthodox world.

Material and methods. *The material for the study was the autobiographical prose of Aleksei Remizov of the late XIX – early XX century, literary and cultural historical materials. The main research methods are descriptive, comparative, contextual analysis.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: zvezdaplenitelna@mail.ru – **Е.Н. Букотина-Исупова**

Findings and their discussion. *In his works Remizov personifies the nature and architectural appearance of the city, interweaves reality with spiritual perception. Preserving the hallmarks of sacral space, Moscow is reincarnated as an independent mythological and poetic image. The inviolability of the image of the center of Orthodoxy is emphasized by religious symbols: altars of temples and monasteries, miraculous icons, Christian rituals. Remizov's moscow is not just a capital. This is Kitezh-grad, a mythical city that focuses on spirituality and is reborn after any upheavals.*

Conclusion. *The picture created by the writer at the expense of many artistic details and images allows seeing Remizov's Moscow, to move mentally from real toponymy to the sacral space of Kitezh, to the eternal life of endless, extra-historical and timeless memory. Aleksei Remizov through his works conducts the idea of redemption of guilt, overcoming the defeated faith through faith in Moscow as a sacred Kitezh-grad.*

Key words: *A.M. Remizov, autobiographical prose, mythical image, mythical poetics, toponymy of Moscow.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 119–126)

Оставаясь верным эстетике мифопоэтического символизма, А.М. Ремизов едва ли не в каждом своем произведении создает образы московской жизни рубежа XIX–XX вв., вспоминает, особенно в эмигрантский период, о былом величии родного города.

Мифопоэтический образ Москвы воссоздан Ремизовым в романе «Пруд» (1905, 1908, 1911, 1925) [1], рассказе «Петушок» (1905–1911) [2], мифороманах «Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут моей памяти» (1951) и «Иверень (Загогулины моей памяти)» (1980) [3], символистском романе-коллаже «Взвихренная Русь» (1927) [4], изданных уже в эмиграции. Ностальгия по уходящей Москве – с ее чудотворцами, святыми храмами, осязаемой и живой топонимикой – передается через мифопоэтические образы детских снов и воспоминаний, в полусказку-полудрему которых врываются вихри революций и войн начала XX века.

Цель исследования – анализ мифологических мотивов и образов прозы А.М. Ремизова, отражающих авторское восприятие революционных событий начала XX века и значение Москвы как центра православного мира.

Материал и методы. В основу статьи положены автобиографическая проза Алексея Ремизова конца XIX – начала XX века, литературоведческие и культурно-исторические материалы. Основные методы: описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный анализ.

Результаты и их обсуждение. Сказочно-мифическая Москва конца XIX века, созерцаемая детской душой, предстает с особой выразительностью в романе «Пруд», одним из повествователей в которых выступает ребенок; но образ столицы трансформируется вместе с образом всей взбудораженной социальными потрясениями Руси. В раннем рассказе «Петушок» явлена сказочная Москва, символом которой становится бабушкин иконостас с образами московских святых-покровителей.

В своих произведениях Ремизов олицетворяет природу и архитектурный облик города, переплетает реальность с его духовным восприятием. Сохраняя признаки сакрального пространства, Москва перевоплощается в самостоятельный мифопоэтический образ. Неприкосновенность образа центра православия подчеркнута религиозной символикой: алтари храмов и монастырей, чудотворные иконы, христианские ритуалы. Москва Ремизова – не просто столица. Это Китеж-град, мифический город, который сосредотачивает в себе духовность и возрождается после любых потрясений.

В художественных образах окрестностей Москвы в разножанровых текстах Ремизовым неоднократно воплощена история рода Найденовых. Алексей Ремизов рос в семье московских купцов-фабрикантов и банкиров Найденовых, известной своими культурными традициями. Один из братьев матери писателя – Николай Найденов увлекался историей московских памятников, что повлияло на образную систему сочинений Ремизова. Детские воспоминания о фабричных районах вдоль реки Яузы, о печальной судьбе матери мифопоэтически отражены в символистском романе «Пруд». Основу сюжета составляет повествование о жизни мальчика Коли Финогенова из купеческого рода Огорелышевых.

Центральным символическим локусом в романе становится пруд. Двор купцов Огорелышевых тянется «от Камушка до Чугунолитейного завода и от Колобовского сада до Синички <…>. К Синичке примыкает пруд, густо заросший со всех краев старыми ветлами, на конце которого шипит и трясется бумагопрядильная фабрика с черной, закопченной трубой» [1, с. 31]. В современной топонимике это район ул. Земляной Вал – Сыромятники от Спасо-Андроникова монастыря до Лефортовского сада, где остатки Чугунолитейного завода сохранились в некоторых ныне заброшенных корпусах завода «Серп и Молот», а река Синичка – приток Яузы, – полностью заключенная в коллектор, уведена под землю. В середине течения Синички тогда находился Синичкин пруд, напротив которого в Александровской слободе была усадьба Крюково Синичкиной (Солдатской) слободы Лефортово [5]. Сюда, по сюжету романа «Пруд», переселилась к братьям Варенька, с четырьмя

детьми уйдя от мужа Финогенова. Параллельно с топонимически точными подробностями Ремизов вводит звуковой аккомпанемент дальнейшей жизни Вареньки и ее детей, протекающей под «фабричный огорелышевский свисток да колокольный звон в Боголюбовом монастыре» [1, с. 41]. В эмигрантской книге «Подстриженными глазами» Ремизов будет называть этот монастырь Андрониевым: «Мы были как свои в Андрониеве монастыре, все монахи нас знали» [3, с. 103]. Андроников Спаса Нерукотворного мужской монастырь, построенный в Москве в 1360 году на побережье речки Лузы, и ныне является действующим; в нем находится музей Андрея Рублева.

Обращаясь ко времени своего детства и пытаясь разглядеть предвестники трагедии, Ремизов создает мрачный образ монастыря, передавая настроение грядущих потрясений, которые охватят Москву и приведут, в том числе, к гибели клана Огорелышевых. В произведении монастырь будет враждебной громадой черного замка «возвышаться над пустырем за огородами и Синичкой и сторожить их тягучую, какую-то проклятую жизнь» [1, с. 41]. Мифологема богооставленности сказочной Москвы пронизывает все страницы романа, с первых строк которого герой догадывается о сказочной особенности огорелывшеского пруда: там живут черти. «И сад и пруд проклятые, – шла молва, – нечистый ходит!» [1, с. 80]. Носителем народного сознания и мистических верований становится в романе нянька Прасковья, которая понимает суть происходящего, причины всех напастей – болезненности маленького Коленьки и Жени, озорства детей, пьянства родного сына Мити. Нянька уверена, что все происходит по напущению «нечистого» и по грехам человеческой слабости. Ее саму каждую ночь во сне душат «они в черненьких курточках» «в ее страшной комнате».

Ремизов занимался научными разысканиями и художественными стилизациями средневековых легенд о чудотворцах (одним из константных в его творчестве являлся образ Николая Угодника), поэтому в его произведениях крупной формы, например, в книге «Иверень» часто встречаются такие вкрапления из апокрифических текстов: «Москва красна Пасхой. <…> Москва крепка чудотворцами: на четырех столпах стоит московский Кремль – Петр-Алексей-Иона и Филипп. И уверена: “ради Пречистыя Девы Марии” и “Христа ради” юродивые – Максим-Василий-Иоанн. Это наше – русское <…> с такими не запустеет земля и Москва стоит» [3, с. 458–459]. Ремизов часто изображает своих героев молящимися в храме.

В романе «Пруд» в различных сюжетных вариациях представлена галерея чудотворцев, исцеляющих от недугов, врачующих души. В самом начале романа находим параллель с образом Преподобной Евфросинии Полоцкой: дед Николай Огорелышев женился потому, что «Ефросиния затворницей была, в монастырь идти собиралась: красавица, с скитскою поволокой темных глубоких глаз подвижницы, с тонким разрезом губ сладостно-тихо улыбающейся мученицы». Он и обращался к ней «Ефросиния преподобная, угодница Божия». Однако вскоре дед охладел к ней, и она, вместо монастыря, «принуждена была хорониться в детской, вынося смиренно жизнь свою» [1, с. 31–32]. Здесь чувствуется параллель с образом Вареньки: «Варенька – младшая, двойник матери Ефросинии п р е п о д о б н о й , такая же, как мать, с скитскою поволокой темных глубоких глаз подвижницы, так же, как мать, с тонким разрезом губ сладостно-улыбающейся мученицы». Так Ремизов использует прием контраста, противопоставляя светлые женские образы, называя их «п р е п о д о б н ы м и», темным мужским образам старших Огорелышевых: дед Николай – «скрюченный, желтый кощей, с лукаво-острыми глазками», Арсений – «сгорбленный, с сведенными крючковатыми пальцами, заросший весь, нечесаный весь <…> как-то странно шмыгал <…> за плечами же развевались тончайшие крылья, неутомимо рассекавшие воздух, несшие его по его воле <…> Антихрист, честное слово, – говаривали фабричные про своего хозяина, – и ходить-то путно не может, летает дьявол, сатана рогатая! <…> огорелышевские глаза непроницаемые, и, кажется, расцарапать способные всю душу» [1, с. 31, 33].

Ремизов через художественные детали создает атмосферу потустороннего присутствия в доме: шорох пустого дивана, будто кто-то с него встал, стук «маленьким пальчиком» в окно, страшные сны няньки, ощущение, будто стоит кто-то за спиной и подходит совсем близко.

Младший из Финогеновых, Коля, к ночи одолеваемый страхом и тревогой, чувствуя наползающую тьму, обращается за помощью к своему покровителю Николаю Чудотворцу: «Он свернулся в клубочек, кружится, мечется <…> – Няня! няня!!! <…> Но в ответ ему только ветер воет <…> – Никола, угодник Божий! <…> Ангел мой Божий!» [1, с. 69]. «Порченый! Женя – порченый! <…> – Господи, Господи, – кается Коля, мечется на постели, шепчет, – прости меня: с Ваней Финиковым в алтаре подрался, я садился на престол, и на мехах, кадило раздувая, чертиков рисовал, Никола, угодник Божий, ангел мой Божий, прости меня!» [1, с. 70].

Братья Финогеновы озорничают, как и все дети, но их «шалости», особенно касаемые церк-

ви и монастырской братии, часто не так безобидны. После очередной выходки их приглашает Боголюбовский старец о. Глеб, в округе его почитают как угодника, целителя, изгоняющего бесов. Прослеживается параллель со святым мучеником Трифоном, который был в Москве XIX века особо почитаемым христианским святым: наделенный Божией благодатью, исцелял людей и животных, а главное – изгонял нечистых духов. Храм во имя мученика Трифона был построен в Напрудном районе Москвы еще в середине XVII века и до сих пор является приходским храмом [5].

Показателен мотив, связанный с Трифоном-мучеником. Согласно сюжету книги, по старой привычке веры в покровительство московских праведников и святых пытались Финогеновы лечить ослепшего от скарлатины брата Женю, возили к схимнику, клали на мощи, зажигали лампаду перед образом Трифона-мученика. Как правило, икона этого святого предвещает как относительно мелкие неприятности (то Коля бабушке ноги отдавит, то Петя влюбится безответно и страдает, то братья подерутся, то кипятком крысу пытают – дикая жестокость ради забавы), так и серьезные беды и несчастья, которые ждут Огорелышевых и Финогеновых: «в взбудораженных мыслях у Коли замелькала тайная жизнь Вареньки <…> “Барышня несчастная!” <…> Варенька почернеет <…> Варенька пьет, как пил слесарь Самсон» [5, с. 68]. Однако, хотя святой Трифон и защищает семью Огорелышевых, его покровительство не спасает главного героя: черти фабричного пруда ведут к трагедии – убийству дяди Арсения Огорелышева.

Образ святого, поначалу отчетливый – «Нагорая, колыхалась плыла перед образом Трифона Мученика крещенская свеча» [1, с. 86] – как предупреждение, попытка уберечь от зла, изгнать бесов, с каждым эпизодом – все слабее, к страшной развязке с Варенькой упоминается лишь киот, без названия икон: «А там у Вареньки было тихо, и только нагоревший фитиль лампадки перед киотом потрескивал» [1, с. 146].

Кроме ссылок на образ Трифона-мученика, в преддверии несчастий Ремизов вводит и другие детали, используя многочисленные художественные приемы, создающие почти осязаемую атмосферу тревоги, предчувствия, гнетущей тоски. Данные приемы характерны для многих произведений писателя:

Звуковая аранжировка, звукопись, звуковые повторы: «Завыло в трубе. И с воем приползло в комнату тайное» [1, с. 68]; «ворчало что-то, перекатывалось, будто какое-то страх-страшное, безглазое чудовище <…> Стонал Петя, ерзая от боли <…> Женя не переставая плакал: схватила его всегдашняя боль» [1, с. 86–88]; «По углам копошилось, липло, шуршало, всю ей душу тянуло, всю ей душу тащило с корнем, тащило с кровью, с мясом, с мозгом. Всю, всю ее щипало, и не осталось ни одного живого места» [1, с. 146–148]. Особое внимание следует обратить на шуршания и звук потрескивающего фитиля лампады – символ присутствия «нечистого», слышимый практически во всех тревожных эпизодах: «Нагоревший фитиль лампадки – красный камень, потрескивая, вздыхал <…> Нет ей защиты» [1, с. 146–148].

Но самым значимым и ярким из акустических эффектов для Ремизова является звучание колоколов. «Первый оклик, на который я встрепенулся» – так в книге «Подстриженными глазами» писатель называет колокола. «Разве могу забыть я воскресный монастырский колокол густой, тяжелым серебром катящийся поверх красных Захаровских труб <…> легко и гулко проникающий в распахнутые окна детской» [3, с. 6]. В романе «Пруд» колокола звонят чаще всего «печально», «редким звоном», «одиноким перекликом». Либо что-то «неуставное» происходит вокруг них (братья балуют на колокольне, растрачивается капитал, завещанный отцом Финогеновых на отлитие колокола, в монастыре – колокол безъязыкий).

Страшный сон Коли накануне Пасхи обрывает колокольный звон: «В Боголюбском монастыре звонили к Деяниям. Этот звон погребальный, пел звон свою страшную песню над всем домом, над Пасхой и над Христом. И было так горько, словно уходил кто-то, дорогой бесконечно» [1, с. 144]. Симфоническим оркестром на фортиссимо в кульминации вводит автор звучание колоколов после Варенькиного «освобождения»: «А! а! ах!.. Душат!» – заорала не своим голосом Прасковья: доняли ее черти, и опять, но слабее, и опять, еще тише, и совсем затихла. И вдруг словно оборвалось что-то, глухо раскатилось и ударилось прямо в стены, в красный финогеновский флигель, и, вздрогнув, задребезжали окна, – все сорок сороков звонили в пасхальный колокол пасхальный воскресный звон» [1, с. 148].

Повторы как отдельных слов и фраз: «в ответ ему только ветер воет <…> ни слова в ответ, только ветер, ветер воет» [1, с. 69]; «На Казанскую в ночь к Финогеновым вор залез <…> С ема (юродивый) все бормотал о какой-то грамоте, о какой-то о м е р т в о й г р а м о т е <…> приносил вор мертвую грамоту – смертный приговор» [1, с. 86]; так и целых абзацев, например, вариативное описание жуткого видения Вареньки: «Монах с красивым лицом и рассеченной бровью, из которой тихо, капля за каплей, сочилась густая темная кровь, монах в ярко-зеленой шуршащей, шелковой рясе, держал перед ней деревянный темный крест, обшитый неровной зазубренной жестью <…> и вдруг изогнулся весь и бросился

на Вареньку» [1, с. 146–148]. Благодаря «вихревым» повторам, писатель создает картину страшного исступления, невозможного горя детей в Пасхальное утро: «…Коля вскрикнул и бросился к Вареньке, а за ним Саша и Петя. Они набросились на Вареньку – спасти ее хотели! – они схватились за ее ноги, – спасти ее хотели! – они повисли на ногах, – спасти ее хотели! – и, повисая, откачнулись, как на гигантских качелях, и полетели. И вышибло крюк, грохнулась Варенька на пол. А они – на нее, мертвую: они сделать что-то хотели, поправить что-то хотели, пробудить ее хотели, и толкали, царапали ее, с запыхавшимся сапом, – они спасти ее хотели! Крошилась над ними штукатурка, падала с потолка» [1, с. 149–150].

Свето-цветовые образы: «Огромная грозовая туча вышла из-за Боголюбова монастыря и шла прямо, огромная, на финогеновский флигель. Грозовая жуткая темь [1, с. 86–88]. Символично описание огонька лампады, который всегда теплится у иконы: «Мутно-кровавый глаз лампадки от Трифона Мученика хмуро защурился». Огонек у Ремизова – кроваво-красный, с ним автор связывает свои тяжелые переживания, образы крови и пожара. Страшно-кровавой кажется красная рубаха вора, пробравшегося к Вареньке; алые лучи делают кровавыми белую рубашку на мертвой Вареньке и белые занавески, спущенные из-за траура; кровавым пятном расплывается красный свет фонаря. В разных вариантах происходит цветоупотребление зеленого. Вообще у Ремизова цвета имеют многоплановую семантику. В мифопоэтике ремизовской сказки зеленый – цвет мистики, цвет инфернальных сил, нечисти: у «Антихриста» Арсения Огорелышева огонек в комнате – зеленый; на афише братьев предстает ярко-зеленый бесенок-демон; в жутком видении Вареньки ряса монаха – ярко-зеленая и такие же тучи в тревожном Колином сне, пришедшем одновременно с горячкой Вареньки. Белый цвет в романе «Пруд» также многозначен в зависимости от контекста, часто он связан с семантикой смерти, это цвет леденящий, таинственно-мрачный: «белый пруд никогда не оттает», «Варенька белая, мертвела», «лежал мертвым лебедем белый пруд», «дьявольская улыбка, обвивающаяся змеей вокруг смертельно белых губ», «белое пятно – лысина».

Показательно также, что все значимые события, страдания, несчастья происходят накануне / в день Пасхи. Мотив Пасхи обретает перевернутое значение: вместо света и благословения несет она все более мрачную, трудную, унизительную, «какую-то проклятую жизнь».

Боль, нужда, гниль и разложение живых человеческих тел изображаются через описание рабочих «в заплесненно-гноящихся, спертых фабричных корпусах и в душных каморках» [1, с. 69] огорелышевской фабрики, но за немощью этих полулюдей уже скрывается настроение грядущего бунта и уничтожения «хозяев жизни»: «Со свету сжил, дьявол, – ропщут по двору на управляющего, – лизун огорелышевский, шпион подхвостник! Найдет полоса, хлебнешь из пруда!» [1, с. 83].

Ремизов подтверждает это предчувствие: Москва наводняется поутру «вереницами порченых, расслабленных, помутившихся в уме и бесноватых с мертвенно-изможденными лицами, измученными и голодными, у одних закушенные языки, у других губы растрескавшиеся, синие без кровинки, с застывшею странной улыбкой» [1, с. 72], которые идут в Боголюбов монастырь к о. Глебу, способному изгонять бесов. Аналогичное этому встречается в книге «Подстриженными глазами» описание Симонова монастыря: «Симонов – место встречи “порченых” и “бесноватых”», где из них «изгонял бесов» “иеромонах о. Исаакий”, но «бесы что-то не очень слушались Симоновского иеромонаха!» [3, с. 136–137]. В книге «Иверень» вновь упоминается Симонов монастырь: «Два очага на Москве светятся по-разному – не простые огни; два монастыря: Симонов кишел бесами, Ивановский – Божьими людьми (хлысты)» [3, с. 459].

Сатирическое изображение церковно-служителей дополняет картину хаоса: «дылда-послушник, отплевывающийся от сивушной перегари полуночной попойки» [1, с. 72], «Покровский пономарь Матвей Григорьев, черный, что нечистый» [1, с. 74], «Братии монастырской немного <…> Эконом ворует, казначей ужуливает. Поигрывают в карты, выпивают, заводят шашни, путаются и за стеною и в кельях. Кружка, халтура, проценты, лампадка, – все помыслы, все разговоры вокруг этих доходов, и много из-за них ссоры, драки и побоев» [1, с. 97]. «Келья о. Гавриила – не келья, а свалка» [1, с. 100]. Символично описание петушка на шпиле монастыря и набатного колокола: «вон на золотом шпице петушок с отсеченным клювом <…> А вон пужной набатный колокол с вырванным сердцем – без языка, а вон следы бурых нестираемых пятен пролитой крови» [1, с. 97]. Снова кровь, а то, что должно изгнать нечисть и тьму – крик петуха и звон колоколов – обезоружено, лишено голоса.

Таким образом, проникновение бесовства во все слои общества, в дома, церкви и монастыри становится основной темой романа «Пруд». «А там, за вьюжным, а там за беззвездным небом, нехотя пробуждается зимнее серое утро и сдавленным, озябшим криком тупо кричит

в Финогеновском петухе» [1, с. 80]. Согласно народной мифологии, крик петуха должен разогнать ночные бесовские наваждения, но этого не происходит в затихшей накануне революционных потрясений Москве: «А там, на скользкой высокой горке, запорошенной пушистым снегом, там что-то огоньком мелькало – один из бесов, бесенок с ликом неподкупной и негодующей человеческой честности и справедливости, по-кошачьи длинно вытянув вверх ногу, горько и криво смеялся закрытыми губами» [1, с. 81]. За этим страшным сказочным символом автором изображена грядущая эпоха таких же, как бесенок, «честных и неподкупных» красных террористов, строителей «справедливого» коммунистического строя.

Особым и самым светлым мифологическим мотивом через роман-воспоминание проходит рассказ о звучании сказок и Евангелия, тексты которых сливаются, переплетаются и плавно переходят один в другой, читаемые одинаковым ласковым монотонным голосом няни. Только заканчивается сказка про Ивана-Царевича и Серого Волка, как на столе появляется Священное Писание, и старушка объявляет: «О Страстях Господних!» [1, с. 28]. И звучат строки Евангелия от Матфея о предательстве (и раскаянии) Петром Иисуса Христа перед Распятьем. А сразу после чтения «Богородицы» няня читает свои любимые поэтические строки из Пушкина. Литературная биография писателя довольно часто символизирует его московское детство: православная литература, народные сказки и классические авторские произведения неразделимы.

В романе «Пруд» доминируют мрачные мотивы, а положительно заряженные образы встречаются крайне редко. Чем дальше по развитию сюжета, тем меньше становится образов, символизирующих надежду. Несмотря на сказочность изложения, страх и отчаяние героев – неподдельны. Бесовской кошмар прорывается из восприятия главного героя в реальный мир, воплощается в виде революции, волны насилия и разрушений.

«Московский» рассказ «Петушок» имеет схожую структуру. С самого начала он наполнен сказочными и христианскими мифологемами, светлым ожиданием чуда полета на воздушном шаре мальчика Пети – Петушка. Но заканчивается он разрушением сказочного мифа о счастливом будущем, в предчувствии которого проходит детство. В произведении два основных типа сознания героев: фольклорно-сказочное – мальчика Пети и народно-христианское – его бабушки. В ее мифопоэтическом представлении хранят их и оберегают «московские чудотворцы – Максим блаженный, Василий блаженный, Иоанн юродивый – стоят один за другим – Василий наг, Максим с опояскою, Иоанн в белом хитоне, руки так – перед Кремлем московским» [2, с. 553]. Это иконы особо почитаемых покровителей старой Москвы, появившихся в эпоху смуты: Максим Юродивый умер 13 августа 1433 г.; Василий Блаженный – 2 августа 1552 г.; Иоанн Юродивый – 3 июля 1589 г. Они являются в рассказе поэтическим лейтмотивом, поскольку сами они, как и вся Москва, ступили на стезю юродства и «самоизвольного мученичества» [2, с. 553]. Но уже с первых строк произведения Ремизов показывает присутствие в доме «нечисти». Петька по-детски наивно и беззлобно шалит – подкладывает бабушке в сундук капустные кочерыжки, а набожная бабушка думает о бесах: да уже и «дух нехороший» в доме от них завелся. А Петька пристрастился змеев запускать, и теперь весь двор и дом увешан «хвостами». С самого начала ощущается, что кажущаяся безмятежной жизнь останется таковой недолго. В рассказах о нечистой силе мифологема «хвостатый» является ведущей. В то же время Петька, мечтающий о крыльях, о сказочном полете, вдруг догадывается, что для полета змея нужен хвост! Как и в романе «Пруд», начало и причину разрушения Москвы Первопрестольной Алексей Ремизов усматривает в утрате мифопоэтического детского верования – в сказку, в святых, в Бога. В образе же старой бабушки символически отражается старинная народно-православная Москва, что подчеркнуто выразительными деталями, такими как запасы серебряных риз-подстаканников в потайных ящичках, заготовки на зиму, богомолье в монастыре, праздничные гостинцы, Крестный ход, иконостас, сундук «на смерть». Но как Москва не может принять и пережить темные народные настроения, так и бабушка робеет и страшится непредсказуемых выходок мальчика. Невольно участвует она в затее Пети, который хочет заставить змея с хвостом лететь: «А старая трясется вся, понять ничего не может, одно чувствует, нарушение тут бесовское, да так, как стояла простоволосая, не выдержала и предалась в руки нечистому, – взяла она обеими руками клубок Петькин, пошла за Змием подсаживать его, окаянного. Хочет бабушка молитву сотворить, а <…> запекаются от страха губы, отшибает всю память» [2, с. 546–547]. Уже в следующей главе – мифологема потери и начала конца: «На Ильин день у Петьки корова пятиалтынный съела» [2, с. 547]. К мистическому образу хвоста присоединяются коровьи рога; дальше мифологемы и художественные образы отчетливо и неотвратимо подводят к настроению краха, гибели, хаоса. Подменяются и растворяются понятия добра и зла, смешиваются образы ангелов и бесов, храмов и могил.

Вновь сталкиваются религиозные и бесовские

мотивы в сцене революционного пожара в Москве, напоминающего иконографические сюжеты: «И вот ровно пещерные горы огненные Московских чудотворцев, и в яви огненные, огненными языками планули на московский Кремль, и в ночи дымящее зарево разлилось над Москвою» [2, с. 562], а красный флаг заменяет православные хоругви. В эти же дни Петина сказка детства и вера в чудо трансформируются в мечту о разбойничестве, о бродяжничестве, о революционной вседозволенности. Ремизов ясно дает понять, как произошла эта трансформация. Темные мысли вложил в маленького героя отец – каторжник, вор и бродяга, люмпен. Это его время, его эпоха наступает на святой земле Московской Руси.

Сюжет о чудесном рождении индейского петушка символически выражает идею спасения и сохранения святой миссии Москвы. Все детали этого сюжета гармонично объединены друг с другом. В сказочной и религиозной мифологии яйцо издавна является символом вечности, бессмертия, вечной жизни – именно его дарят на Пасху [6]. В народной мифологии петух связан с благополучием, выступает ангелом войска небесного, символом православной Москвы [7]. Как из чужого куриного яйца высидела индюшка петушка, так и Петя – не родной внук бездетной бабушке, а ее внучатый племянник-сирота, но окружен любовью и заботой.

Безнадежность и отчаяние автора, который глубоко переживает за судьбу православной Москвы, выражаются в резко наступающей драматической развязке. Подросшему петушку сворачивает шею Петин отец-разбойник; сам Петя-Петушок гибнет от случайной пули восставших рабов, разбойников и воров – революционеров: «Петька кувырнулся носом в снег, схватился за картуз. – И больше уж не встал. С разорванной грудью, пробитым сердцем, окоченелого вернули Петьку в подвал к бабушке, и картуз Петькин с козырьком лаковым» [2, с. 565].

Однако за кровавой развязкой следует дополнительный фрагмент повествования, который можно считать эпилогом. Москва простит все обиды, как и олицетворяющая Москву бабушка простит своих обидчиков. Сначала она не могла поставить за них свечу: «Пошла я, батюшка, – тихо, еще тише, рассказывала бабушка, – пошла я свечечку поставить Ивану Осляничеку Обидяющему, хочу поставить, а рука не подымается...» [2, с. 566], а потом все-таки поставила. И снова обрела способность молиться московским святым-юродивым. В этом эпизоде – почти мистическая, но неизменная вера писателя в возрождение Москвы-Китежа. Для Ремизова характерна образная параллель: богомольная богобоязненная, всем родная бабушка – это символ православной Москвы, России, Родины: «Бабушка все по-монашенски, и не скажет как-нибудь “спасибо”, а по-монашенски – “спаси, Господи!” <…> И я подумал, глядя на ее покорное скорбное лицо <…> “Бабушка наша костромская, Россия наша, это она прилегла на узкую скамеечку ночь ночевать, прямо на голые доски, на твердое старыми костями, бабушка наша, мать наша Россия!” <…> “Бабушка наша костромская, Россия наша, и зачем тебя потревожили? Успокоилась ведь, и хорошо тебе было до солнца отдохнуть так, нет же, растолкали!” <…> А чуть свет, подымется лавочница, вытащит из-под старухи подстилку эту мягкую, <…> разбудит старуху, подымет на ноги» [4, с. 8–10]. Так в небольшом рассказе-вступлении к роману-коллажу «Взвихренная Русь» Ремизов отразил суть «доброго дела» революции: растолкали, растревожили тихую богомольную Русь, бросили «одеялишко», а потом – «извольте вставать!».

Символистский роман-коллаж «Взвихренная Русь» отражает реалии пространства и времени Москвы начала XX столетия, которая утратила статус центра православного мира и оказалась эпицентром военных и революционных потрясений. Главными мифологическими образами уходящей, прячущейся от социальных потрясений и способной к возрождению Москвы, вокруг которых группируются другие мифологемы, являются ветер, вихрь, буря – именно с ними отождествлена революция: «– Это вихрь! на Руси крутит огненный вихрь. В вихре сор, в вихре пыль, в вихре смрад. Вихрь несет весенние семена. Вихрь на Запад летит. Старый Запад закрутит, завьет наш скифский вихрь. Перевернется весь мир» [4, с. 160]. В сочетании с другими художественными приемами (звукопись, звуковые и смысловые повторы) рождается особое, «вихревое» звучание ремизовской прозы, ее музыкальность, глубокий культурный код, мифологические аллюзии и шифры [8–10].

Заключение. Философская и эстетическая основа «московских» произведений А. Ремизова заключается в том, что и писатель, и созданный им рассказчик, и читатель вместе с ними не выдумывают мифы о Москве, а переживают их. Ремизов всю творческую жизнь создавал свой миф, используя «испредметность» – многослойность и многозначность всего материального и идеального. Одним из основных московских мифозвукообразов является звучание колоколов, порой невидимых, как в Китеж-граде, оттеняемое мифологемой цвета и света; чаще всего это отблески огня. Образы-мифы вихря и колокола пронизывают все произведения писателя. Мифологическая составляющая образа колокола заключается в том, что этот предмет в народных

поверьях всегда одушевлялся, олицетворялся: колоколам давали православные имена. Звучание колокола в московских произведениях Ремизова сопровождает и оттеняет голос героя-человека, подчеркивая его чистоту и неповторимость. Ассоциативный ряд «голос–колокол» воплощает мифологему «божественный–человеческий», Бог и человек, Богочеловек, человекобог. «Тишина колокола» указывает на апокалипсическую, эсхатологическую точку, к которой приближается Москва накануне революции. Звуки колокольного звона помогают читателю вместе с рассказчиком увидеть ремизовскую Москву – мысленно перейти из реальной топонимики в сакральное пространство Китежа, в вечную жизнь бесконечной, внеисторической и вневременной памяти. Так Ремизов через свои произведения подводит читателя к идее искупления вины, преодоления богооставленности через веру в Москву как в сакральный Китеж-град.

Литература

1. Ремизов, А.М. Пруд: роман / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 1. – 576 с.
2. Ремизов, А.М. Оказион. Зга, Волшебные рассказы; рассказы, не вошедшие в циклы: Петушок / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М.: Русская книга, 2000. – Т. 2. – 672 с.
3. Ремизов, А.М. Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут моей памяти / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М.: Русская книга, 2000–2003. – Т. 8. – 305 с.
4. Ремизов, А.М. Взвихренная Русь / А.М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М.: Русская книга, 2000–2003. – Т. 5. – 689 с.
5. Бывшее русло реки Синички (Москва) [Электронный ресурс] // Russia / Moscow / Москва // исторический слой / исчезнувший объект. – Режим доступа: http://wikimapia.org/7691437/ru. – Дата доступа: 07.05.2017.
6. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / редкол.: С.А. Токарев (гл. ред.). – М.: Совет. энцикл., 1980. – Т. 2.
7. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / редкол.: С.А. Токарев (гл. ред.). – М.: Совет. энцикл., 1982. – Т. 1.
8. Козьменко, М.В. Удоноши и фаллофоры Алексея Ремизова / М.В. Козьменко. – Предисл. к кн.: Эрос. Россия. Серебряный век. – М.: Серебряный бор, 1992. – С. 340.
9. Лавров, А.В. «Взвихренная Русь» Алексея Ремизова: символистский роман-коллаж / А.В. Лавров // Собр. соч.: в 10 т. / А.М. Ремизов. – М.: Русская книга, 2000–2003. – Т. 5. – С. 544–557.
10. История Большого Каменного моста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://um.mos.ru/houses/kamennyy_most/. – Дата доступа: 08.05.2017.

Поступила в редакцию 24.11.2017 г.

УДК 316.472.4:323.266

Дискурсивный анализ распространения ложной информации в социальных сетях

Храбан Т.Е.
Киевский военный лицей имени Ивана Богуна, Киев (Украина)

В статье рассмотрены особенности социальных сетей, способствующие распространению ложной информации, а также особенности коммуникативных тактик основных путей распространения ложной информации в социальных сетях (дезинформация, слухи, городские легенды, троллинг).

Цель статьи – проанализировать тенденции распространения ложной информации в социальных сетях.

Материал и методы. *Практическим материалом исследования послужили публикации и комментарии социальной сети Facebook. Дискурс-анализ обеспечил изучение особенностей выбора авторами публикаций коммуникативных тактик для реализации иллокутивных целей.*

Результаты и их обсуждение. *Рассмотрены особенности социальных сетей, способствующие распространению ложной информации: численность аудитории, сегментация на группы, отличающиеся по своим социально-психологическим характеристикам, персонализированный поиск, ориентированность на быстрое восприятие и обмен новостями без учета точности, достоверности, полноты изложения информации, формирование культуры пародийности. В результате анализа публикаций и комментариев доказано, что пользователи социальных сетей выбирают специфические коммуникативные тактики в зависимости от целей и путей распространения ложной информации (дезинформация, слухи, городские легенды, троллинг).*

Заключение. *Таким образом, в социальных сетях происходит модификация структуры, содержания и способов распространения ложной информации.*

Ключевые слова: *дезинформация, городские легенды, коммуникативные тактики, ложная информация, социальные сети, слухи, троллинг.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 127–132)

Discourse Analysis of the Dissemination of Fake Information in Social Networks

Khraban T.E.
Kiev Military Ivan Bogun Lyceum, Kiev (Ukraine)

The article describes the characteristics of the social networks that promote the dissemination of fake information as well as features of communicative tactics of the main ways of disseminating fake information in social networks (disinformation, rumors, urban legends, trolling).

The purpose of the article is to analyze tendencies of disseminating fake information in social networks.

Material and methods. *The materials of the research are the publications and comments on the social network Facebook. The discourse analysis provides a study of the peculiarities of the authors' choices of communication tactics for the implementation of illocutionary intentions.*

Findings and their discussion. *The features of social networks that promote the dissemination of fake information are considered: the audience size; segmentation into groups differing in their social and psychological characteristics; personalized search; orientation towards rapid perception and exchange of news without regard to accuracy, reliability, completeness of information presentation; formation of the culture of parody. As a result of the analysis of publications and comments it has been proven that social network users choose specific communication tactics depending on the goals and ways of spreading fake information (disinformation, rumors, urban legends, trolling).*

Conclusion. *Thus, there is a modification of the structure, content and methods of disseminating false information in social networks.*

Key words: *disinformation, fake information, communicative tactics, rumors, urban legends, social networks, trolling.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 127–132)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Xraban.Tatyana@mail.ru – **Т.Е. Храбан**

Интернет активно меняет нашу жизнь, и представить современный мир без социальных сетей становится практически невозможно. Положительным направлением развития социальных сетей становится их использование в качестве инструментов для бизнеса, образования и приобретения ими черт полноценных средств массовой информации. Актуальность статьи продиктована необходимостью обратить внимание на тенденцию роста размещения в социальных сетях информации, которую общество не может отличить от настоящей. Очевидно, что при подобных обстоятельствах возникает возможность перенести вооруженное противоборство в информационное пространство вообще и социальные сети в частности, поэтому сегодня часто применяются такие понятия, как *войны нового поколения*, *гибридная война*, *четвертое поколение войн*, *информационное противоборство*.

Социальные сети являются предметом исследования ряда научных работ, в которых раскрываются следующие вопросы: функциональные и структурные характеристики интернет-сервисов социальных сетей (Е. Ахмадулин, Л. Браславец, Д. Богданова, П. Протасов, Е. Прохоров, К. Якубович, L. Betancourt, A. Bruns, M. Deuze, D. Domingo, A. Heinonen, B. Saunders, J. Wilson и др.), лингвопрагматические особенности социальных коммуникаций и функционирования языка на базе новой социально-коммуникативной практики (Н. Марченко, А. Селютин, G. Flake, D. Fetterly, C. Giles, F. Coetzee, S. Lawrence, M. Najork, M. Manasse, J. Wiener и др.). В то же время не было рассмотрено влияние социальных сетей на модификацию структуры, содержания, способа распространения ложной информации.

Цель статьи – проанализировать тенденции распространения ложной информации в социальных сетях. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: охарактеризовать особенности социальных сетей, которые способствуют распространению ложной информации; на материале дискурса социальных сетей изучить технологии распространения ложной информации.

Материал и методы. Практическим материалом исследования послужили публикации и комментарии социальной сети Facebook. Дискурс-анализ обеспечил изучение особенностей выбора авторами публикаций коммуникативных тактик для реализации иллокутивных интенций.

Результаты и их обсуждение. Социальные сети являются «не чем иным, как взаимодействие между группой людей», при этом разделяют общие интересы [1]. Активное увеличение аудитории, постоянное появление новых сервисов и глобализация являются главными тенденциями в пространстве социальных сетей. На фоне тенденций роста глобальных социальных сетей происходит постепенное вытеснение ими национальных социальных сетей. В контексте такой глобализации стало реальностью использование социальных сетей для негативного информационно-психологического воздействия на определенные целевые аудитории, осуществляемое с целью внутриполитической борьбы, дестабилизации общественно-политической обстановки в государстве, информационной поддержки вооруженного противоборства. Особенностью социальных сетей является то, что негативное информационное влияние часто осуществляется скрытно и имеет длительный характер. Очевидно, что социальные сети все больше становятся ареной противоборства. Вот почему «гибридные войны» имеют информационное измерение, и особое значение приобретает распространение ложной информации. Этому способствуют следующие особенности социальных сетей:

1. Многочисленность аудитории социальных сетей. Данная характеристика делает их особенно привлекательными для астротурфинга – использования современного программного обеспечения или специально нанятых оплачиваемых пользователей для искусственного управления общественным мнением. Например, благодаря публикации большого количества фальшивых сообщений чат-боты могут быть применены для реализации суггестивных технологий манипулятивного воздействия на аудиторию социальных сетей.

2. Сегментация аудитории социальных сетей на группы, которые отличаются по своему положению в социальной структуре общества, психологическими характеристиками, вероисповеданием, общими интересами и т.п. Социальные сети способствуют дифференциации целевой аудитории, предоставляя пользователям все большие возможности для ограничения объекта их внимания, что соответствует их мировоззрению или узким интересам. Данный факт позволяет создателям фейковой информации предлагать пользователям социальных сетей те конкретные новости и комментарии, которые они хотели подсознательно увидеть. Это неизбежно приводит к тому, что аудитория начинает доверять предоставленной информации, не заботясь о ее достоверности.

3. Персонализированный поиск. Негативное последствие персонализированного поиска, который получил название «пузырь фильтров» (англ. *«Filter bubble»*), заключается в том, что алгоритмы Facebook, Twitter, YouTube

и других социальных сетей показывают только ту информацию, которая согласуется с точкой зрения пользователя и подстраивается под его индивидуальные вкусы с целью стимулировать его проводить больше времени в социальных сетях. Результатом является то, что многие пользователи социальных сетей отдают свое время «фильтру интересов», получая только ту информацию, которая соответствует существующему мировоззрению. Таким образом, аудитория социальных сетей все меньше и меньше склонна находиться под влиянием фактов или точек зрения, не соответствующих их убеждениям, а это значит, что когда ей предоставляется информация, не соответствующая действительности, она не в состоянии отличить правдивые и фейковые новости. Следствие этого явления – формирование дезинформационной экосистемы социальных сетей.

4. Сокращение устойчивости внимания. Несмотря на то, что политические, экономические и социальные проблемы становятся все более сложными, в социальных сетях новости преподносятся к пользователю в сжатой форме, что способствует их быстрому восприятию и обмену. При этом точность, достоверность, полнота изложения, отделения фактов от комментариев и оценок остаются почти без внимания.

5. Формирование культуры пародийности. Использование пародии является знаком иронического отношение автора к первоисточнику или воплощает его критическое отношение к оригиналу. Будучи эффективным способом критики нарративов или привлечения внимания к сложным вопросам, пародии могут принимать самые разнообразные формы, но их универсальные свойства связаны со структурно-семантической инверсией исходного текста и в смысловом отношении формируют «перевернутый» образ. Если пользователи социальных сетей не поняли шутку, они могут делиться ей как истиной. Таким образом, пародии могут случайно служить для распространения ложной информации.

Наиболее известными путями распространения ложной информации в социальных сетях выступают:

1. Дезинформация. М. Красников определяет дезинформацию как особый вид лжи, интенцией которой является намеренное введение в заблуждение путем целенаправленного доведения заведомо ложной информации [2, л. 16]. Ученый отмечает, что как социально-психологический феномен взаимодействия людей дезинформация «на социально-психологическом и индивидуально-личностном уровнях взаимодействия выполняет регулятивную функцию пролонгированного влияния на динамику общения, поведение и взаимоотношения его участников» [2, л. 17]. Распространение дезинформации в социальных сетях осуществляется благодаря таким коммуникативным тактикам: а) искажение действительности с помощью целенаправленного подбора названий: *Турция ще ни нападне до месеци; Stop bestiálnímu mechanismu kradení a tyranizování dětí v ČR; Nemecký monitorovací systém médií vydal nové inštrukcie: Tlač a médiá majú vo svojich správach cenzorovať etnický pôvod a náboženstvo; США нанесли удар по российскому космосу через Майдан – эксперт; OPCW Director-General Shares Incontrovertible Laboratory Results Concluding Exposure to Sarin; Swedish national police chief warns of imminent civil war: 'Help us!'; США готовятся к краху доллара.* В заголовках обычно употребляются эксплицитные словосочетания (*emergency shutdown; radioactive leak; вспышка радиации; экспансия НАТО*), для них характерны экспрессивность и эмоциональность (*Evropská unie je už dávno parazitní «nadevropskou» strukturou; Nazi east, Nazi west, Nazi over the cuckoo's nest*); б) создание видимости правдоподобия с помощью многочисленной аргументации и информационной насыщенности: *Выход Великобритании из Евросоюза вызвал широкий общественный резонанс. Не исключено, что из ЕС выйдут и другие страны. Проведенный в Германии опрос показал, что выход из ЕС поддерживают около 30% граждан страны. 63% считают, что страна должна остаться членом ЕС. В Финляндии проводится сбор подписей за проведение соответствующего референдума. Представитель молодежной организации «Истинные финны» по этому поводу заявил, что референдум поможет стране обрести свободу. Шотландия хочет стать независимой от Великобритании, но при этом остаться в ЕС. Такое решение поддерживают почти 60% жителей страны*; в) неверная статистическая интерпретация и классификация. Например, в фрагменте «*Evidence for the claim usually comes in the form of comparative international statistics suggesting for example that Sweden has 63.5 reported rape incidents per 100,000 citizens, compared to 27.3 per 100,000 in the US, or 27.9 per 100,000 in Belgium, the nearest European country based on those numbers»* с целью показать, что Швеция особенно опасна для женщин, использована национальная статистика случаев изнасилования. При этом не упомянуто, что юридическое определение этого преступления в Швеции шире и включает деяния, в других странах не трактующиеся как изнасилование; г) искажение фактов, подтасовки их под определенную идею.

Например, дезинформация, утверждающая, что в Украине неизбежны голодные бунты и общественные беспорядки, если не будут введены продовольственные карточки, основывается на мнении экономиста, действительно предлагающего введение программы, которая похожа на американскую программу продуктовых талонов, при условии отказа Украины от субсидирования и регулирования цен на отдельные продовольственные товары: *Директор Украинской ассоциации поставщиков торговых сетей Алексей Дорошенко считает, что Украине пора вводить карточки на продукты: «Мы должны искать варианты. Карточки, карточная система, которая есть в США, является образцовой для всего остального мира»*;

2. Слухи. В. Москаленко характеризует слухи как «неточную, недостоверную информацию, возникшую в результате многократной интерпретации какого-либо факта, события или явления» [3, с. 386]. Е. Осетрова предлагает такое определение: слухи – это «высказывания, имеющие особую композицию, стилистические особенности и типичное содержание, то есть хорошо узнаются. Исходя из этого, определяется главная цель речевого жанра слухов: массовое, сначала устное распространение актуальной для людей информации, авторство и подлинность которой не установлены, и ответственность за которую никто не несет» [4, с. 81]. Слухи, обусловленные дефицитом или избытком ложной информации, «часто становятся дополнительным источником сильного психологического (стрессогенного) воздействия на людей» [5, с. 127]. Слухи играют важную роль в распространении информации в социальных сетях, чему способствует внутреннее напряжение людей, которых объединяет любое событие. В этом случае, по мнению Е. Осетровой, «информация мгновенно выходит за пределы группы и расходится по сети сплошной волной, накрывая сообщества людей и достигая его самых крайних границ» [4, с. 82]. Отрицательные свойства слухов состоят в том, что они могут дискредитировать и тем самым иметь серьезные последствия для личности (группы). Например, в июле 2017 года народный депутат Украины Д. Тимчук на своей странице в Facebook написал, что ходят слухи об эпидемии различных болезней (кори, холеры, бешенства, ботулизма, сальмонеллеза) в причерноморском регионе Украины. Он считает, что тем самым делаются попытки дискредитировать безвизовый режим Украины с ЕС и снизить количество поездок местных жителей на неоккупированную территорию Украины.

Аффективность (эмоциогенность) дискурса слухов детерминирована апеллированием к эмоциям и, как следствие, психоэмоциональным напряжением адресата. В этом контексте необходимо отметить, что в соответствии с классификацией, предложенной R. Knapp, в социальных сетях следует дифференцировать слухи-желания (англ. *pipe-dream rumor*), слухи-источники страха, тревоги (англ. *bogie rumor*), слухи, направленные на стимулирование агрессивного эмоционального состояния (англ. *wedge-driving aggression rumor*) [6, с. 241]. Следует отметить, что члены определенного сообщества социальных сетей с помощью слухов подчеркивают различия между собой и «чужими», что способствует формированию групповой идентичности: потребляя информацию, которая содержится в слухах, циркулирующих в его группе, субъект консолидируется с этой группой, у него возникает и усиливается «Мы-чувство». Выражая мнение группы по определенному вопросу, слухи выполняют функцию «социального барометра» и напоминают членам группы, какую позицию им следует занимать по данному вопросу. Таким образом, одни и те же слухи в различных сообществах или группах социальных сетей способны вызывать различные эмоциональные реакции. Влияние слухов на групповых уровнях возможно проследить на примере отношения к информации, которая обсуждалась в социальных сетях – «тайная встреча» Д. Трампа и В. Путина на саммите G20 (июнь 2017 г.). Согласно эмоциональному воздействию этой информации на пророссийски настроенное сообщество, эти слухи характеризуются как слухи-желания. Это подтверждается присутствующими в постах и комментариях лексическими сигналами со смысловыми компонентами `конфиденцийность` (*discussed them only in private*), `доверие` (*voiced confidence, in characteristically confident fashion, shook hands*), `позитивные сдвиги в сотрудничестве` (*pave the way for a positive trajectory for their two countries, positive results, to have a positive outcome in bilateral, expressed an interest in a better U.S. – Russia relationship, a lot of very positive things happening for Russia, meeting as a positive sign*), `уважение` (*it was an honor to be with Putin*), `надія` (*historic meeting*).

Для другого сообщества социальных сетей, где эта информация спровоцировала проявление враждебности по отношению к представителям органов власти (конкурирующей группы), эти слухи можно охарактеризовать как нарушающие социальные связи, вызывающие расслоение общества, лишающие руководство поддержки рядовых членов (wedge-driving aggression rumor), что подтверждается лексическими сигналами со смысловыми компонентами `демонизация чужого` (*the brutal campaign; this was really weird; false, malicious and absurd; sick, sinister,*

dishonest), `приступ гнева` (*exasperation*), `обвинение во вмешательстве во внутренние дела другого государства` (*coup, pushing the idea, meddled in the presidential election, orchestrated a campaign of cyberattacks, Russian interference*), `сумніви` (*apparently, alleged*), `обеспокоенность` (*raised concerns*), `осуждение` (*to criticise the suggestion that there was anything improper, who are accused*). Посты и комментарии представителей третьей группы социальных сетей содержат лексические сигналы (*seriousness of the issue, a danger, intolerable front of threats, aggression problem, disturbing detailed, grave concern*), доказывающие, что эта информация связана с тревогой, актуальными опасениями и глубинными страхами.

3. Городские легенды (англ. *Urban legend*). Возникновение термина *городские легенды* часто связывается с J. Brunvand, но ученые Ch. Doyle и L. Knight считают, что впервые данное понятие использовал R. Dorson в 1968 году в эссе «Legends and Tall Tales». Городские легенды часто основываются на вполне реальных случаях, но со временем первоисточник забывается, а в ходе неоднократной передачи информации и при добавлении вымышленных подробностей рассказ перерастает в современный миф, опирающийся на проблемы и страхи общества [7]. Как один из типов городских легенд можно рассматривать теорию заговоров, когда любой частный конфликт представляется как часть общей борьбы добра и зла. Например, широкомасштабное военное обучение «Jade helm 15», которое происходило в США в 2015 году, сразу же инспирировало ряд предположений в социальных сетях: а) это – демонстрация силы, осуществляемая с целью оказания давления на политических диссидентов (*I am so pissed off i can't even speak. All secret service people should not be able to carry a firearm to protect any asshole in politics today especially the asshole in the White house maybe if they are as easy a target as our military people are they will get the picture*); б) это – международная операция, направленная на разоружение граждан (*Предстоящие военные учения под кодовым названием «Нефритовый шлем 15» (JADE HELM 15) вызвали мысли о предстоящем введении военного положения в стране и даже заговоре американских военных по ведению войны против американского народа*); в) федеральные власти хотят захватить Техас (*This is a military offensive towards us Texans. Everyone knows Texas has the most guns that's why they are coming for us first. The NWO is starting to form and our country is the first to becoming apart of it. Everyone fight back. We have to make a stand. Obama is trying to take over the world*) и другие;

4. Троллинг. С. Могилко рассматривает троллинг как обмен сообщениями на форумах и в чатах в форме словесной войны, часто не имеющими отношения к начальной причине дискуссии, или же написание в интернет-сети провокационных сообщений с целью вызвать конфликты между участниками, бессмысленную беседу, оскорбления и т.д. [8, с. 57]. Ученый отмечает, что главной целью троллинга является внесение в общество беспорядка, хаоса. Сообщения провокационного, иногда юмористического или иронично-саркастического характера направлены на вовлечение других интернет-пользователей в бессмысленную конфронтацию. Чем больше реагирует виртуальное общество, тем больше вероятность троллинга со стороны инициатора, поскольку внимание других подтверждает его уверенность в том, что его действия достигают поставленной цели – вызвать хаос [8, с. 57–58].

Значение троллинга для распространения ложной информации заключается в предотвращении нежелательного разоблачения фактов со стороны общественности, а также в сокрытии любой информации, которая может заинтересовать общественность. В исследуемом материале были отмечены следующие коммуникативные тактики: а) дискредитация репутации. С целью отвлечь внимание от информации тактика «дискредитация репутации» направлена на то, чтобы раскритиковать слабости и недостатки оппонента (правдивые или вымышленные) для нанесения вреда его репутации, тем самым обосновывая недействительность и безосновательность его точки зрения. Тролли часто провоцируют людей вступить в пререкания, чтобы вызвать их эмоциональную реакцию, заставить сомневаться в себе, потерять логику рассуждения и контроль над ситуацией. Таким образом, цель троллинга – представить оппонента как логически непоследовательного и эмоционально нестабильного, и тем самым дискредитировать его; б) требование доказательств. Целью этой тактики является отклонение любой информации, основанной на фактических данных. Независимо от авторитетности источника информации тролли часто считают ее недостоверной и продолжают требовать недосягаемого доказательства. Заставив человека потерять контроль над собой, тролли отвлекают оппонента от факта, что они сами не могут представить подтверждения правдивости информации. Это позволяет троллям закончить дискуссию с иллюзией своего интеллектуального превосходства. Фрагмент (*Of all the lunacies to have emerged from this fire pit of kray-kray, most people have focused on how the president of the United States is still insisting that «millions of people» voted illegally, but he telepathically knows none of these nonexistent illegal votes went to him.*

But really, why is anyone surprised by the garbage that comes out of this man's mouth? Aside from the fact that he's been spewing sewage for more than 40 years, just look at his tie, for God's sake! It dangles all the way down to – well, down to a part of his anatomy that Trump mentioned during the campaign, prompting CNN to run the unforgettable headline…) демонстрирует комбинированное использование тактик «дискредитация репутации» и «требование доказательств». Активное применение лексических конструкций со смысловым компонентом `неправда` направлено на определение следующих ее семиотических маркеров: `намеренное искажение истины` (*telepathically knows*), `искаженное восприятие реальности` (*lunacies*), `клевета` (*spewing sewage*), `нелепость` (*garbage*). Таким образом, автор сообщения реализует коммуникативную интенцию дискредитировать оппонента путем обвинения его в нарушении морально-этических норм.

Кроме того, автор прибегает к тактике высмеивания. Ее цель – представить субъекта в невыгодном свете путем разоблачения факта нарушения им существующих стандартов эстетических норм, доказать отсутствие моральных ценностей, духовности (*just look at his tie*), а также тактики единения с аудиторией (*why is anyone surprised*), с помощью которой автор публикации пытается манипулировать сознанием аудитории благодаря ее конформизму. Тактика требования доказательств реализуется путем оппозиции лексических конструкций и смысловых компонентов `быть уверенным в своей правоте` (*still insisting*) и `неправда`, что предоставляет автору возможности требовать недосягаемого доказательства; в) использование ассоциаций. Цель этой тактики – создание за короткий срок какого-то фиксированного представления о событии или определенного образа оппонента с помощью «фальшивых» ассоциаций с отрицательной коннотацией, чтобы вызвать предвзятое отношение и заставить пользователей социальных сетей не доверять предоставленной информации. Примером применения коммуникативной тактики использования ассоциаций служит фрагмент, который комментирует аксессуары президента США Дональда Трампа (*I think there could be a Pinocchio thing going on: every time he lies it magically grows by half an inch*). В данном примере автор проводит аналогию между галстуком президента и носом сказочного персонажа Пиноккио. Пресуппозиция, что любой обман может быть обнаружен при проведении соответствующего поведенческого анализа, направлена на демонстрацию факта лжи президента США, доказательством которого служит длина его галстука.

Заключение. Таким образом, вышеназванные особенности социальных сетей (численность аудитории, сегментация на группы, отличающиеся по своим социально-психологическим характеристикам, персонализированный поиск, ориентированность на быстрое восприятие и обмен новостями без учета точности, достоверности, полноты изложения информации, формирование культуры пародийности) способствуют распространению ложной информации. Дезинформация, слухи, городские легенды, троллинг являются характерными путями ее распространения в социальных сетях и отличаются использованием различных коммуникативных тактик для достижения определенной цели.

Литература

1. Засурский, Я.Н. Журналистика и политика / Я.Н. Засурский, Е.А. Блажнов, М.В. Шкондин; под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 271.
2. Красников, М.А. Регулятивная функция дезинформации в процессе межличностного общения: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 / М.А. Красников. – М., 2006. – 208 л.
3. Москаленко, В.В. Психологія соціального впливу: навч. посібнік / В.В. Москаленко. – К.: Центр учбової літератури, 2007. – 448 с.
4. Осетрова, Е.В. Слухи в парадигме лингвистической генристики / Е.В. Осетрова // Жанры речи. – 2015. – № 2(12). – С. 80–89.
5. Потапчук, Н.Д. Психологічний аналіз умов, причин і чинників виникнення та поширення чуток серед населення в умовах надзвичайної ситуації / Н.Д. Потапчук // Психологічні науки. – 2015. – № 1. – С. 127–136.
6. Макаров, В.Е. Политические и социальные аспекты информационной безопасности: монография / В.Е. Макаров. – М., 2015. – 351 с.
7. Doyle, Ch.Cl. On the Term «Urban Legend» / Ch.Cl. Doyle, L.R. Knight. – Mode of access: http://www.folklore.ee/FOAFtale/ftn63.pdf. – Date of access: 21.10.2017.
8. Могилко, С.В. Тролінг як спосіб психологічної маніпуляції в Інтернеті / С.В. Могилко // Актуальні проблеми природничих та гуманітарних наук у дослідженнях студентської молоді «Родзинка – 2008»: X Всеукр. студ. наук. конф., ЧНУ ім. Б. Хмельницького. – Черкаси: Вид-во ЧНУ ім. Б. Хмельницького, 2008. – С. 57–60.

Поступила в редакцию 22.11.2017 г.

УДК 821.161.3«19/20»(=161.1)

Русскоязычная проза Беларуси конца XX – начала XXI в.: проблемы поэтики и типологии жанра

Романова С.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

С конца XX – начала XXI столетия о себе активно заявила русскоязычная литература Беларуси. Развиваясь в непростых исторических условиях, она представляет своеобразный культурный феномен.

Цель статьи – выявление специфики поэтики и типологии жанра в прозе русскоязычных авторов Беларуси.

Материал и методы. *Материалом исследования выступают реалистические произведения русскоязычных авторов Беларуси. При этом используются конкретно-исторический, аналитический, описательный методы.*

Результаты и их обсуждение. *Реалистическая проза русскоязычных авторов Беларуси, с одной стороны, продолжает лучшие традиции классиков, с другой стороны, обогащается новыми тенденциями. Ряд черт характеризуют русскоязычную прозу Беларуси. Монументальность повествования выражается в стремлении автора к широкому охвату общественно-исторических событий, связана с активным развитием исторической и военной прозы, а также художественно-документальных форм. Персоноцентризм русскоязычных авторов отражает интерес к духовному складу личности, определяет субъективность и психологизм повествования, что обусловлено ростом мемуарно-биографической и «женской» прозы. Постмодернистские тенденции оказали влияние на творческое наследие русскоязычных авторов. Использование приемов условно-фантастической образности выражается в гротесковости изложения, эксперименты с отдельными приемами поэтики постмодернизма определяют интеллектуальный характер повествования.*

Заключение. *Русскоязычная проза Беларуси характеризуется жанрово-стилевым многообразием, эклектичностью форм и методов, своеобразием идейно-эстетического выражения.*

Ключевые слова: *русскоязычная проза Беларуси, реализм, монументальность, персоноцентризм, гротесковость, интеллектуальность, жанровое многообразие.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 133–136)

The Russian Language Prose of the Late XX – Early XXI Centuries Belarus: Issues of Poetics and Genre Typology

Romanova S.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The Russian language literature of Belarus actively stated about itself since late XX – early XXI centuries. It developed in difficult historical conditions and represents a special cultural phenomenon.

The purpose of the article is to find out specificity of poetics and genre typology in the prose of the Russian language authors of Belarus.

Material and methods. *The research material is realistic works by the Russian language authors of Belarus. To reach the goal we used the definite historical, the analytical and the descriptive methods.*

Findings and their discussion. *Realistic prose of the Russian language authors of Belarus continues the best traditions of classical writers, on the one hand, and, on the other, enriches itself with new tendencies. A number of features characterize the Russian language prose of Belarus. Monumentality of the narration is expressed in the author's striving to wide coverage of social and historical events; it is connected with active development of historical and war prose and also with the development of art and documentary forms. The person centered tendency of the Russian language authors reflects the interest in spirituality of the person, determines subjectivity and psychology of the narration, which is connected with the growth of memoir and biography as well as «women's» prose. Post Modern tendencies influenced the creative heritage of the Russian language authors. The use of the techniques of conditional fantasy imagery presupposes grotesque character of the narration; experiments with some tools of poetics of Post Modern determine the intellectual character of the narration.*

Conclusion. *The Russian language prose of Belarus is characterized by genre and style variety, eclectics of forms and methods, peculiarity of ideal and aesthetic expression.*

Key words: *the Russian language prose of Belarus, Realism, monumentality, person centered character, grotesque, intellectuality, genre variety*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 133–136)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lanilya83@gmail.com – **С.В. Романова**

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется серьезными социокультурными изменениями в жизни общества. С распадом СССР в современном литературном процессе Беларуси отдельную нишу стало занимать творчество русскоязычных авторов. Особый интерес представляет изучение русскоязычной литературы Беларуси в историко-культурном контексте.

Индивидуально-авторское сознание, преломляя закономерности и тенденции общественно-исторического развития эпохи, призвано выражать универсальное, типичное, свойственное определенному периоду культуры. По мысли С.С. Аверинцева, «…смена типов художественного сознания обусловливает главные линии и направления исторического движения поэтических форм и категорий» [1]. Исследование поэтической системы и жанра как ее ключевой категории является приоритетным направлением в области современного литературоведения. Существует множество подходов относительно сущности и функций названных понятий. Научное осмысление проблем поэтики и жанра связано с выходом в свет в XIX в. «Эстетики» Г.В.Ф. Гегеля. Ученый впервые озвучивает мысль о «внешнем явлении как соразмерности духу произведения», в чем видит «идеал искусства» [2].

Далее теория поэтики получает распространение в трудах литературоведов и лингвистов XX в. (В.В. Виноградов, Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, А.Н. Веселовский, М.М. Бахтин) [3]. Плодотворными и актуальными до сих пор остаются идеи тартуско-московской семиотической школы (Ю.М. Лотман, К. Леви-Стросс, Р. Барт и др.) [4].

В нашем понимании поэтика представляет собой систему средств выражения идейно-эстетического целого, раскрывающую закономерности образования и функционирования художественного произведения. Центральной категорией поэтики является литературный жанр. Большинство исследователей считают жанр категорией исторической. Как подчеркивает М.М. Бахтин, «литературный жанр по самой своей природе отражает наиболее устойчивые, “вековечные” традиции развития литературы» [2]. Но в ходе развития литературного процесса жанр эволюционирует и одна система жанров (в преемственной связи) сменяет другую. Так, по мнению того же теоретика, «жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра» [2].

Особенности современной исторической и социокультурной ситуации находят непосредственное отражение в поэтике русскоязычной прозы Беларуси. Актуальность исследования вызвана методологическим подходом к решению проблемы поэтики и жанра в русскоязычной литературе Беларуси.

Цель статьи – выявление специфики поэтики и типологии жанра в прозе русскоязычных авторов Беларуси.

Материал и методы. Материалом исследования выступают реалистические произведения русскоязычных авторов Беларуси. При этом используются конкретно-исторический, аналитический, описательный методы.

Результаты и их обсуждение. Творчество русскоязычных авторов развивается в условиях нестабильной социально-культурной ситуации не только в стране, но и в мире. Расширение информационного пространства позволяет во всей полноте оценить масштабность общемировых проблем и глобальных процессов в контексте геополитических парадигм. Современные процессы во многом определяют духовный вектор русскоязычной прозы Беларуси.

Объемный каркас прозы образуют произведения реалистического направления. С одной стороны, авторы продолжают лучшие традиции писателей-реалистов, с другой – традиционный метод все больше обогащается новыми тенденциями. Одной из ярких черт является монументальность повествования. Стремление автора к панорамному изображению действительности, «всеохватности» форм бытия связано с поиском закономерностей общественно-исторических путей развития, актуализацией проблем современности как «надпиковой», критической ситуации. Отсюда особенность эстетического выражения – историзм, официозность, документальность, цикличность повествования (каждое последующее произведение писателя является продолжением предыдущего, организуя единую литературную «сагу», цикл).

Монументальность повествования продуцирует развитие идейно-тематического своеобразия творчества русскоязычных авторов. В идейно-содержательном плане возрастает интерес к исторической теме, которая пытается отразить философско-мировоззренческие поиски авторов по теме национального вопроса, религиозной, национальной и личностной идентичности (Н. Голубева, О. Ипатова, О. Ждан, С. Зайцев, Э. Скобелев, Э. Ялугин, А. Мартинович, Н. Еленевский). Отдаленность материала осложняет процесс исторической реконструкции, поэтому авторы чаще всего прибегают к субъективному повествованию, которое строится на многоголосии разных эпох и героев. Внутренний диалог героев делает акцент на психологии персонажей, мотивации поступков и всестороннем раскрытии характеров, вместе с тем ослабляя событийную сторону произведений [5]. Русскоязычные авторы, обращаясь к событиям далекого прошлого, в сложном синтезе христианского и языческого мировоззрений выявляют глубокие процессы ду-

ховного возрождения нации. С развитием исторической прозы связано возрождение романа.

Новое направление в русскоязычной прозе – православная тематика (Н. Еленевский, О. Ждан, О. Лойко). Опираясь на документальные факты, писатели свидетельствуют о влиянии православного духовенства на развитие и распространение культуры на белорусских землях. Христианские мотивы и образы встречаются во многих произведениях разных жанров (Е. Таганов, В. Нехай, В. Бычковский, Н. Советная, А. Иванов).

В творчестве русскоязычных авторов по-новому зазвучала тема войны. В своем большинстве военная проза представляет художественно-документальные формы повествования, в которых граница реального и вымысла весьма подвижна в силу авторской концепции. Тема Великой Отечественной войны (А. Сульянов, А. Капилов, В. Тулинов, А. Смолянко) и советско-афганской войны (Н. Чергинец, А. Соколов, Н. Еленевский) передает личный опыт ее участников с привлечением писем, документов, дневников, воспоминаний, поэтому основными принципами отображения действительности являются биографизм, документальность, углубленный психологизм. Следует отметить еще одну тенденцию, с одной стороны, индуцированную формой (документальная) повествования, с другой – изменением отношения к событиям военных лет – это сухость изложения материала, лишенная эмоциональности, насыщенная бытовыми деталями (вплоть до натуралистических подробностей), снижающая героико-романтический пафос произведений о войне, написанных ранее. Вместе с тем присутствие автора формирует своеобразную эмотивную тональность произведения.

Особой тональностью отличаются произведения об афганской войне: «странная» война без причины и целей, непонятая, ненужная в сознании народа взывает памятью погибших и ныне живущих, но «отверженных» воинов-интернационалистов. Экзистенциальный мотив одиночества, отчужденности воспроизводит кафкианскую модель мироощущения в «новой военной прозе». Двусмысленность, недосказанность, скрытая правда советско-афганской войны в условиях продолжающихся братоубийственных войн актуализирует задачу подробного изучения «афганской» прозы.

События конца XX – начала XXI в. (советско-афганская война, Чернобыльская катастрофа, распад СССР и изменение политической карты мира) находят широкий отклик в творчестве русскоязычных авторов. Исторические потрясения часто воспринимаются авторами как цепочка абсурдных, нелогизированных, парадоксальных ситуаций. Творчество насквозь пронизано эсхатологическими мотивами, воспроизводя архетип «пляски смерти». Фантасмагоричность повествования, использование различных приемов и форм условно-фантастической образности (гротеск, гипербола, алогизм, притча, библейские аллюзии и др.) являют вторую отличительную черту русскоязычной прозы Беларуси – гротесковость.

Условно-метафорическое реализуется в разных жанровых формах: фольклорно-мифопоэтические традиции находят отражение в сказках (П. Семинский, С. Данилов), мифореставрация воплощается в художественной ткани повести и романа (Г. Авласенко, В. Гаврилов, М. и И. Мезенцевы, В. Иванов-Смоленский, А. Алешкевич), фантасмагоричность, гротеск и ирония в большей степени свойственны антиутопии (Е. Таганов, А. Мельников, Ю. Фатнев, Э. Скобелев).

Использование в творчестве приемов фантастического часто связывают с распространением постмодернистского дискурса в разные явления и течения литературы. По мнению И.С. Скоропановой, «постмодернистская эстетика рассматривает художественную культуру как желающую машину, посредством симулякров моделирующую гиперреальность – бесконечное множество возможных миров» [6].

Безусловно, философско-эстетические принципы постмодернизма находят отражение в творчестве писателей-реалистов (ироническое осмысление ценностей, игра с симулякрами, двойное кодирование, цитатность, гипертекстуальность и др.). Однако поэтика постмодернизма особым образом трансформируется в русскоязычной прозе: авторы используют отдельные приемы, возводя произведение в ранг элитарного. Отсюда третья черта, ярко характеризующая русскоязычную литературу Беларуси, – интеллектуальность. Художественное произведение представляет текст с множественным кодированием «смыслов», апеллирующих к сознанию читателя определенного уровня.

На рубеже XX–XXI вв. происходит возрождение литературы факта (нон-фикшн, non-fiction). Границы термина «литература факта» сегодня очень размыты. Относясь к художественно-публицистическому стилю, «нон-фикшн» не допускает вымысла и основывает повествование на реальных событиях и фактах, но допускает использование художественных приемов и авторское отношение к изображаемому. Ярким примером «литературы факта» можно назвать художественно-документальный цикл С. Алексиевич «Голоса Утопии».

Активное развитие non-fiction способствовало созданию произведений в разных жанровых формах и модификациях. Одним из ключевых направлений в литературе факта является интерес к личности, биографии (О. Бахаревич, Б. Крепак). Все возрастающая роль травелога в литературном мировом процессе становится тенденцией и в национальной литературе (Р. Свечников, С. Абламейко).

Реалистическое наследие русскоязычных авторов являет еще одну тенденцию, признающую личность высшей духовной ценностью, – персоноцентризм. Обращение к внутреннему миру, духовному складу человека объясняется рядом факторов: освобождением мысли от догм и идеологем социалистического реализма, усталостью и опустошенностью как результат опыта бездуховной западной цивилизации, развитием информационных технологий и виртуализацией сознания, распространением идей глобализации, стандартизирующих и нивелирующих личность.

Персоноцентризм, в первую очередь, предполагает коммуникацию как дискуссию, диалог с читателем (слушателем, реципиентом), конгениальным автору. Произведения такого рода обычно имеют биографическую основу повествования с лирическими и философскими отступлениями. Усиливающийся интерес к личности способствовал расцвету мемуарно-биографической прозы.

К стилевым особенностям современной мемуарно-биографической прозы можно отнести: высокую степень функционального присутствия автора, скрытые стратегии назидательности, выговаривание как форму выражения авторской модальности, исповедальность, психологизм. Мемуарно-биографическая проза отличается жанровым многообразием: автобиографический роман (А. Андреев, И. Царюк, А. Мартинович, С. Филипенко), биографическая повесть (А. Новиков), роман-исповедь (Н. Костюченко), эссе-исповедь (Л. Турбина), мемуары и воспоминания (Р. Ерохин, Б. Клейн, А. Дракохруст, Л. Турбина, В. Тарас), хроника (Н. Круговых), дневник-откровение (Г. Пациенко), дневник-воспоминание (В. Шнип), дневник (И. Фоменко, Н. Советная, В. Гришковец, В. Липский, В. Горбук), признание (О. Ждан), синтезированная проза (Ю. Фатнев, Э. Скобелев).

Персоноцентризм становится доминантой художественного повествования в «женской» прозе, достаточно широко и многолико представленной в русскоязычной литературе Беларуси (Н. Костюченко, Н. Советная, Л. Михейкина, М. Ляшук, И. Шатыренок, Е. Попова). В центре повествования – глубокий внутренний мир человека, раскрывающий диалектику духовности личности.

Стремление к лаконичности, яркой образности, эмоционально-экспрессивной окраске слов наметило тенденцию возрастания роли новелл, миниатюр и других малых форм в «женской» прозе. Однако среди жанрово-стилевого разнообразия «женской» прозы популярны также жанры автобиографического содержания – автобиографический роман, роман-исповедь, биографическая повесть, мемуары и др.

Заключение. Каждая эпоха характеризуется рождением значимых культурных явлений. Специфическим феноменом в условиях сложных исторических преобразований и социокультурной ситуации конца XX – начала XXI в. является возникновение русскоязычной литературы Беларуси. Неоднозначный генезис художественности и новое эстетическое содержание современного литературного явления находят отражение в мифопоэтической картине мира писателей. Русскоязычная проза Беларуси характеризуется жанрово-стилевым многообразием, эклектичностью форм и методов, своеобразием идейно-эстетического выражения.

С одной стороны, тенденциозность творчества русскоязычных авторов обращает наше сознание к культурным, социально-политическим проблемам, масштабно охватывающим современное информационное пространство, с другой – обострение проблем общества подается через авторское восприятие, глубоко осознанное как связь живого сущего с личностным «я». Отражение всеобщей сопричастности преемственно следует традициям лучших писателей-реалистов. Этическая сторона отображаемого рассматривается в плоскости нравственного, философско-мировоззренческого поиска автора, актуализирует общечеловеческие ценности Истины, Добра и Красоты.

Вместе с тем смена культурной парадигмы привносит новые тенденции в творчество писателей-реалистов: использование форм условно-фантастической образности (гротеск, гипербола, алогизм, игра с симулякрами) и отдельных приемов поэтики постмодернизма (цитатность, интертекстуальность, двойное кодирование и др.), которые в ключе философского осмысления пытаются найти ответы на общие и частные вопросы бытия через специфическое авторское мировосприятие.

Литература

1. Гринцер, П.А. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / П.А. Гринцер. – М.: Наследие, 1994. – 512 с.
2. Николаев, П.А. Введение в литературоведение: хрестоматия / П.А. Николаев. – М.: Высш. шк., 1997. – 350 с.
3. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 333 с.
4. Лотман, Ю.М. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Ю.М. Лотман. – М.: Гиозис, 1994. – 560 с.
5. Синькевич, Т.В. Мировой литературный процесс: автор–жанр–стиль: сб. науч. тр. / Т.В. Синькевич. – Брест: БрГУ имени А.С. Пушкина, 2011. – 231 с.
6. Скоропанова, И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык / И.С. Скоропанова. – Минск: Ин-т соврем. знаний, 2000. – 352 с.

Поступила в редакцию 03.11.2017 г.

УДК 811.161.1’373.211.1(476.5)

Семантические особенности артионимии Белорусского Поозерья: проблема типологии

Дулова Ю.В.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В конце XX – начале XXI века особое внимание ученые-ономасты уделяют исследованию ономастической периферии, которая включает в себя и артионимию. Несмотря на огромный потенциал названия произведения искусства как источника информации, данный сектор ономастического пространства остается малоизученным.

Цель исследования – выявить семантические особенности артионимии Белорусского Поозерья, выделив основные тематические группы наименований.

***Материал и методы.** Материалом выступили названия произведений искусства авторов витебского региона. Основные методы: дескриптивный, сопоставительный, компонентного анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Художники изображают значимые места, хранящие культурную и историческую информацию. В качестве компонента названий используется онимная лексика, способная относиться к разным объектам, поэтому анализ сопряжен с определенными трудностями. Проведенное исследование позволило классифицировать артионимы, связанные с Витебском, на тематические группы.*

***Заключение.** В артионимии фиксируется информация об изображаемом объекте. Названия картин, отражающие городское пространство Витебска, делятся на тематические группы: наименования линейных объектов и площадей, районов, парков и скверов, водоемов, точечных объектов, пригородных поселений и их объектов.*

***Ключевые слова:** ономастика, артионимия, Белорусское Поозерье, Витебск, образ города, городское пространство, тематические группы.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 137–142)

Semantic Features of the Artionymy of Belarusian Poozerye (Lake District): the Problem of Typology

Dulava Yu.U.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

In the late XX – early XXI century onomastics scholars paid special attention to the study of onomastic periphery which includes artionymy. In spite of the great potential of the name of a work of art as a source of information this sector of onomastic space is still little investigated.

The aim of the research is to reveal the semantic features of the artionymy of the Belarusian Poozerye, identifying basic thematic groups of names.

***Material and methods.** The material was the names of paintings by the artists of the Vitebsk region. The main methods are the descriptive, the comparative method, the method of component analysis.*

***Findings and their discussion.** Artists paint significant places which bear cultural and historical information. As a component of names, onyme vocabulary is used related to different objects. Therefore, the analysis involves some difficulties. The analysis made it possible to classify the artionyms associated with Vitebsk into thematic groups.*

***Conclusion.** In the artionymy, information about the depicted object is recorded. The names of paintings, reflecting the urban space of Vitebsk, are divided into thematic groups: names of linear objects and squares, blocks, parks, reservoirs, water bodies, spot objects, suburban settlements.*

***Key words:** onomastics, artionymy, Belarusian Poozerye, Vitebsk, image of the city, urban space, thematic groups.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 137–142)

Адрес для корреспонденции: e-mail: jul_dulova@mail.ru – **Ю.В. Дулова**

Город как центр материальной и духовной культуры, социальных и экономических отношений является предметом осмысления различных отраслей знания. Феномен города с позиции эстетического восприятия анализируется в трудах как теоретиков градостроительства, ученых-урбанистов (В.Л. Глазычева, О.А. Швидковского и др.), так и ученых, которые занимались семиотикой города (К. Линча, В.Н. Топорова, О.А. Ивановой и др.). Исследованию образа города посвящены труды лингвистов (Ю.А. Маринной, Е.А. Яковлевой и др.). В гуманитарных науках город рассматривается как сложное социокультурное единство, представляющее собой открытую постоянно развивающуюся систему.

Одним из первых к исследованию образа города обратился К. Линч, по мнению которого общественный образ города создается наложением друг на друга множества индивидуальных образов [1, с. 50]. Исследователь в первую очередь реконструирует топографический образ города, к содержимому которого относит пути, границы, районы, узлы и ориентиры, утверждая, что данные элементы обладают универсальным характером [1, с. 51–53]. Приведенный подход представляется практичным для градостроительства, однако отражает лишь тот образ, который существует «здесь и сейчас», не учитывая изменчивости городского пространства.

Ю.В. Клочкова, анализируя образ Екатеринбурга в русской литературе XVII – середины XX в., утверждает, что на процесс формирования представлений о городе оказывают влияние не только его пространственные характеристики, но и городская повседневность, а основные этапы становления образа города в литературе совпадают с исторически значимыми периодами его развития [2, с. 9].

Анализу подвергался и образ города с позиции искусствоведения. Так, Т.Г. Горанская исследовала образ города в современной живописи на примере белорусских городов и пришла к выводу, что в белорусском изобразительном искусстве прослеживаются три направления изображения города: город реальный, ирреальный и виртуальный [3, с. 2–3].

Несмотря на то, что город – одна из основных тем в искусстве, позволяющая раскрыть художнику свой творческий потенциал, учеными не предпринималась попытка проанализировать образ города, зафиксированный в артионимии – названиях произведений искусства.

Цель статьи – выявить семантические особенности артионимии Белорусского Поозерья, выделив основные тематические группы наименований.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили названия произведений живописи и графики авторов Белорусского Поозерья, собранные из листов поступления основного фонда коллекций графики и живописи Витебского областного краеведческого музея, Интернет-портала «Художники Витебщины», каталогов картин витебских художников. Из персональной картотеки было отобрано 814 наименований, связанных с Витебском.

Для достижения поставленной цели применялись дескриптивный метод, сопоставительный метод, метод компонентного анализа и элементы метода количественного анализа.

Результаты и их обсуждение. Издавна художники стремились к изображению тех мест, которые сыграли заметную роль в их судьбе, были наиболее значимы для становления как личности. Витебск – не только административный, политический, культурный центр региона. Для многих художников Белорусского Поозерья Витебск – родной город или же то место, где они провели годы своей жизни, получили образование, работали, создали семьи. Неудивительно, что он и его объекты изображены на значительном количестве живописных и графических полотен.

В собранном материале выявлено 514 наименований картин, компонентом которых являются лексемы *Витебск, Витебщина, витебский:* Г.П. Киселев *«Витебск и Витебщина»*; А.С. Изоитко *«Старый Витебск»*; А.Ф. Карпан *«Вечерний Витебск»*; Г.Ф. Кликушин *«Витебский пейзаж»*, *«Витебщина»*; А.Ф. Ковалев *«Уголок Витебщины»*; А.С. Корженевский *«Древний Витебск»*. Несмотря на использование данных лексем, в подобных артионимах фиксируется не только название города, но и присутствует указание на витебский регион.

Городской пейзаж представляет собой жанр изобразительного искусства, в котором главным предметом изображения являются городские улицы, здания и иные городские объекты. Городская среда предоставляет множество объектов для творческого осмысления и художественной обработки, сюжетов для изображения на полотнах. По нашему мнению, в архитектурной живописи название картины чаще всего заключает в себе информацию непосредственно об изображаемом объекте. Так, в творчестве художников витебского региона предприняты попытки создания различных индивидуальных образов города, основанных на его личном восприятии, истории, описании наиболее значимых мест, хранящих

историческую и культурную информацию, памятников архитектуры, жилых домов и иных объектов городского пространства.

Проведенный анализ свидетельствует, что образ города Витебска раскрывается посредством нескольких основных групп наименований: ***линейных объектов*** (улиц, дорог, шоссе) ***и площадей***, ***районов*** (административно-территориальных единиц, микрорайонов), ***парков и скверов*** (замкнутых озелененных зон для отдыха), ***точечных объектов*** (зданий, культовых сооружений, памятников), ***водоемов*** (рек, ручьев) и ***пригородных поселений и их объектов*** (территорий, находящихся в непосредственной близости к городу).

1. Наименования линейных объектов и площадей. Линейные внутригородские объекты, названия которых зафиксированы в артионимии Витебщины, по своему характеру и назначению делятся на проспекты, улицы и площади. Для данной группы наименований характерно обращение к исторической части города, в которой сохранилась застройка XVIII–XIX вв.: Г.Ф. Кликушин *«Улица Суворова»*; И.Н. Шкуратов *«Улица Толстого»*; В.А. Белый *«г. Витебск. Улица Замковая»*; Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Улица Калинина»*; В.К. Дежиц *«На улицу Чехова»* и другие.

В современном Витебске десять площадей, при этом в собранном материале было выявлено незначительное количество наименований (9 единиц), которые включают в себя названия лишь трех площадей: площади Победы – самой большой в стране: В.И. Витко *«Площадь Победы»*; Н.А. Драненко *«Площадь Победы»*; А.С. Корженевский *«У площади Победы»*; площади Свободы: И.Ю. Боровский *«Площадь Свободы»*; Г.Ф. Кликушин *«Площадь Свободы»*; В.И. Ральцевич *«Площадь Свободы»*; площади Ленина: Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Площадь Ленина»*.

Анализ названий улиц города сопряжен с определенными трудностями, т.к. для них характерна изменчивость. Они могут быть переименованы в зависимости от целого ряда факторов – исторических, политических, культурных и т.п. Например, *улица Ленина* – годоним, появившийся в 1923 г. в результате переименования бывшей *Смоленской улицы*, которая в свою очередь временно переименовывалась в *улицу Свердлова*, а ранее носила название – *Санкт-Петербургская улица* [4, с. 87]. Именно поэтому не всегда представляется возможным определить, о какой из современных улиц заключена информация в том или ином артиониме. Так, если очевидно, что в артиониме Б.Г. Лалыко *«Витебск. XIX в. Смоленская улица»* речь идет о современной *улице Ленина*, то в случае с названием произведения Л.И. Радевича *«Смоленская улица»* необходимо вникать в особенности изображенного на полотне.

Собранный материал представляет собой названия произведений искусства, созданных в XX – начале XXI в. Однако в нем практически отсутствуют годонимы микрорайонов Билево-1, Билево-2, Билево-3 и Медицинский центр. Это может быть связано с архитектурой микрорайонов, а также с их не сформировавшейся пока в сознании жителей города культурной значимостью.

2. Наименования районов. Под данной группой наименований мы условно понимаем не только названия административно-территориальных единиц, микрорайонов, но также указание на отдельные части города, в том числе дворы.

В XII–XIII вв. в Витебске существовали Взгорская, Заручайская (Заручавская), Задунайская и Задвинская слободы. Их роль в развитии города была неодинаковой. Свое активное развитие они получили несколько позже – Заручайская, Задунайская и Задвинская слободы в XIV–XV вв., а Взгорская – в XVII в. [5, с. 16]: Ф.Ф. Гумен *«Улочка в Задвинье зимой»*; Г.П. Лебедев *«Витебское Заручавье в начале XX века»*.

Елаги – исторический район, сформировавшийся во второй половине XIX в. вокруг одноименного фольварка (расположен в современном Железнодорожном районе г. Витебска): Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Старые дома в Елагах»*.

В юго-западной части города находится промышленный район Марковщина, истоки которого связаны с существованием Свято-Троицкого Маркова мужского монастыря и монастырской слободки, носившей название Марковской или Марковщина: Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Весна. Марковщина, индустриальная часть»*, *«Улочка на Марковщине»*; Г.Ф. Кликушин *«На Марковщине»*; В.И. Ральцевич *«Марковщина»*.

Часто в данной тематической группе не используется онимная лексика (кроме указания на город) как компонент артионима, а зафиксированное в названии место невозможно привязать к конкретной части города: И.Ю. Боровский *«Уголок Витебска»*; В.И. Витко *«Окраина Витебска»*; Ф.Ф. Гумен *«В старом витебском дворике»*; В.В. Шамшур *«Витебский дворик»*.

3. Наименования парков и скверов. Несмотря на то, что парки и скверы – непременное условие правильного градостроительства, данная группа наименований – одна из самых малочисленных. Парк культуры и отдыха имени Фрунзе заложен в середине XIX в. как Архиерейский сад и стал общедоступным после Октябрьской революции: Ю.А. Баранов *«Парк им. Фрунзе»*; В.Н. Вольнов *«Реконструкция парка Фрунзе»*; Ф.Ф. Гумен *«Парк Фрунзе. Зимой»*, *«Осенний туман. Парк Фрунзе»*. В проанализированном материале есть указания на скверы как части города, однако или отсутствует конкретизация сквера, или она осуществляется при помощи годонима: Ф.Ф. Гумен *«Сквер в старом Витебске»*, *«Витебск. Сквер по ул. Маяковского ночью»*.

4. Наименования точечных объектов. Названия приведенной тематической группы фиксируют информацию о зданиях, памятниках архитектуры, иных объектах, которые выполняют ориентирующую функцию в городском пространстве.

В артионимии зафиксированы названия а) учреждений образования: Ю.А. Баранов *«Здание детской музыкальной школы»*; Г.Ф. Кликушин *«Витебскому пединституту 50 лет»*, *«Витебское муз. училище»*, *«Музыкальная школа»*; А.С. Корженевский *«Ветеринарный институт»*; С.Б. Юдовин *«10-я школа»*, *«Сталинская 2-я школа»*; б) заводов и предприятий: А.А. Ткаченок *«Зарисовка разрушений ф-ки им. К. Цеткин в Витебске»*; С.Б. Юдовин *«Молокозавод»*, *«Маслобойный завод»;* в) музеев, театров, клубов: Ю.А. Баранов *«Драмтеатр им. Якуба Коласа»*, *«Кинотеатр “Беларусь”»*, *«Мемориальный музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева»*, *«Областной краеведческий музей. Витебск»*; Ф.Ф. Гумен *«Снежная зима. Ратуша. Краеведческий музей»*; А.С. Корженевский *«У исторического музея в Витебске»*; С.Б. Юдовин *«Клуб металлистов и новые дома»*, *«Клуб чулочников»*; г) административных зданий: Ю.А. Баранов *«Здание городского Совета деп. трудящихся»*, *«Здание областного Совета депутатов трудящихся»*; д) иных зданий общественного назначения: А.С. Корженевский *«Гостиница “Витебск”»*; Г.Ф. Кликушин *«Железнодорожный вокзал»*; Ф.Ф. Гумен *«Витебские пирамиды»*; Ю.А. Баранов *«Гостиница “Віцебск”»*; А.Э. Духовников *«Дом архитектора Кибардина»*; е) жилых домов: Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Зима. Частные застройки»*; А.Э. Духовников *«Витебск. Два дома на рынке»*, *«Витебск. Старые дома у Смоленского рынка»*.

Образ города в артионимии представлен также посредством фиксации культовых мест, соборов, церквей, костелов и т.д. Среди экклезионимов, использованных в качестве компонентов артионимов, есть относящиеся к ныне действующим православным и католическим храмам: Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Зима. Храм Благовещения»*; Г.Ф. Кликушин *«Благовещенская церковь. Витебск»*, *«Витебск. Костел св. Варвары»*; Н.А. Дягель *«Успенский собор. Витебск»;* А.Ф. Ковалев *«Гимн старому Витебску. Вид на Успенский собор»*; Г.П. Лебедев *«Здание единоверческой церкви Успения Богородицы в ботаническом саду»*; С.П. Врублевская *«Витебск. Святовоскресенская церковь»;* А.Э. Духовников *«Витебск. Вид на Воскресенскую церковь и ратушу»*.

Помимо этого, многие храмы в Витебске были разрушены в 20–60-е гг. XX в. Их названия также зафиксированы в артионимии Белорусского Поозерья: С.Б. Юдовин *«Витебск. Костел св. Антония. 1924 г.»*, *«У Черной Троицы»*; И.Н. Шкуратов *«Костел св. Антония»*; А.Ф. Ковалев *«Гимн старому Витебску. Витьба и Никольский собор»*; А.С. Корженевский *«Бывший Николаевский собор»*; Б.Г. Лалыко *«Николаевский кафедральный собор»*, *«Панорама центральной части города Витебска от церкви Святого Духа»*; Г.П. Лебедев *«Кафедральный Свято-Николаевский собор»*; Е.С. Минин *«Черная Троица»*.

Довольно часто художники обращались к изображению ратуши – символа Магдебургского права, несмотря на то, что сегодняшний вид здания существенно отличается от первоначального: Ф.Ф. Гумен *«Витебск. Зима. Ратуша»*, *«Витебск. Ночь. Ратуша»*; А.Э. Духовников *«Витебск. Дворик у ратуши»*; Г.Ф. Кликушин *«Витебск. Ратуша»*; А.С. Корженевский *«Витебская ратуша»*; О.Д. Костогрыз *«Витебск. Ратуша»*; И.Н. Шкуратов *«Ратуша»*.

5. Наименования водоемов. С древних времен люди селились на берегах водоемов, в частности рек, которые выступали в качестве торговых путей. С одной стороны, они кормили жителей, а с другой – защищали от нападений врагов.

Западная Двина – одна из крупнейших рек в Беларуси, по которой проходил путь из «варяг в греки». По ней шла оживленная торговля, сплавлялся лес. Западная Двина издавна привлекала внимание писателей, художников, историков, краеведов: П.М. Явич *«Двина»*; И.Н. Шкуратов *«Витебск над Двиной»*; А.Ф. Ковалев *«Над Двиной»*; Г.Ф. Кликушин *«На Двине»*; А.Ф. Карпан *«Двина-Даугава»*;

А.С. Шиенок *«Двина. Романтический остров»*; А.А. Чмиль *«Утро над Двиной»*; А.И. Толкач *«Двина»*; И.М. Столяров *«Западная Двина»*; В.И. Ральцевич *«Дождь на Двине»*; В.Н. Николаев *«Пробуждение Двины»*; С.В. Кухто *«Половодье на Западной Двине»*.

Один из притоков Западной Двины, от названия которого был образован топоним г. Витебск, – река Витьба. Данный приток впадает в Западную Двину в черте города, что нашло отражение и в артионимии витебских художников: Ф.Ф. Гумен *«У слияния Витьбы и Двины»*; О.В. Кирюшкин *«Зима. Вид на устье р. Витьба»*. На берегах реки Витьбы созданы зоны отдыха для горожан: парк имени Фрунзе, парк имени 40-летия ВЛКСМ, Ботанический сад и др.: Г.Ф. Шутов *«Утро на Витьбе»*; В.В. Шамшур *«На берегу Витьбы»*; В.К. Дежиц *«Утро на Витьбе»*.

Гидроним Лучеса определяет реку в Витебском и Лиозненском районах, левый приток Западной Двины. Точно так же, как Западная Двина и Витьба, Лучеса стала объектом изображения в фольклоре, литературе и изобразительном искусстве. Вместе с тем лексема *Лучеса* образует название не только одной из рек, но и железнодорожной станции, нескольких сел в Витебской области, гостиницы. По нашему мнению, под *Лучесой* в артионимии чаще подразумевается водная артерия. Это подчеркивается использованием номенклатурного термина *река* или же контекстом. В иных случаях нельзя утверждать, что данная лексема относится к реке, а не к другому объекту: Ф.Ф. Гумен *«Ноябрьская ночь на реке Лучеса», «Лето. Река Лучеса»*, *«У реки Лучесы»*; П.М. Явич *«Закат на Лучесе»*. Также в артионимии зафиксировано название правого притока р. Лучесы: Ф.Ф. Гумен *«Витебщина. Осень на реке Черница»*.

Правый приток Западной Двины, устье которого расположено в поселке Лужесно, – река Лужеснянка: И.Ю. Боровский *«Лужеснянка»*; П.М. Явич *«Лужеснянка»*; В.К. Зейлерт *«Помещичья усадьба и водяная мельница на р. Лужеснянке. Реставрация 1920-х годов»*.

Наряду с наименованиями рек в артионимии Витебщины зафиксированы названия иных водоемов: Г.Ф. Кликушин *«Ручей Дунай. Витебск»* – ручья, который протекает в овраге вдоль проспекта Фрунзе и впадает в реку Витьба. К сожалению, в артионимах не всегда тот или иной водоем, в частности ручей, привязан к конкретной местности и уточнен именем собственным: Ф.Ф. Гумен *«Вид на зимний ручей со стороны железнодорожной насыпи. Лучеса»*, *«Ручей»*; В.И. Ральцевич *«Ручей»*.

В проанализированном материале выявлено значительное количество наименований, компонентом которых являются названия водных артерий, что объясняется не только красочными ландшафтами, но и их исторически сложившейся значимостью в жизни людей.

6. Наименования пригородных поселений и их объектов. В непосредственной близости к Витебску находятся небольшие поселки. Некоторые их достопримечательности, красоты природы также отражены в артионимии Белорусского Поозерья.

На реке Лужеснянка расположен поселок Лужесно. Он богат на достопримечательности: городище раннего железного века и селище раннего средневековья, здание земледельческой школы, Покровская церковь и бывшая церковь Воздвижения Креста Господня. Кроме того, в поселке находится памятник природы «Лужеснянский дендропарк» [6, с. 234–235]: Ф.Ф. Гумен *«г.п. Лужесно. Рыжая осень»*, *«Лужесно. Белорусская осень»*, *«Утро в Лужесно»*; Г.Ф. Кликушин *«Церковь в пос. Лужесно»*; А.Ф. Ковалев *«Церковь в Лужесно»*; Г.П. Лебедев *«Церковь в Лужесно»*.

В агрогородке Мазолово сохранились усадебный дом Маньковских XIX в., руины водяной мельницы [6, с. 238–240]: В.К. Зейлерт *«Мельница в Мазолово. Реставрация 1920-х годов»*; А.С. Корженевский *«Мазолово»*, *«У старой мельницы в Мазолово»*.

В поселке Руба находятся одни из самых крупных порогов на Западной Двине. Кроме того, здесь расположено крупное месторождение известняка [6, с. 227]: А.С. Корженевский *«Руба»*, *«Витебский известковый завод “Руба”»*.

Недалеко от Витебска находится место, благодаря которому витебский регион известен далеко за пределами Беларуси. В Здравнево расположена усадьба, в которой жил и работал великий русский художник И.Е. Репин [6, с. 228–230]: В.У. Иванов *«Здравнево»*; А.Ф. Ковалев *«Лето в Здравнево»*; А.Ф. Ковалев *«Усадьба И.Е. Репина в Здравнево»*.

До 1946 г. недалеко от Витебска размещалась деревня Мазурино, на месте которой сегодня находится парк имени Советской Армии: В.А. Андросов *«Золотые березки. Мазурино»*, *«Осеннее золото. Мазурино»*; Л.И. Радевич *«Мазурино»*; Н.С. Гвоздиков *«В парке Мазурино»*.

Присутствуют единичные упоминания иных поселков, в том числе включенных в черту города: И.М. Столяров *«Село Ольгово»*; Ф.Ф. Гумен *«Витьба в деревне Себяхи»*.

Заключение. Из вышеизложенного следует, что название графического или живописного произведения чаще всего фиксирует информацию непосредственно об изображенном на полотне

объекте. Артионим может быть образован как от апеллятивной, так и от онимной лексики (например, названия внутригородского объекта).

Проведенный анализ позволяет утверждать, что городское пространство города Витебска в артионимии Белорусского Поозерья представлено несколькими тематическими группами наименований: ***линейных объектов и площадей***, ***районов***, ***парков и скверов***, ***точечных объектов***, ***водоемов***, ***пригородных поселений и их объектов***. Данные группы не одинаковы по своему объему и многообразию. При этом они не являются замкнутыми, а напротив активно взаимодействуют между собой. Одно и то же название может быть отнесено к нескольким из приведенных тематических групп.

Литература

1. Линч, К. Образ города / К. Линч. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
2. Клочкова, Ю.В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю.В. Клочкова; Уральс. гос. ун-т имени А.М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.
3. Горанская, Т.Г. Образ города в изобразительном искусстве Беларуси XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Т.Г. Горанская; Центр исследований белорус. культуры, языка и лит. НАН Беларуси. – Минск, 2015. – 24 с.
4. Мезенка, Г.М. Віцебшчына ў назвах вуліц: манаграфія: у 2 ч. / Г.М. Мезенка. – Віцебск: УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2008. – Ч. 2. – 254 с.
5. Русецкий, А.В. Художественная культура Витебска с древности до 1917 г. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – М.: БелЭн, 2001. – 288 с.
6. Віцебскі раен: краязнаўчыя нарысы / І.А. Абрамава [і інш.]; уклад. М.В. Півавар. – Мінск: Паркус плюс, 2008. – 328 с.

Поступила в редакцию 27.10.2017 г.

УДК 821.161.1-31.09:94:316.343:63-051(476.5)

Образ белоруса в романе Надежды Ланской «Обрусители»

Гурская Я.А.
Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В работе исследуется художественное изображение белорусского крестьянства, обращается внимание на реалии полесского быта в западных областях Российской империи в 80-х годах XIX века.

Цель статьи – проследить особенности формирования белорусского стереотипного характера в русской культуре XIX века и его художественное воплощение в литературе данного периода.

Материал и методы. *Материалом для исследования послужила критическая и художественная литература XIX века. Основные методы – конкретно-исторический, сравнительно-исторический и дескриптивный.*

Результаты и их обсуждение. *После раздела Речи Посполитой и вхождения Белорусских земель в состав Российской империи началось формирование белорусского национального стереотипа, ставившего своей целью полное отождествление белорусского и русского народов. В статье рассматриваются реакция общественности на политику русификации на территории Белоруссии и особенности воплощения белорусского стереотипа в художественной литературе XIX века.*

Основополагающим в художественных произведениях является принцип композиционного контраста свой/чужой, формирующий у читателя «образ врага». Положительные характеристики морального облика персонажей позволяют «перемежать» русских и белорусов, способствуя русифицированию белорусского национального характера в литературе.

Заключение. *Роман Н. Ланской отразил особенности восприятия белорусского народа в соответствии со стереотипизацией и официальной идеологией, направленной на «обрусение» Западного края.*

Ключевые слова: *русская литература, литературные связи, художественный образ, национальный стереотип, национальное пространство, Полесье.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 143–147)

Image of the Belarusian in the Novel Obrusiteli by Nadezda Lanskaya

Gurskaya Ya.A.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The article examines the artistic image of the Belarusian peasantry, draws attention to the realities of Polissia life in the western regions of the Russian Empire in the eighties of the XIX century.

The aim of the research is to trace the peculiarities of the formation of the Belarusian stereotyped character in the nineteenth-century Russian culture and its artistic embodiment in the literature of that period.

Material and methods. *The material for the study was critical and artistic literature of the XIX century. The main research methods are the concrete historical, the comparative historical and the descriptive.*

Findings and their discussion. *After the division of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire, the formation of the Belarusian national stereotype began, which aimed at the complete identification of the Belarusian and Russian peoples. The article considers the public reaction to the policy of Russification in the territory of Belarus and the peculiarities of the embodiment of the Belarusian stereotype in the XIX century literature.*

Conclusion. *N. Lanskaya's novel reflected the features of the Belarusian people perception corresponding the stereotype and official ideology aimed at Russification of Western Lands.*

Key words: *Russian literature, literary connections, artistic image, national stereotype, national space, Polissia.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 143–147)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mrtini@yandex.ru – **Я.А. Гурская**

Белорусская история богата драматическими событиями. Общим периодом в истории трех восточнославянских народов был период Киевской Руси. Белорусские земли постоянно входили в состав какого-нибудь крупного государства, территории находились в разной степени зависимости от соседей, поэтому вполне закономерно, что многие писатели-иностранцы в своих произведениях обращаются к художественному осмыслению белорусского характера и жизненного уклада. Среди них чаще всего встречаются представители соседних литератур, в первую очередь польской и русской. Опираясь на собственную историю, обращаясь к конкретным событиям или важным периодам формирования своей государственности, анализируя собственный национальный характер, эти авторы изображали белорусов, отталкиваясь от своих представлений о чужой и собственной истории и культуре. Впоследствии этот субъективный национальный взгляд позволил говорить не только об особом восприятии другого народа, но также и о национально-культурных стереотипах, формировавшихся у читательской аудитории посредством художественной литературы.

Цель статьи – проследить особенности формирования белорусского стереотипного характера в русской культуре XIX века и его художественное воплощение в литературе данного периода.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила критическая и художественная литература XIX века. Основные методы: конкретно-исторический, сравнительно-исторический и дескриптивный.

Результаты и их обсуждение. На протяжении долгого периода образы белорусов в русском политическом и бытовом сознании ассоциировались сначала с Великим княжеством Литовским и литвинами, а затем с Речью Посполитой и поляками, на стереотипном отношении к которым, ввиду сложных исторических и политических взаимодействий, эстетически создавался образ национального врага. Однако сразу после первого раздела Речи Посполитой в 1772 году и в последующие века Белоруссия входила в состав Российской империи, что потянуло за собой не просто интеграцию белорусов в русскую культуру, но и изменение национального мышления, в котором белорусская «народность» представлялась полным отождествлением русского национального характера. Политика культурного доминирования преследовала, в первую очередь, стирание этнического деления на *мы / они* и *свой / чужой* по отношению к белорусской нации. Она дала определенные результаты, так как русские и белорусы воспринимают друг друга, прежде всего, как *братьев*, *добрых соседей*, *партнеров* и т.п. Вместе с тем русификация белорусского этноса в XVIII–XIX веках не предусматривала сохранения уникального национального менталитета, речь шла о полном подавлении культурного кода. В современных же геополитических реалиях речь, разумеется, идет о диалоге русской и белорусской культур как самодостаточных и уникальных единицах.

Важную роль в формировании представлений о другом народе играет литература. Связано это, в первую очередь, с типизацией и собирательностью образов героев художественных произведений. Так, в русской литературе XIX века широко представлен образ гувернера-француза или француженки, отличительными чертами которых являются кичливость, псевдообразованность, излишняя манерность. И, напротив, образ сдержанных, разумных, всегда серьезных педагогов-немцев. Такая контрастность диктовалась триумфом русской армии в Отечественной войне 1812 года и сложившимся еще с петровских времен представлением о немецкой принадлежности как гаранте образования и качества. Разумеется, данный подход к изображению иного национального характера не является объективным, но у читателя формируется определенное отношение к чужой народности – в данном случае французам и немцам, – которое в дальнейшем он будет применять в реальной действительности. Таким образом, формируется национальный стереотип.

С конца XVIII века перед Российской империей стояла задача изменить восприятие белорусского народа с отрицательного на положительное. Задача эта осложнялась также тем, что следовало не просто создать новый национальный стереотип, но и изменить взгляд белорусов на самих себя, их собственное восприятие себя. В 1840 году, руководствуясь самим фактом восстания 1830–1831 гг., Николай I издал указ, в котором запрещал употреблять в официальных документах, а также печати слова «Белоруссия» и «белорус». И хотя исключения встречались, например, в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Пантеон» и др. публиковались очерки и обзоры книг, связанные с белорусской историей и культурой, политика в отношении *Западного края* была однозначной, направленной на ассимиляцию белорусов, подавление национального самосознания.

В этот период были написаны и изданы романы «Иван Выжигин» (1829) Ф. Булгарина и «Пан Подстолич» (1832) Ф. Массальского. По своему идейному содержанию данные произведения нельзя сравнивать, однако оба автора изобразили картину жизни белорусского крестьянина с акцентом на противопоставлении *поляк – белорус*

и *поляк – русский*. Таким образом, читатель самостоятельно проводит параллели о родстве русских и белорусов и одновременно объединяет их против общего «врага», который устоялся в русском менталитете, – поляков.

После указа 1840-го года широкое распространение получили фольклорные заметки и этнографические очерки, связанные с Западным краем: «Народные белорусские песни» (1853) Е.П. Павловской, «Белоруссия в характеристических описаниях и фантастических поверьях» (1853–1856), «Путешествие по Полесью и Белорусскому краю» (1854) П.М. Шпилевского, «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии» (1856) М.О. Без-Корниловича. Большую популярность приобрели статьи и заметки из так называемого цикла «Нам пишут» (этими строками начинались многие публикации белорусских корреспондентов) в газете «Колокол» Александра Герцена. В них рассказывалось о происшествиях и непростой жизни в Витебской, Могилевской, Минской и Гродненской губерниях [1, с. 182].

Помимо первоочередных целей, которые преследовали авторы, данные публикации продолжали доказывать, что между русскими и белорусами нет значительных отличий: у них одинаковые культура, образ жизни, деятельность, в повседневной жизни крестьянам приходится сталкиваться со схожими проблемами, а значит – это единый народ, который должен объединиться.

Усугубилась ситуация после очередного Польского восстания 1863–1864 гг. Подавление национального сопротивления привело к ужесточению политики по отношению к Западному краю и новой волне русификации этих территорий. Подчеркнуть родство двух народов стало настолько первостепенным, что в своем отчете по управлению Северо-Западным краем граф М.Н. Муравьев писал, что все крестьянское население *«в душе русское»*, но загнано и забито и ждет только освобождения: *«здѣсь одни только крестьяне, сохранившіе Православную вѣру и даже насильственно принявшіе римско-католичество, остались вѣрными сынами Россіи и преданными престолу вашего императорскаго величества; ихъ необходимо поднять, возвысить и поставить въ совершенно независимое положеніе отъ польскихъ пановъ. Тогда только мы можемъ бороться съ польскою пропагандою, постоянно уничтожать ее и привести въ ничтожество»* [2, с. 497–498].

Религия стала сближающим звеном в отношениях русских и белорусов. Единство православной веры трактовалось как доказательство единства народов и противопоставлялось полякам в частности и католичеству в целом. Ярким примером такого подхода в литературе является исторический роман Вс. Соловьева «Княжна Острожская» (1876), в котором автор показывает взаимоотношение русских, белорусов и поляков с акцентом на современную ему политику, сохраняя лишь исторические реалии повествования. Таким образом, национальный стереотип белорусского народа в русской ментальности максимально отождествлялся с собственно русским этносом.

Актуальным произведением, отразившим особенности восприятия белорусского народа и его так называемое современное состояние, является роман Надежды Владимировны Ланской (в замужестве Яковлевой) «Обрусители», вышедший в 1883 году. Во второй половине XIX века Надежда Ланская была известным либеральным публицистом и писателем. В своем творчестве она последовательно отстаивала права крестьян, одновременно изображая невежество провинциальной России. Наиболее известные ее повести и романы «Ночная бабочка: Простая, но подлинная история», «Разоренное гнездо», «Человек и барин», книга очерков «Как живется в провинции» обличали злоупотребление чиновников своим положением, их намеренное пренебрежение народом, манипулирование законодательством по отношению к крестьянам. Неоднократно за свои публикации Н. Ланская подвергалась репрессиям и осуждению со стороны государства и чиновничьего аппарата. За роман «Обрусители», который при жизни автора выдержал три переиздания и перевод на украинский язык, Надежда Владимировна Ланская была привлечена к судебной ответственности.

Действие романа происходит в Западном крае, в одной из волостей Полесья. Структурно произведение поделено на две части: в первой рассказывается о деревне Сосновке и крестьянах, живущих в ней, а во второй внимание Ланской направлено на провинциальный город и, собственно, нечистых на руку чиновников: «пана маршалка» Петра Ивановича Лупинского и его окружение – старшину волости Тараса Кулака и мирового посредника Михаила Гвоздики. Автор подробно описывает их махинации, а также злоупотребление должностным положением, что позволяет героям за несколько лет службы нажиться на незаконных сделках и поборах.

С самого начала повествования Н. Ланская отмечает, что мирная жизнь Волчьей волости изменилась после *«стеканія великаго множества людей великорусскаго происхожденія преимущественно и православнаго исповѣданія непремѣнно»* [3, с. 9], чтобы «обрусить» территории, когда-то входившие в состав Речи Посполитой. При этом на протяжении всего романа ав-

тор подчеркивает, что отрицательно относится к самой политике русификации, но намеренно или нет, Н. Ланская продолжает способствовать формированию нового белорусского стереотипа. Так, описывая белорусскую деревню, она говорит, что Сосновка *«длинная, растянувшаяся чуть не на двѣ версты, не составляла исключенія: она, какъ всѣ* ***русскія*** *деревни, и горѣла и градомъ бывала побита, страдала изъ года въ годъ отъ падежей и засухи, и пила мутную воду изъ какого-то пруда, который лѣтомъ зарасталъ высокой травой, а осенью вплоть до морозовъ покрывался тиной…»* [3, с. 7]. Проводимая параллель является прямым отражением политической доктрины того времени: одна вера – один народ, одно государство – один народ. Ланская намеренно обращается к инонациональным образам, поднимает проблему насильственного подавления культурного кода Западного края, и одновременно с этим мы видим, что сама она уже не воспринимает белорусов как категории «чужих», а говорит о них как о части русской нации.

Показательным является и само отношение автора к своим героям. На протяжении всего повествования Надежда Ланская неоднократно подчеркивает отдаленность Сосновки, ее «дикость», что является своеобразной метафоричностью «дикости» самих крестьян: *«Крестьяне знали, что для порядка надъ ними поставленъ посредникъ и въ его лицѣ повиновались печатному закону; они работали и платили, не спрашивая, кому работаютъ и за что платятъ <…> Мужикъ бѣднелъ годъ отъ году и самъ не домекалъ, почему онъ бѣднѣет»* [3, с. 7]. Автор показывает, что миропонимание деревенских жителей строится на подчинении власти и силе, которой они не смеют перечить, но в чем эта власть заключается, кто ею обладает, никто представления не имел: *«Они полагали, что Петръ Ивановичъ существуетъ только затѣмъ, чтобы дѣлать смѣты и раскладки, собирать подати и недоимки, отдавать въ рекруты, а больше всего затѣмъ, чтобы распредѣлять то количество розогъ, которое ежегодно отпускалось на волость подобно тому, какъ отпускается изъ казначества жалованье. Слова: мировой посредникъ сливались у нихъ какъ-то неясно съ словомъ законъ: это представленіе, само по себѣ довольно неясное, еще болѣе запуталось отъ толкованій волостнаго старшины и писаря»* [3, с. 18–19].

С той же пессимистической реалистичностью описывает Н. Ланская и быт сосновцев: *«Во всю длину улицы вытянулся длинный рядъ однообразныхъ низкихъ строеній съ крошечными, едва пропускающими свѣт, окнами. Что это: избы или хлѣвы <…> Кое-гдѣ въ избахъ зажгли лучину, и ярко-красный свѣтъ ея, освѣщая закоптѣлыя, почернѣвшія стѣны, составлялъ рѣзкій контрастъ съ убогой, печальной обстановкой. Обстановка была вездѣ одна и та же, и вездѣ убога; вездѣ не только проглядывала, но била въ глаза непокрытая голь и бѣдность: бѣдность въ одѣждѣ, пищѣ, в самыхъ лицахъ, во всемъ, что окружало тутъ человѣка с минуты рожденія и до самой смерти»* [3, с. 5–6]. В то же время есть в жизни полесских крестьян и счастливые минутки, которые преподносятся автором с сарказмом и насмешкой: *«[Сосновка] какъ всякая благоустроенная деревня, имѣла въ центрѣ кабакъ; Кабакъ – это было то развлеченіе, безъ котораго нельзя жить на землѣ ни подъ какимъ градосомъ широты. Это было единственное <…> мѣсто, <…> гдѣ отуманенныя головы мѣстныхъ крестьянъ забывали про падежи, недоимки, пожары и многое другое»* [3, с. 8].

С одной стороны, этим Н. Ланская хотела подчеркнуть, что политика обрусения не работает, а множество чиновников, направленных в Полесье, преследовали лишь одну цель: *«завоевать себѣ состояніе, положеніе сдѣлать карьеру»* [3, с. 13], потому что слышали о том, что *«западный край былъ золотым дномъ для находчивых людей»* [3, с. 13]. С другой – автор обращается к проблеме *Россия–Западный край*, вопрос взаимодействия которых культивировался в печати несколько десятилетий до этого. Можно здесь говорить и о стереотипе общего врага: почему западные земли Российской империи находятся в таком упадке? Ответ в романе напрашивается сам собой: потому что эти территории долгое время оставались под влиянием польской власти и пропаганды. Подтверждение приверженности Надежды Ланской данной идее мы находим в истории жизни и поведения жены Петра Лупинского – польки, *«которая скрывала свою вѣру и происхожденіе изъ боязни повредить карьерѣ мужа»* [3, с. 13–14]. Следует отметить, что автор не скупится на иронические детали, описывая этот персонаж и продолжая традицию освещения польской темы в русской литературе XIX века.

Раскрытие вариантов развития межкультурных отношений русских и белорусов происходит путем введения в повествование одного из ключевых героев первой части романа – отставного солдата Гаврилы Щелкунова. Будучи уроженцем Сосновки, он 25 лет провел в иной обстановке и был подвержен влиянию другой этнической идентичности: *«Онъ явился съ запасомъ разносторонних свѣдѣній и нѣкотораго рода критическимъ отношеніемъ, так сказать, къ той дѣйствительности, которая его окружала по возвращеніи на родину. Онъ кое-какъ выучился грамотѣ, могъ прочитать печатное и самъ выводилъ непонятныя каракули,*

которыя очень смѣло называлъ литерами; онъ могъ сосчитать хотя до тысячи, производя всѣ ариѳметическія выкладки на пальцахъ, и былъ настолько силенъ въ лѣтосчисленіи, что могъ безошибочно опредѣлить, во всякое время, какой шелъ годъ со времени Р.Х.» [3, с. 16–17]. При этом Н. Ланская не обособляет своего героя от общества, напротив, она наделяет его авторитетом среди деревенских мужиков, которые настолько прониклись доверием и уважением к Щелкунову, что согласились на «бунт» против старосты и посредника.

Общественная позиция Гаврилы Щелкунова показана посредством превознесения им русской культуры, русского образа жизни. Здесь автор выступает на стороне общественной пропаганды народного единения. Российская империя изображается как светлое, развивающееся государство и противопоставляется темному, все еще чуждому русской общности Западному краю: *«Гуляя по "Россеѣ", потолкавшись между бойкими крестьянами орловской и тульской губерній, присмотрѣвшись къ ихъ обычаямъ и порядкамъ, Щелкуновъ, когда вернулся домой, скоро рѣшилъ, что порядки въ его собственной волости никуда не годятся. Особенно его оскорбило нахальное поведеніе княжескаго арендатора, еврея Цаплика, который, благодаря своимъ таинственнымъ связямъ съ главной конторой князя и мѣстной администраціей, не хотѣлъ знать никакихъ законовъ и помыкалъ крестьянами, какъ своими крѣпостными»* [3, с. 17]. Готовность крестьян следовать за идеалами Щелкунова, принятие их как единственно верных и неоспоримых призваны продемонстрировать читателю, что духовные черты русского характера не чужды и белорусам, что искусственно разделенные в прошлом эти два народа в действительности являются одним целым.

В конечном результате попытка крестьян сопротивляться устоявшемуся беззаконию не увенчалась успехом. Щелкунова было решено наказать розгами и выселить из Волчьей волости, а его «подельников» посадили в острог. Показательной является следующая сцена: *«Уходя съ своими пожитками, оскорбленный и негодующій Гарикъ Щелкуновъ сказал, что онъ дойдетъ хоть до Царя, обозвалъ всѣхъ дураками…»* [3, с. 53]. Автор демонстрирует отрешенность Щелкунова, фактически трансформирует его в чужака: на солдатской службе он был среди *своих*, его окружали люди, разделявшие его убеждения, в Сосновке же он оказался в *«темном царстве невежества и произвола»*, где ему пришлось отстаивать свою правоту. Таким образом, концепт *свой / чужой* в романе Н. Ланской раскрывается в момент трансформации: Щелкунов начинает ассоциировать себя с русскими, с клишированной верой в абсолютную справедливость царя, с четким разграничением Западного края и остальной России. Именно поэтому герой «возвращается» в русскую среду, где ему комфортно, а не остается со своими товарищами, которые в конечном итоге признают неправомерность бунта против чиновничьего произвола и возвращаются в Сосновку.

Заключение. Роман «Обрусители» Надежды Ланской направлен на разоблачение чиновничьего аппарата в так называемом Северо-Западном крае. Писательница стремилась, прежде всего, раскрыть махинации, связанные с обрусением западных регионов, показать, что система работает в большей степени лишь на бумаге, а в действительности каждый «обруситель» преследует свою мелочную цель. Создавая образ жителя западной окраины России, Н. Ланская не могла не коснуться актуальной для литературного процесса ее исторического времени темы белорусского характера. Она выступила оппонентом насильственной русификации Западного края, при этом ввела в повествование героя, который естественным путем пришел к иной национальной ментальности, идентифицировал себя с русским народом. Сама Надежда Ланская симпатизирует белорусскому народу, считает его *«смирным, добросовестным, немного ленивым, терпеливым и невзыскательным»* [3, с. 104–105]. В произведении широко используется принцип композиционного контраста: свои / чужие в изображении этнических групп; положительные / отрицательные при характеристике морального облика персонажей; прошлое / настоящее, настоящее / будущее в осмыслении перспектив развития национальных окраин России.

Литература

1. Букчин, С.В. Народ издревле нам родной: рус. писатели и Белоруссия. Очерки / С.В. Букчин. – Минск: Лимариус, 2003. – 640 с.
2. Муравьев, М.Н. Всеподданнѣйшій отчетъ графа М.Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ / М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1902. – № 6. – С. 487–510.
3. Ланская, Н. Обрусители. Романъ изъ общественной жизни западного края. Въ двухъ частяхъ / Н. Ланская. – С.-Петербургъ: Изданіе книжного магазина П.В. Луковникова, 1888. – 281 с.

Поступила в редакцию 18.10.2017 г.

УДК 821.162.1-31“18”

Спецыфіка выкарыстання алюзій і цытат у аповесці Т.Т. Ежа “Другая Божая запаведзь”

Гладкова Г.А.
Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле робіцца аналіз выкарыстаных алюзій і цытат у творы польскамоўнага пісьменніка XIX стагоддзя З. Мілкоўскага (літаратурны псеўданім – Тамаш Тэадор Еж) “Другая Божая запаведзь”.

Мэта – вызначыць асаблівасці алюзій і цытат у згаданай аповесці, а таксама знайсці мастацкія і гістарычныя крыніцы, якія паслужылі асновай для цытацыі.

***Матэрыял і метады.** Матэрыялам для даследавання стала аповесць Т.Т. Ежа “Другая Божая запаведзь” (варшаўскае выданне 1930 года). Асноўныя метады – культурна-гістарычны, структурны і інтэртэкстуальны аналіз.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** На мастацкім матэрыяле твора вылучаны шэраг алюзій, якія ахарактарызаваны з пункту погляду частотнасці ўжывання (пераважаюць тэксты Біблії) і мэты выкарыстання, названы крыніцы алюзій і цытавання (антычныя тэксты, творы вядомых пісьменнікаў сусветнай і нацыянальнай літаратуры, мясцовыя легенды і песні), абгрунтоўваецца мэтазгоднасць выкарыстання дадзенага мастацкага прыёму ў прааналізаванай аповесці.*

***Заключэнне.** Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць высновы пра абгрунтаванасць літаратурных алюзій і цытат у аповесці Т.Т. Ежа, а таксама сцвердзіць меркаванне пра грунтоўную аўтарскую дасведчанасць па пытаннях нацыянальнай і сусветнай палітыкі і культуры.*

***Ключавыя словы:** літаратурная алюзія, цытата, Рэч Паспалітая, Польшча, Літва, Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг., дэкалог, рамантызм, нацыянальная свядомасць.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 148–151)

Specificity of Application of Allusions and Quotations in T.T. Yezh’s Novel “Second God’s Commandment”

Gladkova G.A.
Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Analysis of allusions and quotations used in the novel by the Polish language writer of the XIX century Z. Milkouski (literary name Tamash Teador Yezh) “Second God’s Commandment” is made.

The purpose is to identify features of allusions and quotations in the novel and find out artistic and historical sources, which were the basis of citation.

***Material and methods.** The research material is T.T. Yezh’s novel “Second God’s Commandment” (the Warsaw edition of 1930). The basic research methods are the cultural and historical, the method of structural and intertextual analysis.*

***Findings and their discussion.** On the basis of the artistic material of the novel a number of allusions are identified, which are characterized from frequency of use (the Bible texts prevail) and purpose of application; sources of allusions and quotation (antique texts, works by outstanding writers of world and national literature, local legends and songs) are named; advisability of using this artistic tool in the analyzed novel is grounded.*

***Conclusion.** The research makes it possible to conclude about reasonableness of literary allusions and quotations in the analyzed novel and to state the idea of the substantiated author’s understanding of the issues of national and global politics and culture.*

***Key words:** literary allusion, quotation, Polish-Lithuanian Commonwealth, Poland, Lithuania, October 1830–1831 Uprising, decalogue, Romanticism, national identity.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 148–151)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: anngrin@mail.ru – **Г.А. Гладкова**

Тэадор Тамаш Еж (сапраўднае імя – Зыгмунд Мілкоўскі) належыць да ліку польскіх пісьменнікаў XIX стагоддзя з багатай літаратурнай спадчынай. У цэнтры пісьменніцкай увагі знаходзіліся пытанні палітычнага жыцця краіны, праблемы жаночай эмансіпацыі, спецыфіка рэгіянальных канфліктаў (Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг., рэвалюцыйны рух на Балканах і інш.). Адной з гістарычных аповесцей пісьменніка стала кніга "Другая Божая запаведзь", прысвечаная падзеям паўстання 1831 года на Літве і выдадзеная пасля смерці аўтара толькі ў 1930 годзе. У айчынным літаратуразнаўстве пакуль адсутнічаюць навуковыя даследаванні, дзе распрацоўвалася пытанне рэцэпцыі паўстання 1830–1831 гг. у творчасці З. Мілкоўскага. У польскай літаратуразнаўчай навуцы літаратурная спадчына пісьменніка разгледжана ў бібліяграфічных даведніках і шэрагу іншых публікацый, аднак па-за ўвагай навукоўцаў засталося пытанне спецыфікі мастацкіх прыёмаў, выкарыстаных пісьменнікам у канкрэтных мастацкіх творах. Акрэслены агульны накірунак творчасці З. Мілкоўскага, аналізуюцца прыёмы, уласцівыя літаратуры рамантызму і рэалізму, якія спалучыў пісьменнік, аднак роля алюзій і цытат як шырока распаўсюджаны мастацкі прыём не атрымала належнага навуковага асэнсавання. Гэта акалічнасць тлумачыць наватарскі характар даследавання і абгрунтоўвае пастаўленую мэту.

Мэта артыкула – выяўленне спецыфікі алюзій і цытат у згаданай аповесці, што будзе спрыяць якаснаму ідэйна-тэматычнаму аналізу твора і дазволіць удакладніць асаблівасці мастацкага метаду пісьменніка.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання стала аповесць Т.Т. Ежа "Другая Божая запаведзь" (варшаўскае выданне 1930 года). Асноўныя метады: культурна-гістарычны, структурны і інтэртэкстуальны аналіз.

Вынікі і іх абмеркаванне. Літаратурныя алюзіі і цытаты ўяўляюць сабой своеасаблівыя стылістычныя сродкі, якія аўтар выкарыстоўвае для стварэння мастацкага вобраза праз адсылку да іншых мастацкіх твораў, падзей гісторыі, палітыкі, культурнага жыцця, гэта значыць, да іншых культурных кодаў. Паказчыкамі "алюзіўнага працэсу" могуць служыць розныя моўныя адзінкі: слова, словазлучэнне, выказванне. Як лічыць Л.А. Машкова, класіфікацыя алюзій можа быць заснавана на такіх крытэрыях, як крыніца алюзіі (літаратурныя, біблейскія, міфалагічныя, гістарычныя, бытавыя), ступень вядомасці алюзіўнага факта, наяўнасць ці адсутнасць нацыянальнай афарбоўкі [1, с. 8].

Што датычыць выкарыстання алюзій у аповесці Т.Т. Ежа "Другая Божая запаведзь", то можна сцвярджаць, што пісьменнік дастаткова часта ўжывае гэты прыём. Так, падчас апісання карчмы, якую мясцовае насельніцтва віленскага краю называе Рымам, аўтар паведамляе, што шляхта была пераканана ў тым, быццам у гэтай карчме адбылася апошняя расправа д'ябла з Твардоўскім. Дадзены кантэкст дазваляе ўстанавіць крыніцу алюзіі: маецца на ўвазе польскі варыянт легенды пра Фаўста, па якой пан Твардоўскі, які жыў у XVI стагоддзі, пайшоў на змову з д'яблам дзеля атрымання ведаў і задавальнення сваіх патрэб, і, адпаведна дамове, апошні мог забраць душу пана толькі ў Рыме, куды Твардоўскі павінен быў прыехаць ва ўстаноўлены час. Твардоўскі доўга падманваў д'ябла, тады сам нячысты ператварыўся ў сябра пана і запрасіў яго ў карчму з адпаведнай назвай. Там д'ябал, нарэшце, забраў душу пана. Як бачым, мэта выкарыстання дадзенай алюзіі ў тэксце відавочная: карчма Рым стане месцам-пачаткам трагічных падзей у творы. Матыў продажу душы таксама стане адным з галоўных і будзе мець дачыненне да вымушанай змовы шляхты з прадстаўніком расійскай улады Н.П. Гільфердзінгам, уяўляючым д'ябла ў чалавечым абліччы.

У эпізодзе святочнай вячэры ў доме пана Бальтазара Троцкага сустракаецца аўтарскае ўказанне на тое, што сервіроўка стала не была такой багатай, як апісаў такую ж "śpiewak Pana Tadeusza" [2, s. 42]. Маецца на ўвазе А. Міцкевіч і яго знакамітая паэма "Пан Тадэвуш", добра вядомая суайчыннікам пісьменніка, дзе ёсць шэраг змястоўных апісанняў традыцыі прымання ежы з пералікам напояў і страў.

Пісьменнік часта выкарыстоўвае прамое цытаванне з твораў славутага польскага паэта-рамантыка Ю. Славацкага. Часцей за ўсё за крыніцу цытацыі абіраецца паэма "Бенёўскі", урыўкі з якой неаднаразова сустракаюцца на старонках аповесці. Так, апавядаючы пра маёнтак пані Віч у Падарнішках, аўтар цытуе ўрывак са згаданай паэмы Ю. Славацкага, дзе апісваюцца Анелінкі: "O! Tam poezja gotowa! – Romeo! / Pożycz mi twoich słów rozpłomienionych" [2, s. 75], які надае рамантычную афарбоўку тапанімічнай прасторы, дзе разгортваецца дзеянне. Яшчэ раз аўтар звярнуўся да той жа крыніцы, разважаючы аб праблеме першаснасці грамадскага абавязку над прыватным шчасцем. "Biada! Kto daje ojczyźnie pół duszy, a drugie to pół dla szczęścia zachowa" [2, s. 90].

Акрамя паэмы Ю. Славацкага "Бенёўскі" ў аповесці таксама цытуецца драматычны твор згаданага польскага рамантыка "Сярэбраны сон Саламеі". Словы Вернігоры "Każdy kwiat ma swe zapachy, / Każdy duch swój wid pół-jasny, / Każde serce swój strach własny" суадносяцца з тэмай хуткаплыннасці прыватнага шчасця і кахання [2, s. 87].

Згадваецца ў аповесці вядомы твор І. Красіцкага "Мышэіда", які чытае пан Непамуцэн Нушкевіч. Гэта дэталь падкрэслівае асветніцкія погляды героя і яго вернасць нацыянальным каштоўнасцям.

Алюзія на трагедыю У. Шэкспіра "Рамэа і Джульета" сустракаецца ў аўтарскім адступленні адносна шчасця закаханых, якому не перашкаджае "nieprzyjaźń domów Montechich i Capulettich" ("варагаванне дамоў Манэкі і Капулеці") [2, s. 75].

Паказальна, што лацінамоўныя тэксты таксама служаць пісьменніку для перыядычных адсылак да іх чытача. У прыватнасці, у сцэне падрыхтоўкі да паўстання з вуснаў аднаго з герояў гучыць вядомы выраз "Alea jacta jest" ("Выбар зроблены"), які ўяўляе сабой словы Юлія Цэзара, быццам бы сказаныя палкаводцам пры пераправе праз памежную раку Рубікон. Сэнс выкарыстанага крылатага выслоўя ў дачыненні да падзей аповесці адназначны: Варшава выказала заклік да паўстання, таму зваротнага шляху няма. Яшчэ адзін лацінамоўны выраз "patri patriae", ужыты пры характарыстыцы аднаго з персанажаў твора, узыходзіць да крылатага выслоўя "Pater Patriae" ("Бацька народаў"). Несумненна, гэта адсылка да ганаровага тытула, атрыманага Цыцэронам ад рымскага сената пасля падаўлення здрадніцкай змовы.

У канцы твора яшчэ раз сустрэнецца адсылка да часоў антычнасці. Маецца на ўвазе эпізод развітання жанчын з паўстанцамі. З вуснаў кабет гучалі словы пра вяртанне са шчытом ці на шчыце, што мае крыніцай вядомы лацінамоўны фразеалагізм "aut cum scuto, aut in scuto", які ўзыходзіць, паводле Плутарха, да гісторыі Старажытнай Спарты. Сустракаецца ў творы таксама вядомы юрыдычны тэрмін "corpus delicti" ("састаў злачынства") пры апісанні расправы над мясцовым махляром, уладальнікам карчмы Рым.

Заўважым, што, акрамя літаратурных крыніц цытавання, Т.Т. Еж спасылаецца на біблейскія тэксты, у прыватнасці, разважанне пра сутнасць кахання ў аповесці спалучана з вядомым выказваннем ап. Паўла (крыніца: Пасланне да карынфян, раздзел 13:4–8): "Любоў доўгацярплівая, міласэрная…" [3, с. 1746]. Пісьменнік робіць заўвагу, што выказванне Паўла дастаткова поўна можа перадаць кароткая сентэнцыя: "Miłość nigdy nie zginie", bo… goreje" [2, s. 43]. Адзначым, што ідэалізацыя вобразаў закаханых (Пётр Нушкевіч і Рузя Віч) пабудавана аўтарам цалкам на лепшых традыцыях духоўнага слова хрысціянства.

У аповесці часта сустракаюцца аўтарскія адступленні па розных пытаннях тагачаснага грамадскага і прыватнага жыцця. Лёс Польшчы-пакутніцы асэнсаваны пісьменнікам праз прызму ахвярнасці яе народа. Выбар, які стаіць перад кожным грамадзянінам, на думку аўтара, відавочны: або забыць пра грамадскі абавязак і жыць прыватным шчасцем, або адмовіцца ад яго і паслужыць айчыне. Традыцыйны для класічнай літаратуры канфлікт вырашаецца ў аповесці адназначна: галоўны герой пакідае любую жонку і кладзе жыццё на алтар змагання. Такі сюжэтны ход спалучаны ў мастацкім тэксце з чарговай алюзіяй на біблейскую легенду пра ахвяру Аўраама Богу. Пісьменнік адзначае: "Ofiara Abrahama powtarza się u nas bardzo często. Niema tylko anioła, któryby nóż w powietrzu wstrzymał. Noże w Polsce sięgają do głębi serc i boleśnie kaleczą" ("Ахвяра Абрама паўтараецца ў нас вельмі часта. Толькі няма анёла, які б затрымаў нож у паветры. Нажы ў Польшчы пранікаюць у глыбіню сэрцаў і балюча калечаць") [2, s. 89]. Дадзенае выказванне адсылае чытача да вядомай біблейскай гісторыі (Быццё 22:1–19), сутнасць якой у неабходнасці прынесці ахвяру Богу, якая паўстала перад Аўраамам і якую старац меў намер выканаць. Аднак у апошні момант анёл перахапіў руку Аўраама, узнятую з нажом над уласным сынам. Як бачым, у дачыненні да гісторыі Польшчы дадзеная алюзія набывае трагічнае гучанне: няма каму спыніць ахвяраванне народам дзеля высакароднай мэты вызвалення айчыны.

Ідэйна важным дыялогам аповесці стала размова маладога шляхціча Пятра Нушкевіча, адданага змагара за свабоду радзімы, і яўрэя-карчмара, які параўнаў лёс народа Рэчы Паспалітай і яўрэяў. З вуснаў карчмара прагучаў аповед пра подзвіг Іуды Макавея (Machabeusz), які ўзняў паўстанне суайчыннікаў супраць спробы Анціёха выкараніць іўдзейскую веру. "Mnie się zdaje, […] że nim Polska do oczyszczenia przystąpi, potrzeba jej Machabeuszów, i takich, co się biją, i takich, co się w męczarniach giną…", – падсумаваў свае развагі карчмар [2, s. 95]. Пад вобразам Макавея маюцца на ўвазе героі-патрыёты, якіх не стае былой Рэчы Паспалітай у змаганні з агрэсіўнай палітыкай Расійскай імперыі.

Пасля паражэння паўстання кіраўнік атрада капітан Клюшка знаходзіцца ў разгубленасці, ён наведвае былых паўстанцаў, але тыя пазбягаюць знаёмства. Стан героя перададзены праз акрэслены ў аповесці выраз "Zwierzęta mają nory, ptacy gniazda, a on, syn człowieczy, nie miał gdzie głowy położyć" [2, s. 145], які ўяўляе сабой часткова зменены адказ Ісуса кніжніку (Мацв. 8:20): "…лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнёзда; а Сын Человеческий не имеет, где преклонить голову" [3, с. 1511]. Настрой і паводзіны былых паўстанцаў перадае кароткі дыялог: " – Co chcesz… Ja się wyprę ciebie… ty się wyprzyj mnie. – Niby Piotr Chrystusa…" [2, s. 145], які адсылае чытача да вядомага эпізоду адрачэння

Пятра ад Хрыста. Такім чынам, ідэйнае гучанне аповесці набывае ўзмоцненую філасофска-рэлігійную афарбоўку: прынесеная на карысць айчыны ахвяра аказваецца дарэмнай, бо тыя, на плячах каго ляжаў клопат пра вольную будучыню краіны, выракліся сваіх былых намераў.

Паказальна, што аповесць мае таксама цытатную назву, якая адсылае чытача да дэкалогу, дзесяці Божых запаведзей, сярод якіх увагі заслугоўвае другая. У каталіцкай традыцыі яна гучыць як "Nie będziesz brał imienia Pana Boga twego nadaremnie" ("Не ўжывай імя Пана Бога дарэмна"), што адлюстравана ў эпіграфе да твора. Калі ўлічыць, што ідэйная накіраванасць аповесці заключана ў асэнсаванні пісьменнікам падзей паўстання 1830–1831 гг. на Літве праз прызму маральна-філасофскіх каштоўнасцей, такі выбар назвы і эпіграфа бачыцца абгрунтаваным. У творы адлюстравана гісторыя змагання за свабоду краю і клятвапарушэнне мясцовай шляхты, якая паміж справядлівасцю і прыватным спакоем абрала другі варыянт, тым самым дала права злодзеям і ворагам адчуваць сваю беспакаранасць. Пісьменнік ставіць адно са складаных філасофскіх пытанняў аб сутнасці праўды і справядлівасці, на гістарычным матэрыяле ён спрабуе асэнсаваць пралікі суайчыннікаў, якія разумеюцца аўтарам як парушэнне Божых законаў, а значыць, выпраўленне іх запатрабуе новых намаганняў ад маладога пакалення.

Адзначым, што ў аповесці "Другая Божая запаведзь" таксама сустракаюцца цытаты, вызначэнне крыніц якіх выклікае пэўныя цяжкасці. Напрыклад, прыведзеныя ў творы словы песні "A już by i skała poruszyć się dała…", "Nieszczęśliwy ten to, co się wkręcił wpęto…" [2, s. 40] і некаторыя іншыя варта разглядаць як музычны факт эпохі без дакладнага вызначэння зафіксаванай музычнай крыніцы. Верагодна, пісьменнік выкарыстаў радкі з найбольш папулярных мясцовых песень, што ўзбагаціла этнаграфічны каларыт аповесці [4–6].

Заключэнне. Такім чынам, праведзены аналіз дазволіў вылучыць у аповесці Т.Т. Ежа "Другая Божая запаведзь" алюзіі, вызначыць іх спецыфіку, указаць мастацкія тэксты, якія паслужылі крыніцай цытацыі ці з'явіліся аб'ектам чытацкай увагі (з дапамогай аўтарскіх адсылак). Відавочна, што пісьменнік актыўна карыстаўся згаданымі стылістычнымі прыёмамі з мэтай надаць літаратурнаму твору глыбокае філасофскае гучанне, узбагаціць тэкст культуралагічным кантэкстам, дапоўніць уласную пазіцыю па самых важных пытаннях. Як вынікае з аналізу цытат і алюзій, найбольш часта аўтар спасылаўся на тэксты Бібліі, крыніцы антычнай літаратуры і гісторыі. Сярод пісьменнікаў-суайчыннікаў увагу літаратара прыцягнуў вядомы паэт-рамантык Ю. Славацкі, розныя творы якога сталі крыніцай цытавання ў аповесці. Згадваюцца Т.Т. Ежам таксама мясцовыя легенды (пра пана Твардоўскага), музычныя творы (фрагменты песень), робяцца адсылкі да творчасці І. Красіцкага і У. Шэкспіра. Безумоўна, такая багатая палітра алюзій і цытат у аповесці сведчыць пра высокую ступень адукаванасці самога аўтара, дазваляе чытачу шляхам асацыяцый далучыць агульна вядомыя факты да мастацкага тэксту аповесці, а значыць, асэнсаваць вобразы і падзеі ў кантэксце сусветнай гісторыі і культуры.

Аповесць Т.Т. Ежа "Другая Божая запаведзь" займае належнае месца ў багатай літаратурнай спадчыне пісьменніка і дазваляе зразумець пазіцыю аўтара ў адносінах да знакавай падзеі нацыянальнай гісторыі першай трэці XIX стагоддзя – Лістападаўскага паўстання 1830–1831 гг. і прычын яго паражэння на землях Літвы.

Літаратура

1. Машкова, Л.А. Литературная аллюзия как предмет филологической герменевтики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Л.А. Машкова; МГУ. – М., 1989. – 24 с.
2. Jeż, T.T. Drugie Boże przykazanie: z powstania r. 1831 na Litwie / T.T. Jeż. – Warszawa: M. Arct, 1930. – 160 s.
3. Библия / в рус. пер. с прил. – Четвертое издание. – Брюссель, 1989. – 2535 с.
4. Словацкий, Ю. Бенёвский. Поэма / Ю. Словацкий; пер. с пол. Б.Ф. Стахеева; отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2002. – 280 с.
5. Słowacki, J. Beniowski / J. Słowacki. – Wydawca: Fundacja Nowoczesna Polska, b.r. – 203 s.
6. Słowacki, J. Sen srebny Salomei / J. Słowacki. – Lwów: Księg. Polska, 1881. – 168 s.

Паступіў у рэдакцыю 07.09.2017 г.

УДК 821.161.3.09-311.4«195/196»

Дынаміка «вытворчага» рамана ў беларускай прозе 1950-х – пачатку 1960-х гадоў

Навасельцава Г.В.
Установа адукацыі «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава», Віцебск

У сучасным літаратуразнаўстве актуальным застаецца тыпалагічнае вывучэнне рамана, які ў беларускай прозе 1950-х – пачатку 1960-х гадоў прадстаўлены шматлікімі прыкладамі так званай «вытворчай» плыні. Гэта прадвызначае мэту даследавання – выявіць дынаміку «вытворчага» рамана ў азначаны перыяд.

***Матэрыял і метады.** Для вывучэння адметнасці жанравай формы «вытворчага» рамана на прыкладзе твораў Макара Паслядовіча, Івана Шамякіна, Івана Пташнікава былі выкарыстаны культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратыўнага аналізу.*

***Вынікі і іх абмеркаванне.** У беларускай літаратуры першай паловы 1950-х гадоў «вытворчы» раман выступае эстэтычным узорам, які вызначаецца тым, што ўвага аўтара скіравана найперш на працэс вытворчасці, увасабляюцца не столькі індывідуальныя характары, колькі сацыяльныя тыпы герояў, фонавыя персанажы пазбаўлены належнага мастацкага раскрыцця. У пачатку 60-х гадоў XX стагоддзя ў беларускім прыгожым пісьменстве назапашваецца вопыт стварэння шматгеройнага рамана, дзе асоба асэнсоўваецца не толькі ў сацыяльным, але і маральна-этычным кантэксце.*

***Заключэнне.** Дынаміка «вытворчага» рамана заключаецца ў тым, што паступова пераадольваецца прынцып ілюстрацыйнасці, абумоўлены тэорыяй бесканфліктнасці, абуджаецца аўтарская цікавасць да псіхалагізму, акцэнт пераносіцца з паказу працэсу вытворчасці на асэнсаванне чалавечых узаемаадносін, асоба пачынае прызнавацца галоўнай каштоўнасцю грамадства.*

***Ключавыя словы:** раман, жанр, беларуская проза, Макар Паслядовіч, Іван Шамякін, Іван Пташнікаў.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 152–158)

Dynamics of the «Manufacture» Novel in the 1950-s – Early 1960-s Belarusian Prose

Navaseltsava G.V.
Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The typological study of the novel, which in the Belarusian prose of the 1950-ies – early 1960-ies is presented by numerous examples of the so-called «manufacture» trend, is topical in the contemporary literary studies. This preconditions the purpose of the study – to find out the dynamics of the «manufacture» novel in the stated period.

***Material and methods.** In order to study peculiarities of the genre form of the «manufacture» novel on the basis of works by Makar Posledovich, Ivan Shamyakin, Ivan Ptashnikov, the cultural historical and the structurally typological methods with elements of comparative analysis were used.*

***Findings and their discussion.** In the Belarusian literature of the first half of the 1950-ies, the «manufacture» novel appeared to be an aesthetic model, which was determined by the fact that the author's attention was directed primarily to the production process; not so much individual characters but social character types were presented; the background characters were deprived of proper art disclosure. In the early 60-ies of the XX century in Belarusian belles lettres style, experience in creating a multi hero novel was accumulated, where the individual is comprehended not only socially, but also in moral and ethical context.*

***Conclusion.** Dynamics of the «manufacture» novel lies in the fact that the principle of illustration is gradually overcome due to the lack of conflict theory; the author's interest in psychologism awakens; the focus is shifted from the display of the production process to the reflection of human relationships; the person is considered the main value of the society.*

***Key words:** novel, genre, Belarusian prose, Makar Posledovich, Ivan Shemyakin, Ivan Ptashnikov.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 152–158)

Адрас для карэспандэнцыі: e-mail: Novoseltseva.anna@mail.ru – **Г.В. Навасельцава**

У савецкай літаратуры пасляваеннага часу «вытворчы» раман выступае запатрабаванай мастацкай формай адлюстравання рэчаіснасці. Як сцвярджаюць шматлікія даследчыкі і літаратурныя крытыкі, у цэнтры пісьменніцкай увагі знаходзіцца народ-пераможца, які адраджае разбураную вайной краіну, вяртаецца да мірнага ладу. Так, «гістарычная перамога над ворагам была адначасова і велічным сцвярджэннем сілы жыцця, яго непераможнасці. І паколькі ліхалецце скончылася, здавалася, што ўсе цяжкасці і нягоды ўжо засталіся ў мінулым. Усепаглынальны аптымістычны пафас першых пасляваенных твораў быў натуральны» [1, с. 249]. Разам з тым выказваліся паасобныя меркаванні, што мірная рэчаіснасць не дае дастаткова матэрыялу мастаку слова для таго, каб разгарнуць характар свайго героя ў барацьбе: «І не выпадкова лепшыя творы савецкай літаратуры пабудаваны на вобразах герояў – удзельнікаў войнаў [грамадзянскай і Вялікай Айчыннай. – *Г.Н.*]. Гэта самыя моцныя і рамантычныя вобразы. Вайна скончылася перамогай. Краіна звярнулася да мірнай, стваральнай працы. Пісьменнікі знаходзяцца ў складаных пошуках канфлікту для сваіх герояў, аб'ектаў для іх барацьбы, неабходных для раскрыцця героя ў руху» [2, с. 182]. Статычнасць характараў, адлюстраванне фактаў, а не псіхалагічнага працэсу ацэньваецца тэарэтыкамі метаду сацрэалізму як недахоп літаратурнага твора. Пры гэтым сцвярджаецца, што асноўны канфлікт – гэта ўнутраная барацьба асобы, а паказ барацьбы «розных пачаткаў і пераможнае завяршэнне працэсу» [2, с. 182] разумеўся як асноўная задача савецкай літаратуры таго часу. Тыповым для літаратуры сацыялістычнага рэалізму з'яўляецца і спрошчаны канфлікт паміж найлепшым і проста станоўчым героем, перадавым і адсталым, што ўвасабляецца ў «вытворчым» рамане, дзе традыцыйна раскрываецца або вясковая тэма, або тэма гарадскога будаўніцтва.

Паводле азначэння Л.Я. Гінзбург, персанаж выконвае сацыяльную ролю, а ў плане псіхалагічным выступае тыпам або характарам, хоць паміж імі складана правесці акрэсленую мяжу менавіта ў тэксце раманнага жанру [3]. Сюжэт літаратурнага твора рухаецца ў часе, што вядзе да супярэчлівасцяў і канфлікту. На любых стадыях развіцця «літаратурны герой, вырашаючы свае задачы, уступае ў супярэчлівыя адносіны з прадметным светам, грамадскім асяроддзем, з іншым чалавекам, са звышнатуральнымі сіламі, з самім сабой» [3, с. 104], што ў параўнанні з іншымі мастацкімі формамі найперш уласціва паэтыцы рамана. У творах гэтага жанру раскрываецца разгалінаваная сістэма персанажаў, кожны з якіх дапамагае спазнаць духоўную сутнасць галоўнага героя, непаўторнага ў сваёй індывідуальнасці. Разам з тым, як сцвярджае даследчык мастацкага метаду сацрэалізму Яўген Дабрэнка, тыповай з'явай «вытворчага» рамана з'яўляюцца «не прапісаныя» фонавыя персанажы, «поўная ж нематываванасць паводзін цэнтральных герояў гаворыць аб тым, што яны ў значнай ступені функцыянальныя і другасныя ў адносінах да галоўнага – да сістэмы, у якой функцыянуюць (завод, цэх, інстытут, палявы стан, ферма)» [4, с. 316]. Пісьменнікі 50-х гадоў XX стагоддзя не маглі адмовіцца ад такой ідэалагічнай задачы, як фукцыянальнасць героя, аднак пры гэтым выяўлялі «імкненне ачалавечыць яго, азарыць, напоўніць святлом, радасцю, бадзёрасцю, аптымізмам. Гэта ўстаноўка замацавалася ў саміх назвах: "Святло над зямлёй", "Святло над палямі", "Святло над Ліпскам", "Сонца Алтая", "Зямля ў квецені", <…> "Блакітныя агні", "Блакітныя палі", "Маладосць з намі", <…> "Шчаслівым шляхам"» [4, с. 311–312] і шэрагу іншых твораў таго часу. Вышэйсказанае прадвызначае мэту даследавання – выявіць дынаміку «вытворчага» рамана ў беларускай прозе 1950-х – пачатку 1960-х гадоў.

Матэрыял і метады. З дапамогай комплекснага аналізу, які ўключае культурна-гістарычны, структурна-тыпалагічны метады з элементамі кампаратывістыкі, вывучаецца дынаміка «вытворчага» рамана ў беларускай прозе 1950-х – пачатку 1960-х гадоў. Аб'ектам даследавання выступаюць раманы «Святло над Ліпскам» Макара Паслядовіча, «У добры час» Івана Шамякіна, «Чакай у далёкіх Грынях» Івана Пташнікава. Прадметам даследавання абрана праблемна-тэматычная і жанрава-стылёвая спецыфіка гэтых твораў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У прыватнасці, адстроўваючы вясковую рэчаіснасць, «пісьменнікі нярэдка ігнаравалі рэальныя, канкрэтныя ўмовы развіцця сельскай гаспадаркі. Раманы "Пад мірным небам" і "Шырокія гарызонты" А. Стаховіча, "Святло над Ліпскам" М. Паслядовіча супастаўляюцца ў гэтым сэнсе з блізкімі па жыццёвым матэрыяле і кірунку яго асэнсавання раманамі "Кавалер Залатой Зоркі", "Святло над зямлёй" С. Бабаеўскага і "Ясны бераг" В. Пановай. Павярхоўнасць канцэпцыі рэчаіснасці выяўляецца ў гэтых творах з усёй нагляднасцю» [1, с. 252]. Тыповым прыкладам «вытворчага» рамана акрэсленага літаратурнага перыяду выступае твор Макара Паслядовіча «Святло над Ліпскам» (1949–1952), дзе паказваецца аднаўленне Ліпска – адной з многіх калгасных вёсак, спаленых ворагам у ваенныя гады.

Аднаўленне калгаса з сімвалічнай назвай «Перамога» адбываецца паспяхова: «Яшчэ з таго берага рэчкі выразна і прыгожа вырысоўвалася калгасная сядзіба: доўгі новы кароўнік паблісквaў сваімі люстранымі шыбамі вокан. Высачэнныя мачты громаадводаў каля гэтага будынка, каля

такіх жа прасторных канюшань і іншых грамадскіх пабудоў яшчэ больш падкрэслівалі веліч аднаўлення, тым больш, што там-сям узнімаліся над хатамі яшчэ нявыкарчаваныя абгарэлыя ліпы. Яны дзіка і недарэчна тырчэлі пачарнелымі куртатымі сукамі над свежымі гонтавымі і саламянымі стрэхамі, над пабеленымі комінамі» [5, с. 10]. Пад кіраўніцтвам старшыні Дзяміда Сыча калгаснікі не толькі адбудавалі хаты, засвоілі прагрэсіўныя метады вядзення гаспадаркі, але і аднавілі калгасны сад, узвялі воданапорную вежу, пачалі займацца асушкай балот, каб павялічыць пасеў збожжа, нават ударнымі тэмпамі будуюць электрастанцыю. У цэнтры ўвагі аўтара – зладжаная праца калектыву, паказ яе стваральнага пачатку, што ў значнай меры прадвызначае ўвядзенне вялікай колькасці эпізадычных персанажаў. Лейтматывам твора выступае выказаная галоўным героем пераканаўчая думка пра тое, што «людзі, якія з такім невымерным напружаннем змагаліся з ворагам, павінны цяпер жыць яшчэ лепш, чым да вайны. Для гэтага трэба працаваць настойліва, выкарыстоўваючы для стварэння каштоўнасцей кожную гадзіну, кожную хвіліну. <…> Электрычнае святло ўспыхне на малочнай ферме, на канюшні, у кожнай хаце. Дармовую энергію ракі ён [Дзямід Сыч. – *Г.Н.*] накіруе па медзяных жылах правадоў у электраматоры, якія будуць малаціць, пілаваць дошкі, рэзаць сечку…» [5, с. 52–53]. Электрычнае святло, якое павінна ўспыхнуць над Ліпскам, дзеля чаго і старшыня, і калгаснікі прыкладаюць выключныя намаганні, выступае сэнсавапаказальным вобразам, што раскрываецца на ідэйна-мастацкім узроўні твора.

У рамане ідэалізуецца асоба галоўнага героя – былога партызанскага камандзіра, а цяпер старшыні ўзорнага калгаса Дзяміда Сыча, рашучага, ініцыятыўнага, смелага чалавека, які і ў мірны час не адмовіўся ад вайсковай дысцыпліны. Ён дбайны гаспадар, унікае ў кожную калгасную справу, яго паважаюць людзі і па даўнейшай звычцы называюць камандзірам. Аўтар супастаўляе гэты вобраз з вобразам Віктара Зялёнкі, старшыні калгаса «Маяк», у якім пакуль што не дасягнуты жаданы ўзровень сельскагаспадарчай вытворчасці. Так, Зялёнка ніколі не павышае голасу на людзей, умее дамаўляцца і пераконваць, тады як Сыч строгі, патрабавальны, а часам і няўважлівы, гаворыць заўжды толькі тое, што думае. Зрэшты, адзіны, хто не прымае вайсковай строгасці, гэта нядбайны калгаснік Дарафей Песенька, заўзяты аматар пісаць скаргі, якога аднавяскоўцы небеспадстаўна лічаць гультаём. Канфлікту паміж Дзямідам і Дарафеем не можа адбыцца, паколькі вобраз Песенькі маральна зніжаны. Сутыкненне інтарэсаў Дзяміда і Віктара не развіваецца, хоць Зялёнка крытыкуе на сходзе свайго калегу за яго нежаданне раіцца з людзьмі, залішнюю адарванасць ад калектыву. Крытычнае стаўленне да старшыні калгаса «Перамога» не перашкаджае Зялёнку выкарыстоўваць яго гаспадарчую спрактыкаванасць: людзі заўважалі, што старшыня калгаса «Маяк», выбіраючы найлепшы час для сяўбы або ворыва, пільна сочыць за тым, калі пачнецца гэтая праца ў Дзяміда Сыча. Аўтар паказвае галоўнага героя з выразна акрэсленымі жыццёвымі прынцыпамі, Дзямід не прымае чалавечых хіб і памылак, але ў той жа час ён з разуменнем ставіцца да крытыкі ў свой адрас, якая выказваецца таксама і ў форме сяброўскіх парад, прыслухоўваецца да іх, у чым бачыцца некаторая псіхалагічная супярэчлівасць вобраза. Характар галоўнага героя пазбаўлены дынамічнага развіцця: Дзямід паспяхова выпраўляе свой не надта каб значны недахоп і, як вынікае з сюжэта рамана, будзе надалей не толькі найлепшым кіраўніком, але і хутка знойдзе асабістае шчасце.

Нельга адмаўляць, што «ў вобразе Дзяміда Сыча ўлоўліваецца аўтарскае імкненне (хоць цалкам і не рэалізаванае) да пераадолення схематызму і бесканфліктнасці ў адлюстраванні галоўнага героя. З большай сілай гэта супрацьдзеянне штампу адчуваецца ў вобразе Лескаўца (“У добры час” І. Шамякіна). Можна спрачацца наконт мастацкай завершанасці вобраза, але знамянальнай была сама аўтарская тэндэнцыя паказаць характар складаны, супярэчлівы, у працэсе развіцця і духоўнага ўзмужнення» [1, с. 254]. Такім чынам, М. Паслядовіч раскрывае сацыяльна-маральны тып савецкага чалавека-кіраўніка, які найперш знаходзіць шчасце ў грамадска значнай працы. Дзямід Сыч, які прайшоў загартоўку ў гады ваеннага ліхалецця, страціў жонку і сына, думае не пра сябе, а пра іншых людзей. Клапоціцца, каб прыдбаць тэхніку для калгаса, радуецца, калі ў МТС прыходзяць два новыя камбайны, якія заменяць чатырыста руплівых жней, разумее, што электраэнергія патрэбна не адной «Перамозе», але і іншым калгасам. Побач з галоўным героем у мікраасяроддзі рамана знаходзяцца такія персанажы, як Генька Собаль, малады калгаснік, для якога Дзямід з’яўляецца ідэалам чалавека, Міхаль Навіцкі, брыгадзір першай брыгады, які падтрымлівае старшыню, спрыяе пераўтварэнням дзеля новага ладу жыцця. Напрыклад, Алена Собаль, лепшая жняя ў калгасе, на сходзе, дзе вырашаецца пытанне пра заробкі за працадні, гаворыць, што згодная атрымліваць меней дзеля таго, каб адбывалася механізацыя, паколькі да камунізму «я не хачу пяшочкам, а хачу – на машыне» [5, с. 307]. Добра разумее перажыванні Дзяміда, хвалюецца за яго Марына Рагавая, аграном і клапатлівая працаўніца, якая паступова прыходзіць да думкі, што яны духоўна блізкія. Названыя персанажы не столькі раскрываюць індывідуальнасць галоўнага героя, колькі выконваюць функцыю фонавых вобразаў.

Як вядома, у прозе другой паловы 1950-х гадоў актуалізуецца маральна-этычная праблематыка, пісьменнікі паступова звяртаюцца да асэнсавання гуманістычных каштоўнасцяў, узмацняецца эстэтычная тэндэнцыя да псіхалагічнага заглыблення вобраза, што ўплывае ў тым ліку і на паэтыку «вытворчага» рамана. Як слушна сцвярджае Т. Бельская, беларускай літаратуры «неабходна было яшчэ ўзняцца да новага вобразна-мастацкага погляду, які аб'ядноўваў бы ў сабе магутны размах гістарычных спраў савецкага чалавека са шматграннасцю яго асобы, шырынёй і рознабаковасцю поглядаў, багаццем духоўных інтарэсаў і асабістых перажыванняў» [6, с. 377]. Аб рамане Івана Шамякіна «У добры час» (1949–1954) даследчыца справядліва зазначае, што заглыбленне аўтара ў прыватна-інтымны свет герояў, у маральна-этычныя праблемы было даволі смелым крокам у літаратуры таго часу.

Несумненна, пісьменнік аддае шмат увагі паказу ідэальнага героя – Васіля Лазавенкі, старшыні ўзорнага калгаса «Воля», які нагадвае Дзяміда Сыча з рамана М. Паслядовіча. Так, Васіль мае вартую ваенную біяграфію: ён стаў камандзірам роты, некалькі разоў быў паранены і ўзнагароджаны, а вярнуўшыся дадому, стварыў перадавы калгас, зрабіўся шаноўным чалавекам. Пры гэтым Васіль сутыкаецца амаль з тымі ж праблемамі, што і Дзямід. Як гаворыць Лазавенку доктар Ладынін, «ты добры гаспадар, арганізатар, цябе паважаюць. Але наш народ не любіць людзей сухіх, "начальнікаў". Не-е! Ты, пэўна, заўважыў, што ў арміі нават талковага камандзіра, але фармаліста, сухара салдаты не любяць. Дык там армейская дысцыпліна. Любіш не любіш – загад выконвай. А калгас – установа самая дэмакратычная. Суровасцю тут не возьмеш. Пачнеш камандаваць – не ўбачыш, як вырасце сцяна паміж табой і людзьмі. Добры старшыня павінен быць выхавацелем, агітатарам» [7, с. 94]. Васіль чуйна рэагуе на добразычлівую, але справядлівую сяброўскую крытыку і паспяхова выпраўляе свой недахоп. Як і Дзямід, Васіль выступае ініцыятарам пабудовы электрастанцыі, дзеля чаго арганізуе сумесную працу трох калгасаў.

Паказваючы Васіля Лазавенку як узор, да якога трэба імкнуцца, І. Шамякін звяртаецца да асэнсавання іншага героя – Максіма Лескаўца, які не жадае ісці да мэты простым шляхам, а вагаецца, сумняваецца, чым не адпавядае замацаванаму ў літаратуры таго часу маральна-этычнаму тыпу савецкага чалавека. Як не без падстаў сцвяджалі літаратурная крытыка і некаторыя даследчыкі, за лёсам Максіма Лескаўца ўгадваецца біяграфія цэлага пакалення, да якога належаў і сам пісьменнік, і, думаецца, гэта ўскладняе мастацкае раскрыццё асобы.

Пра ваенную біяграфію Максіма аўтар гаворыць словамі Васіля, які шчыра прызнаецца, што яго сябра лёгка ваяваў. Аднавяскоўцы ўспрымаюць Максіма найперш як сына Антона Лескаўца, іх былога страшыні, а пасля партызана, які гераічна загінуў. Відавочная ідэалагічная ўстаноўка на тое, што Максім зробіцца падобным да Васіля і будзе вартым памяці бацькі, тым не менш, не атрымлівае ў рамане сваёй мастацкай рэалізацыі. Пісьменнік стварае ўмовы для канфлікту паміж героямі: Максім неўзабаве пасля вяртання дадому становіцца страшынёй не самага паспяховага калгаса «Партызан» і выяўляе некаторую амбіцыйнасць, намагаючыся, каб яго калгас стаў не горшы за «Волю». Спаборніцтва за вытворчасць паміж Васілём і Максімам пераходзіць на ўзровень асабістых адносін, тым больш, што Васіль закаханы ў Машу Кацубу, нявесту Максіма, якая чакала яго шэсць гадоў.

Адчуваецца разгубленасць Максіма, яго няўпэўненасць у новым мірным жыцці, і ён заняты не столькі працай, колькі пошукамі свайго месца. За час адсутнасці яго пачуцці да Машы змяніліся, але, на жаль, ён не можа шчыра прызнацца ў гэтым, як і працягваць адносіны. Калі Васіль выпадкова праводзіць Машу і пасля сустракае Максіма, то адчувае сябе вінаватым, «а "пакрыўджаны", "абражаны" Максім у гэты момант ішоў і насвістваў вясёлы матыў. Уся яго лаянка, абурэнне былі нічым іншым, як кароткай успышкай і нават крыху пазёрствам. Праўда, у грудзях варушылася лянівая рэўнасць, закранутае самалюбства. Але зверху над усім гэтым былі прыемныя ўспаміны аб вечары, які ён правёў у доктара» [7, с. 102]. Лескавец не заўважае, як збліжаюцца Васіль і Маша, у якіх найперш шмат агульных грамадскіх інтарэсаў, папракае іх, што размаўляюць як па канспекце. У выніку ідэалізаваныя героі здабываюць асабістае шчасце, пра што Максім даведваецца ад брата, які гаворыць, што, калі ад чалавека адварочваецца дзяўчына, якая шэсць гадоў чакала яго, то гэта ганьба. Галоўны герой шкадуе сябе, балюча перажывае не столькі тое, што Васіль і Маша пажаніліся, колькі братаў папрок: «Няўжо ён менш, чым другія, чым Лазавенка, жадае, каб калгас зрабіўся багатым, моцным, каб шчаслівей пачалі жыць людзі ў ім? Якія ружовыя былі яго думкі ў той час, калі яго выбралі за старшыню, і ён сам згадзіўся на гэтую пасаду! Згадзіўся таму, што хацеў даказаць, што і ён не горшы за Лазавенку, што і ён можа зрабіць у сваім калгасе тое, што зрабіў Лазавенка ў "Волі". Ён быў упэўнены, што досыць яму стаць за старшыню, як адразу калгас не толькі дагоніць, а можа, нават і перагоніць "Волю". З гэтай упэўненасцю ён узяўся за работу. І хіба ён дрэнна працаваў увесь гэты час?» [7, с. 265]. Як бачым, некаторая псіхалагічная непаслядоўнасць не дазволіла паглыблена раскрыць характар галоўнага героя.

Падобны да Віктара Зялёнкі з рамана М. Паслядовіча былы старшыня калгаса Шаройка, які паказаны не з лепшага боку. З дапамогай гэтага вобраза пісьменнік імкнецца асэнсаваць сацыяльны тып прыстасаванца, які часам робіцца і шкоднікам. Калі Зялёнку, які не адпавядаў сваёй пасадзе, адправілі на вучобу, дзе адбудзецца і маральнае перавыхаванне героя, то Шаройка застаецца ранейшым. Ён дбае пра ўласную гаспадарку болей, чым пра калгасную, стаўшы простым калгаснікам, лянуецца выходзіць на працу, дае хабар за несапраўдную даведку пра стан здароўя, імкнецца паўплываць на новага старшыню праз не самыя лепшыя парады. Выпадкова забіўшы калгасную гуску, Шаройка імкнецца ўтаіць гэты факт, аднак падман выкрываецца калгаснікамі.

У рамане шмат не дастаткова раскрытых фонавых персанажаў, напрыклад, «Ігнат Ладынін усюды паспявае, і якраз у той момант, калі ён патрэбен, з усім спраўляецца, усё бачыць і разумее. <…> Сам жа Ладынін цалкам пераключыўся на кіраўніцтва калгаснымі справамі, і, ствараецца такое ўражанне, цалкам забыўся на сваю асноўную прафесію доктара» [6, с. 390]. З іншага боку, эпізадычны вобраз Ліды Ладынінай раскрыты дастаткова пераканаўча: вясёлая і жыццярадасная дзяўчына, якой яе ведаюць у Дабрадзееўцы, памятае пра сваё першае каханне – Сяргея, які ад раны памёр у шпіталі, таму не можа ісці насустрач новым пачуццям. У гэтым выявілася пісьменніцкае разуменне складанасці чалавечых узаемаадносін, трагедыі мінулай вайны, якая пакінула свой след і такім, як Ліда, хоць тая і знаходзілася ў эвакуацыі на Урале.

Такім чынам, блізкасць тыповых герояў і абставін, у якіх дзейнічаюць персанажы І. Шамякіна і М. Паслядовіча, найперш прадвызначаецца адзінствам ідэйна-эстэтычных імкненняў пісьменнікаў, падабенствам тых грамадскіх з'яў, якія сталі прадметам адлюстравання. Мастакі слова засяроджаны на паказе працэсу сельскагаспадарчай вытворчасці, паспяховы ўдзел у якой і з'яўляецца крытэрыем ацэнкі герояў, якія выступаюць найперш сацыяльна-маральнымі тыпамі савецкага чалавека-працаўніка. У літаратуры першай паловы 1950-х гадоў вясковая проза традыцыйна прадстаўлена «вытворчым» раманам, некаторыя аўтары, у прыватнасці І. Шамякін, імкнуцца раскрыць мастацкі псіхалагізм.

У беларускай літаратуры другой паловы 1950-х гадоў пачалі выяўляцца новыя эстэтычныя тэндэнцыі, найбольш плённыя для мастацкай публіцыстыкі і малой прозы. Раман, які невыпадкова называюць жанрам у значнай меры кансерватыўным, вымагаў часу для пераасэнсавання грамадскіх каштоўнасцяў, эстэтычных прынцыпаў рэцэпцыі асобы, спецыфікі паказу сацыяльна вывераных ідэй. У рэчышчы ранейшай мастацкай традыцыі створаны раманы «За годам год» (1955–1956), «Вясеннія ліўні» (1957–1960) У. Карпава, «Даль палявая» (1957–1958) Т. Хадкевіча, «Нягоды і радасці» (1958) І. Сіўцова, якія «нярэдка высока ацэньваліся толькі за важную ідэйную задуму і актуальную тэматыку. Амаль зусім не прымаўся пад увагу іх ідэйна-мастацкі ўзровень. Па сутнасці, раман П. Броўкі "Калі зліваюцца рэкі" (1956), хоць і напісаны больш шчыра, эмацыянальна, узнаўляў пераважна вонкавыя прыкметы часу» [8, с. 150]. Цяжка не пагадзіцца з тым, што «нялёгка і няпроста было раманістам выпрацоўваць новае мастацкае мысленне, новы шырокі эпічны погляд, новую канцэпцыю рэчаіснасці на шляхах збліжэння з жыццём, яго вострымі супярэчнасцямі і складанымі праблемамі» [8, с. 150].

У літаратуразнаўстве 1960-х гадоў пра твор У. Карпава «За годам год» выказвалася меркаванне, што раман выяўляе некаторыя станоўчыя якасці літаратуры: «Параўноўваючы яго з першымі пасляваеннымі творамі аб працоўным жыцці савецкіх людзей, тут можна бачыць большую праўдзівасць і глыбейшы роздум над рэчаіснасцю. Жыццё будаўнікоў Мінска, учарашніх падпольшчыкаў, партызан малюецца досыць складаным, шматгранным. Перамогі над нястачамі, над чалавечымі слабасцямі героям Карпава даюцца не лёгка і проста» [9, с. 100]. У рамане раскрываецца паўнавартасны канфлікт паміж начальнікам архітэктурнага ўпраўлення Понтусам і галоўным архітэктарам Мінска Юркевічам, у які ўцягваюцца і іншыя героі. Калі Понтус імкнецца пераважна аднаўляць старыя будынкі, не надта думае пра жыхароў горада, не адпавядае патрабаванням да савецкага чалавека і кіраўніка, то Юркевіч імкнецца працаваць не толькі дзеля сучаснасці, але і будучыні, перакананы ў неабходнасці новага будаўніцтва і выступае ўвасабленнем савецкага грамадзяніна. Варта зазначыць, што ўвага аўтара скіравана не толькі на канфлікт паміж перадавым і адсталым. Як слушна заўважае Л.В. Алейнік, пісьменнік выдатна адлюстраваў «складанасць адаптавання чалавека ў пасляваеннай рэчаіснасці, змены ў псіхалогіі, у міжасабовых стасунках. <…> Героі, якім выпала фактычна пераасэнсоўваць рэчаіснасць, якім надзвычай няпроста захоўваць былыя адносіны, што склаліся паміж імі ў ваенны перыяд, бо новае жыццё паўсюль рабіла свае карэктывы, патрабавала зменаў і ў мысленні, і ў светаасэнсаванні» [10, с. 169].

Класічнай вытворчай праблеме – узбуйненню працы заводаў – прысвечаны раман «Вясеннія ліўні». Працэс вытворчасці паказаны праз успрыманне шэрага герояў, у прыватнасці галоўнага інжынера Сасноўскага, які працуе на мінскім заводзе: «На пуск шротамётнага барабана Сасноўскі ішоў з супярэчлівым пачуццём. Ён верыў і не верыў у поспех і лавіў сябе на думцы, што не вельмі жа-

дае яго. Нават калі даваў згоду на мантаж, хацеў хутчэй за ўсё паказаць, што не з усякага вымудру нешта выходзіць. Настойвайце – прашу! Я перашкаджаць не збіраюся, бо таксама за новае. Але, майце на ўвазе, у тэхніцы – свае законы» [11, с. 36]. Цікава, што аўтар не ідэалізуе Сасноўскага, які выкарыстоўвае знаёмствы, каб дапамагчы свайму пасынку Юрку, калі той не праходзіць па конкурсе ў інстытут. І ўсё ж герой паказаны чалавекам з патрабавальным сумленнем: пасля гэтага яму цяжка размаўляць з Шарупічам, дачка якога, Лёдзя, не паступіла і пайшла працаваць на завод. Нельга не пагадзіцца, што аўтар выступае знаўцам чалавечай псіхалогіі: так, «узрушае і хвалюе процістаянне радавых працаўнікоў завода і начальніка цэха Мікіты Кашына, сутыкненне таго ж Кашына з парторгам завода Дзіміным, былым паплечнікам па падпольнай барацьбе, уражвае дасканаласць мастацкага ўвасаблення характараў маладых герояў, персаніфікацыя шматлікіх стасункаў паміж Юркам Сасноўскім, Севам Кашыным, Лёдзяй Шарупіч, Раяй Дзімінай і іншымі персанажамі» [10, с. 171]. Пісьменнік асэнсоўвае ўчынкі Кашына-старэйшага, які ўхіляецца ад праяўлення вытворчай ініцыятывы, але, калі яе праяўляюць іншыя, выкарыстоўвае гэта. У чалавечых адносінах, напрыклад, адносінах з сынам, герой рашуча асуджаецца: «Сеўка адбіўся ад рук, і з ім цяжка было саўладаць. Дык навошта тады залішні клопат? Сын вырас. Рана ці позна пойдзе з сям'і – гэта факт. У яго свой лёс, свае дарогі. Спадзявацца на ўдзячнасць і дапамогу пад старасць усё роўна марна. Сеўка не з тых, хто помніць дабро» [11, с. 214]. Канфлікт вырашаецца раскрыццём маральнай нікчэмнасці Мікіты Кашына, што дазваляе У. Карпаву супаставіць лепшых і горшых людзей, выявіць чалавечыя адносіны па-мастацку пераканаўча.

Як бачым, істотнае эстэтычнае абнаўленне «перажывае» і «вытворчы» раман, у якім мастацкая ўвага пісьменніка ўжо аддадзена не столькі працэсу вытворчасці, колькі перанесена на асобу героя. Значная мастацкая трансфармацыя адбываецца і ў рэчышчы вясковай прозы. Так, «у аповесцях "Іллюк Чачык", "Не па дарозе", рамане "Чакай у далёкіх Грынях" Іван Пташнікаў паказвае жыццё вёскі сярэдзіны 50-х гадоў, у пераломны перыяд, калі было выяўлена шмат чаго адмоўнага ва ўсіх сферах жыцця, асабліва ў сельскай гаспадарцы. Вялася рашучая барацьба з недахопамі. Таму зразумела, што канфлікты ў гэтых творах, асноўныя падзеі, сітуацыі, узаемадачыненні персанажаў схоплены ў сваіх выразных знешніх праявах і носяць у пераважнай большасці сацыяльны характар» [12, с. 495]. Тым не менш раман «Чакай у далёкіх Грынях» (1960), які ў свой час не атрымаў ухвальных ацэнак крытыкаў, выразна раскрывае эстэтычную дынаміку, абумоўленую новымі грамадскімі запатрабаваннямі, якая ў значнай меры выявіла і шляхі эвалюцыі жанру.

У 1960-я гады ў беларускай літаратуры актыўна назапашваецца вопыт стварэння шматгеройнага рамана, які дазваляе асэнсаваць асобу як у сацыяльным, так і маральна-этычным, філасофскім кантэксце часу. У рамане «Чакай у далёкіх Грынях» аўтар раскрывае вясковую рэчаіснасць праз успрыманне студэнта Леаніда Гаўрылава, які вяртаецца дадому, піша фельетон у раённую газету на свайго аднавяскоўца, Рамана Пэрца, празванага «Раманка-пляснівы грыб». Шмат увагі аддае пісьменнік і вобразу маладой фельчаркі Галіны, паказвае яе рамантычныя ўзаемаадносіны з Леанідам, вясковым настаўнікам Васілём Міронавічам, перадавым трактарыстам Аркадзем. Актыўная праца ў калгасе выступае для І. Пташнікава найперш фонам, на якім адбываецца мастацкае дзеянне. Аўтар не адлюстроўвае будаўніцтва электрастанцыі, да чаго тэндэнцыйна звярталіся пісьменнікі ў ранейшы час, у прыватнасці І. Шамякін і М. Паслядовіч, яго цікавяць няпростыя чалавечыя адносіны. Значная мастацкая ўвага аддадзена не столькі станоўчым героям – перадавым калгаснікам, колькі персанажам, якія здзяйсняюць шэраг негатыўных учынкаў і за гэта асуджаюцца аднавяскоўцамі. Разам з тым пісьменнік асэнсоўвае трагедыю, якая здырылася з былым старшынёй калгаса Андрэем Дзедзіхам, які звязаўся з несумленнымі людзьмі – Выжлятнікам і Джвучкам.

Нельга аспрэчваць, што Раманка, Выжлятнік, Джвучка – гэта людзі, выхаваныя калгасным ладам жыцця, і таму неадназначна ўспрымаецца тое, што яны звыкліся да крадзяжу. Так, Раман закошвае той лог, які збіраюцца дзяліць на працадні калгаснікам, яго сарамацяць, а ён не адчувае за сабой віны. Выжлятнік і Платон ноччу вязуць воз сена, накошанага на калгасным полі, іх ловяць прадстаўнікі праўлення калгаса, і Выжлятнік збягае, пакінуўшы Платона аднаго. Як кажа пра Платона стары калгаснік Тодар, «усе, як людзі, а ён за касу – і на Доўгія ў кусты. Недзе ўсе тыя дні бегаў, калі па нараду не выходзіў. Натапырыўся, як шашок. Надзьмуўся. Нам жа зрабіў пакасць і на нас жа азверыўся… Такога штрафам не праймеш. Такога пад суд…» [13, с. 78], але суда не адбываецца. Выжлятнік ужо нейкі час выгнаны з калгаса, знайшоў працу ў лясніцтве і займаецца ў лесе браканьерствам. Пісьменнік раскрывае, як адбываецца маральна-этычны канфлікт паміж Андрэем Дзедзіхам і Выжлятнікам, Джвучкам, якія паказаны не толькі як шкоднікі, але і злачынцы. Яны ўцягваюць у свае справы больш маладога Рамана, а Дзедзіха не можа нічога зрабіць, бо Выжлятнік можа раскрыць старыя справы, а ці даруюць Андрэю калгаснікі, калі даведаюцца

пра ўсё, яшчэ невядома. Тым не менш чалавек усведамляе, што павінен вызваліцца ад гэтага ўплыву, прыняць на сябе адказнасць за свае ўчынкі і іншых прыцягнуць да адказнасці: «Помню, Платонка, пшаніцу і лён. Помню. Каго пад суд калгаснікі хацелі аддаць? Цябе з Выжлятнікам. Сам заступіўся, пашкадаваў. Пасля вы мне аддзячылі… Калгасным жа. Бачыў, сказаць толькі не мог. І людзі не зналі, як вы мне язык звязалі… Нічога, што з раёна нікога няма. Сам пайду заўтра куды трэба» [13, с. 189]. Як кажа герой, ён сам вінаваты, але і яны болей не будуць красці калгаснае, не будуць «падкопы строіць пад новага старшыню».

Складаны канфлікт вырашаецца трагедыйна, у чым бачыцца некаторая спрошчанасць: абвінаваціўшы былых хаўруснікаў, Андрэй уцякае з хаты зімовай ноччу і трапляе ў палонку, дзе і гіне, так і не здзейсніўшы свайго намеру дабіцца справядлівага пакарання. Пасля знікнення Андрэя пра Выжлятніка і Джвучку аднавяскоўцы думаюць як пра забойцаў, і, хоць доказаў няма, гэта абвінавачванне маральна апраўдана. І. Пташнікаў стварае эпізадычны вобраз новага старшыні: пра гэтага чалавека вядома, што ён больш патрабавальны, узмацняе ў калгасе працоўную дысцыпліну, хоць і нядаўна змяніў на пасадзе Дзедзіху, які, адчуваючы сябе вінаватым, сам адмовіўся ад старшынёўства. Выжлятніка праганяе з працы новы ляснічы, і самы зацяты шкоднік адчувае, што страціў сваё ранейшае месца пад сонцам: нечакана ён стаў баяцца пушчы, якая столькі год хавала ад людзей ягоныя рабункі, і не ведае, за што ўзяцца далей. Герой вымушаны прызнаць, што «цяпер нешта варушацца ў калгасе, забегалі на тую работу, як мурашкі па зерне. І старыя, і малыя. А чаго? Ды ім лепш відно, хай бягуць, хай напінаюцца. У іх сваё, што мне да іх? Ды і чаго гэта мне думаць пра той калгас? Знаю я, што такое калгас. Быў… Але ж тады людзі не так ішлі рабіць. А цяпер ідуць. Нешта іх, мусіць, укусіла» [13, с. 281]. Як бачым, аўтарам створаны глыбокі вобраз, які кантрастуе з тыповымі станоўчымі персанажамі. І. Пташнікаў ускладняе адлюстраванне сацыяльна-маральнага тыпу шкодніка, прыўносіць індывідуальна-псіхалагічныя рысы, уласцівыя характару. Аўтар адмаўляецца і ад рэцэпцыі маральных якасцяў праз сацыяльныя штампы, напрыклад, спачувае Раманку, які аказваецца зусім нядрэнным хлопцам і знаходзіць асабістае шчасце.

Заключэнне. Такім чынам, І. Пташнікаў пазбягае эстэтычнага прынцыпу ілюстрацыйнасці, які быў дамінантным у «вытворчым» рамане першай паловы 1950-х гадоў, развівае мастацкі псіхалагізм, заяўлены І. Шамякіным, пераадольвае агульнапрынятыя сацыяльныя ўзоры ў адлюстраванні асобы. Пісьменнік стварае шматгеройны раман, імкнецца пазбегнуць функцыянальных фонавых персанажаў, учынкі галоўных герояў асэнсоўваюцца і вытлумачваюцца. Дынаміка «вытворчага» рамана, як паказваюць мастацкія прыклады («Святло над Ліпскам» М. Паслядовіча, «У добры час» І. Шамякіна, «Чакай у далёкіх Грынях» І. Пташнікава), заключаецца ў тым, што і ў гэтай жанравай разнавіднасці ідэйна-мастацкі акцэнт пераносіцца з паказу працэсу вытворчасці на асэнсаванне чалавечых узаемаадносін, асоба прызнаецца галоўнай каштоўнасцю, што сведчыла пра дэмакратызацыю і грамадства, і літаратуры.

Літаратура

1. Беларуская савецкая проза. Раман і аповесць / рэд. В.В. Барысенка, П.К. Дзюбайла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1971. – 432 с.
2. Грудцова, О. О романтизме и реализме / О. Грудцова // Октябрь. – 1947. – № 8. – С. 180–185.
3. Гинзбург, Л.Я. О литературном герое / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Совет. писатель, 1979. – 222 с.
4. Добренко, Е. Не по словам, но по делам его / Е. Добренко // С разных точек зрения: избавление от миражей: соцреализм сегодня / сост. Е.А. Добренко. – М., 1990. – С. 309–334.
5. Паслядовіч, М. Святло над Ліпскам: раман / М. Паслядовіч. – Мінск: Маст. літ., 1976. – 320 с.
6. Бельская, Т. Вернасць часу і праўдзе жыцця / Т. Бельская // Збор твораў: у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск, 2012. – Т. 10. У добры час: раман / падрыхт. тэкстаў і камент. В. Назарава; паслясл. Т. Бельскай; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – С. 374–395.
7. Шамякін, І. Збор твораў: у 23 т. / І. Шамякін. – Мінск: Маст. літ., 2010–2014. – Т. 10. У добры час: раман / падрыхт. тэкстаў і камент. В. Назарава; паслясл. Т. Бельскай; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовы і літ. імя Я. Коласа і Я. Купалы. – 2012. – 478 с.
8. Дзюбайла, П.К. Проза / П.К. Дзюбайла // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. У.В. Гніламёдаў, В.П. Жураўлёў. – Мінск, 2001. – Т. 3. – С. 143–157.
9. Гісторыя беларускай савецкай літаратуры: у 2 т. / АН БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы; пад рэд. В.В. Барысенкі, В.У. Івашына. – Мінск: Навука і тэхніка, 1966. – Т. 2: 1941–1966. – 606 с.
10. Алейнік, Л. Летапісец сваёй эпохі: штрыхі да творчага партрэта Уладзіміра Карпава / Л. Алейнік // Полымя. – 2007. – № 2. – С. 168–175.
11. Карпаў, У. Вясеннія ліўні / У. Карпаў. – Мінск: Маст. літ., 1975. – 456 с.
12. Андраюк, С.А. Іван Пташнікаў / С.А. Андраюк // Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя: у 4 т. / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы; навук. рэд. У.В. Гніламёдаў, С.С. Лаўшук. – Мінск, 2002. – Т. 4, кн. 1: 1966–1985. – С. 490–520.
13. Пташнікаў, І. Збор твораў: у 4 т. / І. Пташнікаў. – Мінск: Маст. літ., 1990–1992. – Т. 1. Раман; апавяданні / прадм. С. Андраюка. – 1990. – 478 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.09.2017 г.

УДК 82-94:929

Мемуарный жанр: генезис и проблемы изучения

Бураго Д.С.
Национальный педагогический университет им. Н.П. Драгоманова, Киев (Украина)

Исследование посвящено анализу проблемы изучения мемуаристики: выявляются ее генезис, различие автобиографического и биографического подходов к изображению, терминологические сложности и пр.

Цель статьи – показать, что фокализация важна в художественной прозе, но ослабляется в мемуарах, где писатель сосредоточен на своем Я.

***Материал и методы.** Материалом для изучения послужила автобиографическая проза в аспекте теории жанра. В работе использованы общенаучные методы и биографический подход.*

***Результаты и их обсуждение.** Автобиографическая литература сама по себе трудна для анализа, не говоря о том, что мемуары – это еще и внедрение факта, документа, интерьера, портрета, костюма и пр. Наблюдения же над спецификой мемуаров разрозненны, описательны и противоречивы: возникают схоластические споры, какие жанры более художественны и пр. Решению этих вопросов способствует понятие металитературы, позволяющее осознать, что мемуары не правдивее беллетристики.*

***Заключение.** В результате проведенного анализа удалось доказать, что основные противоречия при анализе мемуарной литературы снимаются введением понятия «металитература».*

***Ключевые слова:** мемуарный жанр, автобиографический и биографический подходы, беллетристика.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 159–164)

Memoir Literature: Problems of Studying and Genesis

Burago D.S.
Dragomanov National Pedagogic University, Kiev (Ukraine)

The article deals with the problems of studying memoir literature, its genesis, the differentiation of autobiographic and biographic approaches to the art of artistic depicting, terminological difficulties etc.

The aim of the author is to point out that while creating memoirs the writer's attention is focused on him/herself.

***Materials and methods.** The material of the study is the memoir prose in the aspect of the theory of genres. General scientific methods and autobiographic methods were used in this work.*

***Findings and their discussion.** Autobiographic literature is quite difficult to analyze, it includes the introduction of fact, document, interior, portrait, costume and etc. The critical works concerning the peculiar features of memoirs are contradictory, uncoordinated and descriptive: from time to time some scholastic disputes take place concerning genres which are more or less artistic. The concept of metaliterature gives the opportunity to understand that memoirs are not more truthful than belles-lettres.*

***Conclusion.** As a result of the conducted research we have proved that the main contradictions while analyzing memoir literature are removed by introducing the notion of «metaliterature».*

***Key words:** memoir literature, autobiographic and biographic approach, belles-lettres.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 159–164)

Введенное Ж. Женеттом понятие «фокализация» (от *фокуснаррации*) позволяет координировать изображение «глазами повествователя» с изображением «глазами персонажа». В художественной прозе точка зрения персонажа значит никак не меньше, чем точка зрения автора [1]. В мемуарах же писатель освобождается от этой функции, и даваемые им оценки той или иной личности или события откровенно субъективны.

Цель статьи – показать, что фокализация важна в художественной прозе, но ослабляется в мемуарах, где писатель сосредоточен на своем Я.

Материал и методы. Материалом для изучения стала автобиографическая проза в аспекте теории жанра. В работе использованы общенаучные методы и биографический подход.

Результаты и их обсуждение. Считается, что именно в мемуарах закладываются основы будущего романного психологизма. Более того, неко-

Адрес для корреспонденции: e-mail: burago@list.ru – **Д.С. Бураго**

торым исследователям «…влияние мемуарной литературы XVII века представляется доминирующим, ведь ни утопические произведения с их установкой на моделирование несуществующей идеальной действительности, ни пикарески, где авантюрная струя явно преобладает над психологической, не привели бы к созданию романа, сконцентрированного на анализе внутреннего мира человека» [2, с. 1]. Но при этом весьма симптоматично и то, что параллельно с мемуаристикой развивалась и эссеистика. Эпохальную роль в деле укрупнения литературного автопортрета и придания ему особого статуса сыграл образ автора как независимого судьи своего времени и самостоятельного участника истории, который был создан Монтенем в его «Эссе».

Тем не менее сводить формирование мемуарного жанра к началу Нового времени как бы ab ovo – серьезная аберрация. Сегодня в науке обозначена, хотя и не разработана в должной мере, очевидная генетическая связь между мемуарно-дневниковым жанром и развитием литературного психологизма, стремлением к лирической исповедальности, за которой стоит извечное стремление познать самого себя. Генезис мемуаров как жанра восходит к античной прозе. Однако предположение, что самой сильной стороной античных мемуаров в целом является психологическая глубина, было бы явным преувеличением. Так ли уж сложна психология чудовищ, представленных на страницах «Жизни двенадцати цезарей» Светония? Да и книги вроде «Записок» Цезаря еще не слишком психологичны.

В наших размышлениях об истоках европейского психологизма доминирующим стало утверждение, будто особую роль тут сыграла «Исповедь» Ж.-Ж. Руссо. Но все же напомним, что Руссо был не родоначальником, а эпигоном традиции, сигнифицируемой именем бл. Августина. А ведь последний в свою очередь опирался на ту развернутую панораму внутренней «жизни души», которая сложилась задолго до него на страницах Библии [3]. Это, к слову, заставляет усомниться в концепции Л.Я. Гинзбург, согласно которой психологизм формируется исключительно в русле европейского реалистического романа XIX века [4]. Именно христианство, параллельно с формированием Таинства Исповеди, принесло новое чувство неповторимой ценности каждой личности, Все это восходит к новозаветной максиме «Так исповедуйтесь же в своих грехах друг перед другом…» (Иак. 5:16). Ведь эпоха Модерна и Постмодерна лишь интерпретирует экзистенциальные вопросы, поставленные эрой Средневековья [5]. Поэтому можно утверждать, что именно мемуарно-эссеистическая стихия наследует опыт христианской исповедальности и культ откровенного, честного слова.

Отсюда возникает закономерный вопрос: от чего вести точку отсчета – от биографии или же от автобиографии? На первый взгляд кажется, что от биографии. Сегодня как поджанры биографии характеризуются агиография («стилизированная жизнь христианских святых»), автобиография, мемуары, дневник (или журнал), духовная биография (как пример приводится та же августиновская «Исповедь») [6, p. 22–23]. Но это в языческой античности на первом месте стоит биография – героя, полководца, цезаря и пр., – написанная усердным нравоучителем вроде Плутарха. Христианское же сознание «автобиографично», исповедально по своей природе. Это рассказ не о ком-то, а о себе. Воспоминание-исповедь – это в первую очередь обретение самого себя, путь прояснения самосознания человеческого «я», который имеет огромное духовно-экзистенциальное и нравственно-поучительное значение.

В светской литературе Нового времени автобиографизм рассеян в толще наррации как крупицы золота в морской воде. Автобиографизмом принято называть «стилистически маркированный литературный прием, представляющий собой эхо жанра автобиографии; он появляется в текстах, которые сами по себе не являются автобиографией, не писались и не воспринимались как автобиографии <…> Автобиографический текст основан на следовании фактической канве биографии писателя, тогда как автобиографизм предполагает использование ситуаций, достоверных по внутренней мотивировке, но не происходивших в действительности» [7, л. 1]. Автобиографическая литература вообще очень трудна для литературоведческого анализа: наиболее сложным в автобиографии является то, что первая персона «Я» – одновременно автор, нарратор и протагонист. Да и вся автобиографическая литература в целом предстает чем-то весьма расплывчатым, она все еще находится в поисках своей идентичности.

В этой сфере доминирует – пусть даже и при огромном количестве наносной и конъюнктурной фальши – установка на «честный рассказ», удовлетворяющий соответствующее читательское ожидание. П. Брукс отмечает, что западная культура с позднего Средневековья и до настоящего времени делает исповедальную речь признаком подлинности, а в особенности речь, где личность сообщает свою внутреннюю правду [8, p. 4].

Вместе с тем недопустимо механически переносить родовую особенность исповеди на любое автобиографическое произведение светской литературы: «Автобиография в широком смысле слова, включающем любой вид воспоминания, может представлять собой и факт литературы, и факт бытовой (от послужного списка до устных рассказов) <…> В воспоминаниях, однако,

нет того, что мы в первую очередь соотносим с жанром исповеди, – искренности оценок своих собственных поступков, иными словами, исповедь – это не рассказ о прожитых днях, тайнах, к которым автор был причастен, но и оценка своих действий и поступков, совершенных в прошлом, с учетом того, что оценка эта дается перед лицом Вечности» [9]. То, что между исповедью как таковой и «исповедальными» жанрами современной литературы лежит непроходимая грань, подчеркивают и другие авторы: «Для христианского мироотношения исповедность – центральный принцип богочеловеческого диалога в истории и идеальная норма мирского общения» [10]. Но все же генетическая основа нынешней автобиографической литературы постоянно ощутима в дискурсе жанра, в читательском ожидании правды и искренности. Отсюда такой парадокс: в искушенной всяческими неправдами секуляризированной литературе XX века способ повествования от первого лица, генетически восходящий к исповеди, занимает все более заметное место. Объясняется это как особенностями эпохи великих потрясений, так и значительностью стоящей в их центре личности, причем собственный жизненный опыт наделяет повествование особой достоверностью и влиятельностью. Важнейшей при этом является тема становления личности [11].

Но становление личности неотъемлемо от пробуждения креативности, от стремления самостоятельно осознать и концептуально структурировать свое познание мира. Европейское сознание Нового времени, оторвавшееся от сакрального библейского интертекста культуры, попыталось истолковать «движущуюся», симультанную реальность средствами интенсивной субъективно-личностной интерпретации. Опорой здесь должна была послужить восстановленная в правах в Ренессансе и канонизированная в классицизме античная литературная традиция. Заново складывается художественная проза, предполагающая внедрение факта, документа, интерьера, портрета, костюма и пр. Надо взять в расчет и специфику функционирования в мемуарном тексте таких структур, которые обычно обозначаются терминами «портрет» и «автопортрет», «интерьер» и «натюрморт». Они трактуются в классической эстетике как «отражение реальности», хотя на деле это в лучшем случае ее субъективное истолкование. Все это опирается, конечно, еще и на живописный опыт. Существуют достаточно серьезные исследования в данной области [12; 13]. Но стоит особенно акцентировать внимание на том, что все эти разновидности изобразительного искусства, в первую очередь столь важные для нас жанры портрета и автопортрета, отражающие необыкновенно возросшее представление о ценности личного «я» по сравнению с культивирующим смиренную анонимность Средневековьем, окончательно сложились как таковые, в качестве самостоятельных жанровых единиц, гораздо ранее, чем в России, в Западной Европе ренессансного периода, когда они вычленились из «исторической» или же из так называемой «жанровой» (бытописательной) многофигурной живописи. Для автора, еще вчера рассматривавшего себя «глазами общества», ощущавшего себя «всего лишь» художником, «членом цеха», это стало отвоеванием пространства самовыражения. Теперь его собственное лицо вводится в формат само- и миропознания и в панораму социального и частного бытия; личность автора помещается в конкретный интерьер, обретает индивидуальный костюм и вещные аксессуары.

Стремление «вспомнить», восстановить прошлое, уважение к которому, как мы помним, «отличает образованность от дикости» (Пушкин), становится одной из самых характерных черт европейской литературы Нового и Новейшего времени, пусть ее творцы не всегда четко осознают свою имплицитную связь с традицией христианской исповедальности. Но с библейской картиной мира в целом, строящейся на сугубо историческом сознании, связь тут чаще всего очевидна. И это не натужное втискивание себя в пассеистический алгоритм. Такое, скажем, у Пруста называется «непроизвольной памятью», и она, уничтожая и прошлое, и настоящее, «оказывается целиком вне времени. Мы дышим воздухом, более чистым, чем нынешний. Мы дышим воздухом прошлого, воздухом потерянного Рая. Истинный Рай – потерянный Рай» [14].

Если же перейти к вопросу о специфике собственно мемуарного жанра, то простейшее (и самое точное) определение этому жанру дано в Кенийском университете: «Мемуары – автобиографические записи, которые фиксируют воспоминания выдающихся людей или общественные впечатления» [15, p. 123].

Намечается и явственное сопряжение вопроса о мемуарном жанре с проблемой документализма в литературе. А. Галич определяет документалистику как литературу, которая охватывает три важнейших направления: мемуаристику, художественную биографию и художественную публицистику [16, с. 20]. О документальной содержательности воспоминаний пишет и Т. Елизаветина: жанр «позволяет мемуаристу выразить свое отношение к изображаемым лицам и событиям, помогает воссоздать прошлое таким, каким видит его мемуарист и каким хочет, чтобы увидело его потомство», такое качество текста, как документальность» [17, с. 159]. Но все же можно при этом возразить, что именно с документальностью в писательских мемуарах мы почти

не сталкиваемся – скорее уж здесь превалирует цитирование устной речи. А поскольку, как отмечает С.Ю. Неклюдов, «…устный текст осуществляется только *здесь* и *сейчас*; его реальность – лишь в процессе произнесения; пока он не звучит, он в известном смысле и не существует» [18, с. 108], то писательские воспоминания в буквальном смысле слова доносят до нас угасшие в потоке времени живые голоса писателя и его современника, а не письменные, документальные свидетельства как таковые.

К сказанному добавляется возрастание удельного веса факта в литературе XX века, сопряженное с нарастающим тотальным разочарованием в вымысле и угасанием романтического импульса к созданию виртуальных реальностей, доминировавшими в символизме. В частности, это настойчиво пропагандировала эстетика авангардизма. Вспомним Маяковского: *Воспаленной губой припади и попей / Из реки по имени факт.* Даже в попытках создать искусство «большого стиля», характерных для двадцатого века, аура мифологизации строилась непременно на достаточно натуралистически поданных фактах («социалистический реализм» и пр.). Но к середине XX века ориентации явственно меняются. И в мировом масштабе, и в позднем СССР обозначилось, что литературу, основанную на вымысле, теснят мемуары, что именно их теперь массово читают люди. Написанные вроде бы без всяких «сверх задач», они воспринимаются как «честный рассказ» о «внешнем», о «людях, годах, жизни», и уже без всякой пропаганды и официоза. Персонажи мемуаров – не на «трибуне», они предстают в обычном, бытовом интерьере, и это вызвало взрыв литературоведческой мысли, осознающей наконец определяющую роль в литературе субъективного начала.

При этом можно сказать, что в мемуарах, как ни в одной другой форме автобиографической прозы, бывают, пусть подчас эпизодично и фрагментарно, представлены все три типа монолога, выделенные польским исследователем М. Гловиньским: 1) дневник, письмо, журнал, которые опираются на письменные формы, но используют еще и нелитературные или паралитературные формы выражения; 2) внутренний монолог, разработанный в психологическом повествовании (powieśc psychologiczna) и как бы не предполагающий реципиента; 3) исповедальный монолог, рассчитанный на наличие реципиента [19, s. 37]. Действует здесь, по сути, и закон монтажа, давно описанный в художественно-нарративных текстах: «События превращаются в историю путем подавления или подчинения некоторых из них и выделения других, путем альтернативных описательных стратегий».

Таким образом, живость, полнота и динамичность мемуарной литературы определили то, что читатели стали активно предпочитать эту «литературу факта» «литературе вымысла». В советском литературоведении середины XX века ситуация вылилась в целую дискуссию [20]. «Важную роль в понимании исторической и эстетической ценности мемуаров сыграла дискуссия о проблемах мемуарной литературы, состоявшаяся на страницах журнала “Вопросы литературы” в 1974 году, участники которой (Л. Левицкий, П. Голубенцев, В. Каверин) высказали немало интересных мыслей о жанровой природе писательских воспоминаний, их соотношении с неписательской мемуаристикой. Значение этой дискуссии было в том, что, опираясь на достижения мемуарной классики и современной мемуаристики, участвовавшие в ней литературоведы, критики внесли коррективы в понимание возрастающей роли автора в создании мемуарного жанра, в утверждение его права на субъективное восприятие своего пережитого прошлого» [13, с. 92].

Однако в результате всех этих дискуссий оказалось, что в нашей науке функционируют как бы на равных такие определения, как мемуары, автобиографическая проза, дневниковая литература и пр., и многие стремятся провести между ними грань на основании расуждения, какие жанры более фактографичны, а какие более художественны. Но разве можно точно определить, сколько именно художественности содержится в мемуарах, а сколько – в автобиографической прозе?

К сожалению, сильно усложняет исследование проблемы и все еще процветающая в нашей науке постклассицистская рубрикация «художественного» и «нехудожественного» текста. В современной филологической парадигме утверждается понятие металитературы: предлагается считать литературой все, что написано буквами [см. подробнее: 21, с. 4], отчего грань между риторическим и поэтическим, между словом утилитарным и словом художественным совершенно стирается. Теоретики классического склада этим явно недовольны: «Если не рассматривать литературу как “объективную”, описательную категорию, тогда остается сказать, что литература – это то, что люди называют литературой по своей прихоти» [22, p. 14]. К тому же и в сфере дефиниций царит анархия: так, прозу М. Цветаевой определяют как мемуары, эссеистику, автокомментарий и даже как беллетристику [23, л. 2].

Поэтому весьма мало обоснована жесткая дифференциация жанров дневника и мемуаров, предложенная Е.М. Криволаповой: дневник – самостоятельный жанр, который строится на синхронности изложения и где автор тождествен адресату [24]. Совершенно очевидно, что в основу этой дифференциации положен сугубо внешний, формальный признак. Отречен ли от худо-

жественного слова дневник писателя, созданный вне установки на художественное обобщение? Остается добавить, что в мемуарах речь идет о прошлом, а в дневниках – о настоящем. И такому силлогизму позавидовал бы даже средневековый схоласт.

Дневник – жанр мемуарной литературы, для которого характерна форма повествования от первого лица, и повествование это ведется в виде повседневных, обычно датированных, синхронных с точки зрения системы отражения действительности, записей [25]. Но, при всей своей «документальности», дневник воспринимается как правда или фикция в зависимости от отношения читателя и степени его доверия к автору дневника: как верно отмечала Л. Гинзбург, точных границ здесь нет, а есть множество переходных явлений; одно и то же явление может возникать в качестве эстетического и внеэстетического – в зависимости от точки зрения, от установки воспринимающего [4, с. 67]. Возможно, олимпийски бесстрастных приверженцев чистой формальной логики удовлетворило бы исключение из нашей темы, скажем, дневников Мережковского, Гиппиус или Бунина, но страшно обеднило бы и картину пред- и постреволюционной социально-духовной сумятицы в русском обществе, и позицию писателя, пытавшегося не просто разобраться в этой самой сумятице, но и как-то противостоять ей.

Учтем также замечание Е. Тарле по поводу публикации мемуаров Талейрана: «Мемуары деятелей, игравших очень уж первостепенную роль, редко бывают сколько-нибудь правдивы. Это весьма понятно: автор, знающий свою историческую ответственность, стремится построить свой рассказ так, чтобы мотивировка его собственных поступков была по возможности возвышенною, а там, где их никак нельзя истолковать в пользу автора, можно постараться и вовсе отречься от соучастия в них. Словом, о многих мемуаристах этого типа можно повторить то, что Анри Рошфор в свое время сказал по поводу воспоминаний Эмилия Оливье: “Оливье лжет так, как если бы он до сих пор все еще был первым министром”» [26, с. 3].

Заключение. Нам представляется важным дифференцировать литературные и «неписательские» мемуары, так как мемуары политиков, военных, экономистов и прочих общественных деятелей неизбежно отображают личность в первую очередь в контексте ее социально-бытового окружения, акцентируют ее социальную роль. Более того, мемуары такого рода чаще всего этому критерию вовсе не соответствуют, вопреки распространенному представлению о якобы бóльшей правдивости документальной литературы по сравнению с художественной. И русский писатель в подавляющем большинстве случаев выступает одним из последних (если не последним в новейшей русской истории вообще) «идеалистов», для которых мемуары есть наследование древней исповедальной традиции.

Литература

1. Friedman, N. Point of Viewin Fiction. The Development of a Critical Concept / N. Friedman // Publications of the Modern Language Association of America. – 1955. – Vol. 70. – P. 1160–1184.
2. Алташина, В.Д. Роман-мемуары во французской литературе XVIII века: генезис и поэтика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.Д. Алташина; Рос. гос. пед. ун-т имени А.И. Герцена. – СПб., 2007. – 60 с.
3. Абрамович, С.Д. Эволюция литературного психологизма в контексте проекта Модерна и ее освещение в постсоветском вузе (заметки на полях учебных пособий) / С.Д. Абрамович // Мова і культура: наук. журнал. – К.: Видавнич. Дім Дмитра Бураго, 2017. – Вип. 19, т. V(185). – С. 5–15.
4. Гинзбург, Л. О психологической прозе / Л. Гинзбург. – М.: INTRADA, 1999. – 415 с.
5. Бульнуа, О. Що нового? Середньовіччя / О. Бульнуа // Філософська думка. – 2010. – № 1. – С. 114–136.
6. Abrams, M.H. A glossary of literature terms / M.H. Abrams. – [Australia, Canada, Mexico, Singapore, United Kingdom, United States]: Heihle@Heihle, 1999. – 366 p.
7. Большев, А.О. Исповедально-автобиографическое начало в русской прозе второй половины XX века: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01 / А.О. Большев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 282 л.
8. Brooks, P. Troubling Confessions: Speaking Guiltin Lawand Literature / P. Brooks. – Chicago: University of Chicago Press, 2000. – 207 p.
9. Казанский, Н. Исповедь как литературный жанр [Электронный ресурс] / Н. Казанский. – Режим доступа: www.krotov.inФfo/libr_min/10_y/az/ansky_01.htm. – Дата доступа: 22.12.2016.
10. Исупов, К.Г. Исповедь: к определению термина [Электронный ресурс] / К.Г. Исупов // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы междунар. конф., Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г. – Режим доступа: www.gumer.info/bogoslov_Buks/.../Isypova_Ispoved.php. – Дата доступа: 18.10.2016.
11. Альгазо, Х. Нравственное становление личности в автобиографической прозе русского Зарубежья [Электронный ресурс] / Х. Альгазо. – Режим доступа: ...search.rsl.ru/ru/record/01002937125. – Дата доступа: 18.10.2016.
12. Бар, Л. Литературный портрет в советской мемуарной прозе 60–70-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Бар. – М., 1982. – 19 с.
13. Барахов, В.С. Литературный портрет (Истоки, поэтика, жанр) / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.
14. Кикоина, Л. Философия утраченного и обретенного времени Марселя Пруста [Электронный ресурс] / Л. Кикоина. – Режим доступа: rehes.org/lst7/lst7_kikoina.html. – Дата доступа: 12.03.2017.

15. Mugubi, J. Alt 101: introduction to literary terms / J. Mugubi. – Nairobi: Kenyatta University, 1977. – 173 p.
16. Галич, О. Жанрова система документальної літератури / О. Галич // Документалістика на порозі XXI століття: проблеми теорії та історії: матеріали Всеукр. наук. конф., Луганськ, 18–19 вер. 2003 р. – Луганськ: Знання, 2003. – С. 19–36.
17. Елизаветина, Г. «Последняя грань в области романа...» (русская мемуаристика как предмет литературоведческого исследования) / Г. Елизаветина // Вопросы литературы. – 1982. – № 10. – С. 147–171.
18. Неклюдов, С.Ю. Специфика слова и текста в устной традиции / С.Ю. Неклюдов // Евразийское пространство: Звук, слово, образ / отв. ред. Вяч.Вс. Иванов; сост. Л.О. Зайонц, Т.В. Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 108–119.
19. Glowinski, M. Narracja jako monolog wypowiedzany / M. Glowinski // Grypowiesciowe: Szkice z teorii i historii form narracyjnych. – Warszawa: Państwowe Wydawnyctwo Naukowe, 1973. – S. 37–58.
20. Литература, документ, факт [Дискуссия] // Иностранная литература. – 1966. – № 8. – С. 178–207.
21. Фатеева, Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н.А. Фатеева. – М.: Комкнига, 2006. – 280 с.
22. Eagleton, T. Literary Theory. An Introduction / T. Eagleton. – Oxford: Blackwell Publishing, 2003. – 234 p.
23. Бунина, С.Н. Автобиографическая проза М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / С.Н. Бунина; Харьков. нац. ун-т имени В.Н. Каразина. – Харьков, 1999. – 172 л.
24. Криволапова, Е.М. Литературный дневник «русской смуты»: 1917–1919 гг. По материалам дневников русских писателей / Е.М. Криволапова. – Saarbrъcken: LAP LAMBERT Academic Publishing. Saarbrъcken, 2012. – 128 с.
25. Боброва, О.Б. Жанр дневника – один из древнейших жанров в литературе... История жанра дневника [Электронный ресурс] / О.Б. Боброва. – Режим доступа: bobrova.shagym.ru/.../Istoriya%20janra%20dnevnika.doc. – Дата доступа: 10.11.2016.
26. Т<арле> Е. От редактора / Е. Тарле // Талейран. Мемуары. – М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1959. – С. 3–7.

Поступила в редакцию 25.09.2017 г.

УДК 808.53:001.11:811.161.1

Стратегии и тактики научного дискурса

Чалова О.Н.
Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины», Гомель

В статье рассматриваются вопросы тактико-стратегической организации такого жанра общения, как устная научная дискуссия.

Цель статьи – выявление основных речевых стратегий и тактик, способствующих достижению ведущих задач научной коммуникации.

Материал и методы. *Материал исследования – стенограммы современных научных дискуссий по гуманитарным дисциплинам. Метод исследования – коммуникативно-прагматический анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Наблюдения за вербальным поведением участников научной дискуссии показали, что для реализации главных целей научного диалога в изучаемом типе речевого взаимодействия используется всего несколько стратегий (диалогическая, семантическая и прагматическая), а также целый ряд тактик, составляющих эти стратегии: диалогические (интеррогативная, интродуктивная и совместного поиска решений), семантические (уточняющая, компаративная, апеллирующая и проч.) и прагматические (оценочные). Кроме того, согласно результатам данного исследования, в научной дискуссии обнаруживается несколько некооперативных тактик, оказывающих деструктивное воздействие на аранжирование научной речи (дискредитации и уклонения от ответа).*

Заключение. *Таким образом, широкий спектр речевых стратегий и тактик, задействованных в рассматриваемом жанре научного дискурса, свидетельствует в пользу богатства коммуникативно-прагматического потенциала научной дискуссии.*

Ключевые слова: *лингвопрагматика, речевая стратегия, речевая тактика, научная дискуссия, диалогичность, информативность, оценочность, кооперативное и некооперативное коммуникативное поведение.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 165–170)

Strategies and Tactics of Scientific Discourse

Chalova O.N.
Educational Establishment «Francisk Skorina Gomel State University», Gomel

The article considers the problem of strategic and tactical organization of scientific discussions as a genre of communication.

The work aims at singling out the general speech strategies and tactics which help achieve the main objectives of scientific discussions.

Material and methods. *The research is carried out on the basis of modern academic sessions in humanitarian disciplines. The pragma-linguistic approach has been chosen as a method of interpretation of the discourse under study.*

Findings and their discussion. *Our observations over the communicative behavior of the participants of scientific discussions showed that the academic dialogue is characterized by only a few strategies being used in it (the dialogic, the semantic, and the pragmatic strategies), while the number of tactics making up these strategies is great: dialogic tactics (the interrogative, introductory, and research tactics), semantic tactics (the specifying, comparative, appealing tactics, etc.), and pragmatic ones (axiological ones). Besides, according to our findings, scientific discussions include a few non-cooperative tactics exercising destructive effects on the structure of scientific speech (undermining and restraining from responding).*

Conclusion. *Thus, the fact that the communicative organization of scientific discussions is formed by several strategies and a wide range of speech tactics proves that the genre of scientific discourse under consideration has a very rich communicative and pragmatic potential.*

Key words: *pragmalinguistics, speech strategy, speech tactics, scientific discussions, dialogueness, information capacity, axiology, cooperative and non-cooperative communicative behavior.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 165–170)

Адрес для корреспонденции: e-mail: oksana-chalova@mail.ru – **О.Н. Чалова**

На сегодняшний день одним из наиболее востребованных лингвистических подходов к интерпретации различных типов институционального дискурса, в том числе и научного, является коммуникативно-прагматический (лингвопрагматический) [1–3].

Лингвопрагматический подход к трактовке научной коммуникации представляет собой гетерогенное изыскательное направление, включающее целый ряд исследовательских ракурсов, каждый из которых ориентирован на изучение отдельных, но при этом тесно связанных сторон научного общения: ***речеактовой***, ***категориальной*** (соотносящейся с особенностями функционирования прагматических категорий диалогичности, экспрессивности, оценочности и проч.), ***тактико-стратегической*** и некоторых других.

В фокусе нашего исследования находятся вопросы ***тактико-стратегической*** организации научной коммуникации, что обусловлено недостаточной изученностью данного аспекта профессиональной речи представителей научной общественности.

Как показывает обзор соответствующей литературы, несмотря на очевидную значимость и бесспорную популярность тактико-стратегического подхода [4–6], он до сих пор остается мало разработанным по отношению к феномену научного дискурса и используется для характеристики лишь некоторых научных жанров в работах немногочисленных авторов (Е.Г. Задворной, Л.Н. Масловой и др.).

В то же время тщательный анализ тактико-стратегического фонда научной речи мог бы помочь расширить и углубить наши представления об общей коммуникативно-прагматической составляющей научного общения, увидеть обобщенную лингвопрагматическую модель научной коммуникации.

В связи с этим цель нашей работы состоит в выявлении репертуара речевых стратегий и тактик научного дискурса на примере такого его жанра, как ***устная научная дискуссия***, под которой подразумевается разновидность профессиональной речи ученых, разворачивающейся в форме диалога на научных форумах различных форматов (на научной конференции, за круглым столом и т.п.). При этом если под ***речевой стратегией*** понимается часть коммуникативного поведения, направленная на достижение ведущей цели общения, то под ***речевой тактикой*** имеется в виду тот компонент вербального поведения коммуниканта, который ориентирован на решение частных вопросов речевого взаимодействия.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стенограммы современных устных научных дискуссий по гуманитарным дисциплинам.

Основной метод интерпретации полученных данных – коммуникативно-прагматический анализ.

Результаты и их обсуждение. На наш взгляд, к проблеме тактико-стратегической структуры научной коммуникации необходимо подходить комплексно, что в первую очередь означает подразделение формирующих научную дискуссию стратегий и тактик на ***кооперативные*** (способствующие содержательному и линейному развитию диалога, отвечающие принципам вежливого и толерантного общения) и ***некооперативные*** (приводящие к размыканию речевого контакта, нарушающие принципы кооперации Г.П. Грайса).

Среди ***кооперативных стратегий*** и ***тактик*** в научной дискуссии целесообразно различать ***интеррогативные***, ***семантические*** и ***прагматические***. ***Диалогическая*** стратегия и составляющие ее тактики используются для выражения потребности в информации и на стимулирование речевой активности коммуникантов. ***Семантические стратегии*** и ***тактики*** сопряжены с обоснованием и защитой собственного тезиса, отражают принципы описания научно значимых фактов, способы их соотнесения между собой, включения в широкий научный контекст, а также механизмы аранжирования семантического содержания научной речи. ***Прагматические стратегии*** и ***тактики*** связаны с выражением отношения (положительного и/или отрицательного) к позиции индивидуального или коллективного оппонента.

I. Диалогическая стратегия и соответствующие тактики в научной дискуссии

Согласно общепринятой точке зрения, любой жанр научного дискурса, даже письменный, например научная статья, имеет диалогический характер, в том смысле что он всегда характеризуется наличием адресата и адресанта. Данное обстоятельство позволяет приписывать научному дискурсу в любом его проявлении категорию диалогичности, проявляющуюся в использовании специальных диалогических тактик, ориентированных на установление контакта автора научной речи с ее реципиентом.

Однако даже беглый анализ коммуникативно-прагматической организации научного общения позволяет заметить, что степень значимости и характер актуализации диалогической стратегии заметно отличаются в монологических научных произведениях и собственно научном диалоге (устной научной дискуссии).

Понятно, что в случае с устной научной дискуссией ***диалогическая стратегия*** играет особую роль, ведь режим реплицирования,

в рамках которого протекает научный диалог, постоянно требует от своих участников использования специфических интеррогативных «усилий», обеспечивающих своевременную смену говорящего и отвечающих за перераспределение коммуникативной инициативы.

Согласно результатам нашего исследования, диалогическая стратегия в научной дискуссии реализуется посредством следующих тактик:

1. Интеррогативная тактика

Данная тактика подразумевает апелляцию к знаниям собеседника, модусу его мнения, к информации, которой он располагает. Другими словами, интеррогативность предполагает постановку самых разных вопросов, выражающих потребность в сведениях о каком-либо положении дел и способствующих передаче слова другому лицу (*А как Вы считаете? А какое Ваше мнение? Уточните, пожалуйста. Так ведь? А можно сказать в одной фразе? Что значат слова, что препарат зарегистрирован? Приведите хотя бы один пример использования слова «компетенции» во множественном числе в методической литературе*).

2. Интродуктивная (уточняющая, акцентирующая, напоминающая) тактика

Интеррогативная тактика обусловливает использование другой тактики – интродуктивной, связанной с обозначением темы, интерес к которой и вызвал постановку вопроса, с введением и формулировкой проблематики, получившей недостаточное освещение в предыдущей речи оппонента, с привлечением внимания к ней (***Вы говорили о*** *деятельности как о некоторой субстанции – потоке, существующем независимо от людей. А существовала ли деятельность, когда не было человечества?*).

3. Тактика совместного поиска решений (эвристическая, суппозитивная, прогнозирующая тактика)

При обращении к партнеру с вопросом коммуникант может «предлагать» оппоненту варианты ответа, выдвигать собственные гипотезы относительно волнующей его научной проблемы, указывать на перспективу развития событий, высказывать догадку относительно намерений собеседника, а следовательно, побуждать последнего к подтверждению или опровержению высказываемых предположений (*Вы говорили о глобализации в двух измерениях: в пределах одного государства – России и как тенденции в мире. Если глобализация не будет регулироваться государством,* ***боюсь, что может возникнуть такая ситуация****, когда Дальний Восток, Якутия объединятся в одну геополитическую зону, Бурятия – с Монголией, Внутренней Монголией и т.д.* ***Как Вы считаете?***).

Таким образом, диалогическая стратегия является исключительно важным атрибутом научной дискуссии, активизирующим научную речь, способствующим урегулированию и упорядочению очередности вступления коммуникантов в диалог, сигнализирующим о стремлениях участников научной дискуссии наладить коммуникативный контакт. Она также помогает обозначить тематику волнующего вопроса и совместными усилиями решить научную проблему.

II. Семантическая стратегия и соответствующие тактики в научной дискуссии

Ведущая коммуникативная установка научного дискурса, заключающаяся в целенаправленном воздействии на интеллектуальную сферу оппонента (его научные взгляды, воззрения), обусловливает ключевую для научного общения роль стратегии ***убеждения*** (а именно убеждения в правомерности определенной научной позиции), предполагающей мотивировку конкретной точки зрения и реализующейся в целом ряде тактик информативно-аргументативного порядка.

По нашим наблюдениям, в научной дискуссии к числу основных ***информативно-аргументативных тактик***, которые, как правило, актуализируются в ответных (реактивных) репликах, относятся следующие:

1. Тактика апелляции к собственным наблюдениям, опыту, мнению

Данный тактический ход используется с целью представления авторского видения проблемы, позиционирования своего мнения среди множества других (***С моей точки зрения****, нет никаких скачков в интересе к оккультным дисциплинам на Западе в последнее время*).

2. Иллюстрирующая тактика

Настоящая тактика представляет собой ту часть коммуникативного поведения говорящего, которая связана с сообщением достоверно известного, указанием на несомненность существования, наличия чего-либо в подтверждение собственной точки зрения и т.д. Актуализация иллюстрирующей тактики обычно прослеживается в случае приведения всевозможных примеров, в том числе цифровых данных, доказывающих или опровергающих определенное положение дел (*Я* ***приведу пример*** *остроты обсуждения на моем докладе в 1972 году <…>*).

3. Тактика ссылки на авторитет

Такая ссылка подразумевает обращение к мнению авторитетного лица или литературного источника, к общепризнанным концепциям и теориям с целью придания веса своим доводам (*Сегодня существует глоссарий, одним из авторов которого* ***является*** *А.Л. Гинцбург, и он* ***содержит*** *более тысячи терминов*).

4. Компаративная тактика

Реализация данной тактики предполагает

любое сопоставление мнений, идей, гипотез и т.д., в частности своего исследования – с работами других авторов, и сопряжена с локализацией конкретных научных взглядов, в том числе и своих, в соответствующем интертекстуальном пространстве. Так, например, следующая реплика представляет собой своего рода личностно-психологическую рефлексию говорящего, перекличку его собственных позиций и утверждений (*Метод квалификационного анализа* ***уже в восьмидесятых годах был построен*** *на основании предложения сначала пространства ортогональных проекций,* ***а потом, в моих работах****, как представление категориального пространства*).

5. Дефиниционная тактика

Эта тактика задействуется участником научной дискуссии с целью определения конкретных понятий для подтверждения и обоснования своей исследовательской позиции (*Широко принято* ***определение*** *методологии как науки о методах получения новых знаний*).

6. Уточняющая тактика

Использование уточнений ориентировано на пояснение своей позиции, на конкретизацию собственного заявления во избежание возможной двусмысленности, устранение затруднений лингвистического и нелингвистического характера и, таким образом, на организацию непротиворечивой реализации общей коммуникативной цели общения (*Небольшая реплика и* ***уточнение****. Те различия позиций, которые мы услышали, по-видимому, отчасти связаны с тем обстоятельством, что философия не существует в вакууме <…>*).

7. Акцентирующая (эмфатическая) тактика

Эмфатическая тактика обычно применяется для того, чтобы сделать акцент на сказанном, привлечь особо пристальное внимание адресата к сообщаемому, выделить основную мысль высказывания (***Обращаю ваше внимание****: не двадцатого, а девятнадцатого*).

8. Обобщающая тактика

Обобщающая тактика соотносится с подведением итогов, как окончательных, так и промежуточных (***Из того, что сказано, сразу вытекает****, что истинные знания можно получать и ненаучным образом, например, угадыванием <…>*).

9. Дополняющая тактика

Введение нового аспекта информации позволяет по-другому взглянуть на обсуждаемые явления, придать им добавочный смысл (*Я хотел* ***добавить*** *один момент. Характеристика, которую ты оспариваешь: понимание сложной схемы, в частности, схемы мыследеятельности, предполагает матрицу, которая задается ранними схемами*).

Можно выделить и другие тактики, составляющие семантическую стратегию убеждения в научной дискуссии (например, редактирующую, напоминающую, прогнозирующую и др.), но и указанных достаточно для того, чтобы увидеть все богатство лингвопрагматического потенциала научного диалога, а также заметить направленность этих тактик на апеллирование к фактам, что придает изучаемому типу речевого взаимодействия содержательную насыщенность – неизменный атрибут научной коммуникации.

III. Прагматическая стратегия и соответствующие тактики в научной дискуссии

Ведущей прагматической стратегией, то есть стратегией, связанной с выражением отношения к позиции индивидуального или коллективного оппонента, является ***оценочная стратегия***.

В рамках настоящей статьи ***оценка*** трактуется с максимальной степенью широты и подразумевает любую положительную или отрицательную характеристику явления, факта, утверждения, мнения собеседника, а также квалификацию аспектов собственной исследовательской позиции, в частности оценку теоретической и практической значимости своей работы.

В научной дискуссии оценочная стратегия реализуется посредством нескольких тактик, к наиболее значимым из которых относятся следующие:

1. Тактика критики исследовательской позиции оппонента

Данная тактика предполагает любой отрицательный (негативный) комментарий, касающийся научных взглядов коллег, а также выражение несогласия с этими взглядами (*Но в таком виде есть* ***непроясненность****. Вот здесь наши* ***мнения разойдутся****.* ***Вызывает сомнение*** *такая процедура. Это Вы так думаете, это все* ***поверхностно****, глубина там совсем другая*).

Активное использование тактики критики в научном диалоге обусловлено той ролью, которую играет негативная оценка в организации вербального общения. Как известно, она задает то «минимальное “напряжение” между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [7, с. 182]. Кроме того, критические замечания выполняют в диалоге важную функцию – осуществляют контроль над содержанием и формой коммуникативного поведения собеседника.

Наряду с критикой оппонента в научной дискуссии обнаруживаются и другие оценочные тактики, а именно тактики ***позитивной презентации*** оппонента, ***позитивной самопрезентации*** и ***самокритики***, однако, на наш взгляд, их следует причислять не к основному тактико-страте-

гическому фонду научного диалога, а к вспомогательному в силу их нацеленности на решение частных прагматических задач.

Остановимся на этих вспомогательных тактиках подробнее.

2. Тактика позитивной презентации исследовательской позиции оппонента

Указанная тактика предполагает любой позитивный комментарий исследовательских взглядов оппонента, коллег, а также выражение согласия с ними (*Это очень **важный** вопрос, и **хорошо**, что Вы его задали. Это **своевременное** замечание. **Солидаризируюсь** по всем позициям).* Анализ позитивнооценочных реплик в адрес оппонента показывает, что они, как правило, не вызывают вербальной реакции со стороны собеседника и, таким образом, направлены не на развитие речевого взаимодействия, а на размыкание речевого контакта. Данный факт и позволяет нам приписывать рассматриваемой тактике статус вспомогательного элемента научного дискурса.

3. Тактика самодискредитации

Использование тактики самодискредитации подразумевает любую негативную квалификацию собственного научного исследования и включает, например, прямые указания на количественную недостаточность предоставляемой информации или ссылки на возможную ошибочность, субъективность собственного сообщения. А совершается это с единственной целью – предотвратить возможную критику со стороны оппонента (*Приведенные выше рассуждения **не претендуют на исчерпывающее** описание жанра болтовни*).

4. Тактика позитивной самопрезентации

Реализация тактики позитивной самопрезентации подразумевает любой положительный комментарий касательно собственной научной позиции, который, вероятно, совершается с целью акцентирования значимости своей работы (*Я написал в тезисах: если мы говорим в отношении деятельности еще и о развитии, тем самым мы говорим, что это совершенно другой процесс: не деятельность, а развитие <…> И в этом смысле это **вклад**. <…> Мне кажется, что это **вклад***).

Итак, в научной дискуссии из всех оценочных тактик широкую представленность имеет только тактика критики исследовательской позиции оппонента, что обусловлено специфическим характером научного диалога, где отрицательная оценка является его обязательной характеристикой, за счет которой сопоставляются различные мнения, точки зрения, взгляды, теории ученых, проводится сравнение «старого» и «нового» знания.

Тактика критики зачастую используется совместно с другими тактическими ходами – ***маскировкой*** и ***деинтенсификацией критики***, позволяющими минимизировать негативнооценочный элемент в структуре критического замечания.

Если ***тактика маскировки критики*** предполагает имплицитное выражение несогласия, например под видом непонимания (***Не могу понять**, почему Вы игнорируете фактор времени*), то ***тактика деинтенсификации критики*** направлена на снижение категоричности критического замечания за счет указаний на его возможную ошибочность, субъективность и под. (***Возможно, я буду субъективен,** но то, что студенты из неблагополучных семей усваивают учебный материал медленнее, не соответствует действительности*).

Понятно, что тактики маскировки и деинтенсификации критики целесообразно относить к разряду вспомогательных, так как они носят сопутствующий характер и никогда не употребляются самостоятельно, а лишь сопровождают реализацию другой тактики – критики оппонента.

Таким образом, весь репертуар тактик, связанных с выражением оценки, можно разделить на две группы: ***основные***, играющие существенную роль в содержательном и линейном развитии научного диалога (тактика критики научной позиции оппонента), и ***вспомогательные***, которые либо обусловлены употреблением основных тактик (тактика маскировки и тактика деинтенсификации критики), либо нацелены на решение частных задач (тактика позитивной презентации оппонента, тактика позитивной самопрезентации и тактика самокритики).

IV. Некооперативное поведение

Речевые поступки участников научной дискуссии могут иметь языковое воплощение, которое противоречит ведущим стратегиям изучаемого типа общения (диалогической, информативно-аргументативной и оценочной) и, таким образом, нарушает принципы конструктивного взаимодействия (сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента).

Подобное вербальное поведение наблюдается при использовании таких ***некооперативных тактик***, как ***тактика уклонения от ответа*** и ***тактика дискредитации позиции оппонента***, появление которых, по-видимому, обусловлено режимом реального времени, накладывающим отпечаток на способы выражения смыслов.

1. Тактика уклонения от ответа

Хотя неизменным атрибутом научного диалога является содержательная насыщенность, тем не менее в нем могут встречаться ответные реплики, характеризующиеся низкой или даже почти нулевой информативностью, то есть не предоставляющие запрашиваемые сведения в нужном объеме (*У меня пока нет ассоциаций по этому поводу*).

Такие малоинформативные реплики, как средства реализации ***тактики уклонения от ответа***, фактически представляют собой отказы отвечать, в основе которых могут лежать самые разные причины: а) нехватка времени, отведенного на исследование, рефлексию и под. (*Я так сразу не могу ответить на этот вопрос*); б) специфический характер вопроса (*Это сложный вопрос*); в) отсутствие необходимости отвечать сразу (*Частично я буду отвечать на него в следующем пункте доклада*); г) отсутствие необходимости отвечать самому (*Этот вопрос Вы должны адресовать себе*) и др.

Конечно, подавляющее большинство ответных реакций в научной дискуссии направлено на то, чтобы полностью удовлетворить коммуникативные потребности собеседника. Другими словами, актуализация тактики уклонения от ответа является в рассматриваемом научном жанре исключением из правила, так как не соответствует основным качествам научной коммуникации. В то же время ее использование, пусть и минимальное, отличает научную дискуссию от других типов научного общения, составляет его специфику, придает колорит.

2. Тактика дискредитации научной позиции оппонента

Еще одной некооперативной тактикой, зафиксированной в научной дискуссии, является ***тактика дискредитации*** научной позиции оппонента.

Ее принципиальное отличие от тактики критики научных взглядов собеседника состоит в следующем. Если тактика критики имеет конструктивную природу, отличается вежливым языковым оформлением и содействует развитию речевого взаимодействия, то дискредитирующая тактика представляет собой некорректную форму коммуникативного воздействия, характеризующуюся подчеркнутой конфликтностью и зачастую вызывающую нежелательный перлокутивный эффект, например прямой или косвенный отказ от дальнейшего участия в коммуникации: *Никакая история сама по себе ничего не воспроизводит и ничего не оценивает! Это* ***бред собачий***). Как видно, дискредитирующая тактика неразрывно связана с использованием стилистически сниженных эмоционально окрашенных языковых средств, свидетельствующих о крайней степени непринятия позиции собеседника.

Таким образом, дискредитирующая тактика является ярким примером нетолерантного поведения по отношению к речевому партнеру и вступает в противоречие с ключевыми принципами институциональной коммуникации, что и обусловливает ее исключительно редкое использование.

Заключение. Подводя итог вышесказанному, сформулируем нескольких выводов:

1) научная дискуссия имеет усложненную тактико-стратегическую организацию, причем эта усложненность характерна не столько для стратегической составляющей научного диалога (так как в последнем обнаруживаются лишь три основные стратегии – информативно-аргументативная, оценочная и диалогическая), сколько для репертуара тактик, формирующих данные стратегии;

2) весь диапазон тактик научной дискуссии можно систематизировать в рамках нескольких видов и подвидов: кооперативные тактики (диалогические, семантические и прагматические) и некооперативные (уклончивая и дискредитирующая).

Разработанная модель анализа, предполагающая дифференциацию речевых стратегий и тактик на семантические, прагматические и диалогические (с последующим их подразделением на кооперативные и некооперативные, а также на основные и вспомогательные), может использоваться для изучения тактико-стратегической организации любого типа дискурса.

Литература

1. Котюрова, М.П. Научная коммуникация и толерантность / М.П. Котюрова // Стиль: междунар. науч. журн. − 2002. − № 2. − С. 105−114.
2. Мартыненко, Т.И. Диалогическое единство: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.И. Мартыненко. − Ростов н/Д, 2005. − 170 л.
3. Кудинова, И.А. Категория имплицитности в рекламном дискурсе (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И.А. Кудинова. − Белгород, 2010. − 182 л.
4. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. − 4-е изд. − М.: УРСС, 2006. − 288 с.
5. Задворная, Е.Г. Коммуникативные тактики уклонения в научном дискурсе [Электронный ресурс] / Е.Г. Задворная // Respectus Philologicus. − 2006. − Режим доступа: http://filologija.vukhf.lt.html. − Дата доступа: 29.08.2017.
6. Маслова, Л.Н. Выражение согласия /несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Л.Н. Маслова. − М., 2007. − 192 л.
7. Юдина, Т.В. Политическая дискуссия как разновидность диалогической речи / Т.В. Юдина // Речь в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: сб. ст. / АН СССР, Каф. иностр. яз.; под ред. М.Я. Цвиллинг. − М.: Наука, 1991. − С. 182−186.

Поступила в редакцию 13.09.2017 г.

УДК 821.161.1-3:81'271

Проблема слова и коммуникации в прозе Н. Баршева: возможные контексты

Виниченко В.В.
Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков (Украина)

В статье исследованы особенности функционирования мотива слова и «провалы» коммуникации в прозе Н. Баршева в связи с эстетическими исканиями литературы 1920–1930-х годов. Актуальность работы определяется необходимостью всестороннего рассмотрения литературного процесса первой трети XX века и отсутствием развернутых исследований прозы Н. Баршева.

Цель статьи – выявить специфику художественного воплощения проблемы слова и коммуникации в прозе Н. Баршева с учетом философского и литературного контекстов.

Материал и методы. *Материал исследования – повести и рассказы Н. Баршева («Большие Пузырьки», «Антошины мелочи», «Забытая антенна» и др.). Оно базируется на описательно-аналитическом, сравнительно-сопоставительном методах и принципах мотивного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Показано, что специфика функционирования мотива слова обусловлена установкой на его эстетическую значимость, повышением статуса слова до полноценного героя, конструированием вторичной, литературной реальности. Предпринята попытка вписать прозу писателя в широкий литературный и философский контексты: в полилог о бытийном статусе слова и его всевластии включены философы (П. Флоренский) и писатели (С. Кржижановский, К. Вагинов). Подход к слову как результату творческого процесса и словесному мышлению как одному из этапов эволюции человека сближает произведения Н. Баршева с концепциями известного представителя Харьковской филологической школы А. Потебни. Особое отношение баршевских героев к слову и доверие к знаку сопряжены с проблемой коммуникации, что позволяет соотнести творчество писателя с чеховским контекстом. Автор статьи показывает, что для А. Чехова и Н. Баршева проблема отсутствия коммуникации становится самодостаточной темой, наделяемой онтологическим звучанием.*

Заключение. *На основании предпринятого исследования можно сделать вывод, что подход к слову в прозе Н. Баршева соотносится как с модернистскими, так и постмодернистскими практиками.*

Ключевые слова: *слово, коммуникация, имяславие, контекст, Н. Баршев.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 171–176)

The Verbal and Communication Problem in N. Barshev's Prose: Possible Contexts

Vinichenko V.V.
V.N. Karazin Kharkiv National University, Kharkiv (Ukraine)

The article deals with peculiarities of functioning of verbal motive and communication failures in N. Barshev's prose in regard to aesthetic searches of the 1920–1930-ies literature. The actuality of the article is caused by the necessity of an all-round studying of literary process in the first third of the 20th century and by absence of detailed researches of Barshev's prose.

The aim of the article is to disclose the specificity of literary incarnation of the problem of the word and communication in Barshev's prose with a glance to the literary and philosophical context.

Material and methods. *The material of this research is Barshev's novels and stories (The Big Bubbles, Anton's Trifles, The Forgotten Antenna etc.). The research is based on the descriptive-analytical, comparative methods and the method of motive analysis.*

Findings and their discussion. *It is shown that specificity of verbal motive functioning is caused by aiming at its aesthetic significance, increase of the word's status up to the full-fledged hero, construction of the secondary literary reality. An attempt was made to inscribe the writer's prose in a broad literary and philosophical context: both philosophers (P. Florensky) and writers (S. Krzhizhanovsky, K. Vaginov) are involved in a polylogue about the word's ontological status and its power.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: vinvladimir93@gmail.com – **В.В. Виниченко**

An approach to the word as a result of creative process and to verbal thinking as one of evolution steps makes Barshev's works related with conceptions of a famous philologist, a representative of Kharkiv linguistic school, A. Potebnya. Special respect to the word and trust in the sign, which is appropriate to Barshev's heroes, is connected with the communication problem, which allows comparing Barshev's works with Chekhov's context. The author of the article shows that for both A. Chekhov and N. Barshev a communication lack problem becomes an all-sufficient ontological theme.

Conclusion. *Based on the research, we can make a conclusion that the approach to the word in Barshev's prose correlates both with Modernistic and Postmodern practices.*

Key words: *word, communication, imiaslaviye, context, N. Barshev.*

(Scientific notes. − 2017. − Vol. 24. − P. 171−176)

Если вся русская литература второй половины XIX века, согласно известному афоризму, вышла из «Шинели» Гоголя, то русский модернизм восходит к «Мысли и языку» А. Потебни, философским трактатам имяславцев, футуристическим программам и проектам по воскрешению слова. По мнению исследователей, «именно модернизм впервые указал на слово как на минимальную полноценную единицу художественного образа. <…> Серебряный век культурно засвидетельствовал необычную для реалистической эстетики формализацию материально-духовных составляющих художественного образа, в литературе совершившуюся на "клеточном" уровне – на уровне слова» [1, с. 32].

Указанные процессы достаточно хорошо изучены в прозе писателей первого ряда, однако ничуть не менее интересны творческие поиски ныне несправедливо забытых авторов. К творчеству одного из них – Николая Баршева – мы и обратимся.

Цель статьи – выявить специфику художественного воплощения проблемы слова и коммуникации в прозе Н. Баршева с учетом философского и литературного контекстов. Заметим, что особенности баршевского понимания слова связаны с установкой на усиление его эстетической значимости.

Материал и методы. Материалом исследования послужила проза Н. Баршева. В работе использованы описательно-аналитический и сравнительно-сопоставительный методы. Анализируя функционирование мотива слова, мы будем опираться также на концепцию Б.М. Гаспарова, понимающего под мотивом любую значимую единицу текста, «любой феномен, любое смысловое "пятно" <…>, произнесенное слово» [2, с. 30], обладающее главной характеристикой – повторяемостью.

Результаты и их обсуждение. Согласно учению А. Потебни, рождение слова является актом творчества: «Язык – это средство не столько выражать уже готовую истину, сколько открывать прежде неизвестную по отношению к познаваемому миру» [3, с. 42]. Параллель «слово–творчество» находим у П. Флоренского: «Слово суть прежде всего конкретные образы, художественные произведения, хоть и в малом размере» [4, с. 115]. В контексте этих высказываний становится понятнее фраза одного из героев Н. Баршева – Василия из «Жданного слова»: «Хочу, Аркадий Михайлович, слова найти такие, чтоб за живое взяло и вас, и всех, чтобы вот вместо слов само солнце в них сверкнуло, или чтобы вот речка зажурчала» [5, с. 402].

Вместе с тем слово знаменует промежуточный этап эволюции мыслящего сознания (ср. у А. Потебни: «В середине человеческого развития мысль может быть связана словом, но вначале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его как неудовлетворяющее ее требованиям» [3, с. 51]) либо же само претерпевает развитие. Именно в слове, его поисках и обретении либо необретении, заключен определенный этап эволюции баршевских героев, вектор которой проходит через творчество. Оба персонажа в «Жданном слове» в какой-то момент подчиняют себе слово: первый – своими проповедями («Если бы вы только послушали, проповеди какие завинчивал, – за сердце убедительно хватал и всех прошибал» [5, с. 398]), второй – поэзией. И все же власть над словом не окончательна: отцу Петру помешала нелепая смерть, а сын Васятка становится комиссаром, и стихи со строительством новой жизни оказываются несовместимыми.

Баршев в своей абсолютизации силы слова, наделенного способностью к материализации и физическому воздействию (соответствующие метафоры становятся маркерами баршевского стиля: «слова начинают вползать в уши забытого собеседника, Аркадия Михайловича» [5, с. 387], «опять потрогала мозг непривычная мысль» [5, с. 485] и т.д.), разумеется, не одинок. Выразительной репликой в обширном полилоге «слова о слове» писателей 1920-х годов стала, к примеру, одна из «Сказок для вундеркиндов» С. Кржижановского, в которой слово в буквальном смысле оживает, чтобы явиться перед создателем и убедить его в своей реальности (и нереальности того, кто его написал): «Будем откровенны: так ли уж ты твердо уверен в том, что твое так называемое "я" не есть просто сокращенное суждение: "я – как бы", "якобы"... или "как-бы-я", то есть, повторяю, схема, пожалуй

даже искажение (по всем правилам диалектологии), меня» («Якоби и “якобы”» [6, с. 110]).

Большинство героев Баршева стремятся укутаться во вторичную, словесную реальность, перевести собственное существование в словесный знак. Так, Коко (герой повести «Большие Пузырьки») едва ли не все время своего пребывания на станции проводит под аккомпанемент гитары и пение очередного романса. Его речь оказывается в значительной степени центонной. При этом сам носитель бесконечных цитат не всегда отличает чужое слово от своего: «Ты убедил меня, Терентий, что и слепые видят сны. Вот спутал, чье это? Блока или мое?» [5, с. 324]. Письменный текст становится кладезем жизненного опыта, может стать универсальным ответом на извечный вопрос баршевских героев: «Как жить?» Именно для этого Кроniду Семеновичу (рассказ «Четвертое») служит написанный им для собственного же пользования талмуд советов «Из своего опыта», в котором содержатся рецепты, как поступать в любых жизненных ситуациях: от ушиба пальца до ухода жены.

Герой Баршева обладает поразительным доверием к знаку, который оказывается авторитетнее реальных ощущений: «Не помню, говорил ли я вам, что имел уклон к непостижимому, особенно к определению затаенных свойств через письмо? Почерк, это я вам скажу, как бы нутро под стеклом» («Расстроенная личность») [7, с. 70]. Напомним сходный пассаж графолога из сказки Кржижановского «Чуть-чути»: «Беру человечье имя: вымеряю угол наклона, разгон и округлость букв <…> градуирую и изыскиваю в запрятанные в чернильные точки <...> ложь. Подложно имя: следовательно, подложен и носитель имени. Подделен человек: значит, фальшивка жизнь» [6, с. 83]. Баршевские герои упорно стремятся соотнести каждый незнакомый объект со знаком (ср. размышления Андрея Бодюли о том, как назвать свою возлюбленную – Любовью или «по-новомодному» – Антенной («Забытая антенна»); а также вычурные названия изобретений Анания Федоровича – «истинная арфа для бедных», «пружинный в воде плаватель» и «летающий фламмандрион» («Летающий фламмандрион»)).

Потребность в номинации выражается в придумывании прозвищ и даже псевдобиографий (так, Коко при первой встрече с Терентием Петровичем берет имя своей жертвы – Морозова, при этом настоящая фамилия странствующего актера остается загадкой («Что же касается фамилий, то у меня их до черта» [5, с. 318]). Лишение имени для героя Баршева – едва ли не знак смерти (в этом случае показательна реакция рассказчика, у которого исчезла входная дощечка с именем: «Пропало мое обозначение. И вдруг захолонуло. Вот конец-то приближается <...> Был тут Иван Иваныч и весь вышел. Поверите, так и кажется, что и за дверью-то ничего нет, одна пустота да пыль» [7, с. 75] («Расстроенная личность»)). Полемической репликой на ту же тему звучит эпиграф из «Забытой антенны»: «Имя свое всяк знает, а в лицо себя никто не помнит» [5, с. 418].

В дальнейшем отношение между текстом и внетекстовой реальностью в прозе Баршева только усложняется. В «Антошиных мелочах» вводится фигура переплетчика с говорящим именем – Петра по фамилии Великий, жалкая судьба которого является как бы антитезой жизненного пути великих «предшественников» главного героя, с которыми тот может ассоциироваться (император Петр I, апостол Петр), и одновременно является репликой в сторону имяславцев, отстаивающих взаимообусловленность имени и его носителя (ср. у П. Флоренского: «всякое имя непременно действенно, не может остаться без действия на своего носителя. Отсюда, как сказано, вытекает императив: если имена вообще действенны, если Иваны, Павлы, Александры должны быть такими-то и такими-то, то и каждый Иван, Павел, Александр и т.д. не могут не быть каждый в соответствии со своим именем» [4, с. 243]).

Петру приходится иметь дело с печатным словом, однако его деятельность при этом лишается всяческого творческого начала. Содержание переплетаемых книг постигается героем смутно, и оттого написанное в неловких руках ежесекундно рискует быть искаженным: «Книжки не были еще до конца переплетены и когда при полете ударились о косяк, то разлетелись по листам и смешали обе мудрости (Шопенгауэра и Эпикура. – *В.В.*) в одну. После, когда Петр <...> выудил из комнаты жены разрозненные листки, он плохо разобрал их, отчего впоследствии имел пренеприятный разговор с заказчиком» [8, с. 63]. Переплетчик Петр Великий оказывается предшественником героя постмодернистской литературы – Бенедикта («Кысь» Т. Толстой), чье абсолютно чистое, не затемненное книжной мудростью сознание позволяет смешивать воедино «Илиаду», «Багровый остров», книги по пчеловодству, раскраску и т.д.

Цитаты из Горького, Дюма, Сенкевича, Мечникова, любовно переплетаемых Петром, органически входят в тексты «Антошиных мелочей», а вместе с чужим словом открываются шлюзы для всего литературного мира. Речь идет о сказках некоего отца Евграфыча, которые тот любил рассказывать Антону. Одна из них – о царе Маховике Третьем – включена в рассказ как текст в тексте. Читатель улавливает отсылку к сказкам Салтыкова-Щедрина, а «механическое» имя «Маховик» вызывает ассоциации с одним из столоначальников города Глупова, у которого в голове помещался органчик.

Сказка Евграфыча – о слове, его бытии в тоталитарном государстве и разрушении. Однажды царю Маховику один из советчиков донес, что в его государстве имеются слова с «двойным понятием»: «к примеру, скажем, ресторан – слов нет – слово приятное, а прочти его наоборот и выйдет: нарот – сер» [8, с. 71]. Насобирали целый ворох таких слов и велели всем их позабыть, а потом занялись и «неправильными» фамилиями, обладателям которых пришлось несладко, после чего и вовсе было приказано «мешать все слова и буквы». Потом владыка оглох, и народу было дозволено изъясняться только знаками, которые, в свою очередь, также были запрещены (как и любой другой вид коммуникации), когда царь в придачу и ослеп.

На самом деле не только подданные царя Маховика вынуждены участвовать в подобных языковых играх. В новой реальности, когда «одних названий столько, что никак не запомнишь» [5, с. 414], баршевские герои, страдающие хронической «боязнью пространства», то есть жизни, с редкой подозрительностью и упорством находят в словах потаенный смысл, страшась неведомой опасности. Показателен пример с героем рассказа «Кирилюк», устроившимся работать на пасеку. От ревностной службы героя отвратило упоминание, что пчелы берут взятки. «Ну, знаете ли, ежедневно говорить такое слово и слушать его от других мне не пристало. Да и опасно, что и говорить», – рассуждает рассказчик и спешит обвинить самих пчел, а заодно и тех, кто их разводит, в паразитизме: «Ведь и цветы тоже общественные. Выходит, что этими вот, простите за слово, взятками паразиты от паразитов питаются» [5, с. 415].

Если в «Антошиных мелочах» наблюдается интерференция реальности и текста, то мир «Забытой антенны» уже изначально вторичен, литературен. Этим объясняется ощущение дежавю, возникающее при знакомстве с конторщиком Андреем Бодюлей, в котором прослеживаются черты героев прозы Н. Гоголя, Ф. Достоевского, А. Чехова. Баршев выбирает для своего героя профессию конторщика, подключая тем самым архетип писца и задействуя обширный пласт русской литературы (прежде всего, «Шинели» и «Бедных людей»).

В контекст «Забытой антенны» целесообразно ввести еще одно произведение, написанное на рубеже 1920–1930-х годов, – «Труды и дни Свистонова». Главный герой предпочитает творить, питаясь плодами слова чужого: «все его вещи возникали из безобразных заметок на полях книг, из украденных сравнений, из умело переписанных страниц, из подслушанных разговоров, из повернутых сплетен» [9, с. 211]. В сознании Свистонова литература предстает более реальной, нежели «ежеминутно распадающийся мир». Стать персонажем свистоновского романа – значит обрести бессмертие (один из персонажей жалуется Свистонову: «Жизнь моя пропадает, художественно построенная жизнь <...> Сам я не могу написать о себе. Если б мог, к вам бы не обратился!» [9, с. 259]). Однако странная живость литературной формы свистоновского текста, способной впитать любое чужое слово, втягивает в себя и своего творца («Где бы Свистонов ни появлялся, всюду он видел своих героев. У них были другие фамилии, другие тела, другие волосы, другие манеры, но он сейчас же узнавал их. Таким образом Свистонов целиком перешел в свое произведение» [9, с. 333]).

Если в романе Вагинова реальность, в конечном итоге, подчиняется литературе, то в «Забытой антенне» уже изначально нет ничего, что бы претендовало на облечение в плоть и кровь. Вся деятельность Бодюли сопряжена так или иначе с текстами – воспроизведением чужого, написанием своего или его разрушением. Основной сюжетной линией становятся поиски героем собственного слова, которые предстают в двух вариантах – возвышенном (грезы о писательстве, литературные пробы) и сниженном (отчаянные попытки Бодюли отыскать единственное удавшееся ему произведение – любовное письмо Нюте Андреевне). Однако ни любовными похождениями, ни пробами пера Бодюли смысл «Забытой антенны» не ограничивается; по сути, это текст о тексте – русской литературе, в которую, как свидетельствует попавшее к герою письмо, проникла нынче пошлость, «огромные уже и превосходные мастера попали в ее железные объятия, и нет Дон-Кихота, который бы их разбил» [5, с. 453]. Бодюля сжигает письмо, чем навлекает на себя суровый приговор незнакомца, задержанного за кражу писем: «будущее вспомнит всех нас, даже меня, представителя разлагающегося класса, но ты, ты будешь забыт <...> Кто всерьез опишет тебя? Никто и никогда» [5, с. 480]. Этот разговор как бы обнаруживает литературность, вторичность мира, воспринимаемого до этого читателем как реальный, и одновременно служит мостом, соединяющим сферы литературного и внелитературного.

Поиски слова в разнообразных вариациях призваны компенсировать недостаток коммуникации, отсутствие понимания, на которые обречены баршевские герои: «Думы ее простые, да как их выскажешь-то? Живут в человеке разные мысли: одни на вынос, другие впрок… А которые впрок, те камнем лежат, и тяжелеет от них к земле человек... нам-то все равно чужое, не общее, а до такого нам горюшка мало» («Большие Пузырьки») [5, с. 337]. Эта цитата перекликается с мыслью А. Потебни («в каждое мгновение жизни все, что есть в душе, распадается на две неравные области: одну – обширную, которая нам неизвестна,

но не утрачена для нас <...> другую – известную нам, находящуюся в сознании, очень ограниченную сравнительно с первою» [3, с. 111]) и цитируемым им признанием В. Гумбольдта («Всякое понимание есть вместе непонимание» [3, с. 124]). Настаивая на природе слова прежде всего как средства понимания, ученый признает: «что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие замечается только при явных недоразумениях <...> но легко может быть осознано и при так называемом полном понимании» [3, с. 123–124].

В «Больших Пузырьках» констатации онтологической природы непонимания предшествует ряд коммуникационных провалов, вариаций чеховского «диалога глухих», с которыми сталкиваются баршевские герои. В начале третьей главы представлен пример такого абсурдного диалога, возникшего в телеграфной комнате: «– Ну чего? – Пузырьки! – надрывается сосед. – И я говорю Пузырьки. Чего? Но сосед или не верит, или не слышит и продолжает надрываться без остановки: – Пузырьки, а, Пузырьки» [5, с. 312] (в рассказах А. Чехова не раз упоминается машина, искажающая слова («Душечка», «У телефона» и т.д.) [10]). Но даже в отсутствие технических средств, усложняющих коммуникацию, некоторым баршевским героям, наделенным «безногими мыслями», выразить себя чрезвычайно трудно. Квинтэссенцией подобного вербального скудоумия в «Больших Пузырьках» стала молчаливая стрелочница Щукина, которая каждое новое распоряжение начальства встречала обессмысленным «А раньше?». Другая форма проявления словесно-речевого убожества – неправильно построенные фразы с затемненным смыслом (ср. «Кипятку нет из-за дров»).

Полноценная коммуникация не всегда возможна между Коко и простодушным Терентием Петровичем, что создает комический эффект («– Терентий, ваше зрения еще недостаточно вооружено, чтобы проникнуть сквозь толщу моей артистической оболочки. Терентий Петрович озадаченно трогает очки: – Неправда, очки у меня хорошие, все вижу» [5, с. 324]). Это непонимание осознается самим адресатом («Коко, чудной ты, видать, что актер, не говоря худого слова, сразу-то и не поймешь, что к чему» [5, с. 322]). Корреляция между интеллектуальным уровнем и речью вновь возвращает нас к концепциям А. Потебни («всякое слово как действительный акт мысли есть точный указатель степени развития мысли» [3, с. 269]).

В то же время провалы коммуникации в прозе Баршева обусловлены не столько особенностями конкретного адресата, сколько всеобщей отчужденностью. Герои «Водорослей» словно утрачивают право быть выслушанными и понятыми: инженер Аркадий, поглощенный мыслями о партийном собрании, за обедом не разговаривает с теткой и дедом, «терявшими» слова; мольба бывшего учителя Хрущева о спасении непонятна Ольге Ивановне; сама же героиня, в свою очередь, читает письмо эмигрировавшего мужа и с досадой не обнаруживает главного – информации о дочери и т.д. Подчас необходимость участия в разговоре тяготит, его участники способны лишь к фальши или констатации скупости диалога, за которой скрываются истинные переживания героев: «Почувствовала, что нужно сказать еще что-нибудь. Свое о Женичке – после, наедине с собой. – Люблю твою речь, Аркадий, скупая она, видно слова твои уходят в думы» [3, с. 393].

Наконец, апогеем неудавшегося диалога становится автокоммуникация, когда адресат попросту отсутствует. Образчик такого моно(диа)лога находим в «Четвертом» как свидетельство крайней степени одиночества его единственного участника, Кронида Семеновича. На примере этого эпизода можно проследить различие актов автокоммуникации у героев Баршева и, например, Чехова. Последние, как подмечено исследователями, порой предпочитают разговор с самим собой как единственную форму полноценного общения [10]. У Кронида Семеновича его молчание вынужденное, что подтверждается сопоставлением с предметом, который дара речи изначально лишен: «А что касается примуса – так вот, слов нет, – деляга, общественный деятель, но такому у одинокого и дела всего-то что молчать, а слушать он не любит» [5, с. 361].

В творчестве Чехова проблема коммуникации становится главной и самодостаточной, не подчиненной другим темой [10]. Герои Баршева также испытывают трудности с вербальным выражением мыслей. Сравним наблюдение одного из чеховских персонажей: «Иной, знаешь, рад бы слово сказать по совести, вступиться, значит, да не может. И душа в нем есть, и совесть есть, да языка в нем нет» [11, с. 124] («Новая дача») и признание героя-рассказчика из «Жданного слова»: «А я что? В словах не богат – простые у меня слова, как скамейка, на которой мы сидим» [5, с. 402]. Еще одна «словесная» проблема – нарушение апперцепции: чеховские и баршевские герои одинаково страдают от непонимания значения слов (ср. «она не понимала, что значит приват-доцентура и общая патология, к тому же боялась опоздать в театр» [12, с. 24] («Попрыгунья»), и абсурдные пассажи баршевских героев: «Ведь вот, к примеру, ваша Главрыба: раньше такого сорта рыбы и не потребляли, а нынче целое учреждение» [5, с. 414], «А я <...> в этих вопросах не копенгаген» [5, с. 416] («Кирилюк»)). Недоступными для понимания оказываются и целые

тексты: дворник Филипп наслаждается книгой «Разведение корнеплодов» («Умный дворник»), а Бодюля бездумно сжигает ценное письмо («Забытая антенна»).

У некоторых героев Чехова непонимание является неотъемлемой чертой их модели контактирования с миром (например, Родион, который «понимал то, что ему говорили не так как нужно, а всегда по-своему» [11, с. 119] («Новая дача»)). Тем самым они оказываются литературными «родственниками» Бодюли или Антона, для которых мир, в силу психологических или физических причин, является извечной загадкой.

Заключение. Таким образом, в художественном мире Баршева специфика бытия слова обусловливается наделением его полноценным «геройным» статусом. Слово становится элементом «вторичной» литературной реальности, которая оказывается порой для героев Баршева более подлинной, нежели первичная «жизненная» реальность. Этим объясняются страстные поиски «жданного» слова, стремление прокомментировать каждое событие жизни, доверие к имени-знаку и отказ в истинном существовании, подлинности тому, кто этот знак утратил. К полилогу о всевластии слова, его творческой природе и о слове как одном из этапов эволюции человеческого мышления подключаются философы (П. Флоренский), лингвисты (А. Потебня) и писатели (С. Кржижановский, К. Вагинов). Мотив самодовлеющего слова, приоритетность словесной формы самовыражения человека и вместе с тем неадекватность языка как средства объяснения и упорядочивания мира, своеобразный «лингвистический пессимизм» позволяют говорить о предварении постмодернистских практик. Поиски слова сопряжены с проблемой коммуникации, что дает возможность соотнести творчество Баршева с чеховским контекстом. И для Чехова, и для Баршева невозможность коммуникации становится самодостаточной темой, наделяемой онтологическим звучанием.

Литература

1. Московская, Д.С. В поисках слова: странная проза 20–30-х годов / Д.С. Московская // Вопросы литературы. – 1999. – Вып. 6. – С. 31–65.
2. Гаспаров, Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века [Текст] / Б.М. Гаспаров. – М.: Наука, 1993. – 304 с.
3. Потебня, А. Слово и миф / А. Потебня. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
4. Флоренский, П. Сочинения: в 4 т. / П. Флоренский. – М.: Мысль, 2000. – Т. 3(1). – 621 с.
5. Расколдованный круг: сб. повестей и рассказов. – Л.: Совет. писатель, 1990. – 688 с.
6. Кржижановский, С. Чужая тема: собр. соч. / С. Кржижановский; сост. предисл. и коммент. В. Перельмутера. – СПб.: Симпозиум, 2001. – Т. 1. – 687 с.
7. Баршев, Н.В. Большие Пузырьки: книга рассказов / Н.В. Баршев. – М.–Л.: ГИЗ, 1928. – 230 с.
8. Баршев, Н.В. Антошины мелочи / Н.В. Баршев // Звезда. – 1928. – № 1. – С. 59–81.
9. Вагинов, К.К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада / К.К. Вагинов. – М.: Худож. лит., 1989. – 477 с.
10. Степанов, А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова [Электронный ресурс] / А.Д. Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – Режим доступа: http://my-chekhov.ru/kritika/problem/content.shtml. – Дата доступа: 15.10.2017.
11. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // Соч.: в 18 т. / А.П. Чехов; [редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]]. – М.: Наука, 1986. – Т. 10. – 491 с.
12. Чехов, А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / А.П. Чехов // Соч.: в 18 т. / А.П. Чехов; [редкол.: Н.Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]]. – М.: Наука, 1986. – Т. 8. – 527 с.

Поступила в редакцию 04.12.2017 г.

УДК [811.161.1+811.581]’37

Стадиальный процесс образования цветолексем в русском и китайском языках

Чекулаева А.С.
Белорусский государственный университет, Минск

В рамках исследования базовости цветолексем одним из ключевых моментов является вопрос о стадии знакообразования, на которой находится та или иная цветолексема.

Цель статьи – проанализировать стадии формирования языковых знаков на материале цветолексем русского и китайского языков.

Материал и методы. *Материал исследования – цветолексемы, отобранные методом случайной выборки из словарей русского и китайского языков, методы – моделирование, анализ словарных дефиниций, этимологический анализ.*

Результаты и их обсуждение. *На первой стадии явной двухкомпонентности образуется развернутая номинативная единица, для которой характерна минимальная степень «семантической конденсации». Данный этап знакообразования отличается формированием двух структурных типов цветолексем: знакосочетаний и композитов. На второй стадии свернутой двухкомпонентности происходит семантическая конденсация в пользу модификатора, в результате чего образуется унарная (свернутая) цветолексема, отличительными особенностями которой являются унарность корневой морфемы и максимальная степень семантической конденсации. Структурный тип унарных (свернутых) цветолексем можно условно разделить на два вида: сокращенные и сжатые.*

Заключение. *Таким образом, анализ стадиального характера порождения знаков, в аспекте содержания которых имеется стереотип «цвет», является существенным в процессе изучения базовых цветолексем, поскольку он позволяет определить и обосновать характер взаимодействия между составными элементами предметной области «цвет».*

Ключевые слова: *цветолексема, комбинбторная семантика, двухкомпонентность языкового знака, семантическая конденсация, актуализатор, модификатор.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 177–180)

Stage Process of Colour Lexeme Formation in Russian and Chinese

Chekulayeva A.S.
Belarusian State University, Minsk

In the process of study of the basic colour lexemes, one of the key points is the stage of sign formation of a colour lexeme.

The purpose of this article is to analyze the stages of the formation of linguistic signs on the material of colour lexemes of Russian and Chinese.

Material and methods. *The material of the study is colour lexemes, selected by random sampling from Russian and Chinese dictionaries. The research methods are modeling, analysis of vocabulary definitions, etymological analysis.*

Findings and their discussion. *At the first stage of the explicit two-component structure, an expanded nominative unit is formed, for which the minimum degree of «semantic condensation» is characteristic. This stage of character formation is characterized by the formation of two structural types of colour lexeme: sign combinations and composites. At the second stage of the folded two-component structure, semantic condensation occurs in favor of the modifier, resulting in the formation of a unary (folded) colour lexeme, the distinctive features of which are: the unary nature of the root morpheme; the maximum degree of semantic condensation. The structural type of unary (folded) colour lexemes can be conditionally divided into two types: abbreviated and compressed.*

Conclusion. *Thus, the analysis of the stage character of sign emergence, within the content of which the colour stereotype is observed, is essential in studying base colour lexemes, since it makes it possible to identify and ground the interaction between the components of the subjects area of colour.*

Key words: *colour lexeme, combinatory semantics, two-component language sign, semantic condensation, actualizer, modifier.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 177–180)

Адрес для корреспонденции: e-mail: nastassia888@gmail.com – **А.С. Чекулаева**

Предметная область «цвет»[1] представляет собой систему, отдельные элементы которой закономерно связаны между собой и находятся в процессе постоянного взаимодействия. В состав предметной области «цвет» входят цветолексемы, или языковые знаки, в аспекте содержания которых содержится стереотип[2] «цвет».

В рамках исследования базовости цветолексем одним из ключевых моментов, по нашему мнению, является вопрос о стадии знакообразования, на которой находится та или иная цветолексема. Учитывая тот факт, что в качестве материала исследования взяты антитетические языки (русский и китайский), мы полагаем, что традиционная теория номинации в некоторых вопросах анализа процессов формирования моделей знакообразования (особенно в диахроническом разрезе) может оказаться несостоятельной. Именно поэтому наиболее целесообразной нам представляется теория о двухкомпонентном членении языкового знака. Стремясь к описанию языка как системы знаков, в своем исследовании мы опираемся на труды Я. Розвадовского [3], А.В. Исаченко [4], В.В. Мартынова [5], А.Н. Гордея [6], а также теорию о семантическом ядре и периферии К.Л. Пайка [7].

Цель настоящей статьи – проанализировать стадии формирования языковых знаков на материале цветолексем русского и китайского языков.

Материал и методы. Материал исследования – цветолексемы, отобранные методом случайной выборки из словарей русского и китайского языков. Объект исследования – цветолексемы, или языковые знаки, входящие в состав предметной области «цвет», в аспекте содержания которых имеется стереотип «цвет»; предмет исследования – стадии образования цветолексем. Методы исследования – моделирование, анализ словарных дефиниций, этимологический анализ.

Результаты и их обсуждение. Процесс образования языковых знаков, в аспекте содержания которых содержится стереотип «цвет», условно можно разделить на следующие стадии:

1. Явная двухкомпонентность[3]

На первой стадии явной двухкомпонентности образуется **развернутая[4]** номинативная единица[5], для которой характерна минимальная сте-

[1] Под ***предметной областью*** мы понимаем нечеткое множество (в терминологии Л. Заде [1, с. 32–33]) однородных индивидов (предметов) и их однородных признаков (свойств и процессов, в которых участвуют индивиды); в лингвистике предметная область – нечеткое множество однородных знаков, модификаторы которого определяют актуализатор, являющийся семантическим ядром всей области. ***Индивид*** – «разновидность стереотипа как отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира»; ***признак индивида*** – «разновидность стереотипа как свойства отдельной сущности в выделенном фрагменте модели мира или процесса (акции), в котором эта сущность участвует» [2, с. 226].

[2] В теории комбинбторной семантики ***мир*** представляет собой «все, что нас окружает, без ограничений в пространстве и времени»; ***копия мира*** – «отображение мира органами чувств»; ***стереотип*** – «закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира»; ***модель мира (скрытое знание)*** – «архитектура стереотипов, т.е. упорядоченное множество стереотипов и упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие»; ***языковая картина мира (открытое знание)*** – «декодированная (представленная и преобразованная) посредством языка часть модели мира для сознательного управления интеллектуальной деятельностью, т.е. частичная архитектура стереотипов (частично упорядоченное множество стереотипов и частично упорядоченное множество преобразований одних стереотипов в другие)» [2, с. 226–227].

[3] «Суть теории о двухкомпонентности знака заключается в том, что новое понятие одним признаком (интегральным) связывается с уже существующим понятием, а другим (дифференциальным) – от него отличается» [8, с. 33].

[4] Подробнее о парадигме частей языка изложено в статье А.Н. Гордея «О комбинаторике числовых знаков в китайском языке» [9, с. 12]. ***Части языка*** – «подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением» [2, с. 227]. Части языка делятся на два вида: ***тайген*** – «часть языка, обозначающая индивид, например: ‘стол’, ‘восемь’, ‘мы’»; ***ёген*** – «часть языка, обозначающая признак индивида, например: ‘бежать’, ‘коричневый’, ‘смело’» [2, с. 227]. Цветолексемы, как части языка, обозначающие постоянный признак индивида, относятся к ёгенам.

[5] В рамках теории комбинбторной семантики языковой знак, реализованный в речи на конкретном материальном носителе (звуковой волны (для устной речи), черты (для письменной речи), нейронной сети (для «внутренней речи»)), превращается в свой ***комбина́торный вариант знака***. «Устойчивая последовательность комбинбторных вариантов знаков, в которой один вариант знака (модификатор) определяет другой (актуализатор)» [6, с. 33], образует центральный элемент лексической подсистемы языка – ***номинативную единицу***, при этом слово рассматривается в качестве ***свернутой номинативной единицы***: *голуб-ика = «голубая ягода»; черн-ика = «черная ягода»*. Для любой номинативной единицы характерна бинарная структура: определяющее (***модификатор***) + определяемое (***актуализатор***). Актуализатор обладает интегральным признаком, известным говорящему; модификатор обладает дифференциальным признаком, применяемым в новом для носителя языка качестве. Номинативная единица в отличие от сочетания номинативных единиц обладает: 1) репродуктивностью; 2) затемненностью внутренней формы; 3) сверткой в пользу модификатора [6, с. 33].

пень «семантической конденсации»[6] (термин А.В. Исаченко [4, с. 340]). Данный этап знакообразования отличается формированием двух структурных типов цветолексем: знакосочетаний и композитов.

Цветовыми знакосочетаниями называются ***составные*** части языка «с явной двухкомпонентностью устойчивых сочетаний свободных (морфологически цельнооформленных) основ и/или корней» [9, с. 12], например, образованные внешним или смешанным способами[7] цветолексемы *цвет морской волны* (в русском языке); 蜜色 *«цвет меда»* (в китайском языке).

Цветолексемы-композиты представляют собой ***сложные*** части языка «с двухкомпонентной структурой из связанных (усеченных) основ и/или корней» [9, с. 12], образованные внутренним или смешанным способами, отличительной особенностью которых является n-арность корневой морфемы. С учетом анализа внутренней формы составляющих цветолексему формантов композиты условно можно разделить на четыре подгруппы. Проиллюстрируем на примере китайского и русского языков:

1) цвето-цветовые (собственно цветовые) – 红绿 *красно-зеленый*;

2) свето-цветовые – 深蓝 *темно-синий*;

3) предметно-цветовые – 雪白 *белоснежный*;

4) экспрессивно-цветовые – 黑糊糊 *«черным-черно; чернёхонький»* в китайском языке, *цвет бедра испуганной нимфы* в русском языке.

Следует отметить, что множество развернутых цветолексем остается открытым: цветолексем-композитов и цветовых знакосочетаний может быть образовано практически неограниченное количество. Однако некоторые развернутые цветолексемы проявляют тенденцию к репродуктивности, переходя из разряда сочетаний номинативных единиц в разряд номинативных единиц[8], что находит подтверждение в словарных дефинициях: *иссиня-черный* [11, с. 309].

2. Свернутая двухкомпонентность

На второй стадии ***свернутой двухкомпонентности*** происходит семантическая конденсация в пользу модификатора, в результате чего образуется ***унарная (свернутая) цветолексема***, отличительными особенностями которой являются:

1) унарность корневой морфемы;

2) максимальная степень семантической конденсации.

Структурный тип унарных (свернутых) цветолексем можно условно разделить на два вида: сокращенные и сжатые.

Сокращенные цветолексемы представляют собой «части языка со скрытой двухкомпонентностью сочетаний связанных (усеченных) основ или корней со свернутыми в аффиксы основами или корнями» [9, с. 12]. Примерами в русском языке могут служить образованные внешним способом цветолексемы *фисташковый*[9] или *оранжевый*[10]; в китайском языке – цветолексема-конверсив 棕 *«коричневый»*[11] или 红 *«красный»*[12].

Сжатые цветолексемы представляют собой «сочетания свободных основ или корней со стертыми, но семантически реконструируемыми основами или корнями» [9, с. 12], для которых характерна полная семантическая конденсация. Для выявления двухкомпонентности такого рода знаков требуются глубинный этимологический анализ и исследования на уровне языковой ди-

[6] Термин «семантическая конденсация» применяется для обозначения процесса утраты семантической расчлененности, в частности у комплексных наименований, проявляющих «ярко выраженную тенденцию к универбации, т.е. к сгущению семантического содержания в одном слове» [4, с. 340]. К наиболее распространенным случаям семантической конденсации комплексных наименований А.В. Исаченко относит: 1) словосложение (*место жительства – местожительство*); 2) сопряжение, т.е. сращение самостоятельных слов по смежности (*ума лишенный – умалишенный*); 3) эллиптический пропуск одного из элементов, входящих в комплексное наименование: эллипсис определяемого члена (*мостовая дорога – дорога*), эллипсис определяющего члена (*Рождество Христово – Рождество*); 4) аффиксальная деривация (*сетчатая оболочка – сетчатка*); 5) устранение грамматической «разнооформленности» двучленных сочетаний (*жар-птица* – род. *жар-птицы*); 6) сложносокращенные слова (*медицинская сестра – медсестра*); 7) комплексное наименование, которое заменяется словом, не входящим в состав сочетания (в сочетании *Главрыба* элемент – *рыба* представляет собой «конденсат» сочетания *рыбная промышленность*) [4, с. 341–342].

[7] Вопрос о типах знакообразования подробно рассмотрен в статье автора «Способы образования цветолексем в русском и китайском языках» [10].

[8] Об отличии номинативной единицы от сочетания номинативных единиц см. статью А.Н. Гордея «Лингвистическая пропедевтика» [2, с. 227].

[9] Реконструкция двухкомпонентной структуры возможна без первичного этимологического анализа или метаязыкового определения при обращении к данным языка, явившегося источником заимствования.

[10] Двухкомпонентность восстанавливается при метаязыковом определении через обращение к иностранному языку, породившему данный знак.

[11] Следует отметить, что, в отличие от знака 蜜 *«мед»*, являющегося модификатором вышеуказанной цветолексемы 蜜色 *«цвет меда»*, значение цвета знака 棕 *«коричневый»* закреплено в словаре [12, с. 1696].

[12] Двухкомпонентная структура знака восстанавливается за счет реконструкции семантики составляющих цветолексему логограмм: иероглифический ключ с правой стороны (纟 *«шелковая нить»*) имеет явное указание на то, что данный знак когда-то обозначал ткань красного цвета.

ахронии. Например, «имеющие общий индоевропейский корень цветолексемы русского языка *желтый, зеленый, золотой*» или «древние знаки-логограммы, в современном китайском языке перешедшие в разряд иероглифических ключей: 白 ‘белый’, 黑 ‘черный’, 赤 ‘красный’, 黄 ‘желтый’, 青 ‘сине-зеленый’» [10, с. 37].

Заключение. Таким образом, в основе порождения цветолексем лежит принцип двухкомпонентного членения номинативной единицы. Носитель языка из всего многообразия окружающих его реалий выбирает определенное явление или предмет в качестве эталона цвета и называет его «цвет *эталона*». Данное сочетание знаков со временем становится устойчивым, превращаясь в номинативную единицу. Затем в процессе адаптации номинативной единицы к лексической и морфологической системам естественного языка происходит последовательная свертка (семантическая конденсация) образующих ее формантов – *актуализатора* (интегрального компонента «*цвет*») и *модификатора* (дифференциального компонента «*эталон*»). В результате рождается новый знак, который на данном синхроническом отрезке времени не может быть идентифицирован как сочетание знаков и воспринимается носителями языка исключительно как исконная цветолексема. Именно такого рода свойство цветолексем является неотъемлемым условием идентификации их базовости, поскольку факт полной свертки (семантической конденсации) подтверждает окончательную адаптацию языкового знака к лексической и морфологической системам естественного языка.

Следовательно, анализ стадиального характера порождения знаков, в аспекте содержания которых имеется стереотип «цвет», является существенным в процессе изучения базовых цветолексем, поскольку он позволяет определить и обосновать характер взаимодействия между составными элементами предметной области «цвет».

Литература

1. Заде, Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений / Л. Заде. – М.: Мир, 1976. – 166 с.
2. Гордей, А.Н. Лингвистическая пропедевтика / А.Н. Гордей // Беларусь в современном мире: материалы IV Респ. науч. конф., Минск, 28 сент. 2005 г. / РИВШ; редкол.: А.В. Шарапо [и др.]. – Минск, 2005. – С. 226–229.
3. Rozwadowski, J. Słowotwórstwo i znaczenie wyrazów / J. Rozwadowski // Wybór pism. – Warszawa: PWN, 1960. – T. 3: Językoznawstwo ogólne. – S. 21–95.
4. Исаченко, А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков / А.В. Исаченко // Slavia. – Praha, 1958. – Roč. XXVI. – Seš. 3. – С. 334–352.
5. Мартынов, В.В. Категории языка. Семиологический аспект / В.В. Мартынов. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
6. Гордей, А.Н. Принципы исчисления семантики предметных областей / А.Н. Гордей. – Минск: БГУ, 1998. – 156 с.
7. Pike, K. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior / K. Pike. – The Hague-Paris: Mouton, 1967. – 762 p.
8. Чекулаева, А.С. К вопросу о двухкомпонентности языковой единицы (на примере цветолексем китайского языка) / А.С. Чекулаева // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2016. – № 5(84). – С. 31–39.
9. Гордей, А.Н. О комбинаторике числовых знаков в китайском языке / А.Н. Гордей // Научные чтения, посвященные В.В. Мартынову: сб. науч. тр. / РИВШ. – Минск, 2015. – Вып. 2. – С. 12–14.
10. Чекулаева, А.С. Способы образования цветолексем в русском и китайском языках / А.С. Чекулаева // Вестн. Мин. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1, Филология. – 2017. – № 5(90). – С. 33–41.
11. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т русского языка имени В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
12. 现代汉语学习词典. – 北京：商务印书馆，2010. – 1740 页. (Учебный словарь современного китайского языка. – Пекин: Изд-во «Коммерческое изд-во», 2010. – 1740 с.).

Поступила в редакцию 12.12.2017 г.

УДК 811.111'37(043.3)

Системно-функциональные особенности субъектных динамических глаголов

Бекреева Ю.В.
Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

Работа посвящена определению способов семантической репрезентации знания о субъекте в структуре значения английского динамического глагола и особенностей его актуализации в субъектно-предикатной синтагме. Актуальность исследования обусловлена необходимостью установить закономерности взаимодействия и взаимообусловленности семантики и синтагматики глагола.

Цель статьи – раскрыть способы семантической репрезентации знания о субъекте в структуре значения динамического глагола и особенности его актуализации в субъектно-предикатной синтагме.

***Материал и методы.** Материал исследования – 320 английских глаголов, значение которых содержит категориально-лексический признак «изменение» и дифференциальные признаки, отражающие тип и свойства предполагаемого исполнителя действия. Основные методы: компонентный анализ словарных дефиниций и контекстуальный анализ конкордансов исследуемых глаголов, извлеченных из электронного корпуса текстов (Британский национальный корпус).*

***Результаты и их обсуждение.** По способу конкретизации субъекта в семантической структуре выделены три группы глаголов. Глаголы с субъект-прототипом содержат в структуре значения образно-аналитическую сему прототипического субъекта (прототипный способ конкретизации). В английском языке выделяются группа глаголов с внутренним субъект-прототипом и группа производных отыменных глаголов с внешним субъект-прототипом (прототипический субъект закреплен во внешней, морфологической форме). Третья группа глаголов с субъект-атрибутом характеризуется атрибутным способом репрезентации субъекта, при котором в структуре значения присутствуют отдельные признаки, отражающие категорию и психофизические особенности предполагаемого субъекта. Особенность структуры и содержания субъектного компонента в значении обусловливает функциональную специфику глаголов указанных групп. Сема прототипического субъекта определяет центр экстенсионального поля «субъект», вокруг которого структурируются агенсы по степени подобия с прототипом. Морфологическая инкорпорация прототипического субъекта практически исключает возможность сочетания отыменного глагола с мотивирующим существительным. Типичность левосторонних актантов в синтагмах глагола с субъект-атрибутом определяется по признаку категориальной принадлежности. Возможность субъективной характеристики исполнителя действия (приписывания ему выделенного признака) максимально расширяет периферию экстенсионального поля «субъект» для глаголов с субъект-атрибутом.*

***Заключение.** Таким образом, исследование расширяет представление о содержании лексического значения глагола и специфике его сочетаемости с именами в предикатных синтагмах, а также вносит вклад в решение проблемы соотношения двух базовых категорий «субъект» и «действие».*

***Ключевые слова:** субъектный динамический глагол, семантическая структура, компонент «субъект», прототипический субъект, субъектно-предикатная синтагма, сочетаемость.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 181–185)

System and Functional Features of Subject Dynamic Verbs

Bekreyeva Y.V.
Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

The article is dedicated to the identification of ways of semantic representation of information about a subject (doer of the action) in the structure of English dynamic verb. It also outlines the way this information is actualized in subject-predicate syntagms. The relevance of the study is determined by necessity to reveal the correlation patterns of verb semantics and syntagmatics.

The goal of the article is to analyze distinctive features of subject dynamic verbs in terms of their system meaning and usage.

***Material and methods.** The material of the study is 320 English verbs, having in their structure of meaning a categorical-lexical feature «change» and differential features that reflect the type and characteristics of a probable subject. The basic*

Адрес для корреспонденции: e-mail: bekreyeva@mail.ru – **Ю.В. Бекреева**

methods are a componential analysis of definitions of verb-meaning and the contextual analysis of concordances of those verbs, taken from electronic text corpus (British National corpus).

Findings and their discussion. *Three groups of verbs are distinguished according to the way the subject is concretized in the semantic structure. Verbs of a subject-prototype contain a two-faceted (image-based and analytically structured) seme of a prototypical subject (a prototypical way of concretization). In English a group on verbs with inner subject-prototype and a group of denominal verbs with outer subject-prototype are distinguished. The latter has a prototypical subject incorporated in the morphemic structure. The third group are verbs with subject-attribute, that represent an attributive way of concretization of a subject when separate semantic features reflecting physical, categorical or psychological characteristics of a subject are included in the verb meaning. Peculiar structure and content of a subject component determine functional peculiarities of the grouped verbs. The seme of a prototypical subject structures the centre of extensional field of a «subject» component which draws more or less typical agents (compared to a prototype). Morphological incorporation of a prototypical subject restricts the combination of a derived verb with a motivating noun. The typicality of left actants in syntagms with subject-attribute verbs is recognized by a category-type feature. The possibility of subjective characteristics of a doer (attributing certain features) broadens the extensional field of subject component for verbs with subject-attribute.*

Comclusion. *The study provides new facts to modeling the contents of lexical meaning of a verb and its combination patterns in predicate syntagms. It also contributes to the investigation of correlation of two basic concepts: a subject and an action.*

Key words: *subject dynamic verbs, semantic structure, a «subject» component, prototypical subject, subject-predicate syntagm, combinability*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 181–185)

Современная семасиология переживает новый виток развития, обусловленный интеграцией с когнитивным научным направлением. В рамках когнитивно-семантических исследований значение языкового знака рассматривается в непосредственной связи с закономерностями человеческого мышления и познания действительности. Актуальным является анализ семантического содержания слова с позиции того, как знание и опыт человека репрезентированы в структуре значения, как это знание эксплицируется в речевой деятельности. В нашем исследовании мы продолжаем данную линию научного поиска, обращаясь к конкретному фрагменту семантики – компоненту «субъект» в структуре глагольного значения. Определение субъекта как компонента значения глагольного слова позволяет раскрыть корреляцию двух базовых когнитивных категорий «субъект–действие» на уровне микросемантики, определить место субстанциональных компонентов в структуре значения глагола, а также выделить группы глаголов по способу конкретизации субъекта.

Проблема взаимосвязи «субъект–действие» достаточно активно разрабатывается в области семантического синтаксиса [1–3] и функциональной грамматики [4–6]. Определенные достижения в установлении семантических связей имен в значении субъекта и глагольных слов представлены в теории валентности [7; 8] и теории глубинных падежей [9; 10]. Вместе с тем в научной литературе нет единой методики определения в лексическом значении глагола непроцессуальных компонентов, которые соответствуют элементам семантической структуры глагольного предложения. Это обусловливает актуальность и значимость комплексного, системно-функционального анализа компонента «субъект» в значении английских динамических глаголов, представленного в нашем исследовании.

Цель статьи – определить способы семантической репрезентации знания о субъекте в структуре значения динамического глагола и особенности его актуализации в субъектно-предикатной синтагме. Под ***субъектными динамическими глаголами*** мы понимаем глагольные лексемы, которые в прямом номинативном значении содержат категориально-лексический признак «изменение», указывающий на гетерогенный тип пространственно-временной структуры ситуации обозначаемого процесса, и дифференциальный компонент «субъект», отражающий признаки и свойства предполагаемого исполнителя действия.

Материал и методы. Материалом анализа послужили словарные дефиниции и примеры употребления 320 субъектных динамических глаголов английского языка. Источником текстового материала выступил Британский национальный электронный корпус. При помощи корпус-менеджера Sketch engine для каждого глагола был сформирован конкорданс – список употреблений данного глагола в контексте со ссылками на источник [11]. Методом компонентного анализа лексико-семантических вариантов значения были определены способы представления субъекта и установлен семный состав компонента «субъект» в глагольном значении. Метод контекстуального анализа использовался для определения актуализированных субъектных признаков при употреблении глагола в функции предиката. На материале конкордансов для каждого субъектного динамического глагола был сформирован список имен в функции субъекта, ранжированный по частотности употребления. Данный список мы рассматриваем как ***реализованный***

экстенсионал субъектного компонента в динамической ситуации, обозначенной глагольным словом. На основе оппозиций семантического компонента «субъект», выделенного на уровне системного значения глагола и контекстуального значения наименований субъектов в актуальной субъектно-предикатной синтагме, определялись признаки, обеспечивающие синтагматическую связь. Выявление актуализированных субъектных семантических признаков и установление их функциональной значимости осуществлялось с опорой на факты метафоризации имен существительных в позиции субъекта под влиянием семантики глагола-предиката.

Результаты и их обсуждение. Исследование показало, что субъект в глагольном значении может быть представлен двумя способами: ***атрибутным*** (по характеризующему признаку) и ***прототипным*** (на основе представления о стандартном образце). При атрибутном способе в значении глагола содержатся семантические признаки, отражающие отдельные психофизические особенности субъекта, например, «маленький», «агрессивный», «легкий». Данные семантические признаки импликативно связаны с онтологической категорией субъекта, например, «жидкий» – «жидкость» – «объект природы»; «агрессивный» – «сознание» – «человек» или «животное». В некоторых случаях признак онтологической категории непосредственно представлен в структуре системного значения (например, «агрессивное животное» в первичном лексико-семантическом варианте (ЛСВ) глагола *snarl* ‘рычать’).

При прототипном способе субъект в значении глагола репрезентирован образно-аналитической семой прототипического субъекта (например, «ребенок», «лошадь», «ручей»). С одной стороны, сема прототипического субъекта отражает конкретный образ наиболее вероятного, типичного исполнителя обозначаемого действия. С другой стороны, данную сему можно аналитически расщепить на ряд семантических признаков, определяющих онтологический класс субъекта и его психофизические особенности (например, «ребенок» – «человек», «маленький», «слабый», «беспомощный»). Особенностью аналитической части компонента «субъект» данного типа является то, что набор признаков имеет вероятностный характер и определяется при сопоставлении образа прототипического субъекта, закрепленного в значении глагола, с реальными субъектами обозначенного действия.

В производных глагольных номинациях, таких как *to doctor* ‘лечить, врачевать’, образ прототипического субъекта закреплен не только в структуре значения (внутренним способом), но и в структуре формы слова (внешним способом – через корневую морфему). При этом в семантической структуре данных глаголов эксплицирован когнитивный механизм, обусловливающий сравнение исполнителя действия с прототипом (в дефиниции данный механизм получает выражение в сравнительном обороте *like\as prototype* ‘как прототипический субъект’).

Таким образом, по способу конкретизации субъекта выделяются три группы субъектных динамических глаголов: глаголы ***с внутренним субъект-прототипом***, глаголы ***с внешним субъект-прототипом*** и глаголы ***с субъект-атрибутом***.

Способ семантической репрезентации субъекта в значении субъектного динамического глагола определяет особенности функционирования глагола в субъектно-предикатных синтагмах. В частности, на синтагматическом уровне сема прототипического субъекта устанавливает центр реализованного экстенсионала субъектного компонента, вокруг которого располагаются более типичные и менее типичные агенсы и квазиагенсы. Чем более развита структура многозначности глагола с внутренним субъект-прототипом, тем меньший ранг частотности получает прототипический субъект. Для однозначных глаголов агенс, соответствующий семе прототипического субъекта в глагольном значении, является самым частотным (I ранг или II–III ранги при наличии нескольких прототипических субъектов в глагольном значении). В конкордансе многозначных глаголов агенс, совпадающий с семой прототипического субъекта, может занимать и последние строки в иерархии частотности. Например, в конкордансе глагола *babble* ‘лепетать (как ребенок), бормотать, болтать’ агенс *baby* ‘ребенок’ определен только в 4 примерах из 100. Прототипичность выделенного субъекта для действия *babble* подтверждается при сопоставлении актуализированных субъектных семантических признаков в сочетаниях предиката с другими агенсами: признаки «слабый», «беспомощный», «несознательный», которые характеризуют 47% агенсов в сочетании с *babble*, ассоциативно связаны с образом прототипического субъекта «ребенок». Отмеченные признаки транспонируются на интеллектуальную сферу, профилируя незрелость мышления субъекта. Во вторичном лексико-семантическом варианте значения *babble* актуализацию получают субъектные признаки «глупый», «легкомысленный», «импульсивный».

По мере развития смысловой структуры глагольного значения ассоциативная связь с прототипическим субъектом ослабевает и возрастает значимость атрибутных семантических признаков. Расширение экстенсионала компонента «субъект» приводит к формированию вторичного центра с изменением онтологической ка-

тегории. Например, в конкордансе глагола *squirm* ‘извиваться’ репрезентирован лишь один пример с прототипическим агенсом *worm* ‘червяк’. Другие примеры представляют антропонимические агенсы в различных ситуациях движения: человек воодушевлен, боится, неудобно сидит, нервничает, испытывает стыд, удовольствие, сдерживает ярость и т.д. Во всех контекстах профилируется нетипичность движения для человека вследствие временной неспособности контролировать свое тело либо физической или эмоциональной реакции. Подобие с червяком (ср. рус. *вертеться как уж*, а также английский конверсив *worm* ‘вертеться, ползти’) сохраняется на уровне концептуальной метафоры. На основе проанализированного словарного и конкордансного материала можно спрогнозировать сочетаемость глагола *squirm* с агенсами, которые характеризуются как минимум одним из прототипически значимых признаков: «гибкий», «вёрткий», «не способный контролировать тело». К этим признакам примыкают признаки, ориентированные на субъект, который обладает сознанием и психикой: «непоседливый», «нетерпеливый», «нервный».

Как отмечалось выше, глаголы с внешним субъект-прототипом репрезентируют связь прототипического исполнителя с действием не только на семантическом уровне, но и на уровне материальной формы слова. Анализ примеров употребления не выявил ни одного случая сочетания агенса, выраженного мотивирующим существительным, с производным глаголом-предикатом. Глаголы данной группы характеризуются направленностью на концептуальную сферу антропонимического субъекта: сочетания с субъектом категории «человек» составляют не менее 70% от объема конкорданса. Наиболее ярко данное свойство проявляется в экстенсиональной структуре глаголов, образованных от наименований животных. Например, в сочетании с *beaver* ‘работать, корпеть (над чем-л.)’ агенсу категории «человек» имплицируются признаки «трудолюбивый», «усердный»; в сочетании с предикатами *fox* ‘хитрить, обманывать’ и *engineer* ‘проектировать, создавать’ агенс представлен как «предприимчивый, хитрый, ловкий человек». Для глаголов с развитой смысловой структурой характерно наличие нескольких линий подобия с внешним прототипом категории «животное». Например, агенс-человек в сочетании с предикатом *dog* ‘выслеживать, преследовать’ может быть представлен как «упорный, настойчивый» (как пес, преследующий дичь) или как «агрессивный, злой» (как сторожевая собака).

Дальнюю периферию реализованного экстенсионала компонента «субъект» составляют наименования неантропонимических категорий (чувства, процессы, материальные объекты, абстрактные сущности, природные явления и др.). Под влиянием признака категориальной принадлежности имени модифицируются признаки атрибутного типа, включенные в значение глагола-предиката. Так, например, в предложении *That judgement* ***hounded*** *him throughout his life* ‘Это суждение преследовало его на протяжении всей жизни’ абстрактная сущность *judgement* уподобляется хищнику; человек выступает в роли жертвы. Такое распределение ролей в ситуации действия обусловливает персонификацию неживой сущности.

Анализ глаголов, производных от наименований лиц по профессии и от терминов родства, показал, что признаки, определяющие принадлежность субъекта к социальному классу, актуализируются в условиях пространственно-временной локализации действия, т.е. не являются постоянной характеристикой референта, выраженного агенсом. Например, *He* ***refereed*** *international bridge matches; and was goalkeeper for the Casuals when they won the AFA Cup final in 1913*. ‘Он судил международные матчи по бриджу и был голкипером Кэжуалс, когда они выиграли финальный Кубок АФА в 1913 году’. Агенс был судьей-рефери и голкипером в разные периоды жизни. Признак принадлежности к определенному классу профессионалов, предицированный отыменным глаголом *referee*, является семантическим конкретизатором агенса. Таким образом, глагол-предикат с внешним субъект-прототипом позволяет провести дополнительную характеризацию действующего лица.

Глаголы с субъект-атрибутом также демонстрируют определенные особенности на функциональном уровне. Анализ показал, что центр реализованного экстенсионала компонента «субъект» для глаголов данной группы составляют агенсы, которые обладают функционально значимыми признаками. Например, *Mr Depardieu* ***lumbered*** *up to the stage, giggled as if half-drunk and whispered “It’s tough being alive and lonely”*. ‘Мистер Депардье с трудом поднялся на сцену, засмеялся, как будто был немного пьян, и прошептал «Тяжело быть живым и одиноким»’. В синтагме актуализируются субъектные семантические признаки глагола *lumber* «большой», «грузный», «неповоротливый». Актер Депардье действительно является довольно крупным, грузным, неуклюжим мужчиной. Периферию экстенсионального поля компонента «субъект» составляют агенсы, которые наделяются функционально значимыми признаками, хотя в действительности ими не обладают. Например, *Soon after nine o’clock his army* ***lumbered*** *forward*. ‘Вскоре после 9 часов его армия потащилась вперед’. В данном предложении субъект (*army*) представляется большим, неповоротливым, тяжелым. Вопрос о том, действитель-

но ли субъект определяемой ситуации обладает функционально значимыми признаками, или он мыслится таким, может быть решен только с позиции говорящего, поэтому обозначенная выше дифференциация центра и периферии носит субъективный, оценочный характер.

Относительную устойчивость и частоту актуализации имеют закрепленные в глагольном значении психофизические признаки субъекта. Признак категориальной принадлежности не обеспечивает никаких ограничений на сочетаемость: глаголы с субъект-атрибутом могут сочетаться с наименованиями любой онтологической категории при условии сохранения профилированного психофизического признака. Например, *A gunman / the dog / a gang / the enemy / Iraque / a jet / a virus / a disease / the plan /argument / panic* ***attacked***. ‘Вооруженный бандит / собака / банда / враг / Ирак / реактивный самолет / вирус / болезнь / план / аргумент / паника атаковала’. Указанные субъекты действия относятся к разным категориям, но характеризуются признаками «сильный», «агрессивный», «враждебный», которые профилирует предикат *attack*.

Заключение. Исследование показало, что семантический компонент «субъект» встраивается в структуру глагольного значения как часть импликационала. Вероятностный характер субъектных семантических признаков подтверждается разной частотностью их актуализации в субъектно-предикатных синтагмах. Специфика конкретизации субъекта в глагольном значении связана с действием одного из двух универсальных способов категоризации (выделение характерного признака или типичного представителя категории). Предложенные модели структуры значения и экстенсионального поля субъектного компонента в значениях глаголов трех групп (глаголы с внутренним субъект-прототипом, глаголы с внешним субъект-прототипом, глаголы с субъект-атрибутом) позволяют с определенной долей вероятности спрогнозировать значение субъектного актанта по значению глагола-предиката.

Литература

1. Ефанова, Л.П. Субъект как базовый компонент семантической структуры предложения / Л.П. Ефанова. – М.: Прометей, 1991. – 115 с.
2. Кокорина, С.И. О семантическом субъекте и особенностях его выражения в русском языке / С.И. Кокорина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 79 с.
3. Леонтьева, В.В. Семантический субъект и особенности его функционирования в тексте: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / В.В. Леонтьева. – Минск, 1999. – 124 л.
4. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.
5. Субъектность и объектность / В.Б. Касевич [и др.] // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / редкол.: А.В. Бондарко (отв. ред.) [и др.]. – СПб., 1992. – Гл. 1. – С. 5–188.
6. Croft, W. Verbs: aspect and casual structure / W. Croft. – New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. – 428 p.
7. Категория субъекта и объекта в языках различных типов: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; редкол.: С.Д. Кацнельсон [и др.]. – Л.: Наука, 1982. – 189 с.
8. Ван Валин, Р. Референциально-ролевая грамматика / Р. Ван Валин, У. Фоли // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1982. – Вып. 11: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. – С. 376–410.
9. Филлмор, Ч. Дело о падеже / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1981. – Вып. 10: Лингвистическая семантика. – С. 369–495.
10. Talmy, L. Towards a cognitive semantics: in 2 vol. / L. Talmy. – Cambridge; London: A Bradford Book: The MIT Press, 2000. – Vol. 1: Concept Structuring Systems. – 565 p.
11. Sketch Engine: corpus query system [Electronic resource] / Lexical computing Ltd. – 2003–2013. – Mode of access: http://www.sketchengine.co.uk. – Date of access: 03.02.2012.

Поступила в редакцию 29.11.2017 г.

УДК 811.161.1'42-115

Изучение сложного синтаксического целого на материале эпосов «Песнь о Нибелунгах» и «Книга моего деда Коркута»

Салимова Ф.Г.
Бакинский славянский университет, Баку (Азербайджан)

Текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно объединены и накладываются друг на друга. При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части. Более того, в тексте воспроизводится та часть общей картины мира, которая попадает в поле зрения исследователя. В этом смысле неоценимыми оказываются эпосы «Песнь о Нибелунгах» и «Книга моего деда Коркута».

Цель статьи – предложить один из вариантов лингвистического анализа художественного текста с позиций выявления языкового воплощения и функций, выполняемых сложным синтаксическим целым.

***Материал и методы.** Источниками исследования стали тексты германского поэтического эпоса «Песнь о Нибелунгах», написанного неизвестным автором в конце XII – начале XIII века, и «Книга моего деда Коркута», сказания и песни, созданные в самом начале XI века. Тексты поэм предлагается рассматривать с позиции сравнительного метода научного исследования.*

***Результаты и их обсуждение.** Как видно из названия, объектом исследования являются тексты «Песни» и «Книги», прошедшие длительный процесс последовательной творческой переработки в многовековой устнопоэтической передаче, а впоследствии записанные в той форме, в которой они дошли до нас (письменная фиксация «Книги» датируется серединой XI в., «Песни» – началом XIII в.). В предлагаемой научной публикации проводится параллель между этими двумя героическими эпосами двух совершенно разных народов. Сходства и различия между ними не ограничиваются только внешними факторами. Они имеют гораздо более глубокий и всесторонний характер.*

***Заключение.** Лингвистический анализ художественного текста, ориентированный на выявление языкового воплощения содержания произведения, его целевой установки, образного строя, содержательных свойств формальных элементов разных уровней, обнаружение новых функций языковых единиц в художественно-эстетической структуре, имеет чрезвычайную эвристическую ценность, т.к. выполняет главную задачу филологии, понимаемую как искусство чтения и мастерство понимания.*

***Ключевые слова:** текст, средства связи, сложное синтаксическое целое, конкретный, абстрактный.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 186–189)

The Study of the Complex Syntactic Whole on the Basis of Eposes «The Song of the Nibelungs» and «My Granddad Korkut's Book»

Salimova F.G.
Baku Slavonic University, Baku (Azerbaijan)

A test is consistent is it has two features – structural connection and content integrity, which are closely linked and overlap. While studying the text structure one can observe how a general notion is intercepted by an individual notion or transfers from a part to the whole and, on the opposite, from the whole to a part. Moreover, the part of the general picture of the world is reproduced in the text, which is within the sight of the researcher. In this respect, one can't underestimate the texts of «The Song of the Nibelungs» and «My Granddad Korkut's Book».

The purpose of the article is to offer one of the variants of the linguistic analysis of an artistic text from the point of view of finding out linguistic embodiment and functions, which a complex syntactic whole performs.

Адрес для корреспонденции: e-mail: flf@vsu.by – **Ф.Г. Салимова**

Material and methods. *The research sources are texts of Germanic poetic epos «The Song of the Nibelungs» written by an unknown author in the late XII – early XIII centuries, and «My Granddad Korkut's Book», tales and songs, written in the early XI century. The texts of the poems should be studied from the point of view of the comparative method of scientific research.*

Findings and their discussion. *As can be seen from the name, the research object is texts of «The Song» and «The Book» which underwent a long process of consistent creative processing in the multi century oral poetic conveyance, and later on were recorded in the form, which we see nowadays (the written form of «The Book» dates back to the mid XI century, that of «The Song»– to the early XIII century). In the present article there is a parallel between the two heroic eposes of the two absolutely different peoples. Similarities and differences between them are not confined to only external factors. They have a deeper comprehensive character.*

Conclusion. *Linguistic analysis of the artistic text aimed at finding out linguistic embodiment of the content of a piece of work, its purpose setting, image composition, content features of formal elements of different levels, finding out new functions of language units in an artistic and aesthetic structure, is extremely valuable from the heuristic point of view since it performs the main objective of philology which is understood as art of reading and skill of understanding.*

Key words: *text, means of communication, complex syntactic whole, definite, abstract.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 186–189)

Текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно объединены и накладываются друг на друга. При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части. Более того, в тексте воспроизводится та часть общей картины мира, которая попадает в поле зрения исследователя. В этом смысле неоценимыми оказываются эпосы «Песнь о Нибелунгах» и «Книга моего деда Коркута».

Цель статьи – предложить один из вариантов лингвистического анализа художественного текста с позиций выявления языкового воплощения и функций, выполняемых сложным синтаксическим целым.

Материал и методы. Источниками исследования стали тексты германского поэтического эпоса «Песнь о Нибелунгах», написанного неизвестным автором в конце XII – начале XIII века, и «Книга моего деда Коркута», сказания и песни, созданные в самом начале XI века. Тексты поэм предлагается рассматривать с позиции сравнительного метода научного исследования.

Как видно из заявленного названия статьи, объектом исследования являются тексты «Песни» и «Книги», которые прошли длительный процесс последовательной творческой переработки в многовековой устнопоэтической передаче, а впоследствии были записаны в той форме, в которой они дошли до нас (письменная фиксация «Книги» датируется серединой XI в., «Песни» – началом XIII–XVI вв.).

Результаты и их обсуждение. В предлагаемой статье мы попытаемся провести параллель между этими двумя героическими эпосами двух совершенно разных народов. Сходства и различия между ними не ограничиваются только внешними факторами. Они имеют гораздо более глубокий и всесторонний характер.

Но прежде определимся с самим понятием «текст». Среди главных характеристик текста называются обычно связность и цельность [1]. Действительно, текст немыслим вне этих двух взаимозависимых категорий. Появившиеся в последнее время работы явно демонстрируют поворот лингвистики текста к проблеме композиции. Г.А. Золотова пишет: «И лингвиста, и литературоведа интересует, как построен текст... Нельзя не признать, что и более плодотворными, и более трудными остаются поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его языковые структуры. Если композиция – это целое, создаваемое соотношением частей, то ключевой задачей становится, прежде всего, выявление этих частей как речевых единиц, организующих целое» [2, с. 85].

При исследовании структуры текста наблюдается, как общее понятие подхватывается понятием более частным или переходит от части к целому и, наоборот, от целого к части [3–5].

Таким образом, изучение структуры сложного синтаксического целого ведется с двух ракурсов:

– от общего к частному;

– от частного к общему.

Такое рассмотрение не может быть случайным. Каждый из данных ракурсов строится по определенным моделям. Рассмотрим некоторые из моделей.

От абстрактного к конкретному:

1) модель «сон–сюжет»:

Mitten in dieser höfischen Pracht hatte Kriemhild einen Traum. *Sie sah, wie sie einen schönen, starken und wilden Falken abrichtete, den ihr plötzlich zwei Adler schlugen und zerfleischten.*

И вот Кримхильде знатной однажды сон приснился,

Как будто вольный сокол у ней в дому прижился,

Но был двумя орлами заклеван перед нею (Песнь, строфа 13) [6; 7].

Общая информация данного синтаксического целого – сообщение о сне Кримхильды [8]. Да-

лее следует постепенная конкретизация общей мысли, которая выражена первым компонентом и требует дополнительных пояснений, представленных в последующих. В данном случае автор уточняет, что именно видела во сне Кримхильда. Так мы наблюдаем закон очередности «общее–частное».

Параллельно проследим данный закон очередности на примере эпоса о деде Коркуте.

2) модель «аксакал–функция»:

Qorqut ata Oğuz qụvminin müşkilini həll edərdi. *Hər nə olsa, Qorqut ataya tanışınca işləməzlərdi. Hər nə ki buyursa, qəbul edərlərdi; sözin tutıb təmam edərlərdi...*

Коркут-Ата разрешал затруднения народа огузов. *Какое бы дело не случалось, не спросив совета у Коркут-Ата, его не решали. Все, что он приказывал, принимали, его слова держались, (по его слову) все исполняли* (Книга, 31) [6; 9].

При многокомпонентности сложного синтаксического целого, т.е. когда данное целое состоит из нескольких компонентов, переход от общего к частному проявляется наболее ярко. Мы замечаем, как постепенно происходит конкретизация общего сообщения, данного в первом предложении.

При исследовании текстов двух эпосов можно обнаружить сложное синтаксическое целое с обратной последовательностью.

От конкретного к абстрактному:

1) модель «описание пира–пир»:

Während sie sich den ganzen Tag über vergnügt die Zeit vertrieben, kamen die vielen Fahrenden keinen Augenblick zur Ruhe. Sie arbeiteten gegen Bezahlung, die man hier als großzügig bezeichnen kann. ***So erwarb sich das gesamte Land Siegmunds ein hohes Lob.***

Весь день, до поздней ночи, гуляли храбрецы.
В искусстве состязались бродячие певцы,
А гости награждали их от своих щедрот.

Тот пир прославил Зигмунда и весь его народ (Песнь, строфа 38) [6; 7].

В данном случае начало синтаксического целого разъясняет нам, каким образом пир прославил короля. А конечная часть представляет собой, говоря словами К. Абдуллаева, «конкретизированную информацию, подводящую итог всему предшествующему (разумеется, в пределах сложного синтаксического целого)».

Рассмотрим аналогичный пример и в азербайджанском эпосе.

2) модель «грабеж–горе»:

Kafər aydır: «Bəglər, Qazanın tölə-tölə şahbaz atlarını binmişüz, altun-aqçasını yağmalamışuz, qırq yigidlən oğlı Uruzı tutsag etmişuz. Qatar-qatar dəvələrini yetmişuz, qırq incə bellü qızlan Qazanın həlalını tutmışız. ***Bu heyfləri biz Qazana etmişuz», – dedi.***

Говорят гяуры: «Беки, на табуны быстрых коней Казана мы вскочили, его золото и серебро мы разграбили, его сына Уруза и с ним сорок джигитов мы увели в плен; ряды его верблюдов мы угнали; жену Казана и с ней сорок стройных дев мы захватили. ***Все это горе мы причинили Казану»*** (Книга, 43) [6; 9].

В данном случае мы опять наблюдаем переход от части к целому. Перечисление информации, которое также придает сложному синтаксическому целому своеобразную монотонную информацию, подхватывается понятием более общим. Последнее предложение – это подытоживание сказанному выше.

Как мы уже отмечали, сверхфразовое единство монотематично. Переход от одной темы к другой есть сигнал границы сверхфразовых единств. Единство темы проявляется в регулярной повторяемости ключевых слов, через синонимизацию ключевых слов, через повторную номинацию. Единство темы обеспечивается тождеством референции, т.е. соотношением слов (имен и их заместителей) с одним и тем же предметом изображения. С единством темы, наконец, связано явление импликации, основанное на ситуативных связях. Наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие других, ситуативно связанных с ними. Повторы разных уровней играют выдающуюся роль в организации текста и издавна привлекают внимание исследователей. Вот пример того, какова роль ключевых слов в создании смысловой цельности текста:

Ol *gün cigərində olan ər yigitlər bəlürdi.* ***Ol*** *gün müxənnətlər sapa yer gụzətdi.* ***Ol*** *gün bir qiyamət savaş oldı, meydan tolu baş oldı; başlar kəsildi top kibi. Şahbaz-şahbaz atlar yügürdi, nalı düşdi. Ala-ala köndərlər süsəldi. Qara polat uz qılıclar çalındı, yılmağı düşdi. Üç yeləkli qayın oqlar atıldı, dəmrəni düşdi. Qiyamətin bir güni* ***ol*** *gün oldı. Bəg nökərindən, nökər bəgindən ayrıldı.*

В тот день герои джигиты обнаружили свою доблесть; в тот день трусы высматривали скрытое место; тот день был днем страшной битвы, поле покрылось головами; головы были отрублены как мяч, скакали быстрые кони, их копыта спадали. Пестрыми копьями кололи, черными булатными мячами ударяли. Березовые стрелы с тремя перьями выпускались; их железный наконечник спадал. Тот день был подобен дню страшного суда; бек был отделен от своего нукера, нукер от своего бека (Книга, 50) [6; 9].

В сущности, это развертывание одной темы, темы дня, который напоминает день Страшного суда. А ответ на вопрос, почему он напоминает день Страшного суда, содержится в начале синтаксического целого. Тема эта помогает передать и другой, глубинный смысл отрывка – силу огузов, их способность ценою жизни отомстить врагу, чтобы постоять за брата своего. Так, ключевые слова (**ol gün**)

создали не просто сюжетный фон отрывка, но и нечто большее – глубинный смысл текста.

Таким образом, текст состоится, если он обладает двумя признаками – структурной связностью и содержательной цельностью, которые неразрывно связаны и накладываются друг на друга.

По мысли В.В. Виноградова, учение о тексте – это учение о типах словесного оформления замкнутых в себе произведений как особого рода целостных структур. По существу лингвистика текста зародилась в тот момент, когда исследователи почувствовали необходимость отойти от изучения предложения как формальной языковой единицы и перейти к изучению высказывания как единицы функциональной, единицы, соотнесенной с ситуацией.

Заключение. Лингвистический анализ художественного текста, ориентированный на выявление языкового воплощения содержания произведения, его целевой установки, образного строя, содержательных свойств формальных элементов разных уровней, обнаружение новых функций языковых единиц в художественно-эстетической структуре, имеет чрезвычайную эвристическую ценность, т.к. выполняет главную задачу филологии, понимаемую как искусство чтения и мастерство понимания.

Литература

1. Адмони, В.Г. Синтаксис современного немецкого языка / В.Г. Адмони. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1973. – 366 с.
2. Золотова, Г.А. О конститутивных единицах текста / Г.А. Золотова // Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
3. Абдуллаев, К.М. Синтаксический параллелизм (на материале огузского памятника «Книга моего деда Коркута»): дис. ... канд. филол. наук / К.М. Абдуллаев. – М., 1976. – 176 л.
4. Абдуллаев, К.М. Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа / К.М. Абдуллаев // Советская тюркология. – 1978. – № 5. – С. 10–19.
5. Виноградов, В.В. Вопросы синтаксиса современного языка / В.В. Виноградов. – М.: Учпедгиз, 1950. – 356 с.
6. Книга моего деда Коркута / пер. В.В. Бартольда. – М.–Л.: АН СССР, 1962.
7. Das Nibelungenlied. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2003.
8. Песнь о Нибелунгах / пер. Ю.Б. Корнеева. – Л.: Просвещение, 1972.
9. Kitabi-Dədə Qorqud. – Baki, 1988.

Поступила в редакцию 13.12.2017 г.

УДК 811.161.1:81'1

Структура коннотации в публицистических дискурсах английского и русского языков

Ратько М.А.
Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

Структура коннотативного значения включает в себя три основных компонента: эмоциональный, экспрессивный и оценочный. Эти компоненты по-разному представлены в каждой отдельной лексической единице, поэтому невозможно установить единые схемы соподчиненности и зависимости компонентов друг от друга. На материале публицистического дискурса английского и русского языков можно проследить, как варьируются и комбинируются между собой компоненты коннотативных лексико-семантических вариантов (ЛСВ).

Цель статьи – исследовать структуру коннотации на материале публицистических дискурсов и рассмотреть каждый компонент коннотации и его функционирование в тексте.

***Материал и методы.** Материалом исследования послужили публицистические тексты англо- и русскоязычных периодических изданий. Методологической основой данной работы явились научные труды ученых, занимавшихся проблемой коннотации и ее структуры.*

***Результаты и их обсуждение.** В ходе исследования было установлено, что эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты коннотации имеют свои особенности.*

Эмоциональность присуща не всем коннотативным единицам. Среди лексических единиц, которые всегда обладают этим компонентом, выделяются эмоционально окрашенная лексика, ирония, аллегории, оксюмороны. Эмоционально окрашенные слова, как известно, содержат эмоциональный компонент не только в своем коннотативном, но и в денотативном значении, и это явление обычно не зависит от контекста.

Экспрессивный компонент является ведущим в структуре коннотативного значения. Экспрессивность призвана привлекать внимание читателя, усиливать значение слова или выражения, указывать на степень проявления того или иного признака. Любой коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивным компонентом независимо от того, включены ли в него эмоциональность и оценочность.

Эмоциональность и оценочность часто сопутствуют друг другу, однако оценочность присуща не всем эмоциональным коннотациям. Среди коннотативных лексико-семантических вариантов преобладает пейоративная оценка, что объясняется особенностью восприятия человеком окружающего мира.

***Заключение.** Каждый коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивностью, и большинство из них также содержат эмоциональный и оценочный компоненты. Умело оперируя словами и выражениями с эмоциональными коннотациями, авторы публицистических текстов могут добиться не менее сильных впечатлений у читателей, чем невербальными средствами выражения эмоций. Экспрессия придает слову или выражению образность и насыщенность и привлекает внимание, что и делает любая коннотация. Оценочный компонент коннотации позволяет автору одновременно выразить свое мнение и в какой-то степени навязать его читателю.*

***Ключевые слова:** коннотация, коннотативный лексико-семантический вариант, структура коннотации, эмоциональность, экспрессивность, оценочность, публицистический текст.*

(Ученые записки. – 2017. – Том 24. – С. 190–195)

Structure of Connotation in Journalist Discourses of the English and Russian Languages

Ratsko M.A.
Educational Establishment «Belarusian State Maxim Tank Pedagogical University», Minsk

The structure of connotative meaning includes three main components: emotional, expressive and evaluative. These components are represented in each lexical unit in various ways, and it is impossible to define the integrated schemes of collateral subordination and dependence of the components on each other. On the material of journalist discourse of the English and Russian languages it is possible to reveal the ways the components of connotative meanings vary and combine with each other.

Адрес для корреспонденции: e-mail: schwarzetulpe91@gmail.com – **М.А. Ратько**

The objective of the article is to study the structure of connotation on the material of journalist discourses and consider each component and its functioning in the text.

Material and methods. *The material of the article is presented by journalist texts of English and Russian periodical editions. The methodological base of the paper is presented by the works of scholars who were studying the problems of connotation and its structure.*

Findings and their discussion. *During the research work it was ascertained that the emotional, expressive and evaluative components of connotation have their own features.*

Emotionality is not inherent to all connotative units. Among the lexical units which always possess this component there are emotional lexicon, irony, allegory and oxymoron. Emotional lexicon contains the emotional component not only in their connotation, but also in their denotative meaning, and this phenomenon usually does not depend on the context.

The expressive component is the leading one within the structure of connotative meaning. Expressivity is called to attract the attention of a recipient, to emphasize the meaning of a word or a phrase, to highlight the degree of display of a certain sign. Any connotative meaning possesses the expressive component regardless possessing emotionality and evaluation.

Emotionality and evaluation often accompany each other, however, evaluation is not always inherent in emotional connotations. Among connotative meanings the pejorative evaluation prevails over the ameliorative, which can be explained by the peculiarities of human perception of the surrounding world.

Conclusion. *Each connotative lexical-semantic variant possesses expressivity and the majority of them also contain emotional and evaluative components. Skillfully using words and phrases with emotional connotations authors of journalist texts can create strong readers' emotions which can be compared to those produced by non-verbal means of expressing emotions. Expressivity gives a word or a phrase imagery and saturation and attracts attention, which any connotation does. The evaluative component of connotation gives the author an opportunity to simultaneously express their opinion and to some degree impose it on the recipient.*

Key words: *connotation, connotative lexical-semantic variant, structure of connotation, emotionality, expressivity, evaluation, journalist text.*

(Scientific notes. – 2017. – Vol. 24. – P. 190–195)

Как известно, структура коннотативного значения включает в себя три основных компонента: эмоциональный, экспрессивный и оценочный. Эти компоненты по-разному представлены в каждой отдельной лексической единице, поэтому невозможно установить единые схемы соподчиненности и зависимости компонентов друг от друга. Так как не каждая коннотация содержит в себе все три компонента, необходимо рассматривать каждую лексическую единицу в отдельности. На материале публицистического дискурса английского и русского языков можно проследить, как варьируются и комбинируются между собой компоненты коннотативных ЛСВ.

Цель статьи – исследовать структуру коннотации на материале публицистических дискурсов и рассмотреть каждый компонент коннотации и его функционирование в тексте.

Материал и методы. Материалом исследования послужили публицистические тексты англо- и русскоязычных периодических изданий. Методологической основой данной работы явились научные труды ученых, занимавшихся проблемой коннотации и ее структуры.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведения исследования было выявлено, что коннотация включает в себя эмоциональный, экспрессивный и оценочный компоненты, которые по-разному функционируют в дискурсах. Такой компонент, как эмоциональность, неразрывно связан с двумя другими компонентами коннотации. Часто представляется невозможным ее отделение от экспрессивности и оценочности. Вопрос эмоциональности находится на стыке психологии и лингвистики, так как слова и выражения, в коннотациях которых присутствует эмоциональный компонент, выражают эмоции автора или эмоции тех людей, о которых идет речь в тексте. Кроме того, эмоциональность позволяет передать эти эмоции и чувства реципиенту. Например, при прочтении публицистического текста мы вместе с автором можем чувствовать эмоции презрения («*A woman teacher was struck off yesterday after having sex with a teenage pupil she seduced with* ***raunchy*** *Facebook photos*»; «*По их словам, она является наследницей "****кенийского подкидыша****", которого до сих пор держит на плаву только расовая солидарность черных и цветных американцев*»), восхищения («*Devon has been crowned one of the most beautiful places in the world by* ***one of the world's reigning catwalk queens***»; «***Дарованная судьбой*** *роль моста между Европейским и Евразийским экономическим союзами обуславливает высокий транзитный потенциал страны*»), удивления («*Even by the outrageous standards of North Korean propaganda chiefs, it was an* ***unusually*** *vulgar slur, a sharp escalation in the two week long war of words between Pyongyang and Washington*»; «*Руководители* ***недоумевают****, почему российский газ, поставляемый в Беларусь по цене порядка 140 долларов за 1000 куб. м, продается предприятиям за 210–343 доллара за тысячу кубометров*») и т.д.

Эмоциональность присуща не всем коннотативным единицам. Среди лексических единиц, которые всегда обладают этим компонентом,

выделяются эмоционально окрашенная лексика, ирония, аллегории, оксюмороны. Эмоционально окрашенные слова, как известно, содержат эмоциональный компонент не только в своем коннотативном, но и в денотативном значении, и это явление обычно не зависит от контекста. В определенных ситуациях по замыслу автора такие слова и выражения могут поменять мелиоративную коннотацию на пейоративную и наоборот, но эмоциональный компонент остается у них в любом случае. Например, слово *waste* ‘растрата, расточительство, потеря’ имеет в своем составе негативный оттенок сожаления, разочарования: «*Labour's policy to cut tuition fees by a third is "a stupid* ***waste*** *of money", Ed Davey, the Liberal Democrat Energy Secretary has said*». Подобное значение имеет слово *жалеть*: «*Посол обратил внимание на то, что количество предприятий с немецким капиталом в Беларуси не увеличивается, а при возможности почти половина опрошенных инвестировала бы в другую страну, то есть фактически* ***пожалела*** *о сделанном выборе*». Среди слов и выражений с положительными эмоциональными коннотациями можно выделить такие примеры, как *feat* ‘подвиг’ – эмоция восхищения («*It's an amazing* ***feat*** *he was able to keep himself alive this long with almost no equipment*»), *обнадежить* – эмоция надежды, ожидания чего-то лучшего («*Участников дискуссии* ***обнадежили*** *результаты прошедшего 19 апреля заседания Совмина, на котором энергетики поддержали инициативу не индексировать долги за энергию и дать предприятиям возможность вернуть их равными долями в этом году*»), *чудо* – эмоция приятного удивления («*Большой успех проекта во второй половине прошлого столетия (а то, чего удалось добиться в Западной Европе, было сродни настоящему* ***чуду****) проистекал именно из этой комбинации*»). В некоторых случаях в одном и том же контексте авторы текстов используют антонимические эмоционально окрашенные слова, выражающие противоположные эмоции, в сочетании, чем еще сильнее привлекают внимание читателей. Например, слова *мечта* (эмоции радости, надежды, ожидания хороших событий) и *кошмар* (эмоции страха, неприязни, отвращения, досады), употребленные в одном предложении, образуют антитезу: «*Олимпиада – это* ***мечта****, которая превратилась в* ***кошмар****», – говорит мэр*.

Другое лексическое средство, обладающее эмоциональным компонентом, – это ирония. Она используется авторами намеренно для того, чтобы выразить насмешку, подшутить над человеком или ситуацией, причем в публицистических текстах это подшучивание, как правило, имеет пейоративный характер. В следующем примере перифраза, означающая бывшего президента США Барака Обаму, выражена величественным и властным словом *властелин*, однако в контексте становится очевидно, что это слово имеет противоположный смысл, подкрепленный словосочетанием *беспомощное руководство*: *«…после восьми лет* ***беспомощного руководства темного властелина*** *друзья Вашингтона перестали доверять США, а враги перестали бояться Америку*».

Аллегории считаются разновидностью метафор, которые обладают более глубоким символичным смыслом. Чаще всего аллегориями обозначаются люди, обладающие теми или иными чертами характера, поведением, особенностями интеллекта, что позволяет сделать вывод о том, что аллегории в основном несут в себе эмоциональный подтекст: «*But inside every hunched commuter in the daily traffic jam who crawls meekly forward to the next red light, there is a shouting* ***ogre*** *out of Robert Graves, "wide-mouthed, long-yarded and great-bellied" – and Mr Clarkson is his spirit animal*» (*ogre* ‘великан-людоед’ – эмоции превосходства, свирепости, устрашения); «*Марио Драги и* ***"голуби"*** *в Управляющем совете ЕЦБ, а именно президенты центральных банков южноевропейских стран, кажется, считают, что они могут создать автомобиль со сломанным сцеплением, который будет двигаться, если сильнее надавить на газ. «****Ястребы****» в Управляющем совете ЕЦБ, такие как президент Бундесбанка Йенс Вайдман и президент Банка Нидерландов Клаас Нот, понимают безрассудство этого подхода, но они в меньшинстве*» (*голуби* – эмоции спокойствия, терпимости; *ястребы* – эмоции резкости, отрывистости, непокорности).

Оксюмороны в силу своей необычной смысловой структуры используются редко, но обязательно с намерением автора выразить какую-либо эмоцию, так как употребление двух слов с противоположными значениями в одной комбинации редко кого может оставить равнодушным. Выражение *мягко ужесточить* оставляет двоякие эмоции у читателя: строгое требование подчинения, но в то же время мягкое, возможно, завуалированное («*США очень* ***мягко "ужесточили"*** *монетарную политику, тем не менее этот шаг затронул финансовые рынки всего мира*»).

Экспрессивный компонент, на наш взгляд, является ведущим в структуре коннотативного значения. Экспрессивность призвана привлекать внимание читателя, усиливать значение слова или выражения, указывать на степень проявления того или иного признака. Все коннотативные единицы, отобранные для анализа, отвечают этим требованиям. Многие лингвисты (В.И. Шаховский, В.В. Виноградов и др.) подчеркивают, что связь экспрессивности и эмоциональности настолько сильна, что практически невозможно выявить различия между ними. Поэтому су-

ществует общепринятое понятие «эмоционально-экспрессивные средства», то есть средства, обладающие одновременно эмоциональностью и экспрессивностью.

Однако, как уже было сказано выше, эмоциональность рассматривается нами как отдельная от экспрессивности характеристика. Как писал В.М. Мокиенко, любое проявление эмоциональности носит экспрессивный оттенок, но не каждая экспрессивная единица обладает эмоциональностью [1]. Так же считает и Т.А. Сысоева, утверждая, что «эмотивные средства языка всегда экспрессивны» [2, л. 28]. Вслед за этими авторами мы приписываем экспрессивный компонент всем коннотативным единицам, которые обладают эмоциональностью.

Кроме того, экспрессивными являются и все остальные отобранные для анализа единицы. Они могут не быть эмоциональными или оценочными, но при чтении публицистического текста сразу выделяются, так как придают описываемой ситуации значимость, усиливают и подчеркивают написанное.

Если при чтении текста можно более или менее явно видеть слова, которые обладают эмоциональными или оценочными коннотациями, то слова с экспрессивными коннотациями часто бывает не так просто определить. Наилучший и самый простой способ выявить экспрессивность слов и выражений – это подбор синонимов. Можно подобрать синонимический ряд, все элементы которого будут объединены одним денотативным значением, но коннотативные значения будут различаться. Например, стилистически нейтральное слово *horse* ‘лошадь’ может иметь следующие синонимы: поэтическое шутливое *steed* ‘конь’, разговорное *nag* ‘лошадь, кляча’, детское *gee-gee* ‘лошадка’ [3, с. 48]. Тот же вариант предлагает Н.Г. Комлев, подчеркивая, что коннотация не выражается эксплицитно, и «неявно выраженные в языке элементы семантического характера» могут выявляться благодаря сопоставлению слов, например, *муж – супруг*, *враг – недруг*, *конь – лошадь*, *луна – месяц* и т.д. [4, с. 108].

Пользуясь данным способом, приведем несколько примеров. В предложении «*While popular culture encourages gluttony,* ***our bodies and wallets cannot keep pace with expectations***» мы находим олицетворение: ‘наши тела и кошельки не могут идти в ногу с ожиданиями’. Выражение *идти в ногу* характерно для живых существ, но употреблено по отношению к неодушевленным объектам для придания фразе экспрессивности. Можно подобрать несколько синонимов к словосочетанию *keep pace*, которые были бы более уместны для неодушевленных объектов: *accord with* ‘согласовываться’, *coincide* ‘совпадать’, *correspond to* ‘соответствовать’. Теперь сделаем попытку заменить выражение одним из подобранных синонимов: «*While popular culture encourages gluttony,* ***our bodies and wallets cannot correspond to expectations***». Как видно, экспрессивность утратилась, и фраза стала обыкновенной, без каких-либо коннотативных признаков. Так, можно сделать вывод о присутствии экспрессивности в данной коннотативной единице. Воспользуемся этим же способом для анализа другого образного средства – каламбура: «*В моде муралы, масштабные полотна, величина которых измеряется в тысячах квадратных метров. “****Надомные****” картины, созданные профессиональными художниками и с одобрения городских властей*». Слово *надомный* означает «находящийся или работающий на дому», то есть имеет совершенно другое значение, не подходящее к ситуации, однако употреблено в данном предложении в силу своей деривации от выражения *на дому*. Логичный же вариант звучит *на домах*. Сходство этих выражений позволило автору использовать игру слов для привлечения внимания читателя. Попробуем заменить коннотативную единицу логичным вариантом: «*В моде муралы, масштабные полотна, величина которых измеряется в тысячах квадратных метров. Картины* ***на домах****, созданные профессиональными художниками и с одобрения городских властей*». В данном дискурсе исчезает экспрессивный фон. Следует заметить, что, хотя выражения *на дому* и *на домах* не являются синонимичными, так как обладают разными денотативными значениями, в данном конкретном контексте мы можем считать их синонимами.

В лингвистической литературе существуют разные точки зрения на то, как отграничить оценочный компонент от эмоционального и экспрессивного. Некоторые ученые считают, что эмоциональность и оценка неразделимы, так как, вкладывая в слово эмоциональную коннотацию, человек выражает свое отношение к тому, о чем он говорит, а отношение само по себе предполагает оценку. Е.М. Вольф употребляет термины «эмотивность» и «оценка» в одном и том же значении [5, с. 37–38]. Но есть и иная точка зрения. В.И. Шаховский утверждает, что можно выразить эмоциональное суждение без оценки предмета, а только с аксиологической точки зрения, без вмешательства эмоций [6]. Мы вслед за В.И. Шаховским придерживаемся мнения, что не всем эмоциональным коннотативным единицам присущ оценочный компонент. Среди эмоций, кроме положительных и отрицательных, существуют также нейтральные (например, удивление, любопытство), которые в определенных контекстах могут приобретать положительный или отрицательный оттенки, но сами по себе

не несут оценки: «*The Ukip councilor who first revealed Nigel Farage's intention to run for a local parliamentary seat has been expelled from the party amid allegations that she made "**jaw-dropping**" comments in a television interview*» (эмоция удивления), «***Интересно**, что спад в промышленности вице-премьер объяснил не только внешними факторами (обвал российского рубля и падение спроса на белорусскую продукцию в России), но и внутренними*» (эмоция интереса, любопытства).

Рассматривая оценочный компонент коннотации, мы берем за основу разделение оценки на мелиоративную, то есть «хорошую», и пейоративную, то есть «плохую». Е.М. Вольф указывает, что оценка на самом деле является гораздо более широким понятием и может даваться по разным признакам: истинность / неистинность, важность / неважность, рациональность / нерациональность и т.д., однако оппозиция «хорошо / плохо» предполагает высказывания о ценностях [5, с. 8].

Наибольшее количество коннотативных единиц с пейоративной оценкой наблюдается среди эпитетов, метафор, разговорной лексики и эмоционально окрашенной лексики. Подобный факт не вызывает удивления, так как именно эти языковые средства самые распространенные в публицистических текстах. Пейоративные эпитеты часто обладают и эмоциональным компонентом: *gruesome* ‘отвратительный, страшный, ужасный’, *catastrophic* ‘катастрофический’, *horribly* ‘ужасно, страшно’, *sinister* ‘зловещий, страшный, мрачный’; *агрессивный, жесткий, яростный, мучительный*. Таким образом, они одновременно выражают и мнение автора о ситуации, и эмоции, которые эта ситуация вызывает: «*Things may have taken a more **sinister** turn this year, however, after police were called in over the death of an Irish Setter that competed at the show, after claims it was poisoned*»; «*Неподъемно высокие долги надо погашать быстро и аккуратно, что позволит избежать **мучительного** затягивания*». Такими же свойствами обладают и мелиоративные эпитеты, с той лишь разницей, что их в публицистических текстах обоих языков гораздо меньше: *warm* ‘теплый, сердечный’, *fascinating* ‘обворожительный, очаровательный’, *faithful* ‘верный, преданный’; *безупречный, яркий, приятный, впечатляющий*: «*The Office for National Statistics (ONS) will reveal the updated contents of the virtual shopping basket tomorrow. Looking back over the decades, it paints a **fascinating** picture of changing lifestyles*»; «*Коллектив и учащиеся в этом учебном году уже получили один **приятный** подарок по случаю областных "Дажынак" – это капитальный ремонт здания и школьного бассейна*».

Метафоры, в отличие от эпитетов, не так часто обнаруживают эмоциональный компонент вместе с оценочным. Среди пейоративных метафор мы наблюдаем такие примеры, как *to mire in a legal nightmare* ‘втянуть в юридический кошмар’, *«a shopping list» of Left-wing demands* ‘«список покупок» требований партии левого крыла’, *selfie* ‘селфи’: «*Many observers jumped to the conclusion that the murder beneath his Kremlin windows was Putin's perverse confessional "**selfie**"*». В русскоязычных публицистических текстах также немало пейоративных метафор: *тянуть потенциальный экономический рост вниз, вырваться из долговой ловушки, социальную инфраструктуру оставили за скобками*: «*Ранее предполагалось развивать еще и социальную инфраструктуру, на этот раз ее **оставили за скобками**: программа посвящена исключительно АПК и его инфраструктуре*». В зависимости от контекста одни и те же метафоры могут принимать как мелиоративную, так и пейоративную оценку: «*Humour is the best **weapon** against Isil's warped reality*» – употреблено в положительном значении, «*У монетарных властей в изобилии различное **оружие**, в их распоряжении бесперебойные поставки любых **боеприпасов***» – употреблено в отрицательном значении.

Изобилие пейоративной лексики тоже объясняется «хроническим» пессимизмом, типичным для публицистических текстов. Эмоционально окрашенные слова и выражения – это широкий пласт лексики, в который входят и эпитеты. То есть с логической точки зрения эмоционально окрашенная лексика может быть приравнена к эпитетам, однако не относится к этой группе образных средств. Эпитеты – это красочные определения, выражаемые прилагательными, причастиями, наречиями. К эмоционально окрашенной лексике мы относим те слова и выражения, которые по причине своих морфологических признаков остается за рамками эпитетов. Приведем несколько примеров пейоративной эмоционально окрашенной лексики: *monster* ‘монстр, чудовище’, *atrocity* ‘жестокость, зверство’, *to appall* ‘ужасать, устрашать, приводить в ужас’; *безрассудство, кошмар, усугублять*: «*Small wonder, perhaps, that there were those this time last week who had shaken their heads and clucked in disapproval at the boastful **monster** this "biggest dog show in the world" has become*»; «*Это еще более **усугубляет** и без того тревожную картину*». Однако встречаются, хоть и в меньшем количестве, мелиоративные эмоционально окрашенные слова и выражения: *genius* ‘гений’, *paragon* ‘образец, модель совершенства’, *glory* ‘великолепие, процветание’; *аромат, ностальгия, благодарность*: «*Written when O'Neill was in his 20s, these sometimes violent, passionate works show the undeniable **genius** of one of America's greatest dramatists*»; «*В этих местах будет воссоздана жизнь китайской глубинки, что наверняка вызовет **ностальгию***

у китайских туристов и позволит больше узнать о Поднебесной иностранным гостям».

Что же касается разговорной лексики, то такие слова и выражения практически всегда используются для выражения негативных эмоций и оценки. Где бы ни встречались разговорные слова – в публицистике, в художественной литературе, в повседневной речи, – в абсолютном большинстве случаев они имеют пейоративные коннотации. Вероятно, это связано с тем, что человек использует разговорную лексику именно в те моменты, когда испытывает сильные эмоции. Даже если эти эмоции положительные, людям свойственно употреблять разговорные слова (чаще всего междометия), обладающие пейоративной оценочностью: *черт! блин! обалдеть!* и т.д. Приведем несколько примеров пейоративной разговорной и неформальной лексики в публицистических текстах: *whinger* ‘нытик’, *peanut* ‘бесценок, гроши, мелочь’, *boneheaded* ‘глупый, непробиваемо тупой’; *наезд, разбазаривающий, понаехавшие*: «*The status quo is not working on such a shocking scale, it is an astonishing example of* ***boneheaded*** *prejudice flying in the face of all the evidence of what might be a better alternative*»; «*Хотя призыв выгнать* ***понаехавших*** *поляков из Британии публично не прозвучал ни разу, все отлично понимали, какую именно иммиграцию призывают ограничить агитаторы за Brexit*».

Заключение. Таким образом, каждый коннотативный лексико-семантический вариант обладает экспрессивностью, и большинство из них также содержат эмоциональный и оценочный компоненты. Умело оперируя словами и выражениями с эмоциональными коннотациями, авторы публицистических текстов могут добиться не менее сильных впечатлений у читателей, чем невербальными средствами выражения эмоций. Экспрессия придает слову или выражению образность и насыщенность и привлекает внимание, что и делает любая коннотация. Оценочный компонент коннотации позволяет автору одновременно выразить свое мнение и в какой-то степени навязать его читателю.

Литература

1. Вставский, А.Н. Коннотативный компонент: проблемы интерпретации [Электронный ресурс] / А.Н. Вставский // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та: электрон. науч. журнал. – 2016. – Режим доступа: http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-29.pdf. – Дата доступа: 09.03.2016.
2. Сысоева, Т.А. Языковые средства реализации стратегий воздействия в текстах малого объема (на материале англоязычной периодики): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.А. Сысоева; Мин. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2007. – 147 л.
3. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учебник для ин-тов и фактов иностр. яз. / И.В. Арнольд; на англ. яз. – 3-е изд. – М.: Высш. шк., 1986. – 276 с.
4. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова / Н.Г. Комлев. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
5. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
6. Шаховский, В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие к спецкурсу / В.И. Шаховский. – Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. пед. ин-та, 1983. – 94 с.

Поступила в редакцию 20.12.2017 г.

РЕЦЕНЗИЯ

Уваров, И.Ю. Сословные права и привилегии шляхты Великого княжества Литовского (конец XIV – конец XVI столетия): монография / И.Ю. Уваров. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2017. – 276 с. – 100 экз.

Разработкой сложных проблем, связанных с образованием и становлением государства на белорусских землях, в разное время занимались многие отечественные и иностранные ученые-историки. Сегодня имеется огромное количество источников и литературы с обоснованием концепций о создании и процессах формирования социально-экономической, политической и правовой системы ВКЛ. Хорошо заметно, что с течением времени в научных трудах происходило переосмысление представлений о роли белорусского этноса в формированни данного государства, содержании его сложной системы управления. В отдельных работах достаточно объективно отражена картина социального расслоения населения, положения высшей знати ВКЛ и влияния шляхетского сословия на внутригосударственную и внешнюю политику. И в то же время в исторической литературе пока не обозначилось согласованное мнение об этнической основе государственности одной из крупнейших стран средневековой Европы. Остаются существенные различия в авторском подходе при изложении вопросов о месте и роли шляхетского сословия в решении политических и социально-экономических проблем государства, о сущности тех вольностей и привилегий шляхты, которых она добилась в период позднего средневековья и начального этапа эпохи Нового времени.

В этой связи нельзя не признать своевременным и обоснованным подход к решению научной задачи о сословных правах и привилегиях шляхты Великого княжества Литовского в конце XIV – конце XVI столетия, который осуществил И.Ю. Уваров в монографии, вышедшей в издательстве Гомельского государственного технического университета.

Анализ данной работы показывает, что все ее разделы построены на собранном автором богатейшем материале. Ученый профессионально провел источниковедческое и историографическое исследование проблемы, выяснил отношения шляхты ВКЛ к осуществляемой внутренней и внешней политике верховной власти в конце XIV – XVI в., осветил ряд дискуссионных вопросов, отступив от их традиционной трактовки, а также дал оценку событиям прошлого, которые, на взгляд исследователя, остались без должного внимания или вне поля зрения медиевистов.

Убедительное обоснование в работе получил аспект о стремлении шляхты занять господствующее положение в управлении страной, ограничивая тем самым власть великого князя.

В монографии имеются ссылки на более чем 450 источников (на белорусском, русском, польском, литовском языках), в том числе документы Литовской метрики, акты Литовско-Русского государства, Виленской комиссии, Южной и Западной России, летописи и хроники, записки иностранцев, посетивших ВКЛ, материалы белорусской советской историографии. Исследователь не ограничился их описанием, а раскрыл перед читателем в русле разрабатываемой темы интересные результаты их анализа в историческом аспекте поставленной проблемы.

Достоинство рецензируемого издания связано, в первую очередь, с тем, что автор сделал обоснование эволюции первенствующего сословия военно-служилых людей ВКЛ: бояр – шляхты (основное сословие ВКЛ, на долю которого в исследуемое время приходилось 8–10% от общей численности населения, в то время как подобные группы в большинстве европейских государств не превышали 1–4%) в борьбе за сохранение и расширение своих прав и привилегий в период позднего средневековья и начального этапа эпохи Нового времени.

Автор в русле общепринятой концепции доказывает, что сословные права и привилегии шляхты приобретались в результате сложного и противоречивого процесса поэтапно. На первом этапе главной государственной повинностью бояр – шляхты было участие в военных походах и действиях. Принимая участие в постоянных войнах, а также в системе торговых отношений, шляхта получала возможность требовать для себя особых привилегий. Автор монографии утверждает, что таким образом постепенно у шляхты ВКЛ сложился определенный статус-кво: на втором этапе она реализовала на практике свою цель и заняла ведущую роль в управлении страной.

На основе вновь введенных в научный оборот архивных и опубликованных источников исследователь раскрывает процесс постепенной эволюции правового статуса панов – рады. Он указывает, что со временем этот совещательный орган превращается в высший государственный орган, который затем фактически и юридически стал ограничивать великокняжескую власть. Развитие общественных отношений, повышение роли шляхты в жизни государства приводят к изменениям в системе управления ВКЛ: с приходом к власти Казимира Ягеллончика рядом с Высшей (тайнай) радай стал функционировать новый государственный орган – вальный сейм. Это учреждение государственной власти ВКЛ, как справедливо указывает автор, развивалось уже с учетом «польского опыта». С течением времени преобладающее большинство на сеймовых сессиях стало принадлежать поветовой шляхте. Такое положение привело к ослаблению власти

великого князя, который оказался в подчиненной роли по отношению к шляхетской магнатерии.

Заслуживает внимания проведенный автором анализ развития торговых связей в сфере экономических отношений шляхты ВКЛ в период последней четверти XV – XVI ст. (третья глава – с. 131–158). Привлекая документальные источники, иллюстрирующие материальную заинтересованность шляхты, автор монографии убедительно показал как с развитием городов, ремесла и торговли белорусская шляхта, создавая конкуренцию купцам, стремилась выйти со своими товарами на внутренний и внешний рынки.

В сложившейся новой экономической обстановке военно-служилое сословие добивалось экономических льгот и привилегий на ведение свободной торговли. Используя свое господствующее положение на вальных сеймах, шляхта требовала у великого князя расширения собственных полномочий в сфере торговых отношений.

Автор обращает внимание на факт особой исторической важности для шляхетского сословия: она добилась признания за сеймом, в котором она доминировала, права контроля над правительством. С течением времени сейм ВКЛ становился учреждением, на котором все вопросы чаще всего решались сенаторами в пользу шляхты. Представители этого сословия систематически добивались от верховной власти отмены таможенных пошлин и свободных цен на продовольственные товары. Стремление шляхты ВКЛ к расширению своих социально-экономических полномочий через «либерум вето» привело к полному господству этого сословия над представителями других категорий населения страны.

В работе обстоятельно исследуется роль шляхты в формировании правовой системы государства и принятии статутов 1529, 1566 и 1588 гг.

Основным результатом исследования И.Ю. Уварова следует признать самостоятельно сформулированное и доказанное положение о том, что в истории развития ВКЛ на этапе XIV–XVI столетий важнейшей особенностью было стремление сословия шляхты занять ведущее положение в управлении страной посредством расширения компетенции вального сейма, которого она и добилась через реформы 60-х гг. XVI в., а также Статут 1529 г. и его обновленные редакции 1566 и 1588 гг. Данные документы представляли собой, как правильно отмечает автор, совокупность шляхетского права, с одной стороны, и обязательств великого князя в отношении шляхты, с другой стороны. Шляхта практически была независимой от власти, она подчинялась только тем законам, которые принимала сама. Логическим результатом такой свободы было самовольничание. Отсутствие сильной верховной власти и централизованной системы управления не могло не привести к предстоящим серьезным последствиям – политической, военной анархии и экономическому упадку страны (во время нахождения уже в составе Речи Посполитой).

Профессиональный подход автор монографии выявил при раскрытии мало изученных вопросов о развитии менталитета и сословной идеологии шляхты в эпоху Возрождения. В это время, как подчеркнуто в пятой главе (с. 198–220), под влиянием идей Ренессанса происходит ускоренный процесс формирования мировоззрения шляхты. В Краковском университете, культурно-православных центрах, открывшихся во владениях крупных феодалов, происходит расширение интеллектуального кругозора и уровня образованности шляхты.

Значимость работы исследователя И.Ю. Уварова в познании исторических процессов, протекающих в ВКЛ на этапе конца XIV – XVI столетия, несомненна. Необходимо признать, что автор внес значительный вклад в концептуальную разработку темы о сословных правах и привилегиях шляхты Великого княжества Литовского (конец XIV – XVI в.). Сформулированные в монографии цель и задачи исследования аспектов данной проблемы в основном нашли свое разрешение. Значимость рецензируемого издания связана, в первую очередь, с открытием и представлением читателю нового корпуса источников и литературы, то есть документальных возможностей для изучения проблемы.

Книга написана с учетом современного состояния исторического знания, автор в традициях классического академического исследования стремился сделать ее понятной для научной общественности и студенчества.

Отмеченные в рецензии положительные аспекты данной работы могли бы стать, на наш взгляд, с научной точки зрения более весомыми и полными при наличии в ней развернутого обоснования актуальности исследования для современной Беларуси. К сожалению, при анализе работ ученых предшествующих эпох автору не удалось показать необходимое в таком случае их достоинство, а также противоречия, несоответствия имеющимся современным взглядам. Исследователь темы не смог, чего требует научное издание, привести веские доказательства того, что тема в подобной постановке не получила своего всестороннего освещения в более ранних работах либо в них существует позиция, которую автор собирается оспорить.

Следует также добавить, что в раскрытии проблемы, там, где в наибольшей степени проявляется самостоятельность автора, необходимо сделать более продуманные и научно выверенные обобщения и выводы по разделам, по главам исследования и заключению в целом.

И.В. Мандрик

Правила для авторов

Сборник научных трудов «Ученые записки УО “ВГУ им. П.М. Машерова”» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета ***(nauka@vsu.by)*.**
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
    - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
    - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
    - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
    - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
    - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

Guidelines for authors

The List of scientific publications "Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»" is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.

2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; "Material and methods" section; "Findings and their discussion" section; conclusion; list of applied literature.*

3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.

4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.

5. "Material and methods" section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author's (authors') research.

6. "Findings and their discussion" section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.

7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.

8. The list of literature shouldn't include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author's certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.

9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.

11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).

12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail addressis ***nauka@vsu.by***).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
- *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
- *author's home address, telephone number, e-mail address;*
- *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
- *expert conclusion on the feasibility of the publication.*

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

*По просьбе бывшего члена редакционной коллегии сборника, доктора философских наук С.В. Голубева доводим до вашего сведения, что он не принимал участия в подготовке материалов к изданию сборника (Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова», том 23).

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 24

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева
Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 28.12.2017. Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,25. Уч.-изд. л. 22,91. Тираж 100 экз. Заказ 229.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.